

ЖАН ТАРАТУТА АЛЕКСАНДР ЗДАНОВИЧ

ТАИНСТВЕННЫЙ ШЕФ МАТА ХАРИ

СЕКРЕТНОЕ
ДОСЬЕ КГБ
№ 21152

Неизвестная война

TOTAL ESPIONAGE

ФАЛЬШИВКА

By CURT RIESS

ЦЕНА

40.95

(Воениздат, 1945 года)

Всего в настоящем деле подлинно
и промучено 537 листов
11.11.40 и 422 - промучено
Всего в настоящем деле подлинно
и промучено 194 г.

АННЫЕ СИЛЫ.
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ШПИОНАЖ
И БОРЬБА С НИМ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2119

Полковника В. Николая,

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО
КОМАНДОВАНИЯ (ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ).

С НЕМЕЦКОГО,
К. ЗВОНАРЕВА

- 5 -

Встречался я с ним всего лишь два раза, насколько помню пер-
вый раз в 1930 г. и затем во время этой войны. Я обращался
к нему с просьбой использовать мой опыт и мои знания, но
положительного ответа не получил.

ВОПРОС: Попытались ли Вас привлечь к сотрудничеству органы иностранных
разведок?

ОТВЕТ: Прямых предложений и не имел, но во время моего пребывания
в Турции наш посол НАКОЛЬНИК, который затем был послом Гер-
мании в СССР, мне говорил, что в японских руководящих кругах были
бы доволны видеть меня в качестве руководителя турецкой
разведывательной службы. Примерно в 1926 или 1927 г. я по-
лучил письмо из Гамбурга, подписанное якобы германским куп-
цом, в котором сообщалось о том, что военный атташе Японии
в Германии БАТАНАБЕ имеет о том, что японский разведывательный
ре после этого БАТАНАБЕ посетил меня в Берлине и сделал
предложение оказывать помощь японской разведывательной
службе своими советами. Я заявил, что для этого мне необхо-
димо некоторое время пожить в Японии с тем, чтобы ознако-
миться с особенностями данной страны. БАТАНАБЕ согласился со
мной о вторичной встрече и обещал дать ответ своего руковод-
ства, но эта встреча не состоялась.

Аналогичное предложение мне было сделано в 1925-26 г.г.
со стороны финляндки. Переговоры со мной велись исключительно
но в письменном виде от имени некоего капитана Генерального
штаба финской армии, но также ни к каким результатам не при-
вели.

Допрос прерывается.

Протокол прочитан мне на немецком языке и с моих
слов записан правильно.

ДПРОСИЛ: ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
Н. СЕРОВ

TOTAL

**ЖАН ТАРАТУТА
АЛЕКСАНДР ЗДАНОВИЧ**

ТАИНСТВЕННЫЙ
ШЕФ
МАТА ХАРИ

СЕКРЕТНОЕ
ДОСЬЕ КГБ
№ 21152

Неизвестная война

Москва 2000

Художник
Алексей Кузьмин

Таратута Ж.В., Зданович А.А.

Т 19 Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье
КГБ № 21152. — М.: Детектив-Пресс, 2000. — 352 с.,
4 л. ил. на вкл.

Вальтер Николаи, король шпионажа. Руководитель военной разведки Германии периода Первой мировой войны. «Самый хитрый шпион Европы» и самый таинственный человек Германии, чья тайная власть, как утверждали, была равна власти императора, окончил свои дни в одиночной камере Бутырки и похоронен в общей могиле на одном из московских кладбищ.

Секретное досье на этого человека хранилось в анналах госбезопасности. И только сегодня становится достоянием общественности.

ISBN 5-89935-014-8

УДК 929
ББК 63.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это досье обнаружили в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России случайно. То, что там увидели, изумило всех. Объемистое оперативное дело № Н-21152 содержало материалы необычного и, пожалуй, единственного в истории мирового шпионажа расследования, которое длилось почти два года и привело к неожиданным результатам.

Досье раскрывало тайну пребывания в руках советских органов безопасности начальника разведывательной службы генерального штаба германских вооруженных сил периода Первой мировой войны знаменитого полковника Вальтера Николаи, которого называли «самым хитрым шпионом Европы» и «самым таинственным человеком Германии», чья власть, как утверждали, равнялась «власти императора».

В досье были обнаружены машинописные страницы, перепечатанные из книги «Тотальный шпионаж», появившейся в ноябре 1941 года в США и в апреле 1945 года в России. Эта книга и стала центром интриги, в которую неожиданно оказались вовлечены советские контрразведчики. Именно из-за этой книги престарелый полковник Николаи 30 октября 1945 года был доставлен в Москву.

В повествование включены документы и материалы из «Досье № 21152» и досье «Оберст», заведенного на главу германского шпионажа советской внешней разведкой после Первой мировой войны, материалы его личного архива, обнаруженные в его доме в Нордхаузене, среди них воспоминания и записи об императоре Вильгельме II, фельдмаршале Гинденбурге, генералах Людендорфе, Фалькенгайне и Мольтке, а также Гитлере, Гиммлере, Гессе, ну и, конечно, о самых известных шпионках — Мата Хари и «фрейлейн доктор», других лицах и личностях, с которыми пересеклась судьба руководителя германской секретной службы. В кни-

ге использованы выдержки из последней работы полковника Николаи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт», предназначенной для «высоких, авторитетных и решающих лиц», которую он создал на спецобъекте Министерства государственной безопасности СССР в Подмоскowie летом 1946 года незадолго до смерти.

Мировую известность Вальтер Николаи получил благодаря своей книге «Тайные силы», вышедшей в 1923 году в Германии и переведенной на английский, французский, шведский, турецкий, болгарский и русский языки, а также многочисленным публикациям, появлявшимся о нем после войны 1914—1918 годов прежде всего в Англии, Германии, Франции и США. Несколько лет назад западные исследователи заявили о причастности бывшего руководителя германского шпионажа к деятельности советской военной разведки, на которую он, как следует из публикаций, особенно активно работал в 1937—1941 годах, будучи уже «резидентом» Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР. Эта сторона дела тоже затронута в повествовании.

Удивительная судьба полковника Николаи, о котором за восемь десятилетий, прошедших после Первой мировой войны, не было сказано почти ни единого правдивого слова, становится достоянием широкой общественности.

Однако история, связанная с пребыванием главы разведки Вильгельма II в руках советских спецслужб, не завершилась. Потомки Вальтера Николаи, которых первыми познакомили с расследованием, проведенным советской контрразведкой в 1945—1947 годах, пытаются предать гласности его результаты в Северной Америке, откуда все началось. Но, похоже, их не ждет скорая удача.

**«Я НЕ СТАЛ ПОСЛЕ ТОЙ ВОЙНЫ,
КАК МЕНЯ ОКРЕСТИЛА АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА,
ПРЕУСПЕВАЮЩИМ ШЕФОМ ШПИОНАЖА»**

Последние дни мировой войны, которая началась в августе 1914 года и закончилась в ноябре 1918 года, у начальников германской военной разведки полковника Вальтера Николан оставались в памяти как дни крушения, которого можно было избежать. По его мнению, войну проигрывало политическое руководство страны. Именно оно и начавшиеся революционные события «вонзили нож в спину» фронтовикам, которые, если бы этого не было, продолжали бы сражаться пусть не до победы, но до заключения почетного мира наверняка. Так во всяком случае считал, а впоследствии и писал полковник Николан, с первого до последнего дня возглавлявший разведывательную службу при ставке Верховного главного командования.

За свою жизнь с того момента, как он полюбил дочь своего командира полка девицу Марию Кольгоф, а это случилось еще в 1898 году, ставшую вскоре его женой, полковник Николан написал ей тысячи писем, сотни из которых послал ей с фронта. Все письма, аккуратно подшитые в отдельные тома, сохранились в его архиве, доставленном вместе с ним в Москву сотрудниками НКВД. Эти письма, а также дневниковые записи военных лет он положит в основу своих воспоминаний о Первой мировой войне, над которыми начал работать после того, как летом 1940 года немецкие войска вошли в Париж. Эта рукопись, где последняя точка поставлена весной 1944 года, так и не была опубликована: она оказалась в руках советской контрразведки вместе с другими бумагами знаменитого «короля» шпионажа. Следующее ниже письмо жене от 2 сентября 1918 года, включенное в рукопись, хорошо передает настроение начальника германской разведки в последние недели войны, когда ему еще казалось, что германская сила духа и германское оружие могут противостоять могущественной коалиции стран Антанты:

«Колоссальная битва продолжает бушевать с неослабевающим ожесточением и захватывает все находящееся в поле ее досягаемости. Совместные действия неприятеля и массовое применение им танков неизменно дают ему некоторые преимущества, но не надолго. Ты не можешь себе представить, насколько напряженной бывает работа в такое время, но я по-прежнему убежден, что нам помогут единство и решительность. Надеюсь, вам понравится воззвание, которое издал фельдмаршал в отношении вражеской пропаганды и нелепых слухов. Составил его я и полагаю, что оно окажет нам помощь. Воззвание должно появиться повсюду: в газетах, объявлениях, в листовках, чтобы достичь самых отдаленных уголков страны. Со всем присущим мне духом я обратился и к представителям прессы. Надеюсь, это тоже вызовет действие. Сейчас нам необходим мощный национальный подъем! Это значительно умножит наши силы, что просто необходимо. И еще я ощущаю нехватку сильного правительства в стране. Кто даст нашим господам энергию и способность к сопротивлению, как это бывает в тяжелых ситуациях во Франции и Англии? Все приходится делать армии и ее командованию. А нужно задействовать все! Будем надеяться, это придаст немецкому народу решимость и дух, в чем он сейчас так нуждается. Воля врага к сопротивлению не спадает, и я хочу излить перед тобой свою душу. Иногда это так необходимо, чтобы вновь стало легче на сердце».

Еще одно письмо из рукописи, датированное 18 октября:
«Не многовато ли всего на нас сейчас навалилось! Но я сжимаю в кулак все свое мужество и всю мою веру. Когда вчера и сегодня мне довелось совершить дальнюю поездку из Брюсселя в Антверпен, я смог остаться наедине со своими мыслями и реально взглянул на сложившуюся ситуацию. Ты ее тоже чувствуешь. Поэтому я прошу тебя не слишком предаваться этим мыслям и не позволять себе ослабнуть. Как бы все ни складывалось, будь уверена, моя дорогая жена, я всем сердцем с тобой и только жду мгновенья, когда смогу поблагодарить тебя за все твои заботы. Но даже сейчас, когда я мысленно перенесся домой, я не могу отвлечься от своих служебных дел. Иногда мне кажется, будто у меня отнимают всю мою душу. Ответ Вильсона под французским влиянием

невероятно нагл. Но мы отвечаем спокойно и по-деловому, сохраняя твердость и неизменную гордость. Ведь в конце концов должна же война когда-то закончиться, и, хотелось бы надеяться, прежде, чем все будет растерзано и произойдет полное истощение. Я даже не знаю, существуют ли еще в Англии и во Франции голоса здравого смысла, чтобы говорить о какой-то победе. Я посчитаю роковым обстоятельством, если переговоры прервутся, тогда невозможно предвидеть, когда и как их снова можно будет возобновить. Без тяжелейших потрясений всех сторон невозможно предвидеть конца. Правда, я верю, что мы в скором времени добьемся подъема наших национальных сил, в то время как у неприятеля уже достигнута наивысшая точка напряжения и остается только его расслабление. Что-то мы должны уступить, это неизбежно. Франция уже сама по себе много потеряла, Англия по сравнению с Америкой тоже потеряла. Никого нет в этой войне, кто бы не потерял, все потеряли. Единственный, кто выиграл в любом случае, это только Америка и Япония. Когда я недавно проезжал по Бельгии, то видел между Люттихом и Брюсселем картины нужды беженцев, которые мне известны еще по 1914 году в России. Что по сравнению с такой нуждой судьба немецкого народа! И все же бельгийцы переносят все страдания с отчаянным мужеством. Во всяком случае нигде не слышно голосов жалоб, хотя все понимают бессмысленность и бесполезность происходящего. А те, кто виноват, а это Клемансо и Ллойд Джордж, находят послушание и повиновение.

А теперь спокойной ночи! Мои мысли остаются рядом с тобой. Мне так хочется оградить тебя от забот, горя и опасности. Но я вынужден сохранять мужество в одиночестве с твердой верой в тебя и нашего Бога, который, надеюсь, нас охранит».

Не трудно заметить, что ни о каком поражении в войне глава немецкого разведывательного ведомства и не помышляет, хотя и сознает, что положение Германии весьма сложное. Настроение его резко изменится, когда в германском военном руководстве произойдут серьезные изменения.

Так случилось, что в последних числах октября начальника немецкой разведки свалила простуда и он на несколько дней отошел от дел. И все же ему пришлось принять швед-

ского военного атташе полковника Адлеркройца. Взволнованный Адлеркройц прямо с порога заявил, что обязан сообщить нечто чрезвычайно важное главе германской разведки как солдат солдату. В дневнике Николаи осталась запись от 26 октября 1918 года: «Он просит, чтобы мы не складывали оружия. Он это обосновывает сообщениями своих друзей из Парижа и Лондона. Я не спрашиваю о подробностях, но из его пояснений понимаю, что в обеих столицах и в обоих правительствах те же внутренние трудности относительно продолжения войны, что и у нас, и что боевой дух врага намного в более критическом состоянии ввиду угрожающей опасности большевизма, а Германия в этом отношении более тверда. Я благодарю его за этот поступок и объясняю, что уже, к сожалению, слишком поздно...»

«Слишком поздно» означает, что снят со своего поста «железный» генерал Людендорф, первый генерал-квартирмейстер, а фактически начальник генерального штаба германской армии. На его место поставлен невзрачный генерал Грёнер, начальник железных дорог, владевший тыловыми связями в армии и поэтому лучше всего подходивший для обеспечения отступления войск. Запись, сделанная начальником германской разведки в дневнике, такова: «И, как следствие этого назначения, я вижу полный переворот в оценке войны: то есть никакой больше стратегии и никакой войны, а только искусство отвода армии на родину и устранение боевого духа, что соответствует господствующему настрою в парламенте».

Развязка между тем приближалась. Война отсчитывала последние дни и часы.

9 ноября 1918 года в Германии началась революция.

Вальтер Николаи возвращался в Берлин. Поезд остановился во Франкфурте-на-Одере. Вокзал и город кишели тысячами солдат с Восточного фронта. Настроение, как отметил в своих записях Николаи, бунтовское и мятежное, поскольку ничего не подготовлено для питания и размещения. Спальный вагон, в котором следовал начальник немецкой разведывательной службы, присоединили к скорому поезду продовольственного снабжения: только такие поезда пропускали к Берлину. Вместе с Николаи находились его ординарец-офицер и фельдъегерь. Завидев спальный вагон, солда-

ты принялись штурмовать его. Запись в дневнике: «Я открываю дверь своего служебного вагона и выхожу им навстречу. Солдаты требуют взять их с собой. Я спрашиваю, есть ли среди них раненые. Находятся около десяти человек, которых я впускаю в вагон. Остальные ворча, но послушно отступают назад. После того как поезд отправился, я разговариваю с теми, кого взял. Во Франкфурте за целые сутки они не получили даже глотка кофе. Я велю дать им все, что у нас есть съестного. С многократными остановками поезд наконец прибывает на товарный вокзал. Какой-то беспутный парень пробегает мимо с листком в руке и ревет мне буквально в ухо: «Вильгельм переехал!» Я беру у него листок и читаю специальный выпуск с сообщением, что кайзер¹ переехал в Голландию.

Мои солдаты вызываются отнести наш багаж до главного вокзала. Я вижу бесконечные колонны рабочих, одетых в выходные костюмы, с красными знаменами, а рядом, с той и другой стороны, проносятся грузовики с вооруженными орущими парнями, в руках у которых тоже развеваются красные флаги. Я воспринимаю это как революцию. На железнодорожном вокзале вокруг нас образуется толпа народа, я слышу высказывания, которые мне не слишком понятны: мол, носит кокарды, погоны, эполеты и оружие. Особенно раздражающе действует на окруживших нас кинжал кирасира у моего ординарца. Мы остаемся спокойны, целеустремленны и достигаем нетронутыми моей квартиры в Вильмерсдорфе».

Вечером начальник германской разведки отправился на улицу Унтер-ден-Линден. Внешне все казалось спокойным, но город безлюден. Особенно жуткое впечатление производила пустота у Бранденбургских ворот и на прилегающих улицах. Какой-то вооруженный парень, несший полицейскую службу, предложил Вальтеру Николаи отправиться домой. Вдоль Унтер-ден-Линден и окрест слышался пулеметный огонь, гремели взрывы, но не было видно убитых и раненых. Николаи оставил об увиденном в этот вечер в Берлине ироническую заметку: «У меня создается впечатление, что пулеметы установлены на крышах и просто стреляют раз-

¹ Германский император кайзер Вильгельм II.

рывными пулями в небо, а гремящие где-то взрывы предназначены для того, чтобы бюргер залез под кровать».

Выйдя на вечернюю прогулку на Унтер-ден-Линден и посмеиваясь над «бюргерами, залезшими под кровать», начальник разведывательной службы германского генерального штаба не мог и предположить, что как начальник разведки он доживает последние часы и что его блестящей карьере пришел конец. Его отстранят от должности 12 ноября 1918 года, на следующий день после подписания перемирия между Германией и ее противниками. Тот, кто накануне и в ходе Первой мировой войны создал лучшую разведку мира, кому немецкая армия во многом была обязана своими успехами на поле брани, оказался не у дел. Во время войны Николаи много раз просился на фронт, но всегда получал отказ, ибо ему не могли найти замены. И вот незаменимый, без преувеличения, начальник отдела III Б, в руках которого были сосредоточены все нити управления разведкой, контрразведкой, прессой и некоторыми другими сферами, был убран сразу после того, как прогремел последний выстрел.

Этому не поверили в НКВД. На допросе в Берлине 16 октября 1945 года его попросили уточнить:

— Назовите дату вашего ухода в отставку?

— В отставку я ушел в ноябре 1918 года.

В следующем вопросе прозвучало полное непонимание:

— Вы, видимо, путаете, поэтому расскажите, в чем заключалась ваша разведывательная деятельность с 1918 по 1933 год?

Вальтер Николаи разочаровывает сотрудников НКВД:

— Уйдя в 1918 году в отставку, я никакой разведывательной работы не вел.

Снова удивление:

— Сомнительно, что вы, являясь до 1918 года начальником разведывательной службы генерального штаба германской армии, прекратили свою разведывательную деятельность после Первой мировой войны.

Как ни печально это для самого Николаи, но он вынужден констатировать:

— Я понимаю, имеются основания не верить тому, что после 1918 года я прекратил свою разведывательную работу, однако, несмотря на это, еще раз заявляю, в действительности было так, как я показываю.

Впоследствии в НКВД убедятся, что семидесятидвухлетний отставной полковник говорил правду. Но это будет не сразу, а после окончания Второй мировой войны, когда Николаи арестуют сотрудники советских органов безопасности. А тогда на бывшего руководителя германского разведывательного ведомства обрушился шквал обвинений и упреков, в основном со стороны правительственных органов и социал-демократической прессы. Его объявили одним из виновников поражения Германии. Германская разведка якобы не смогла выявить истинные резервы врага и состояние морально-боевого духа его войск. Мало того, Николаи попал в списки военных преступников и в любой момент мог быть выдан врагу. Верховное командование даже посоветовало ему бежать за границу, лучше в Швейцарию. Вальтер Николаи заявил, что останется в Германии. Тогда ему посоветовали уехать из Берлина.

Он избрал местом своего уединения Айзенах, небольшой городок, затерявшийся в горных лесных массивах Тюрингии. Вместе с женой, тремя дочерьми и матерью он на несколько лет осел в этих краях.

Лишь красота и спокойствие окружающей природы скрашивали горькие раздумья бывшего начальника германской разведки. Уверенный ранее в своей безупречности, Вальтер Николаи вдруг почувствовал себя почти действительным виновником бед немецкой армии. Ведь в своих докладах Верховному командованию он опирался на сообщения подчиненных ему офицеров, они могли, сами не ведая того, попасть на удочку врага и поставлять вместо достоверной информации липовую. Это сомнение вылилось у полковника Николаи в такое признание: «Я почти начал верить, что я виновен, и это состояние было известно моим товарищам из Верховного командования. И только по мере того, как спадала вуаль с глаз и удалось точно установить мощь врага, ко мне пришло успокоение, ибо, как оказалось, мои сообщения были даже на голову выше и враг не имел больше ни одного человека в резерве, как мы и полагали. Это вернуло мне волю к борьбе, но ясность пришла в январе 1919 года. Тогда я отважился поднять голову и почувствовал себя снова достойным человеком, способным выступить против пораженческого настроения. Теперь я мог ответить на вопрос,

который мне часто ставили, куда я спрятался сразу после войны».

И таким ответом стала его книга «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне». Книга появилась в издательстве «Е.С.Миттлер и сын» в Берлине в марте 1920 года. Однако она не получила резонанса, на который рассчитывал Николай. Ее появление совпало с попыткой государственного переворота в Германии в марте 1920 года, что привело к ограничению тиража книги, в чем-то перекликавшейся с монархическими воззваниями путчистов. В других странах она прошла вообще незамеченной. И лишь в России под названием «Германская разведка и контрразведка в мировой войне» ее перевели на русский язык, правда, с сокращениями. В предисловии к русскому изданию говорилось:

«Автор, махровый германский монархист, один из ближайших помощников Гинденбурга и Людендорфа, стремится доказать, что германская разведка и контрразведка выполнили все возложенные на них задачи, поскольку это было в их силах, и обвиняет во всех бедствиях гражданскую власть, а главным образом, конечно, революционное движение, которое, по его мнению, разделяемому всей германской военной кастой, нанесло армии удар «ножом в спину» и этим предало страну, отдав ее в руки Антанты.

Тем не менее эта книга представляет большой интерес. Она рисует в основных чертах систему организации и постановку работы германской разведки и контрразведки.

Подобно тому как Германия в мировой войне вынуждена была противопоставлять качество своей разведки и контрразведки количественному перевесу Антанты, так и мы должны направить свои усилия в этом направлении. Поэтому история германской борьбы с антантовской разведкой для нас чрезвычайно поучительна и важна, во всяком случае среди весьма скудной литературы по истории этих вопросов в мировой войне книга Николаи является одной из самых интересных».

Даже будучи в советском плену, Вальтер Николаи так и не узнал, что его книга была переведена на русский язык и большевистские спецслужбы почерпнули из нее необходимые сведения. На допросах фигурировала его другая книга, «Тайные силы», которую он опубликовал в 1923 году. Переведенная

на английский, французский, шведский, турецкий, болгарский и другие языки, эта книга принесла автору мировую известность. Именно в ней он заявил, что германская разведка обрела в России «ценные связи», и выдачи этих «связей» наряду с признанием его работы в нацистских спецорганах добивалась много месяцев советская контрразведка.

Если в Германии никого больше не интересовал разведывательный опыт Николаи, то в других странах, напротив, к его личности проявлялся интерес. В Айзенахе бывшего главу разведки посетил один швейцарец, который предложил ему возглавить службу разведки малых нейтральных государств, независимых от Антанты. Это был нереальный проект, и Вальтер Николаи отклонил его.

Другие предложения были более привлекательными:

«Япония, Турция, Финляндия также пытались заполучить меня в свои разведывательные службы, а Литва даже предложила должность начальника генерального штаба... Замечу, что эти попытки, хотя они и свидетельствовали о признании моих заслуг в войне, действовали на меня угнетающе при моей изоляции и нападках на мои военные достижения на родине. Само собой разумеется, эти попытки, которые можно было расценить как крупную распродажу моего опыта, я отклонил».

И все же в эти годы полковник Николаи повидал свет.

В 1923 году немецкий военный атташе в Норвегии пригласил его посетить страну и выступить перед офицерами норвежской армии. В Осло бывший начальник германской военной разведки сделал два доклада об уроках мировой войны и об участии в этой войне Германии.

В НКВД, безусловно, этим заинтересовались:

— Почему вы как руководитель разведорганов Германии читали доклады по военным вопросам, когда это с успехом могли выполнить офицеры, участвовавшие непосредственно в военных операциях?

Пояснение Николаи:

— Я как руководитель разведслужбы был знаком со всеми планами германского главного командования и потому мне никаких трудностей в постановке докладов об уроках мировой войны не представлялось. Когда я был в Норвегии, мне после доклада был задан вопрос: почему я ничего не ска-

зал о разведке? На этот вопрос я не ответил. Тогда офицеры заметили мне, что могут назвать руководителей немецкой разведки на территории Норвегии и где они находились. На это я возразил, что, возможно, они и знают пункты, где пребывали немецкие офицеры разведки, но Германия никогда не работала против Норвегии.

Подобный интерес проявили советские контрразведчики и к поездкам Николаи в Турцию:

— Расскажите о цели ваших поездок в Турцию?

— В 1925 году при содействии германского посла в Турции я был представлен начальнику генерального штаба в присутствии других офицеров турецкой армии. На встрече с турецкими военными кругами меня попросили рассказать в общих чертах о военных операциях, проведенных Германией и ее союзниками в Первую мировую войну. Аудитория моим докладом осталась довольна, и меня попросили сделать еще один доклад для офицеров турецкой армии, и я эту просьбу удовлетворил. В этом же году через германского посла Надольного я был вновь приглашен в Турцию. Выехав в страну, я, однако, сразу не мог попасть в Анкару, так как там находилась английская военная миссия и мне предложили ожидать ее отъезда. Ожидал я во дворце султана на берегу Мраморного моря в течение шести недель. После отъезда англичан я прибыл в Анкару, где сделал доклад для крупных правительственных чиновников, офицеров генерального штаба и руководящего состава армии. Темой моего доклада были уроки мировой войны. Во время пребывания в Анкаре меня посетил руководитель турецкой разведки и контрразведки Зайфибей, если я правильно запомнил имя, который просил дать ему совет в организации разведывательной службы. Турки боялись англичан и французов, поэтому намеревались ограничить проезд через страну иностранцев, установить контроль в портах. Я дал практические советы в организации разведки и контрразведки.

Последовал вопрос:

— Стало быть, после вашей отставки вы продолжали разведывательную деятельность в качестве консультанта в странах, с которыми Германия поддерживала нормальные взаимоотношения. В связи с этим вы и выезжали в ряд стран?

Пояснение Николаи:

— По существу, мои поездки сводились к докладам об уроках мировой войны.

Его пробовали заманить и представители советского посольства в Берлине. В собственноручных показаниях, которые дал в НКВД арестованный в сентябре 1945 года Николай, он так описал этот момент:

«Директор Заксенберг с заводов Юнкерса, работавший в России, сообщил мне о желании русского посольства в Берлине познакомиться со мной. Меня незаметно привезут в закрытой машине к зданию посольства на улице Унтер-ден-Линден. Я ответил на это, что если я пожелаю приехать, то приеду в открытой машине. Но так как я не хочу ввязываться в политику, я ехать туда не намерен».

Проявили интерес к бывшему начальнику немецкой разведывательной службы и американцы. Генеральный консул в Сан-Франциско Хейтинг сообщил Николаю, что дружески настроенные к немцам североамериканские издатели и политики приглашают его пожить в Канаде несколько месяцев и прочитать им ряд докладов, за что обещали гонорар в 20 000 долларов. Однако и с американцами Вальтер Николай решил не связываться. Он засвидетельствовал это в 1935 году в письме одному высокому нацистскому чину и в показаниях в НКВД:

«Хейтинг очень сожалел, что я от этого предложения отказался. Но он был рад тому, что США смогли увидеть, что в Германии не все можно купить за деньги».

В своей же стране Николай и дальше подвергался нападениям совершенно по разным поводам. В этом отношении показательна публикация в газете «Вельтбюне» от 30 ноября 1926 года под заголовком «Гесслер и Николай». Вот некоторые выдержки из нее:

«Имя и прошлое полковника в отставке Николай известно. Будучи во время войны начальником отдела III Б генерального штаба действующей армии, он обладал всей полнотой власти в части шпионажа и контршпионажа. Полковник всегда умел собрать в единый кулак своих офицеров, причем все делалось в широких масштабах. В его службе господствовал совершенно особый дух».

«В январе 1917 года он распорядился с подачи социал-демократов Парвуса и Янсона перевезти Ленина и его дру-

зей в закрытом вагоне в Швецию, откуда они смогли пересечь русскую границу. Этот снежный ком Николай превратился в лавину, которая разрушила кайзеровский рейх... Конечно, Ленин его несколько разочаровал. Маленький полковник придумал для крупного революционера роль Наполеона по милости короля Пруссии, и тот ему в течение жизни не мог простить то, что Ленин сотворил не николаи-прусскую, а ленинско-русскую историю».

«Николай приложил также руку к предприятию Каппа... Отделение III Б вновь выдвигается на фронт, быстро занимая все важные посты во внешних службах действующей армии. Эти посты оказываются в руках людей из разведки, растут шпионские центры, которые имеют гражданский, полугражданский и военный вид. Повсюду люди из отделения III Б. Страну обволокла сеть разведки. Везде растянул свою паутину Николай. А господин Гесслер и его министерство обороны рейха ничего не знают, как уверяет любящий правду Гесслер жаждущему правды рейхстагу».

«Полковник Николай появляется в Москве. Старая это или новая связь? Но она уже дает плоды, и результатом этого является дитя вполне сложившейся формы: это прежде всего царские офицеры, вернувшиеся спустя несколько лет по амнистии Советов из эмиграции, и вот эти его эмиссары вновь появляются на своей красной родине. В духовном багаже они везут бациллы особой силы. Николай, который хвалится, что он открыл большевизму статью экспорта, теперь экспортирует антисемитизм в жирующую питательную среду. Его семена, рассеянные в Красной армии, возрастут. Он лихорадочно стремится найти возможность вырвать Красную армию из рук московских властителей, так как она ему нужна для его дальнейших планов».

В последнем заявлении вообще нет ни зерна истины, хотя и в остальном публикация «Гесслер и Николай» недостоверна, даже в том, что касается отправки Ленина из Швейцарии в Россию. Позже, в 1935 году, в письме начальнику штаба штурмовых отрядов Лутце, с которым Вальтер Николай познакомился лично, он напишет:

«Моя поездка по странам Малой Азии привела к травле в прессе со стороны социал-демократии. Якобы я представил восточным державам план большевистского похода в

Германию. Еще ранее я был подвергнут нападкам, которые инициировали круги вокруг Арнольда Рехберга и Марауна, подозревавшие меня в пробольшевистских настроениях. Это началось в военное время. Вместе с Людендорфом я как шеф службы разведки направил оружие именно против большевизма. Будучи начальником разведывательной службы, и это я своевременно распознал при завершении войны, я высказался следующим образом, а именно что «Ленин мог бы (не должен был бы) стать Наполеоном этой эпохи». Из такой оценки родился и национал-социализм. Я по-прежнему придерживаюсь своих взглядов и вижу в них спасение Германии от большевизма тогда вследствие проигрыша войны, а теперь, при национал-социализме во главе с фюрером, против опасности экономического переворота, порожденного мировой войной. Мое высказывание о «красном Наполеоне», таким образом, несправедливо обращается против меня. Ведь и советское посольство в Берлине безуспешно пыталось искать знакомства со мной».

Невероятно, но полиция дважды в 1926 году делала обыски в квартире Николаи, однако бывший глава германской разведки, естественно, оказался непричастен ни к каким делам, в которых его необоснованно подозревали. Устав от нападков, в середине 1927 года Вальтер Николаи приобрел имение возле Ганновера, решив заняться сельским хозяйством. Намереваясь повернуть свою жизнь в иное русло, он, как это уже было в Айзенахе, уединился от всех и вся. Заимев 150 моргенов земли, а это 40 с лишним гектаров, бывший глава разведывательной службы германского генерального штаба целыми днями бродил по полям, не зная, с какой стороны к ним подступиться. Крестьянского труда полковник не знал, однако надеялся, что сельская жизнь отвлечет его от тех вопросов, которые его занимали. Вместо этого, как признавал он сам, получилось «раздвоение души». В нем жила потребность «великих дел», таких, где можно было бы применить его жизненный и профессиональный опыт. И хотя ему было уже 55 лет, в нем бурлили юношеские силы. Как земледелец бывший начальник разведки кайзера не состоялся. «Никакая физическая работа, — оставил он запись о том времени, — не может заменить работу умственную». Уже на следующий год имение было продано, и он с женой, мате-

рю и двумя дочерьми перебрался в город Нордхаузен, где проживала его третья, старшая дочь, с детьми и мужем. В тот Нордхаузен, куда спустя почти два десятилетия придет за ним советская контрразведка.

Весной 1928 года Николай получил предложение от известного историка Карла Дилля во Фрайбурге поработать в «Обществе разрешения чрезвычайной ситуации в немецкой науке». Он сразу согласился, написав Диллю:

«Меня называют «полковником», но, не считая нескольких лет фронтовой службы, я большей частью занимался не военными делами. Такого рода деятельность связывала меня со многими выдающимися личностями в политике и науке как внутри страны, так и за рубежом. Поэтому я полагаю, что справлюсь с задачей, которую вы мне предложили. Особенно меня привлекло то, что вы намерены учредить должность референта с целью исследования проблем военного руководства в тесной связи с экономикой, политикой и наукой. Именно благодаря моей должности во время войны я усвоил, что прошла эпоха, когда войну рассматривали только как военный процесс, что и стало в большой мере причиной нашего поражения. Как начальник службы разведки я познакомился с военным управлением наших врагов и знаю, что понимание сути современной войны пришло к ним уже в ходе этой войны. У нас же по-прежнему видят лишь военный аспект этой проблемы. Наука, которая обосновывает основные элементы войны в настоящее время, а еще больше в будущем, окажет неоценимую услугу как политике, так и нации. Поэтому, если бы мне было доверено это задание, я отдал бы его выполнению не только все мои знания и способности, но и все мои самые сильные внутренние чувства».

Однако появившийся было луч солнца в хмуре неба исчез. Что-то не позволило Вальтеру Николаи включиться в работу «Общество разрешения чрезвычайной ситуации в немецкой науке». Жалуясь Диллю на свою судьбу, бывший глава немецкой разведки подчеркивал, что такой именно исход мировой войны стал для него «ударом, проклятьем, ничегонеделаньем». И это продолжалось долгие годы. Даже когда к власти в 1933 году пришел Гитлер, что вселило в Николаи радужные надежды, он по-прежнему оставался невостребованным.

Сохранилось письмо от 3 мая 1934 года, с которым он обратился к президенту Имперского суда доктору Бумке (во время войны тот был его подчиненным, служил в контрразведке в Берлине):

«Многоуважаемый господин доктор Бумке!

Из газет узнаю, что создан народный суд для вынесения приговоров о государственной измене и что в этом суде, наряду с судьями с юридическим образованием, будут работать и другие члены, которые обладают опытом в области защиты государства от враждебных выпадов, и что назначение судей производится рейхсканцлером по предложению министра юстиции.

Если дело обстоит именно так, то мне думается, что я особенно обладаю нужным опытом. В этой связи считаю своим долгом обратиться к вам, чтобы вы могли оценить мои возможности для использования меня в государственных интересах.

Если вы разделяете мою точку зрения, то я прошу вас передать все это на рассмотрение господину министру юстиции.

Ваш Николай».

Ответ Бумке последовал 4 мая:

«Многоуважаемый господин полковник!

Благодарю вас за ваше дружеское письмо. Я позволю себе передать господину министру доктору Гюртнеру ваше желание и надеюсь переговорить с господином министром по этому поводу. Буду рад, если окажется возможным удовлетворить это ваше желание.

В искренней приверженности всегда ваш

Бумке».

Однако и в Имперском суде не нашлось места Вальтеру Николай, что, как покажет дальнейшее, будет к лучшему, когда он попадет в руки советской контрразведки.

В 1934 году умерла жена Николай, и он, сильно страдая, решает покинуть свой дом в Нордхаузене. И тут, семнадцать лет спустя после окончания Первой мировой войны, бывшему главе разведки кайзеровской армии улыбнулась удача. О нем вспомнил нацистский историк Вальтер Франк, возглавивший в 1935 году Государственный институт истории новой Германии. Он-то и пригласил на работу хоро-

шо ему знакомого полковника Николаи, о чем подробно будет сказано дальше.

Здесь же стоит привести письмо Николаи, которое он послал Франку в Берлин 30 сентября 1935 года, свидетельствующее о том положении, в каком оказался отвергнутый всеми «король» шпионажа. Если бы сотрудники НКВД обнаружили это письмо, то он был бы избавлен от многих вопросов. Но, судя по всему, письмо затерялось среди тысяч других, и только теперь, спустя десятилетия, до нас донесся крик души крупнейшего разведчика XX столетия, оказавшегося после Первой мировой войны в униженном, почти нищенском положении.

«Дорогой господин доктор Франк!

Для меня переезд в Берлин означает новый путь, который, я надеюсь, выведет меня из тяжкого, даже бедственного материального состояния. Мое согласие вызвано также и тем, что после смерти моей жены дом в Нордхаузене стал оказывать на меня гнетущее впечатление, и я при полном физическом здоровье могу воспрять, как утверждают врачи, только через работу, которую в Нордхаузене я найти не могу. К этому добавляется то, что из-за смерти жены изменились и мои экономические условия. И хотя мои дети отказались в пользу меня во всех положенных им правах, очень тяжело принимать эту жертву от детей, потому что это нечто совершенно иное по сравнению с тем, что охотно принимаешь от жены. В то время как другие начальники отделов Ставки Верховного главнокомандования смогли продолжить карьеру, я был уволен, как сказал тогдашний министр, из-за того, что находился на передовом посту борьбы против системы 1918 года. Ни в экономических, ни в государственных структурах никто не отважился предложить мне работу. Таким образом, я вынужден обходиться положенными мне в качестве пенсии 430 рейхсмарками, поддерживая одновременно мою 85-летнюю, давно ослепшую мать, которая не может сопровождать меня в Берлин и вынуждена оставаться в Нордхаузене.

Я знаю, что могу доверить это только вам. Нет ничего тяжелее, чем после жизни, наполненной идеалами и работой, быть вынужденным склониться перед нуждой. Вы первый, кому я высказываюсь по этому поводу. И еще хочу добавить,

что с момента взятия власти те служебные инстанции, которые приняли на себя мои задачи в войне, подступают ко мне с тем, чтобы использовать мой опыт в своих целях, но для меня лично ничего не меняется. В конце концов так продолжаться не может. Я охвачен горячим желанием помочь фюреру после его прихода к власти, но до сегодняшнего дня это были тщетные попытки. Все только обещают, но никто ничего не делает. И всегда меня уверяют, что это происходит не из-за личных отношений, а по деловым мотивам».

Полковник Николаи приступил к работе в Государственном институте истории новой Германии в апреле 1936 года, когда дело шло ко Второй мировой войне.

В сентябре 1938 года Вальтер Николаи участвует в пропагандистской акции в Лусгартене, где выступал министр пропаганды Геббельс. Его речь, в которой, по мнению бывшего шефа разведки, «отсутствовало осознание бремени и жертвенности грядущей войны», произвела на него столь угнетающее впечатление, что он даже слег в постель. Вот как он об этом написал: «Ввиду моего внутреннего возбуждения я тяжело болеваю на следующую ночь желчным пузырем. Эта болезнь, вызванная лишь внешним поводом, проходит, но общая моя болезнь затягивается, захватывает и другие органы и в конце концов заканчивается аппендицитом. Но операцию делать нельзя, и это ставит меня на край смерти. Все-таки все разрешается само собой. В эти пять недель полной замкнутости от внешнего мира, а также духовного одиночества, окруженный лишь уходом необразованной, но верной экономки, поскольку мои дочери заняты собственными делами и не могут мне помочь, я испытываю как бы возрождение моей воли, моей готовности в случае войны к последнему моему применению».

Накануне нападения на Польшу о полковнике Николаи вспомнили в генеральном штабе вермахта, и так как в годы Первой мировой войны он, помимо разведки и контрразведки, занимался еще пропагандой и контрпропагандой, то его пригласили выступить перед офицерами генштаба с докладом «Полководец и пропаганда». 28 марта 1939 года король шпионажа предстал перед многочисленной аудиторией. Ему отвели один час. Своим выступлением полковник остался недоволен: «При этом доклад вызывает бурные аплодисмен-

ты, которые на меня, однако, не производят впечатления, поскольку среди слушателей я не вижу экспертов. В числе рукоплещущих и президент Государственного института истории новой Германии доктор Вальтер Франк. Присутствующие начальники отделений Верховного командования и офицеры высокого ранга уверяют меня, что мои высказывания представляют чрезвычайный интерес для них, но начальник отдела пропаганды признает, что они дали только понятие значимости и сути военного руководства в целом и моей сферы деятельности в частности. Тем бесполезней представляется мне доклад, который я сделал. Мне хотелось бы участвовать в публичной дискуссии о пропаганде. Даже ответственный за это дело компетентный офицер вермахта подполковник Ведель не присутствовал на этом докладе».

Свою запись Николай заключил так: «Кому теперь нужны мои мнения и взгляды, если они не обещают никакой пользы».

И все же бывший начальник разведывательной службы, несмотря на то что ему шел уже шестьдесят седьмой год, вновь собрался послужить фатерлянду в качестве боевого офицера, как только узнал о начале войны с Польшей. 1 сентября 1939 года он направил руководителю абвера адмиралу Канарису письмо:

«Многоуважаемый господин адмирал!

Согласно моему желанию прошу Вас передать то, что я пишу Вам, в соответствующие инстанции. Когда я ссылаюсь на опыт моей работы в Ставке Верховного главнокомандования в течение всей мировой войны, связанной со службой разведки, контрразведки, прессой и духом народа, то я хочу только подчеркнуть, что и сейчас, как и тогда, моим главным побуждением является использование меня непосредственно в армии. Само собой разумеется, я отодвигаю на задний план все остальное, как повышение звания и другие мотивы, что имеет подчиненный характер, определяющим же является одно желание (это слово Вальтер Николай подчеркнул) уже сейчас отдать мою жизнь за фюрера и народ там, где это представится возможным.

Надеюсь, Вы поймете меня правильно и как преемник моего ведомства в начавшейся войне не откажете мне в помощи.

Прошу Вас передать мое письмо и генерал-полковнику Кейтелю или сообщить о его содержании».

На следующий день Николаи направил письмо и президенту Государственного института истории новой Германии доктору Франку. В нем, в частности, говорилось:

«Я сообщил адмиралу Канарису о том, чтобы, как и во время мировой войны, меня использовали на фронте. Надеюсь, дорогой доктор Франк, вы поймете это мое солдатское желание. Оно превышает всего...»

Николаи не сомневался, что окажется в гуще военных событий. Однако надеждам его не суждено было осуществиться. В дневниковых записях есть такое признание:

«Начало войны с Польшей побудило меня испросить моего военного применения. Эту просьбу я направил моему преемнику в службе разведки адмиралу Канарису, надеясь найти с его стороны понимание ценности моего опыта, а с другой стороны, просто товарищескую поддержку. Однако единственное, что удастся, это переговоры с Канарисом, в ходе которых я слышу немало лестного о моих достижениях в мировой войне, но объективно это не вызывает истинного интереса и не дает никаких результатов. То, что Канарис отвергает мою помощь, понятно, это свидетельствует о его самоуверенности. Так как на него возложена лишь часть моих тогдашних обязанностей, а именно разведка и контрразведка, то он не может в полной мере оценить все, а понимает только то, что относится непосредственно к его работе. Я получаю лишь слабую надежду, что он постарается что-нибудь для меня сделать. У меня возникает твердое ощущение, что в военных кругах сторонятся меня, а это означает, что их следует оставить в покое. И я понимаю Канариса, он будет очень доволен, если самостоятельно утвердился в своей сфере деятельности».

И все же попытки вступить в вермахт продолжались.

14-июня 1940 года, за неделю до капитуляции Франции, Николаи отправляет очередное письмо своему преемнику:

«Это желание я уже Вам высказывал в начале войны. Это желание усилено нынешним ходом событий, а также тем, что я вынужденно нахожусь в стороне».

Запись в дневнике:

«Я прошу Канариса о личной встрече, но получаю лишь отписку от нижестоящего по должности майора, ввиду чего все дело уходит в песок».

«Нижестоящий» по должности майор, адъютант Канариса, сообщал:

«Невозможно всем бывшим офицерам предоставить активно действовать в вермахте, так как даже в мирных условиях им потребовалось бы значительное время, чтобы «вработаться» в их прежние сферы деятельности и методы ведения современной войны.

Николаи выразил готовность участвовать в войне в любом качестве:

«Я прошу о своем применении в вермахте даже не в прежней области, понимая, что мои сведения и мой опыт, возможно, устарели».

Только в 1942 году полковник Николаи получил официальный отказ из управления кадров вермахта:

«Военное использование невозможно».

В это время Николаи пытается переиздать книгу «Тайные силы»: ему казалось, что это как раз кстати. Однако и тут его ждала неудача. Издатель попросил получить разрешение «компетентных инстанций». Пришлось обращаться к Канарису. Сначала адмирал предложил Николаи воздержаться от этого намерения, не объяснив причины, но затем в письме от 28 февраля 1940 года согласился с переизданием: «Моя прежняя просьба к вам не выпускать новое издание книги «Тайные силы» объясняется необходимостью обеспечения в рамках контрразведывательной деятельности мероприятий, цель которых удаление раз и навсегда из обращения литературы, посвященной шпионажу и секретным службам. Как вам уже известно, в ходе этих мероприятий соответствующими компетентными органами рейха изъяты все книги о шпионской деятельности и все фильмы о шпионаже и больше их не будет в обращении.

В результате этих всеохватывающих мер неизбежно пострадала и серьезная литература. Теперь, после искоренения всех нежелательных публикаций из области шпионской деятельности, больше не существует прямого повода против нового издания вашей книги».

Канарис только просил изменить заглавие «Тайные силы» на более, как он считал, «безобидное» и более «точное», например «Шпионаж во время мировой войны 1914 — 1918 гг.».

Николаи согласился и обещал даже переработать три пос-

ледние главы в связи с начавшейся войной, дав им новые названия.

Канарис ответил 12 марта 1940 года: «Я в принципе согласен и принимаю к сведению то, что вы дадите мне возможность еще раз просмотреть новое издание перед тем, как окончательно отправить его в печать».

31 марта 1940 года Николай послал адмиралу переработанный вариант книги, ответ же получил только 13 июня, когда германские войска оказались уже в Париже. Канарис просил извинить его за задержку с ответом и пояснял: «События последних недель с их многочисленными неожиданно возникающими требованиями и неожиданными ситуациями неблагоприятно повлияли на текущие дела, что вы вполне можете представить по собственному опыту. Кроме того, ваша книга потребовала, особенно в заключительных главах, касающихся мировоззренческих и внешнеполитических аспектов, действительно основательного просмотра и ознакомления, что должно было неизбежно последовать с учетом буквально нагромождающихся событий военно-политического и внешнеполитического характера. Исторические мировые процессы за эти последние недели во всех областях создали новую ситуацию. Вы, многоуважаемый господин Николай, так же, как и ваш издатель, без сомнения, будете приветствовать то, что ваша книга еще не появилась в свет. Вы получите наилучшую возможность согласовать главы книги «Последствия поражения» и «Ретроспектива и перспектива» с учетом новых мировых аспектов».

14 июня 1940 года Николай написал адмиралу: «Прилагаю рабочий экземпляр моей книги «Тайные силы» с учетом Ваших пожеланий. Допускаю, что теперь все сомнения в отношении ее выпуска устранены, вы одобряете целесообразность этого и отныне будут улажены все необходимые формальности для издателя».

Однако человек предполагает, а Бог располагает.

Решение о переиздании «Тайных сил» затянулось на два года,

Канарис запретил новое издание книги.

В НКВД этому немало удивились, и Николай пришлось объяснять, как все было. Тогда его спросили о личных встречах с нацистским руководителем германской военной раз-

ведки и контрразведки адмиралом Канарисом, на что последственный ответил:

— Первый раз я встретился с Канарисом в 1940 или в 1941 году, чтобы просить у него содействия в устройстве на военную службу, я искал какого-либо применения в новой войне. Канарис обещал, но практически ничем мне не помог. Во второй встрече, имевшей место с самим Канарисом или с кем-то из его подчиненных, твердо не помню, в начале 1942 года в Берлине в военном министерстве мне предложили прекратить и попытки переиздания моей книги «Тайные силы». Против ее издания был Канарис, который поначалу согласился с ее выпуском.

В начале 1940 года сразу в двух английских газетах появились сообщения о том, что бывший шеф разведывательной службы кайзеровской армии и при гитлеровцах возглавлял шпионское ведомство. Под заголовком «Главный германский шпион уходит в отставку» газета «Дейли мейл» писала:

«Согласно сообщению, полученному из Парижа, генерал Николаи, начальник германской шпионской службы, ушел в отставку и переехал жить в Швейцарию. Он столкнулся с Гитлером по поводу германо-российского пакта, объявив, что поделился секретами своей организации с Москвой. Вскоре после этого он попросил разрешения уйти в отставку».

Собственный корреспондент «Дейли экспресс» передал из Парижа:

«Полковник В.Николаи, главный шпион, который работал в кайзеровской секретной службе и который организовал нацистскую шпионскую сеть, разоблачен в Соединенных Штатах в американском Верховном суде в сентябре 1938 года, в результате чего он бежал из Германии после ссоры с начальником гестапо Гиммлером. Николаи арендовал виллу на Асконе в Швейцарии рядом со стальным королем и миллионером Фрицем Тиссенем, тоже перебежчиком. Вилла арендована прошлым месяцем двумя немцами среднего возраста, которые заявили, что полковник Николаи приехал из Германии «по причине здоровья».

Тиссен действительно бежал из Германии, тогда как Николаи продолжал работать в институте в Берлине на Викторияштрассе, 31. Публикации вызывали у Вальтера Николаи и тех, кто его знал, лишь удивление. Кто бы мог подумать,

что именно эти мыльные пузыри обернутся в конце концов для постаревшего и поседевшего главы кайзеровских спецслужб столь суровой реальностью...

Но пока ничто, казалось, не предвещало беды.

После капитуляции Франции Николаи оказался в Париже. Еще в 1933 году доктор Франк, назначенный гитлеровцами президентом Государственного института истории новой Германии, опубликовал книгу «Национализм и демократия во Франции времен Третьей республики», в которой поместил главу о на шумевшем когда-то деле капитана французской армии Альфреда Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Эта глава в 1939 году появилась на книжных прилавках в Германии в виде отдельной книги. Процесс по делу Дрейфуса проходил в конце прошлого века в Париже и закончился сначала осуждением безвинного капитана, а затем его оправданием. Это был самый шумный шпионский процесс, превзошедший по своему резонансу даже последовавшее двадцать лет спустя дело Мата Хари. Особый «привкус» всему придавало то, что Альфред Дрейфус был евреем. После победы над Францией в июле 1940 года Вальтер Франк, который занимался «еврейским вопросом», захотел получить французские документы, в которых, как ему казалось, «вина» Дрейфуса была доказана, но дело это было замято. Интерес к делу Дрейфуса проявил и заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, познакомившийся с сочинением Франка о Дрейфусе. Он и поручил ему снова разобраться в этой «запутанной» истории.

Николаи, узнав о намечавшейся поездке Франка в Париж, попытался убедить его в том, что Дрейфус не был немецким агентом, ибо, как бывший глава разведывательного ведомства Германии, знал истину, о чем написал в своей книге «Тайные силы». Но президент Государственного института, подогреваемый Гессом, не отказался от этой затеи и предложил поехать в Париж и Николаи. И такая поездка в ноябре 1940 года состоялась. Однако, как и полагал Николаи, никаких документов, свидетельствовавших о «шпионаже» капитана Альфреда Дрейфуса, уже к тому времени скончавшегося (он умер в 1934 году), во французских архивах обнаружено не было. Вернувшись из Парижа, Николаи записал: «Попытки найти документы по делу Дрейфуса провали-

лись. — И добавил: — Но Франк был доволен, так как нашел документы о еврее Манделе...»¹

Эта поездка вызвала интерес и у советских контрразведчиков, которые отказывались верить тому, что Николай побывал во Франции только с целью выяснения давней и уже, можно сказать, забытой истории. На допросе 27 сентября 1945 года следователь спросил арестанта:

— Непонятно, чем была вызвана в институте такая заинтересованность делом Дрейфуса, после которого прошло более пятидесяти лет?

Николай пояснил:

— Институт намеревался доказать, что с точки зрения расовой проблемы Германии все евреи являются предателями. Процесс по делу Дрейфуса мог быть использован в этих целях.

Ему снова не поверили, попросив объяснить, зачем было искать в архивах Франции принадлежность Дрейфуса к германскому шпионажу, когда это можно было сделать с успехом в Германии.

Николай согласился:

— По материалам германской разведывательной службы принадлежность Дрейфуса к германскому шпионажу подтверждена не была.

Получалось действительно очень глупо, и у советских контрразведчиков были основания заявить:

— Ваши ответы не соответствуют действительности, видимо, вы выезжали во Францию с другими целями.

Николай вынужден оправдываться:

— Я выезжал по приглашению президента Государственного института истории новой Германии Вальтера Франка в качестве советника, и каков был результат просмотра архивов, меня не касалось.

29 сентября 1945 года допрос на эту тему был продолжен:

— Какими материалами вы пользовались при изложении в книге «Тайные силы» дела Дрейфуса?

— Работая в разведслужбе, я еще в 1906 году брал для прочтения у начальника разведки полковника Брозе материалы по делу Дрейфуса, которые состояли из докладов военного атташе во Франции Шварцкопфа и других докумен-

¹ Министр внутренних дел в правительстве Франции.

тов. Все эти материалы подробно излагали сущность процесса Дрейфуса, французского офицера генерального штаба, обвиняемого в шпионаже в пользу Германии. В 1913 году, когда я заступил на должность начальника разведслужбы, этих документов, хранившихся в нескораемом шкафу, не обнаружил. При составлении книги я пользовался сведениями о Дрейфусе работника абвера в городе Страсбурге Бауэра, который был в курсе событий этого дела.

Вальтера Николаи попросили уточнить:

— Когда вы писали книгу, вы были убеждены, что Дрейфус не являлся немецким шпионом и дело против него было возбуждено неправильно?

— Да, на основании переписки, имевшейся у Бауэра, я был убежден, что Дрейфус не был немецким шпионом, о чем я подробно рассказал в книге «Тайные силы».

Снова недоумение:

— Какая же была необходимость выезжать во Францию по делу Дрейфуса, устанавливать, был ли он немецким шпионом, когда вы сами дали исчерпывающий ответ в своей книге и доказали, что Дрейфус не был немецким шпионом?

— Мне было ясно, что по делу Дрейфуса во Франции делать нечего, причем работники института знали об этом и были знакомы с изложением дела Дрейфуса в моей книге. Однако они настаивали на поездке, а я ничего не мог сделать против этого.

Следователи уточняют его показания:

— Делом Дрейфуса, как вы ранее показали, ваш институт пытался доказать в порядке решения расового вопроса, что евреи как нация якобы подвержены предательству. Вы разделяли это положение?

Вальтер Николаи не дает никакого повода усомниться в его искренности:

— Я в Институте истории новой Германии руководил рефератом по ведению внешнеполитической борьбы Германии в период Первой империалистической войны и никакого отношения к расовым вопросам не имел.

В собственноручных записях и письмах президенту Государственного института доктору Вальтеру Франку, не предназначавшихся для советской контрразведки, подтверждалось все, что он говорил на допросах в НКВД.

Лишь два фрагмента:

«Франк в своей преувеличенной склонности в разъяснении еврейского вопроса по непонятным для меня причинам идет в этом направлении, чтобы добиться через адмирала Канариса содействия и лично в Париже заняться документами второго бюро французского генерального штаба для выяснения дела Дрейфуса, и желает, чтобы я тоже поучаствовал в этом. При моем знании положения дел это не обещает успеха. Но, несмотря на это, я соглашаюсь на участие, поскольку на этом пути я вижу еще одну возможность для установления контактов Франка с высшим руководством».

И:

«В начале ноября 1940 года Франк совершает запланированную поездку для выяснения случая Дрейфуса в Париж под протекцией Канариса. Франка сопровождает его сотрудник доктор Ганцер. Оба едут по железной дороге в Париж. Меня Канарис передал в распоряжение Верховного командования, и в поездке меня сопровождал майор Хайнц из его штаба. В Париже мы устроились в отеле, который работники абвера использовали как рабочее место и убежище...»

После возвращения из Парижа Николаи 22 ноября 1940 года послал Канарису, который был вовлечен в эту историю с новым расследованием «дела Дрейфуса», письмо:

«Многоуважаемый господин адмирал!

Так как задуманная мною поездка в Берлин, благодаря которой я надеялся получить возможность увидеть Вас, задерживается, я прошу письменно разрешить мне поблагодарить Вас за оказанное гостеприимство в Париже. Надеюсь, что я оказался не слишком обременительным Вашим командным инстанциям. Уже их внешняя служебная обстановка позволила мне составить представление о значительно возросших Ваших задачах и Вашей ответственности по сравнению с мировой войной. Мне доставило радость наблюдать служебное рвение всех служащих командных инстанций, и я желаю Вам в нашем товарищеском единении добиться успехов вплоть до окончательной победы.

Особенно благодарен я за рыцарское поведение майора Хайнца, которым я был принят по Вашему поручению.

Находясь сейчас в спокойной жизненной обстановке, я считаю себя обязанным поблагодарить Вас за то мое большое обогащение, что Вы внесли этими последними событиями. Остаюсь благодарный Вам

Николаи».

Все изложенное выше свидетельствует, что полковник Вальтер Николаи после 1918 года не имел никакого отношения к деятельности спецслужб рейхсвера во времена Веймарской республики и вермахта, когда к власти в Германии пришли фашисты во главе с Гитлером. Его не использовали и не собирались использовать ни в разведывательной, ни в контрразведывательной области, что станет в конце концов ясно и чекистам. В руки НКВД полковник Николаи попадет по ошибке. Однако пройдет много времени, пока сотрудники советской государственной безопасности признают, что бывший глава кайзеровского разведывательного ведомства, арестованный и доставленный в Москву как военный преступник, ни в чем не виноват.

В своей рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт», написанной на спецобъекте советской контрразведки в окрестностях Москвы в Серебряном бору летом 1946 года, полковник Николаи так скажет о небылицах, которые создавались вокруг его имени на протяжении многих лет:

«Я не стал после той войны, как меня окрестила английская пресса, преуспевающим шефом шпионажа. Моя личность не может быть причиной того, что эта «версия» по выдумке отдельных журналистов, время от времени подогреваемая в течение тридцати лет, вспыхивает вновь. Все это нелепо. После Первой мировой войны я был якобы убит в России, к приходу Гитлера к власти я будто бы сбежал в Швейцарию, во время Второй мировой войны я снова как бы действовал за кулисами в роли шефа немецкой разведки.

Я объясняю это не популярностью своей персоны, а пропагандой».

Еще в 1939 году Николаи переехал из Берлина в Нордхаузен, где он и провел с небольшими перерывами все годы Второй мировой войны. В Берлине он теперь бывал лишь наездами, однажды даже угодил под бомбежку вместе со своей секретаршей. Бывал он и в Геттингене, городе своей юности, где служил еще лейтенантом и куда в феврале 1945 года

перевели Государственный институт истории новой Германии. Здание института в Берлине было почти полностью разрушено бомбежками.

Оставались считанные месяцы до ареста бывшего «аса» мирового шпионажа.

Как же попал в руки советской контрразведки человек, чей высокий профессионализм никогда не подвергался сомнению? Почему он не ушел на Запад с отступающими немецкими войсками, а затем и американскими, оказавшимися в Нордхаузене первыми?

Предвидя, что он может оказаться в руках советских спецслужб, но не предполагая всех последствий этого, Вальтер Николаи продолжал пребывать в Нордхаузене и после ухода американских войск и прихода советских, пока в начале сентября 1945 года в двери его дома на Штольбергерштрассе, 58 не позвонили гораздо настойчивее, чем это случалось обычно.

Это пришла за ним советская контрразведка.

**«У МЕНЯ НЕ БЫЛО ОСНОВАНИЯ СКРЫВАТЬ
СВОЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ГЕРМАНСКОМУ ГЕНЕРАЛЬНОМУ
ШТАБУ В ЧИНЕ ПОЛКОВНИКА»**

Город Нордхаузен, где проживал отставной семидесятидвухлетний полковник, «причастный к разведке», после капитуляции Третьего рейха сначала отошел к американской зоне оккупации, но вскоре оказался в советской. За день до вступления американцев союзная авиация без всякой на то военной необходимости разбомбила центр города, а затем уже появились американские части.

«В течение двух дней мой дом был занят под постой проходивших войск, — вспоминал Николаи. — Среди них были и подразделения, производившие обыски и т.д. Солдаты и особенно офицер, поселившиеся у меня, несмотря на мой возраст, обращались со мной так, чтобы меня унижить. Этот офицер присвоил себе ряд моих вещей, в том числе два ордена с коронами и мечами, вероятно, для того, чтобы где-либо продемонстрировать характер немцев».

Потом постояльцы покинули дом бывшего начальника германской военной разведки и больше его уже никто не беспокоил. А когда после Потсдамской конференции в августе 1945 года произошла неожиданная «метаморфоза» и Нордхаузен перешел в советскую зону оккупации, американский комендант города предложил ему уйти с ними. И хотя было куда идти — две замужние дочери Николаи проживали в английской зоне, — отставной полковник не тронулся с места.

Изменение зон соприкосновения союзных войск имело свою подоплеку. Дело в том, что в районе городов Ауэ и Плауэн, куда вначале вступили американцы, находились вольфрамовые и серебряные копи, что не было секретом, но то, что тут имелись еще и залежи урановой руды, мало кто знал. Еще с довоенных лет в этих местах действовал советский разведчик, немец по национальности. Благополучно пережив Вторую мировую войну, он и сообщил об урановых залежах.

Получив эти сведения, Сталин предложил в Потсдаме «выровнять» линию соприкосновения союзных войск, и район, где залегали урановые руды, и некоторые другие земли, в том числе и часть территории Тюрингии вместе с Нордхаузенем, перешли в ведение советской администрации.

Из рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Из всех оккупировавших Германию в первый период после окончания войны держав я предпочел Россию. Не потому, что был большевиком или коммунистом (у меня до сих пор не было возможности, как это необходимо, глубоко вникнуть в эти вопросы, что обычно имело место в моих других решениях), а потому, что я издавна чувствовал себя ближе к русскому народу, чем к Западу, а также потому, что в свете тех огромных задач, которые возникли в результате двух мировых войн, задач, при решении которых на долю русского народа выпала роль передового борца, я видел место германского народа на его стороне...

Во время всеобщей паники (Николаи имеет в виду «панику», возникшую перед приходом советских войск в Нордхаузен) я хотел показать пример, хотел каким-то образом найти пути к тому, чтобы публично заявить о своих взглядах, хотел хоть что-то противопоставить ведущемуся в течение ряда десятилетий натравливанию одного народа на другой, что в результате привело к тому, что в обеих войнах эти народы выступали один против другого вместо того, чтобы идти вместе, понеся в результате двух войн громадные жертвы и тяготы. Я хотел содействовать тому, чтобы оба народа познали и поняли друг друга».

Удивительное признание бывшего начальника разведслужбы кайзеровской армии!

Тогда почему же Николай оказался во Внутренней тюрьме на Лубянке и подвергся там интенсивным и длительным допросам? Вот бы удивились, будь они живы, немецкие полководцы 1914 — 1918 годов — знаменитые фельдмаршалы и генералы Пауль Гинденбург, Эрих Людендорф и Гельмут Мольтке, под чьим началом Вальтер Николай вел свою «секретную деятельность» во имя успехов германской армии, узнав, что их общий любимец — начальник военной разведки — отправлен в советскую тюрьму.

За какие прегрешения?

Ситуация действительно складывалась парадоксальная. Никто поначалу не собирался арестовывать бывшего шефа германской разведслужбы периода Первой мировой войны, а затем гнать самолет с ним в Россию. Если уж кто-то и хотел свести счеты с отставным полковником, так это, пожалуй, французы, которым он сильно «насолил» в ту давнюю войну, а, возможно, с помощью старой агентуры и в эту. Кстати, легендарная Мата Хари, расстрелянная во Франции в октябре 1917 года, была агентом Николаи. Для советских же спецслужб «король» шпионажа, который стал широко известен после выхода в 20-х годах его книг о действиях германской разведки и разведок других стран во время Первой мировой войны, давно был «списанной» фигурой. После той войны наша разведка следила за ним, пытаясь выявить его связи с белоэмигрантами, а затем и с нацистскими спецслужбами. Однако ничего предосудительного не обнаружила. Незадолго до начала Второй мировой войны досье с надписью «Оберст»¹, заведенное на бывшего шефа военной разведки Германии в НКВД, отправили в архив.

И все-таки его задержали!

Как видно из следственного дела, всю эту почти неправдоподобную ситуацию создало американское издательство «Г.П.Путнамс Санс», выпустившее в октябре 1941 года книгу некоего Курта Рисса «Тотальный шпионаж». В ней полковник Николаи упоминался чуть ли не на каждой странице как один из руководителей немецких спецслужб, который принимал участие во многих тайных операциях в Европе и Америке накануне и в ходе начавшейся Второй мировой войны, более того, подчеркивалась особая близость Николаи к главарям Третьего рейха. В апреле 1945 года, когда советские войска были у стен Берлина, «Тотальный шпионаж» появился на московских книжных прилавках.

Вот тогда-то в известном здании на Лубянской площади и стряхнули пыль с никому, казалось, уже не нужного досье «Оберст». Чекисты с горечью должны были признать, что полковника Николаи они «прохлопали», тогда как американцы знали о нем во сто крат больше.

¹ «Полковник».

Так начался поиск самого известного в прошлом руководителя немецкого шпионажа. А так как город Нордхаузен оказался в наших руках, то в доме № 58 по Штольбергерштрассе появились сотрудники НКВД, которые с интересом рассматривали представшего перед ними главу разведки кайзера Вильгельма II, пошедшего в услужение Гитлеру и принявшего участие в новой германской агрессии, как об этом известили весь мир «осведомленные» американцы.

«Тотальный шпионаж» был предъявлен бывшему главе кайзеровской военной разведки сразу после его задержания как доказательство его деятельности в нацистских спецорганах. Об этом полковник Николай оставил свидетельство в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»: «7.IX я был арестован и допрошен по какой-то книге журналистского характера под названием «Шпионаж» о моих связях с немецкими шпионами». В оперативном деле «Н-21152» сохранились машинописные страницы из этой книги. Перепечаткам предпослан заголовок, не вызывающий никаких сомнений в том, что глава разведслужбы кайзера участвовал в делах нацистского абвера. Он звучит так: «Выдержки из книги Курта Рисса «Тотальный шпионаж», относящиеся к деятельности бывшего полковника в отставке Вальтера Николаи». Эта «деятельность» и стала причиной задержания Николаи. Указание о его аресте отдал генерал-полковник И.А.Серов, заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, посланный из Москвы руководить советскими спецслужбами на оккупированной Красной Армией территории Германии

Так полковник Николай угодил в «военные преступники».

После допроса его поместили в подвал какого-то дома вместе с другими «политическими заключенными», а спустя некоторое время увезли в Веймар, где обосновалась оперативная группа НКВД в Тюрингии.

«У меня не было основания скрывать свою принадлежность к германскому генеральному штабу в чине полковника, — писал он впоследствии. — Сначала меня отправили в тюрьму, но на другое утро перевели в отель, находившийся в ведении оккупационных властей. Меня содержали и обслуживали так же, как русского офицера».

В Веймаре Николаи увидел перед собой генерала советских спецслужб, который предложил бывшему главе разведывательного ведомства изложить факты своей деятельности в нацистских спецорганах, однако вместо «признания» услышал из уст знаменитого руководителя шпионажа, что в нацистском абвере тот не служил ни часа и ни в каких операциях германской разведки после 1918 года участия не принимал.

Тогда генерал попросил назвать «русскую агентуру», засланную в Россию или завербованную там в годы Первой мировой войны, но получил столь же неутешительный ответ: никаких агентов в России бывший глава немецкой разведслужбы не знает.

«Я заявил ему, — оставил он свое свидетельство, — что, занимая пост начальника германской разведки, рассказать об одной из ее составных, а именно о тайной службе разведки, которую возглавлял специальный шеф, не могу, тем более дать конкретных показаний о работе с агентами. В лучшем случае я могу лишь поделиться своим опытом и рассказать о структуре всей разведки, включая руководство прессой и службой пропаганды».

— Эти сведения могут быть полезными, — согласился генерал и предложил изложить все письменно.

Николаи заколебался:

«Я рассчитывал, что можно будет по мере необходимости излагать все это в устной форме, а в отдельных практических случаях обсудить вопросы с вышестоящими специалистами, — таков был ход мыслей бывшего руководителя разведывательной службы германского генерального штаба, угодившего нежданно-негаданно в руки чекистов. — Письменное изложение, принимая во внимание объем материала, с которым я должен был иметь дело, казалось мне почти невозможным, во всяком случае это требовало моего возвращения домой, где бы я мог иметь уход, необходимый в моем возрасте для работы, связанной с умственным напряжением».

Однако в Веймаре писать ничего не пришлось.

Николаи потребовали доставить в Берлин к генерал-полковнику Серову. Высокий ранг представителя НКВД обладеживал. Бывший начальник кайзеровской военной развед-

ки рассчитывал, что тот во всем разберется и, убедившись в «недоразумении», отпустит восвояси. Но все получилось иначе. Николаи не скрывал, что знал известных нацистов и даже с некоторыми из них встречался, но не участвовал в тайных операциях спецслужб, все это выдумки американского журналиста. Однако высокий представитель НКВД посчитал, что полковник уходит от правдивых ответов, на самом деле в руки советской контрразведки попала важная птица.

Серов потребовал от Николаи назвать имена известных ему германских агентов в России и предложил написать обо всем собственноручно.

Спустя неделю советские контрразведчики познакомились с более чем двадцатистраничными показаниями «короля» шпионажа.

«Я должен был указать агентов, которые до и во время мировой войны работали в России в пользу Германии. Таких агентов я не знал, и мне не известны какие-либо имена. Считаю невероятным, что в России были только такие агенты, которых мне как начальнику германской разведывательной службы вовсе не нужно было знать. Поэтому я должен обрисовать организацию немецкой разведки против России. В каждой стране и против каждой страны разведка ведется разными путями. Она должна приспосабливаться к обстановке. Я не имею причин, которые могли бы меня побудить скрыть, как проходила деятельность германской разведки против России».

Далее Вальтер Николаи излагал основные события своей жизни начиная с 1904 года, когда в чине старшего лейтенанта был зачислен в 1-й русский отдел генерального штаба, и до своего ареста в Нордхаузене 7 сентября 1945-го. Все это укладывалось в три раздела: «До мировой войны», «Во время мировой войны» и «После мировой войны». Ни один из разделов не содержал ничего такого, что бы могло заинтересовать сотрудников НКВД.

«Связей, имеющих какую-либо ценность, у нас в России не было, — замечал в первой части своего повествования бывший глава немецкой разведки. — Германским органам разведывательной службы запрещался переход границы, и они были вынуждены в русских пограничных районах поддерживать

контакты с помощью посредников. Это были, главным образом, мелкие дельцы и контрабандисты. Если появлялась надежда на более высокую связь, то избавиться от этих посредников все равно не представлялось возможным, ибо они не хотели лишаться заработка. Поэтому на основании их данных об именах и положении источников или других посредников, если с таковыми налаживалась связь, не стоило придавать большого значения получаемым сведениям, поскольку чаще всего они оказывались недостоверными. С самого начала моей деятельности в разведывательной службе я не знал никаких имен. Утверждаю, что до 1910 года в России не удалось занять связей, которые что-нибудь значили для германской разведки».

В следующем разделе Николаи заявлял:

«Я не рассчитывал, что война начнется в 1914 году. Я надеялся осенью этого года стать военным атташе в Швейцарии, чтобы в месте сосредоточения шпионажа европейских держав пополнить свои знания в этой сфере. Во время поездок в войска с представителями генштаба и на маневрах я пытался представить картину разведывательной деятельности в случае войны и те трудности, которые придется преодолевать. Условия, действительно создавшиеся в начале войны, превзошли все мои ожидания».

Дальнейшее изложение еще больше подчеркивало весьма «ограниченные» возможности бывшего начальника разведки кайзеровской армии в отношении России:

«В 1916 году моим постоянным местом пребывания стал почти только Западный фронт. Этим у меня уменьшилась возможность быть в курсе дел разведки против России».

Все источники информации, которые имелись в России, по словам Николаи, «развалились», ибо они находились вблизи границы, где велись военные действия. Проникновение агентов через линию фронта оказалось невозможным из-за его стабилизации. Оставалась только дорога через Швецию и Финляндию, но и тут не удалось установить такие связи, которые было бы «интересно поддерживать»: «Так что я даже не знаю, что же тут существовало. Во всяком случае у меня нет причин еще и сейчас что-либо скрывать».

Николаи обращался к Серову:

«Вы понимаете, господин генерал-полковник, что при всех моих ответственных задачах в руководстве такой большой работой я не имел возможности заниматься маленькими агентами, а против России работали именно такие. Поверьте, что, несмотря на то что я был начальником разведки, я не был знаком с ее агентами в России. Мне сообщали только об общих мероприятиях, предпринимаемых разведкой против России. Все трудности оставались такими же, как и в начале войны. До самого ее конца в отношении России я не слышал ни об одном крупном деле».

И продолжал:

«Вы потребовали сведения о германских агентах в России в период моей деятельности в разведке. Вы заявили, что мои слова, что я об этом никаких подробностей не знаю, неправдоподобны. Из Ваших дальнейших вопросов я понял, что имеются лживые показания обо мне какого-то «господина янки»¹, которого я не знаю, и какие-то ложные сведения о моих поездках за границу во время Второй мировой войны. Для того чтобы показать Вам, что я действительно не могу дать никаких сведений о каких-либо германских агентах в России, я и представил Вам это подробное описание организации германской разведки до конца мировой войны и моей деятельности в качестве начальника этой разведки. Вы также поручили мне написать о том, что было после войны, особенно о моих поездках за границу, обещая потом объяснить, почему Вы мне ставите эти вопросы.

Я выполнил все Ваши поручения.

Я готов давать Вам дальнейшие сведения из моего опыта. При этом я подразумеваю не события, случившиеся 30 — 40 лет тому назад, а факты из моего опыта, которые Вам могут быть полезны. Если Вы считаете это существенным, то я прошу Вас понять, что я не в состоянии делать это в моих теперешних условиях. Я благодарю Вас за гостеприимство, оказанное мне, и т.д. Я и старался изо всех сил по возможности дать быстрее все показания, одновременно отвечая на частые расспросы.

В моем возрасте я не в состоянии переносить такую жиз-

¹ Прозвище американцев — уроженцев США.

ненную обстановку и не хотел бы чувствовать себя обвиненным в делах, которые мне неизвестны, или защищаться от обвинения в действиях, о которых я ничего не знаю. Если Вы считаете полезным узнать что-нибудь существенное и основное из моей жизни и моего опыта, то я прошу Вас приказать возвратить меня в Нордхаузен и дать мне возможность через генерала в Веймаре предоставлять Вам в письменном или устном виде желаемые сведения».

Николаи с нетерпением ждал ответа: в душе его теплилась надежда, что его обстоятельные «сообщения» о себе возымеют действие. Ему казалось, что то, что он написал генерал-полковнику Серову, является тем «алиби», которое отменяет от него всю «напраслину», содержащуюся в книге американца. Однако бывшего шефа германской разведки ждало глубокое разочарование — 27 сентября 1945 года новый допрос показал полковнику Николаи, что благодаря какому-то стечению обстоятельств он попал в скверную историю, выбраться из которой будет непросто.

Он понимал, что советская контрразведка приложит все усилия, чтобы «выбить» из него «ценную агентуру» в России, но тут он не даст себе послаблений: ведь архивы большей частью уничтожены, а что у него в голове, об этом никто никогда не узнает. Так что рано или поздно все это закончится впустую. А вот книга американца, где описана его «деятельность» в нацистской разведке, является для чекистов доказательством его неискренности, и ему предстоит противостоять этому оговору.

В который раз Николаи мог порадоваться, что судьба уберегла его от сотрудничества с нацистами. В те последние дни сентября 1945 года он не мог и представить, что вместо Нордхаузена его ждет заснеженная Москва, одиночная камера спецтюрьмы, где он пробудет до весны 1946 года, но не для того, чтобы отправиться домой в Тюрингию, а чтобы попасть на спецобъект советской контрразведки в окрестностях Москвы, где он создаст новую и последнюю книгу, предназначенную для высших чинов советской госбезопасности и руководителей государства.

В «Деле Н-21152» есть ответ, почему следствие проявило столь большой интерес к «ценной агентуре». Эта «агентура» могла продолжать действовать в СССР. А разве полковник

Николаи не попытался бы заполучить имена «ценных агентов», окажись в его руках начальник разведки русской армии? Кто бы отказался от этого? А тут захвачен бывший начальник разведки страны, дважды воевавшей против России, который, по данным книги «Тотальный шпионаж», действовал и во Второй мировой войне! Ситуация создавалась еще более уникальная. Николаи сам себе подставил подножку. В его книгах, которые он выпустил двадцать с лишним лет назад, полностью опровергались нынешние утверждения автора «Тайных сил». Там заявлялось, что Германия имела «ценные связи» в России, германская разведка приобрела их еще до Первой мировой войны и в ходе нее:

«Германской разведке удалось еще до войны завязать в России ценные связи и поддерживать их до возникновения войны... Война выявила свое разлагающее влияние прежде всего в России, а также затем во Франции и даже в Англии, так что германская разведка нашла повсюду немногочисленные, но хорошие связи».

Об этом свидетельствовали и успехи немецких шпионов: «Дислокация русской и французской армий, их вооружение, подготовка и снаряжение, строение системы крепостей и стратегической сети железных и шоссейных дорог, равно как и предполагаемое выступление обеих армий были к началу мировой войны германскому генеральному штабу известны».

И далее:

«События, втайне совершавшиеся в России, были своевременно сообщены и подтверждены последующими событиями. Начальник генерального штаба действующей армии выразил офицерам разведки в первом обращении к ним после начала войны «благодарность за успехи, достигнутые в период кризиса и мобилизации, тем более что на нас выпала внезапность». Ближайшей следующей задачей было установление и выяснение неприятельского развертывания. И она также была выполнена. Перед началом операции было правильно определено как русское, так и французское развертывание».

Правда, в книгах Николаи можно найти и другое:

«К чести французского и русского народов следует, однако, сказать, что все старые связи были порваны в самый момент возникновения войны...»

Или:

«Наблюдение вражеских фонов разведывательными офицерами, однако, в общем не могло распространиться за пределы зоны операций противника. То, что происходило дальше, было для них скрыто. Здесь должна была действовать тайная разведка, для которой источником сведений являлась заграница. Все, что говорилось уже в первую половину войны о широкой разведывательной сети Германии за границей, является басней и имело целью замаскировать распространение неприятельской разведки».

И еще:

«Лучшей защитой России была величина государства, плохие пути сообщения, длина фронта и упор его в море с двух сторон. Через нейтральные страны сведения могли идти лишь тонким, легко поддающимся контролю путем через Швецию. Сведения из России поэтому всегда упреждались событиями».

Это несколько «смягчало» утверждения Николаи о «ценных» и «хороших» связях в России, но не дезавуировало их вовсе.

Масла в огонь подливало предисловие к русскому изданию его книги. Оно очевидно было рассчитано на то, чтобы вызвать к автору, «махровому германскому монархисту», недоверие. Многие, что предваряло текст «Тайных сил», изданных, кстати, «Разведывательным управлением штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии», свидетельствовало не в пользу Николаи:

«Даже по данным слабенькой царской контрразведки, немцы в России еще задолго до войны имели хорошо и прочно сложенную агентурную сеть. Так, французская контрразведка установила в 1916 году, что германские страховые общества поддерживают тесную связь со страховыми обществами в России. Эти последние под благовидным предлогом перестраховки совершенно открыто пересылали страховые бордеро в Германию. По этим бордеро немецкая разведка имела полную картину русской военной промышленности, военного судостроения и прочего.

Во время войны русской контрразведкой было обнаружено довольно внушительное количество агентов немецкой разведки среди офицерства русской армии до чина генерала включительно, например полковник Артур Штюрмер (повешен в начале 1916 г.), полковник или генерал Иванов. Вообще до марта 1916 года на одном лишь Юго-Западном фронте было обнаружено 87 австрийских и немецких шпионов. Ясно, что в эту работу они были втянуты еще в мирное время.

Николаи отрицает виновность казненного русскими в качестве немецкого шпиона жандармского полковника Мясоедова. Он склонен утверждать, что дело Мясоедова аналогично делу Дрейфуса во Франции, только с гораздо более трагичным финалом. Правда, дело это крайне темное и запутанное. Но, судя по тем материалам, которые появились в печати и которые имели целью доказать полную невиновность Мясоедова, получается, наоборот, впечатление, что он действительно имел связь с немецкой разведкой.

Николаи молчит также о роли немецкой разведки в разных великосветских и придворных салонах Петрограда. Но русская контрразведка имела определенные сведения о том, что эти салоны как в мирное время, так и во время войны использовались немцами в целях разведки.

Он также ничего не говорит о роли в немецкой разведке того громадного количества немецких колонистов, состоявших в двойном подданстве, которыми были наводнены пограничные с Германией русские области и районы крепостей. А задачи их и роль хорошо известны.

Николаи ничего не говорит также о том, как его молодцы обрабатывали Распутина. И.В.Гессен по этому поводу передает следующее заявление царского министра внутренних дел А.Н.Хвостова (от февраля 1916 г.): «Я прежде не вмешивался в его (Распутина) поведение, но потом убедился, что он принадлежит к международной организации шпионажа, что его окружают лица, которые состоят у нас на учете и которые неизменно являются к нему, как только он вернется из Царского Села, и подробно у него все выспрашивают».

Если припомнить отношения Распутина с царским двором, то можно легко себе представить, какую ценность он представлял собой для немецкой разведки.

Было ли все так, даже теперь сказать трудно, ибо многие документы контрразведки уничтожены в годы революции и Гражданской войны. Задача советских контрразведчиков состояла в том, чтобы установить наиболее важную агентуру немцев в России, продолжавшую, возможно, работать накануне и в годы Второй мировой войны. А кто мог быть об этом лучше всего осведомлен, если не руководитель германского шпионажа, который угодил в их руки. Оставалось лишь «растормошить» упряма.

Из протокола допроса, который проводил в Берлине 27 сентября 1945 года генерал НКВД Петровский:

— По каким каналам проводилась разведывательная деятельность против России?

Ответ Николай:

— К началу войны насажденная германской разведкой агентура вдоль границ России прекратила свою работу вследствие прохождения в местах ее концентрации линии фронта. переброска агентуры практиковалась через нейтральные страны, в частности через Данию, Норвегию и Финляндию, причем в этих же странах проводилась и вербовка агентуры, которая выезжала в Россию под видом путешественников и прочих. На фронтах агентура подбиралась из военнопленных, перебежчиков, и для этих целей использовались всевозможные документы.

Петровский:

— Имелась ли у вас агентура из среды правительственных кругов царской России.

Николай:

— Такой агентуры разведывательная служба Германии не имела. В основном агентура была из низших слоев населения, не обладавшая положительными качествами в своей работе.

Генерал не удовлетворен и, по сути, повторяет вопрос:

— Назовите ценную агентуру, работавшую в пользу Германии на территории России.

Николай вновь отрицает:

— Ценной агентуры в России разведорганы Германии вообще не имели, причем ни одного агента я не знаю, потому что вся агентура находилась под руководством офицеров разведки, а лично под моим руководством ни одного агента не было.

Еще один пробный камень:

— В какой степени использовались разведслужбой Германии интриги между правительственными кругами Германии и царским двором России?

Это легко отбить:

— Разведслужба Германии никакого отношения к правительственным кругам Германии не имела, и о каких-либо интригах мне ничего не известно.

29 сентября 1945 года Петровский, которому помогает майор Круглов, упорно добивается своего:

— На предыдущем допросе вы показали, что германская разведка не имела в России ценной агентуры, а приобретала ее лишь из низших слоев населения, что не давало ценных материалов. Так ли это было?

Николай соглашается:

— Да, я это подтверждаю.

Генерал усиливает нажим:

— Это обстоятельство в корне противоречит вашим неоднократным утверждениям в книге «Тайные силы», где вы пишете, что разведслужба Германии добилась серьезных положительных результатов, чем способствовала успеху военных операций на Востоке. Без ценной агентуры таких результатов вы бы не достигли. Объясните это противоречие.

Николай пытается смягчить удар:

— Мои показания о том, что германская разведслужба не имела ценной агентуры, являются правильными. Вся работа разведслужбы строилась на постепенном кропотливом сборе материалов через всевозможный осведомительный аппарат, который по своим качествам не мог дать серьезных результатов.

Петровский цитирует работу Николаи, изданную в 1923 году:

— В вашей книге отражено, что разведслужба Германии имела ценные связи в России. В частности, на странице 66 указано: «Германской разведслужбе удалось еще до войны завязать в России и Франции ценные связи и поддерживать их до возникновения войны». Далее вы там же подтверждаете, что «война выявила свое разлагающее влияние прежде всего в России, а затем во Франции и даже в Англии, так что

германская разведка нашла всюду немногочисленные, но хорошие связи». Это обстоятельство свидетельствует о наличии в России и других странах ценной агентуры, которую вы, безусловно, должны были знать.

Вальтеру Николаи путь к отступлению закрыт, и он не отходит от занятой им позиции ни на йоту:

— Изложенное в книге в отношении России не соответствует действительности.

Затем он отрицает даже очевидное:

— Я в своей книге о ценной агентуре в России не писал.

И заканчивает:

— Еще раз заявляю, в России ценных связей или ценной агентуры германская разведка не имела.

Генерал тоже не лыком шит:

— Вы говорите неверно, потому что на страницах 48 и 49 вы описываете положение в России и мобилизацию русской армии согласно полученным от агентуры сообщениям, о чем было доложено германскому императору. Такое сообщение агентура из низших слоев населения дать не могла. А что вы теперь скажете?

Николаи невозмутим:

— По этому конкретному случаю я помню, что сообщение о мобилизации русской армии было получено от рядового агента, нелегально перешедшего границу России в Германию. Этот агент доложил то, что знал, офицеру германской разведки, находившемуся в городе Кенигсберге.

Допрос для советских контрразведчиков заканчивается безрезультатно, однако полковник Николаи понимает, что прошел по лезвию ножа. После допроса он просит дать ему перо и бумагу, дабы собственноручно закрепить сделанные заявления и развеять сомнения, которые вызывают у сотрудников НКВД его показания.

В этот же день, 29 сентября 1945 года, бывший руководитель германской разведывательной службы передал советским контрразведчикам письмо:

«Лишь сегодня я узнал, что моя книга «Тайные силы» переведена и на русский язык. Приведенное мне заявление, что германская разведывательная служба обрела в России ценные связи, противоречит моему заявлению, которое

я сейчас делаю. Когда я писал книгу, у меня был другой масштаб важности данных связей, чем сегодня. Я не отрицаю и теперь само собой понятные старания германской разведки получить в России надежные связи. И меня информировали в общем о каких-то успехах. Но эти успехи происходили не от связей, ради которых мне стоило бы самому вмешиваться или значение которых было бы так велико, что мне бы сообщили какие-либо подробности об этих связях, о чем бы я помнил и сегодня.

Основное значение ныне имеет «масштаб».

Поэтому повторяю, что никаких подобных связей не было, почему я не в состоянии давать какие-либо сведения об этом».

Слова «никаких подобных связей» старательно подчеркнуты.

Николаи не знал, что в его доме в Нордхаузене снова побывали сотрудники НКВД, произвели обыск, изъяли его личный архив. Количество документов и материалов поразило даже выдавших виды контрразведчиков. Для внимательного просмотра всего требовалось несколько недель, если не месяцев. Поэтому, не вникая в бумаги, чекисты продолжили допросы.

Они возобновились 12 октября 1945 года, причем теперь их вел новый следователь — сотрудник НКВД майор Афанасьев. Это был более крутой и настырный следователь, и его моральный нажим был настолько велик, что Николаи был готов покончить с собой, о чем и упомянул в своей рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт».

Майор Афанасьев провел в Берлине несколько допросов. 12 октября был самым спокойным. Следователь приступил к работе со следующими словами:

— Вам предстоит дать показания о разведывательной работе, проводимой вами против России в период Первой империалистической войны. Говорите об этом.

Вопрос обширен, как море. Николаи, чтобы понять, каков он, новый следователь, ужимает ответ до ручейка:

— Моя разведывательная работа в этот период состояла в том, что я руководил всей разведывательной службой, состоявшей из четырех отделов, каковыми являлись тайная разведка, фронтовая разведка, внутренняя разведка и разведка при помощи печати.

Афанасьев принимает правила игры:

— Назовите лиц, стоявших во главе указанных отделов. Это не трудно:

— Начальником тайной разведки являлся майор Гемп, фронтовой разведкой руководил майор Редерн, во главе внутренней разведки стоял майор Кемпис, разведкой при помощи печати руководил майор Крегер.

Теперь можно приступить к самому важному:

— В функции какого из названных отделов входила заброска агентуры на территорию царской России?

Николай по-прежнему немногословен:

— Заброской агентуры в Россию занимался отдел тайной разведки.

Майор уточняет:

— Этот отдел самостоятельно забрасывал агентуру в Россию или требовалась санкция вышестоящих инстанций?

Бывший начальник германской разведслужбы отрицает свою причастность к этому делу:

— Заброска агентуры в Россию отделом тайной разведки проводилась самостоятельно.

Следует уточнение:

— Вы хотите сказать, что и ценная агентура, насаждавшаяся в правительственных учреждениях России, забрасывалась также без согласования с вышестоящими инстанциями?

Лучше от всего откеститься:

— Об этом мне ничего не известно.

Майору Афанасьеву это не нравится:

— Ранее вы показали, что все отделы подчинялись разведслужбе, во главе которой вы стояли. Непонятно, как вы могли не знать, с санкции кого забрасывалась в Россию ценная агентура?

Надо выкручиваться:

— Я повторяю, что об этом не знаю. Мне даже не известно, существовала ли такая агентура в правительственных кругах России.

Все повторяется, и это начинает раздражать нового следователя:

— Кто же в таком случае был осведомлен в этом вопросе, если вы, будучи начальником разведслужбы, не знали, существовала ли в правительственных кругах России агентура?

Есть выход:

— Об этом мог знать руководитель отдела тайной разведки, но я не представляю, чтобы такая агентура в России существовала.

Сотруднику НКВД такое запирательство надоедает:

— Если исходить из ваших ответов, то получается, что германская разведка вообще не вела разведывательной работы против России, что не соответствует действительности. Предлагаю говорить правду.

Николаи идет напролом, хотя это противоречит тому, о чем он сообщал генерал-полковнику Серову:

— Подчиненная мне разведывательная служба, существовавшая при генеральном штабе германской армии, вела только военную разведку. Что же касается насаждения агентурно-осведомительной сети в России, то, кто этим занимался, я не знаю.

В это не поверил бы даже школьник:

— Следует констатировать, что о разведывательной работе против России, проходившей под вашим руководством, вы не хотите говорить правду. Может, вы измените свое поведение и приступите к даче правдивых показаний по этому вопросу?

Подследственный отвечает с вызовом:

— О своей разведывательной работе я показать больше ничего не могу.

Строптивый арестант.

— К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас покажите, какова была ваша роль в подготовке агентуры.

Николаи отделяется общими словами:

— Являясь начальником разведывательной службы, я давал указания начальнику отдела тайной разведки тщательно подбирать агентов, всесторонне обучать их агентурной работе. Как правило, я указывал на необходимость, чтобы агентам давали задания, соответствующие их способностям. Большое внимание я уделял и тому, чтобы майор Гемп создавал безопасные условия для агентов при выполнении ими заданий. Всегда я подчеркивал, чтобы ненадежных и не умеющих работать по линии разведки агентов исключали из агентурно-осведомительной сети.

Следователь пытается узнать имена:

— Назовите агентов, которые были исключены из агентурной сети по вашему указанию, как не соответствующие своему назначению.

Подследственный делает вид, что и тут он не в курсе дела:

— Я лично не знаю ни одного агента, так как руководство ими осуществлял майор Гемп.

Афанасьев искреннее удивляется:

— Получается так, что майор Гемп, беседуя с вами об агентурной работе, в частности о находившихся у него на связи агентах, не называл их фамилий?

Николаи снова уходит в сторону:

— Да, фамилии при этом не упоминались, так как агенты работали под номерами.

Сотрудник контрразведки не отступает:

— В таком случае назовите известных вам агентов, работавших под номерами.

Все было очень давно, и бывший начальник немецкой разведки играет на этом, его ответ предопределен:

— Номера агентов, переброшенных в Россию, из-за давности времени забыл.

То, что допрашиваемый не хочет выдавать агентуру, следовательно совершенно ясно, терпение его иссякает:

— Требую показать, через кого и какие были добыты ценные сведения в России.

Но Николай уже хорошо приспособился:

— Были ли получены из России через агентуру ценные сведения, я не знаю.

16 октября 1945 года майор Афанасьев попытался снова «расторгнуть» своего визави, но безрезультатно:

— С кем из старых агентов, переброшенных в Россию или другие страны в Первую империалистическую войну, вы продолжали поддерживать связь после ее окончания?

Николаи наготове, тем более что он уже заявлял:

— Выше я уже показал, что после Первой мировой войны разведработу я не вел и, следовательно, ни с кем из агентов связи не имел.

Снова нажим:

— В таком случае назовите известных вам агентов, оставшихся в России в Первую мировую войну и продолжающих работать до последнего времени?

Но все уходит, как в песок:

— Я еще раз заявляю, что никого из агентов, находившихся в России, я не знаю.

Досада следователя выплескивается в едва прикрытую угрозу:

— На предыдущих допросах вам уже ставили в упрек то, что вы скрываете факты своей практической разведки против России. Сейчас вы продолжаете оставаться на прежних позициях. Еще раз рекомендуем изменить свое поведение и приступить к даче правдивых показаний!

В последних числах октября 1945 года следствие сделало все, чтобы добиться хоть каких-то успехов. На полковника Николаи было оказано сильнейшее давление. Судя по всему, некоторые из этих встреч сотрудников НКВД с главой германского шпионажа кайзера Вильгельма II не протоколировались. Однако кое-что об этих диалогах рассказал он сам в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Затем меня передали комиссару в чине майора. Потрясенный стоял я с сознанием того, в какой степени удалось пропагандой (через мнимую разведку, связанную якобы с Распутиным, немецкого происхождения царицу, высшие правительственные и военные круги — великий князь Николай Николаевич сюда не относится, так как в немецком генеральном штабе он значился как главный носитель воли войны против Германии, — а не на основе данных Второй мировой войны) добиться такой ненависти к немцам, которой не было в Первой мировой войне ни среди русских военнопленных, ни просто среди рядовых солдат.

Я думаю, что целесообразно было бы относительно агентуры в царской России допросить начальника Интеллидженс сервис вместо политически и финансово бессильного в то время шефа немецкой разведки, который ограничивался лишь военными вопросами. Но комиссар отклонил всякое указание на подобные «факты». Для него представляли ценность лишь показания о конкретных заданиях немецкой агентуры в царской и современной России и показания о моей деятельности в немецкой разведке до сегодняшнего дня.

Он грубо («грубо» в русском переводе зачеркнуто Николаи) называл меня «лгуном», знаменитым «шпионом сегодняшнего дня», называл даже «сволочью» («сволочью» опять

в русском переводе зачеркнуто рукою Николаи и исправлено на «жуликом», причем эти поправки, как и многие другие, в переводе он написал по-русски). Я вынужден указать на это, так как нет ни одного протокола, засвидетельствовавшего это, и только таким образом будет понятно, как близко я был 24 октября 1945 года к решению и желанию погибнуть».

Полковник Николаи не свел счеты с жизнью, но на последнем допросе в Берлине, который проводился 27 октября 1945 года, он сделал заявление, которого от него так добивался майор Афанасьев:

— Я понимаю, что есть основания мне не верить. Действительно, до настоящего времени мои показания носили общий, неконкретный характер. Сейчас я обещаю, что буду давать развернутые и правдивые показания о всей работе германской разведки, однако для того, чтобы это выполнить, прошу предоставить мне возможность быть дома в Нордхаузене.

Следователь пытается закрепить успех:

— Прежде всего скажите, о чем конкретно вы хотите давать показания?

Ответ полковника Николаи поверг майора Афанасьева в изумление. Наконец-то подследственный готов помочь НКВД:

— Я буду давать показания о той разведывательной и контрразведывательной работе, которая проводилась германской разведкой в целом. Я готов изложить все известные мне факты работы разведки против России перед началом и во время Первой мировой войны, рассказать, каким путем и какие были добыты агентурой сведения о России, о структуре германских разведорганов, указать каналы заброски агентуры. Далее в своих показаниях я намерен осветить вопрос использования для получения сведений о России агентуры, находившейся в других странах, рассказать о методах агентурной работы. Наряду с этим я правдиво и полно изложу, что мне было известно о деятельности германской разведки после Первой мировой войны вплоть до последнего времени.

Майор Афанасьев уцепился за эту соломинку:

— Расскажите об этом вкратце сейчас, а затем вам будет предоставлена возможность детализировать свои показания.

Однако это не входило в планы Николаи. Он, можно предположить, просто захотел прощупать следствие, выяснить,

насколько оно пойдет ему навстречу в его желании вернуться домой:

— Я прошу верить, что показания по затронутым выше или другим вопросам работы германской разведки, которые возникнут в дальнейшем, буду давать исчерпывающе и правдиво. Вместе с тем прошу понять, что мне нужно время для того, чтобы воспроизвести в своей памяти все то, что я делал как начальник разведывательной службы, а также подчиненный мне аппарат. Сейчас я не в состоянии дать развернутые показания и в последовательной форме, ибо устал и физически чувствую себя очень плохо. Поэтому еще раз прошу дать мне возможность отдохнуть, собраться с мыслями, улучшить условия, а именно разрешить проживать в Нордхаузене. При этих условиях я буду работать продуктивно и по возможности в сжатые сроки дам полные показания.

Почему контрразведчики в Берлине не согласились с предложением полковника Николаи, сулившим крупные дивиденды? Скорее всего, потому, что уже поступил приказ доставить бывшего начальника разведслужбы Германии в Москву. Так или иначе, но в оперативном деле «Н-21152» имеется документ, подписанный генерал-полковником Серовым 28 октября 1945 года: «Согласно указанию народного комиссара внутренних дел Союза ССР товарища Берия Л.П. направляю самолетом в Москву арестованного бывшего начальника разведслужбы генерального штаба германской армии полковника Николаи В.Г. Одновременно высылаю следственные материалы и материалы, изъятые при обыске на квартире Николаи в городе Нордхаузене».

Николаи объявили, что его отправляют в Россию.

Этого он никак не ожидал. В его рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт» сохранилось свидетельство: ему обещали «свободу» и «домашний уход». Кто обещал — неизвестно. Можно только представить состояние бывшего шефа немецкой разведки, который стал укладывать свой небогатый скарб в коричневый фибровый чемодан, распаковать его предстояло уже в Лубянской тюрьме. Ясно одно, собирал он свой чемодан в этот последний, как покажет будущее, «заграничный вояж» без привычных в таких случаях приятных хлопот. В чемодане оказались запасной пиджак, кожаные туфли, шапка на вате, воротнички к сорочке, опас-

ная бритва с белой ручкой в футляре, одежная щетка, металлическая столовая ложка, помазок для бритья, свечка, рашпилек для ногтей, авторучка, а также портфель с зонгом. Именно эти вещи зафиксированы в «Описи № 350», составленной 31 октября 1945 года в тюрьме органов советской государственной безопасности.

В Берлине веяло уже осенним холодком. Сквозь окно Николаи видел пожелтевшую листву на деревьях и серые тучи, бежавшие по небу. Его вывели на улицу к машине с сопровождающими. Спустя некоторое время все прибыли на аэродром, где американский «Дуглас» уже разогревал моторы. Погрузили багаж — три опечатанных мешка с рукописями и перепиской бывшего главы немецкого шпионажа. Короткий разбег, и самолет, качнув крыльями, взял курс на восток. Через иллюминатор полковник Вальтер Николаи увидел лежавший внизу Берлин. Впервые он видел город с такой высоты.

Впервые и в последний раз.

«Я ВЫСКАЗАЛ ГИТЛЕРУ МНЕНИЕ О ТОМ, ЧТО, ЗАХВАТИВ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ, ОН МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ БЕЗ ОПЫТНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ»

Уже на первых допросах от Вальтера Николаи потребовали рассказать о его «связях» с нацистскими спецслужбами. Он пытался «отгородиться» от сотрудничества с гитлеровцами, но ему не верили, заявляя, что советские контрразведчики располагают «неопровержимыми» сведениями противоположного характера, упоминали книгу Курта Рисса «Тотальный шпионаж» с компрометирующими его данными. Назвав эту книгу в своих письменных показаниях И.А.Серову от 23 сентября 1945 года «лживыми измышлениями» неизвестного ему «господина янки», Николаи стоял на своем. Однако поначалу чекисты больше верили утверждениям заморского автора и стоявшего за ним солидного американского издательства, чем самому Николаи, уже запутавшемуся, по их мнению, в противоречиях между тем, что он писал когда-то в своих книгах о «ценных связях», и тем, что говорил теперь на допросах.

Полистаем эту занятную книжицу.

Первый раздел — «Переворот в шпионаже» — открывается главой «Поездка полковники Николаи» о том, как и зачем в начале июня 1932 года «ас» немецкого шпионажа направился из Берлина в Мюнхен.

Вот что пишет об этом Рисс:

«Итак, полковник в отставке Николаи сел в ночной экспресс с Ангальтского вокзала в Берлине. Мало вероятно, чтобы кто-нибудь узнал этого человека с небольшим, худым, невыразительным лицом, острым, пронизывающим взглядом, слегка вздернутым носом, чувствительные ноздри которого как будто вечно вынюхивали что-то. Обывателю не была знакома даже его фамилия. В течение ряда лет она уже больше не появлялась ни в справочниках, ни в военной литературе. Только люди с хорошей памятью могли бы вспомнить, что Вальтер Николаи возглавлял знаменитое Третье

бюро — мозг разведывательной службы Верховного командования германской армии, что он был самым могущественным человеком за кулисами официальной германской действительности, главой всей системы германского шпионажа в период мировой войны 1914 — 1918 гг.»

Чем же занимался Вальтер Николаи в Мюнхене?

Оказывается, участвовал в совещании, которое «состоялось в доме капитана Эрнста Рема», на котором присутствовали Геббельс, Гиммлер, Гесс и несколько менее видных лиц национал-социалистической партии. Все они, как утверждал автор, собирались для того, чтобы обсудить возможности и перспективы создания тайной полиции, чья деятельность не только в Германии, но и за ее пределами должна была начаться сразу же после их прихода к власти в Германии.

Дальше Рисе развивал:

«Николаи приложил руку к созданию так называемого «Черного рейхсвера»¹, действуя в качестве посредника между военным министром Гесслером и генералом Куртом фон Шлейхером... Николаи участвовал не только в организации «Черного рейхсвера». Им была также создана, правда в миниатюре, новая система шпионажа. Уже в 1920 году им были посланы агенты на оккупированную союзниками территорию Германии не только для установления дислокации, но и морального состояния оккупационной армии. Одновременно им было организовано розыскное бюро, субсидировавшееся из неограниченных фондов германской тяжелой индустрии. Оно занималось сбором материалов, целиком направленных против Веймарской республики, ее сторонников и политических деятелей».

Дальше — больше:

«Между тем Николаи временно отошел на второй план. Чтобы ввести в заблуждение иностранных наблюдателей, Гитлер назначил его главой Института истории новой Германии и поручил ему заново составить историю мировой войны в соответствии со взглядами гитлеровцев.

¹ «Черный рейхсвер» — скрытый резерв вооруженных сил Германии того времени, включавший отряды самообороны, солдатские землячества, союзы ветеранов, объединявшие до 4 млн человек.

Разумеется, это назначение было только трюком. Николаи и не собирался делаться историком. Вместо этого он занялся тайной организацией новой военной разведки. В течение нескольких лет имя Николаи нигде не упоминалось и даже не попадало в армейские справочники. Однако, как только началась Вторая мировая война и, следовательно, как только «Третья империя» отбросила всякие предосторожности по отношению к внешнему миру, полковник Николаи внезапно всплыл на поверхность и вновь был официально назначен начальником армейской разведки.

Под каким бы именем, за какой бы ширмой ни работал Николаи в течение первых лет господства гитлеровской клики, документальные доказательства безошибочно устанавливают, что он не сидел без дела. Он создал в генеральном штабе отдел, названный «Иностранные армии», совместно с капитаном Рольфом Крацером он реорганизовал отдел контрразведки, который находился в ведении военного министерства и имел свои фонды в штабах всех родов войск. Наконец, он координировал работу армейской, морской, а позднее и авиационной разведок с деятельностью разведки министерства иностранных дел.

В этой своей деятельности Николаи руководствовался убеждением, что шпионаж должен быть тотальным, всепроникающим, всеобъемлющим. Сфера его интересов неограниченна».

Полистаем еще объемный «труд» Курта Рисса, русский вариант которого составляет 228 страниц убористого текста, и проследим, как же возводилась напраслина на Вальтера Николаи, из-за которой он угодил после разгрома Германии в руки советских контрразведчиков.

«В течение периода, предшествующего Второй мировой войне, Николаи подготовлял диверсионные действия в больших масштабах. Его задачей было изыскание методов диверсии, характер и происхождение которых были бы полностью неизвестны противнику. Иными словами, Николаи искал таких методов диверсии, которые можно было бы неоднократно и безнаказанно повторять... В сентябре 1934 года Николаи основал вблизи Берлина, в Грос-Лихтерфельде, лабораторию, которая занималась изысканием и испытаниями научных методов диверсии. Для каждого вида про-

изводства, прямо или косвенно связанного с выпуском предметов вооружения и важных военных материалов, в этой лаборатории экспериментальным путем разрабатывался соответствующий вид вредительства, который максимально сокращал степень риска и стоимости самой диверсии...

За несколько лет до Второй мировой войны это учреждение разрослось в огромной степени. Если в 1930 году штат его составлял 200 сотрудников, то в 1936 году их было 1450. К этому времени в постоянном штате «Психологической лаборатории» числилось 200 психологов. Вся организация распадалась на 20 отделов. По всей Германии в орбиту ее деятельности было втянуто 150 тысяч человек — ученых, военных и просто «подопытных животных» в виде отдельных индивидуумов».

Далее Курт Рисс сообщает о некоем «Объединенном штабе связи», координировавшем всю систему тотального шпионажа, проводимого гитлеровской Германией, в котором «несменяемым» представителем был, конечно, не кто иной, как Вальтер Николаи. «Объединенный штаб связи», утверждал автор, был центром по руководству огромнейшей шпионской организацией, одной из самых больших во всей мировой истории разведки.

Оказывается, как замечает Рисс, Вальтер Николаи вместе с Гитлером готовил вторжение в Австрию:

«В конце 1937 года Николаи решил взять под свое личное руководство всю организацию военного шпионажа в Австрии. Он послал ряд своих лучших агентов для установления отношений с недовольными военными. Германские офицеры стали регулярно посещать пограничные районы и города Австрии. С большим удовлетворением агенты Николаи обнаружили, что австрийская армия ни морально, ни технически не подготовлена к оказанию серьезного сопротивления. Впрочем, это не играло большой роли. Ибо германское вторжение состоялось бы все равно, независимо от степени подготовленности численно небольшой австрийской армии».

К этому времени, продолжает Курт Рисс, Николаи закончил полную реорганизацию системы военного шпионажа. Основной идеей его новой системы был курс не на добычу такого рода данных, как планы развертывания армий, чер-

тежи и т.д., а на установление прочных связей со страной, где ведется шпионаж. Выше всего Николай «расценивал проведение статистических и научных исследований». Состояние вооруженных сил противника (особенно западных держав) тщательно изучалось в Берлине. Все недостатки в вооружении, равно как и в подготовке войск противника, фиксировались:

«Наиболее важной задачей научного шпионажа являлось составление вероятных стратегических планов врага, научное предсказание того, каким образом противник будет вести войну».

Накануне Второй мировой войны в Англии вышла книга известного военного исследователя Лиддела Гарта «Оборона Британии», где автор приводил свой доклад о сущности британской стратегии, написанный им по поручению военного министерства. Факт реальный, и есть куда вновь «пристегнуть» Николаи. Бывший начальник разведки и теперь очень «важное» лицо в Германии. Вместе с Гитлером он обсуждает «творение» Лиддела Гарта. «Это обсуждение происходило 25 июля 1939 года», — утверждает Рисс, не оставляя никаких сомнений у читателей в достоверности происходящего, как поначалу и у сотрудников НКВД, которых подобные заявления повергали в «шок», особенно представителей нашей внешней разведки, которые, как свидетельствовала книга «Тотальный шпионаж», потерпели «провал» в установлении «связей» Николаи с нацистами.

Могло ли обойтись без участия Николаи вторжение немецких войск в Чехословакию? Ни в коем случае.

«Здесь Николаи уже работал в течение долгого времени, и, если верить его заявлению, сделанному в декабре 1938 года, для него в этой стране уже вообще не существовало каких-либо неизвестных ему секретов».

Следователи НКВД в Берлине, а потом и в Москве могли лишь развести руками: американец «открыл» им глаза на неутомимую «разведдеятельность» утерянного советской разведкой знаменитого «оберста». Оказывается, агенты Николаи «ухудшали моральное состояние армии», разжигали «антагонизм» между народами, проживающими в Чехословакии. «Гитлеровцам удалось даже завербовать двух преподавателей военной академии, — сообщал Рисс. — Все планы

укреплений, расположенных в районе между Прагой и германской границей, находились в руках немцев. По заявлению Николаи (вот какие «клубки» пришлось распутывать на Лубянке), расположение шлюзов и всякого рода препятствий, которые должны были преградить путь через Эльбу, также были ему известны». Более чем за год до Мюнхенского сговора Николаи «снабдил судетских немцев, занимавшихся сельским хозяйством, деньгами для того, чтобы они строили новые сараи, используемые в качестве складов боеприпасов и оружия».

Это место в «Тотальном шпионаже» на Лубянке жирно подчеркнули карандашом.

«Немалая шпионская работа была проведена в Польше, где, несмотря на существовавший польско-германский договор о дружбе, она проводилась согласно плану, начиная с 1933 года. В 1936 году в Померании Николаи организовал лагерь Руммельсбург, где он готовил от двух до четырех тысяч будущих шпионов и террористов против Польши. После окончания курса обучения все они направлялись непосредственно в Польшу. В самой Варшаве Николаи имел ряд агентов, которые наблюдали за польским военным министерством. Николаи сумел заслать нескольких своих людей в польский генеральный штаб. Он был достаточно опытен для того, чтобы не использовать этих людей до начала войны. После начала войны они оказали Германии немалую услугу, ибо информировали немцев о каждом намерении польского штаба».

С помощью Николаи, свидетельствовал «сверхосведомленный» американец, была проделана «вся подготовительная работа для вторжения в Голландию». «Захват германскими солдатами, одетыми в голландскую форму, моста Мурдейк, видимо, был «идеей» Николаи или одного из его сотрудников». То же самое относится к «тайному перевозу солдат, размещенных в трюмах барж на Рейне».

«Отличился» Вальтер Николаи и в сотрудничестве с японцами. Это он, утверждал Рисс, послал в Японию полковника Эйгена Отта, одного из своих ближайших сотрудников:

«Начиная с 1932 года Николаи поддерживал связь с Садзо Накамо, который и высказал мысль о том, что германская и японская разведки должны сотрудничать друг с дру-

гом в мировом масштабе. Вскоре после того как Отт направил в Берлин свой доклад, он вернулся в Германию. Последовало несколько встреч с Николаи. Начальство похвалило доклад и решило принять японское предложение о широком сотрудничестве в области шпионажа. В том же 1934 году Отт поехал обратно в Токио. На этот раз он был уже военным атташе».

В 1935 году Николаи «давал» советы Гессу, который хотел установить контакт с итальянской «Оврой» — тайной полицией, также занимавшейся шпионажем:

«Полковник Николаи предупреждал его, что это было пустой тратой времени».

Далее «рука» Николаи тянулась в Мексику:

«Помните ли вы еще генерала Сатурнино Седильо, — вопрошал автор «Тотального шпионажа», — бывшего в столь близких отношениях с бароном фон Мерком, германским шпионом в Брюсселе во время Первой мировой войны и одним из наиболее близких сотрудников полковника Николаи? Так вот, в 1938 году он поднял мятеж в Мексике, но неудачно, он был убит. Когда все было кончено и барон фон Мерк понял, что больше шансов на успех нет, он уехал в США, а оттуда в Берлин, где его видели в обществе полковника Николаи».

Могли ли остаться армии стран Южной Америки без «влияния» неутомимого полковника? Конечно, нет:

«Полковник Николаи располагал на этот счет подробной информацией».

Имя Николаи в книге Курта Рисса самым тесным образом связано с нью-йоркским процессом над гитлеровскими шпионами в октябре 1938 года, когда, как пишет автор «Тотального шпионажа», «впервые, пожалуй, со времени мировой войны 1914 — 1918 гг. о полковнике Вальтере Николаи вновь услышала широкая общественность».

Что же говорили немецкие шпионы в Нью-Йорке о своем «шефе»?

Один из обвиняемых, Гюнтер Густав Румрих, дезертировавший из американской армии, ответил на вопрос о том, каким образом он стал шпионом «Третьей империи»: «Я прочел книгу, написанную полковником Николаи, после чего послал ему письмо на адрес газеты «Фелькишер беобахтер»

с предложением своих услуг. Он ответил мне, поместив объявление в одной из нью-йоркских газет».

Рисс продолжает:

«Процесс, на котором было сделано это удивительное признание (скажем, даже больше чем удивительное) и странное (более странное за всю историю шпионажа, возможно, и не было) заявление, сам по себе был достаточно удивительным и странным. Этот процесс был отмечен всеми характерными признаками детективных романов. История с украденными мобилизационными планами, похищение генерала, шифр, написанный на спичечной коробке, новая Мата Хари, засланная в Вашингтон, кража 50 бланков американских паспортов...»

И заключает:

«Но было в нем кое-что более удивительное, нечто такое, что никогда ранее не имело места ни на одном из шпионских процессов. Назывались конкретные имена. Имена тех лиц, которые стояли за спиной исполнителей, за спиной арестованных шпионов. По этому делу было привлечено 18 человек. Четверо из них оказались на скамье подсудимых. Остальные либо сумели сбежать в Германию, либо никогда не покидали Германии. Они остались в тени, в своих кабинетах. Они руководили работой издалека».

Когда германские танки стали проникать все глубже на территорию европейского континента, полковник Николай и его сотрудники немедленно двинулись вслед за армией. База германского шпионажа, свидетельствовал Рисс, расширялась.

В каждой новой оккупированной стране германский шпионаж не только пожинал богатый урожай, но и находил новый человеческий материал и устанавливал новые связи.

«Николай был посвящен в тайну полета Гесса в Англию», — утверждал американец.

И, наконец, последнее.

Гитлер напал на СССР, о чем Курт Рисс сообщает как о «походе в неизвестность».

Далее народы оккупированных стран поднимаются на борьбу, а тем временем «днем и ночью английские бомбардировщики во все возрастающем количестве сбрасывают свой груз над оккупированными странами и над городами самой Германии». И американец задает вопрос: «Как они

могли наносить эти точные удары?» Ответ таков: «Это работала целая армия «народных шпионов», которые названы в книге «неизвестными солдатами шпионажа». Акцент и тут падал на Николаи:

«В те дни полковнику Николаи, вероятно, казалось, что вся Европа стала одной огромной контрразведывательной организацией. Вряд ли полковнику Николаи спалось тогда хорошо.

Полковник Николаи, вероятно, думал о Бельгии периода Первой мировой войны, о Бельгии, ненавидящей германскую оккупационную армию, изобретающей тысячи новых способов оповещения союзников, сообщающей о передвижении германских войск, об их планах, их силе и слабости...

Эти годы — 1914 — 1918 — были кошмаром для полковника Николаи.

И сейчас ему должно было казаться, что история повторяется!»

Венчала все это сентенция о месте полковника Николаи в нацистской иерархии:

«Николаи, Гиммлер, Геббельс и другие должны были недоумевать по поводу того, как могло возникнуть такое мощное движение, несмотря на все усилия гестапо и эсэсовских отрядов, и вопреки этим усилиям».

Вот такой пирог испекли «суперосведомленный» американец и его издатели.

И что, чекисты поверили на слово?

В начале книги Курт Рисс задавал вопрос, который ставили перед собой и советские контрразведчики: «Откуда получены все эти материалы?» Автор пояснял — в основном из официальных публикаций, но «у меня были сотрудники в Японии, в Германии, в Мексике и на Балканах, которые помогали мне в сборе материала. По их просьбе я не называю их имена, — замечал он, явно намекая на свои связи со спецслужбами или свою принадлежность к ним, и продолжал: — Важным материалом явились также некоторые документы из папок «Второго бюро», спасенные при эвакуации Парижа, а также данные, полученные из Германии и частично уже опубликованные в других странах. Некоторые документы мне были доставлены двумя лицами, работающими в разведке одной европейской страны».

И все это заканчивалось весьма веско:

«Все факты и документы, которые упоминаются в этой книге, проверены мной лично или кем-либо из моих сотрудников, безусловно, заслуживающих доверия».

Теперь известно, какого доверия все это заслуживало. Это стало ясно к весне 1946 года и сотрудникам советской госбезопасности. Но можно ли было тогда, когда все только начиналось, отбросить как несостоятельное изложенное в книге «Тотальный шпионаж»? Вряд ли, ведь и Вальтер Николаи не отрицал, что встречался с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом, Гессом, Ремом и другими нацистскими руководителями, а отдельные из них даже обращались к нему за консультациями в сфере разведки и контрразведки и полицейской службы. Это как будто совпадало с тем, о чем сообщал Рисс, относивший себя к очень осведомленному кругу людей.

Показания Николаи, его признания, материалы архива, рукопись «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт» позволяют прояснить истину.

Еще в Айзенахе Вальтер Николаи проявил интерес к национальному движению в Германии:

«Мое уединение в Айзенахе, которое произошло по совету центральных военных учреждений (генеральный штаб, военное министерство и глава кабинета) привлекло ко мне внимание в апреле 1921 года, помимо национальных газет страны, с которыми я был связан, также и многочисленные силы разгромленного военного руководства и национального сопротивления. Разрозненные сами по себе, без единого руководящего центра, они действовали в каком-то сплошном беспорядке, и поэтому мне очень трудно, вспоминая то время, провести четкое разделение всего происходившего. Я видел только примерную расстановку сил. Эта картина соответствует той неразберихе, которая царила в национальном движении, где и руководящую роль Людендорфа, которому я всячески содействовал, тоже нельзя было выделить особо. Так продолжалось до тех пор, пока в наступление не перешло национальное движение во главе с Адольфом Гитлером».

Из рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»:
«Со времени Первой мировой войны меня все больше и больше занимала проблема руководства. Мой взгляд тут был таким. Понятие «руководство» включает в себя три условия:

а) идею, соответствующую настоящему и будущему времени,

б) вождя, признающего это требование и следующего этой идее, имеющего силу и мужество жертвовать собою ради осуществления идеи, добивающегося руководства, преодолевающего встречающееся ему сопротивление,

в) последователей, которые ему нужны и которых он находит.

Именно эти три компонента должно включать в себя понятие «руководство». Только на основании этого будет ясно становление Гитлера. Германия после Первой мировой войны была без руководства. Старое руководство не соответствовало указанным мною выше трем условиям, оно было разбито. Ни постоянно меняющиеся в то время правительства с постоянно меняющимися идеями, ни рейхстаг, ни партии, ни так называемые раздробленные группы национального движения не обладали достаточным авторитетом, на что можно было опереться руководству, к чему стремилась тогда молодежь...»

Желание повлиять на внутривластную обстановку в Германии у Николаи было столь велико, что в 1924 году, переехав из Айзенаха в Берлин, он основывает газету «Дойчен форвертс», ставшую одним из рупоров германских националов, которую финансируют силы, знающие бывшего начальника германской разведки еще со времен мировой войны. Он признает: «До начала 1927 года работа для «Дойчен форвертс» была для меня одной из самых главных поставленных мной же самим задач...» Однако, убедившись в «бесполезности этого предприятия», Николаи прекратил выпуск газеты.

В последующие годы он всячески поддерживал Союз фронтовых солдат «Стальной шлем», подсказывая его руководителям, что и как надо делать, но потом отдал предпочтение национал-социалистическому движению во главе с Гитлером.

Еще одна запись:

«Я пытался сформировать свое суждение о руководителе. Есть ли личность, способная к руководству, может ли эта личность реализовать идею и дорасти до масштабов вождя, чтобы создать народный фронт типа 1914 года. Я не только полагался на мое собственное суждение, но и обосновывал

это суждение, беседуя со многими способными и талантливыми людьми. Это суждение заключалось в том, что за исключением Гитлера нет больше личности, способной реализовать идею, равноценную национал-социализму. В качестве моей последней приверженности ему и его идее явилось то, что я не нашел ничего другого, только это, а потому не смог прийти ни к какому иному убеждению».

Впервые полковник Николаи встретился с Гитлером в 1921 году. Это произошло в доме некоего доктора Шойбнера-Рихтера, у которого собирались бежавшие из России после Октябрьского переворота 1917 года такие же, как он, прибалтийские немцы, создавшие общество «Созидание», целью которого была борьба с большевизмом. Гитлер проявил интерес к этому обществу, члены которого в последующем влились в национал-социалистическое движение, а Шойбнер-Рихтер и некоторые другие прибалты — Отто Курсель, впоследствии директор Берлинской академии художеств, Альфред Розенберг, будущий идеолог нацистской партии — вошли даже в ближайшее окружение вождя национал-социализма. Привел в этот дом Николаи генерал Людендорф, намеревавшийся познакомиться с Гитлером бывшего начальника разведки, чтобы услышать его мнение об этой фигуре, заявившей о себе в национальных кругах.

Вот впечатление Николаи о Гитлере:

«С самого начала относясь по-разному к тем, кто был старше меня и обременен отмирающими идеями, и к молодым, еще не имеющим опыта, но подающим надежды, я на этом фоне сразу выделил Гитлера благодаря его самоуверенной сдержанности, инстинктивной, я бы даже сказал, гениальной фиксации некоторых проблем, которые породила мировая война и которые мы из-за избытка впечатлений не могли понять с той же ясностью, которой обладал он».

До этой встречи Николаи видел возможного руководителя немецких националистов только в генерале Людендорфе. Теперь он увидел личность, способную, как ему показалось, действовать в национальном движении самостоятельно: «Гитлер не втирается в доверие к Людендорфу, а при всей почтительности к нему с самого начала проявляет осознанную сдержанность, он не склонен опираться на прошлый авторитет или подчиняться этому авторитету».

Свое впечатление о вожде национал-социалистов Николаи отразил и в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Впечатление, оставленное нам Гитлером, было такое, что это исключительно чистый, фанатически преданный своим социальным идеям человек, а также фанатически верящий в свою социальную миссию...»

Однако сам бывший начальник разведывательной службы оставался вне национал-социалистического движения и даже не входил в Союз фронтовых солдат «Стальной шлем», видя свою «историческую миссию» в посредничестве между ними и оказании влияния на их руководителей.

25 июня 1929 года он посылает письмо Адольфу Гитлеру и предлагает встретиться в Бад-Визее на озере Тегерзее в доме некоего Рекса, где он, Николаи, будет находиться на лечении и где уже находится Гитлер.

Встреча состоялась. Николаи свидетельствует:

«У меня создается впечатление, что я пользуюсь доверием Гитлера, а его личность вновь укрепляет меня в моих намерениях и рождает во мне уверенность в его успехе. Напротив, Гесс, который молча присутствует при наших беседах, относится ко мне с недоверием, поскольку я избегаю членства в партии. Но для меня это членство явилось бы прекращением моей посреднической деятельности, которую я считаю необходимой».

В январе 1934 года, уже после прихода нацистов к власти, Николаи подтверждает свою позицию: «Мое требование состоит только в том, что я возьму на себя лишь ту задачу, которую смогу выполнить и которая позволит мне держаться на расстоянии от всех партийных перипетий и от любых организационных мероприятий. Моя принадлежность к НСДАП¹ послужит рекламе, но это меня свяжет, поскольку вступление в эту партию сузит мои планы».

Встреча с Адольфом Гитлером на озере Тегерзее была, можно сказать, последней. Попытки Вальтера Николаи снова увидеть вождя национал-социалистов и как-то влиять на

¹ НСДАП — национал-социалистическая германская рабочая партия, созданная Гитлером в 1920 году, правила в Третьем рейхе до его разгрома в 1945 году.

него, что бывший шеф немецкой разведки считал для себя необходимым, не увенчались успехом. Это видно из переписки, которую он вел в это время с вдовой доктора Шойбнера-Рихтера, погибшего 9 ноября 1923 года во время так называемого «пивного путча», у которой с Гитлером сохранились близкие отношения.

9 августа 1930 года Николаи пишет ей: «Предположительно в первой половине недели после 17 августа я буду в Мюнхене, и мне очень хотелось бы поговорить с Гитлером. Об этом желании я доверительно пишу вам, надеясь, что вы передадите его по назначению. Если встреча с Гитлером не удастся, я хотел бы переговорить с его ближайшим доверенным лицом».

Ответ вдовы Шойбнера-Рихтера от 18 августа 1930 года:

«Гитлер, к сожалению, находится сейчас в Рейланде, прибудет обратно самое раннее 23 августа, его сопровождает господин Гесс. Гитлер очень сожалеет, что так все получается неблагоприятно и просит вас обсудить подробности с Альфредом Розенбергом, его доверенным лицом. Я уведомила Розенберга о вашем прибытии. Он был бы очень благодарен, если бы вы ввиду его перегруженности работой прибыли бы к нему в редакцию «Фелькишер беобахтер», где он будет утром во вторник с 11 часов, в этом случае он предоставит себя в ваше распоряжение и вы сможете спокойно побеседовать в его рабочем кабинете. Будем надеяться, дорогой господин полковник, что вы окажетесь довольны таким положением дел».

Эта встреча оставила след в записях Николаи: «Беседа с Розенбергом подтвердила в широком плане согласованность наших намерений, хотя я не верю в полную откровенность с его стороны».

24 сентября 1930 года Вальтер Николаи напрямую обращается к вождю нацистов:

«Многоуважаемый господин Гитлер!

От госпожи фон Шойбнер вы знаете о моем давнишнем желании поговорить с Вами наедине в спокойной обстановке. К сожалению, до сих пор до этого не дошло, хотя Вы были настолько любезны, что предоставили в мое распоряжение 19 августа в Мюнхене господина Розенберга.

Сегодня я получил от госпожи фон Шойбнер сообщение, что Вы проводите встречу во Франкфурте-на-Майне с 5 по 8 октября, а я приглашен на 4 и 5 октября руководителем

«Стального шлема» в Кобленц. Мы могли бы с Вами поговорить во Франкфурте-на-Майне, но я не знаю, сможете ли Вы выделить необходимое время из-за Вашей занятости. Дело в том, что я не хотел бы кратковременной беседы, а хотел бы в неспешной атмосфере обсудить с Вами на основе моего опыта и знаний положение дел. Если это невозможно сделать во Франкфурте, то, может быть, эту встречу мы проведем в Берлине, где я регулярно бываю каждый месяц.

Во всяком случае довожу до Вашего сведения, что я всегда готов дать Вам свой совет и поделиться моим опытом. Если Вы придаете этому какое-то значение, то, я думаю, мы могли бы как можно скорее, буквально в ближайшее время, провести эту беседу, но я охотно предоставляю себя в Ваше распоряжение и в другое время, если сейчас я обращаюсь к Вам преждевременно».

Все это походило на какую-то непонятную игру. Полковника Николаи постоянно обнадеживают, обещают встречу с Гитлером, но дело затягивается, и ему лишь остается переписываться с вдовой Шойбнера-Рихтера.

8 декабря 1930 года она пишет Николаи:

«Мне очень жаль, что вы получили такой мало вас удовлетворяющий ответ. В оправдание Гитлера я должна вам сказать, что он уже несколько месяцев со всей его страстью, со всеми силами и, к сожалению, даже больше того, что ему предоставлено его возможностями, постоянно находится в первых рядах борцов, не знающих покоя и отдыха, к которому сверх всякой меры предъявляются высочайшие требования. Недавно я присутствовала при очень короткой беседе на собрании, и меня ужаснул его усталый, изможденный вид. Дай-то Бог, чтобы он все это выдержал и чтобы времени не удалось забрать у него все силы».

Вальтер Николаи тоже печется о Гитлере. В письме от 11 декабря 1930 года он признается «фрау Хильде»:

«Ваши деловые сообщения совпадают с моими намерениями. Я боюсь, что наш молодой друг (Гитлеру в ту пору было около сорока лет) не пробьется на этом пути, а просто исчерпает свои силы. Поэтому наша задача чудовищно тяжела, поскольку он должен вести за собой движение последователей... В тем большей степени он должен был бы как можно дальше отмежеваться от других дел, а крепить мощь

руководства вместо того, чтобы лично рекламировать себя в массах, заставляя их самих объединяться и не требовать ничего, кроме как руководства».

И добавляет:

«Сдержанность Гитлера в контактах вне его партии, а тем самым и со мной не остановила меня от энергичного следования моей цели... Известность моего имени со времен мировой войны открывает передо мной возможность предоставить многочисленные связи с высокими личностями прошлой и настоящей политической и экономической жизни страны, а также за рубежом. Так как мне до сих пор не удавалось обстоятельно поговорить с Гитлером и убедить его, что знание всех течений и размышлений также могло бы иметь для него значение и могло бы быть представлено через меня, то я вынужден, не имея такой возможности, информировать об этом лишь руководителей «Стального шлема».

Одержимость бывшего руководителя германской разведывательной службы полковника Вальтера Николаи, с которой он стремится снова увидеться с Гитлером, станет понятной, если познакомиться еще с одной его дневниковой записью, сделанной в это время:

«Моя беседа с Лепером исходит из убежденности в том, что руководство НСДАП, а тем самым и ответственность возлагаются на Адольфа Гитлера. Опираясь на мой опыт в мировой войне, я и указал в беседе на эту невероятную ответственность за все происходящее и особенно подчеркнул три вещи:

1. Вермахт и дипломатическая служба до поры до времени должны быть исключены из революционного процесса, цель которого захват власти в стране.

2. Необходимо избежать столкновения трех групп национального движения — немцев-националов, «Стального шлема» и НСДАП — до или при захвате власти, что является последней надеждой врагов.

3. Экономика, существующая по своим законам, не должна быть вовлечена в водоворот политических событий. Необходимо поиск специалистов в области экономики и лучших из них необходимо уже сейчас связать с грядущим руководством, возглавляемым Гитлером.

По моему впечатлению, в движении ощущается недостаток хозяйственных руководителей такого ранга.

Представляя свои взгляды, я иду настолько далеко, что говорю Леперу, что переход политической власти к Адольфу Гитлеру я не только предвижу, но и желаю, поскольку это единственное властное формирование с глубокой идейной мощью, но оно может в то же время привести к глубокому несчастью, если не будет учтено сказанное мною¹. И я советую ему, как начальнику управления кадров, предоставить мне возможность прямо изложить Гитлеру сложившуюся ситуацию, с которой я обстоятельно знаком.

Несмотря на временный отказ Гитлера от встречи со мной, я считаю, что мои отношения с руководством НСДАП остаются неизменными, хотя я замечаю у Лепера некоторую личную сдержанность. Но это оправдано, так как он не хочет говорить о деле, о котором сам руководитель НСДАП уклоняется беседовать со мной».

Вальтеру Николаи удалось увидеть Гитлера во время проведения дней национальной оппозиции в Гарцбурге 14 октября 1931 года. В них участвовали Немецкая национальная народная партия во главе с Гугенбергом, Союз фронтовых солдат «Стальной шлем» под руководством Зельдте и Дюстерберга и Национал-социалистическая немецкая рабочая партия во главе с Гитлером. Празднество проводилось на украшенном флагами и плакатами лугу, где маршировали колонны немецких националистов и штурмовые отряды нацистов. Однако, держась поодаль друг от друга, они не представляли собой монолита.

В записях Николаи, которого пригласили в Гарцбург, этот день отражен так:

«Гитлер на завтрак не прибыл. Я полагал, что его не будет и на запланированных на вторую половину дня основных переговорах. Но он появляется, однако с запозданием на полчаса. Его приверженцы, наполовину заполняющие зал, приветствуют его возгласами «Хайль Гитлер!». Но немало в зале и приверженцев Гугенберга. Сзади меня какой-то толстый идиот ревет «Хайль Гугенберг» вместо «Хайль Гитлер!». Это вызывает у меня отвратительное чувство и глубоко омрачает меня, свидетельствуя о раздробленности националь-

¹ Что хотел сказать Гитлеру полковник Николаи, чтобы предотвратить «глубокое несчастье», неизвестно.

ной оппозиции. Гитлер заметно сдержан и держится как-то сзади. Зельдте и Дюстенберг, настроенные против немецких националов, сильно расстроены поведением Гитлера, рассматривая это как саботаж. Гугенберг скромнен, но потому, как всегда, невыразителен. Мои симпатии на стороне Гитлера...»

Прошел еще год, и только тогда произошла встреча бывшего начальника германской разведки с Адольфом Гитлером, которой он так добивался. 2 ноября 1932 года в редакции газеты «Фелькишер беобахтер» полковник Николаи имел желанную им беседу с будущим канцлером Третьего рейха. Краткость встречи, а она длилась всего двадцать или тридцать минут, означала, что Гитлер интереса к мыслям «короля» шпионажа не проявил.

Это была их последняя встреча.

В рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт» есть такое пояснение: «Гитлер почтительно отнесся к моим рассуждениям по вопросам мировой войны, но отклонил мои предложения о его дальнейшем пути».

Приход Гитлера к власти 30 января 1933 года ничего не изменил в судьбе Вальтера Николаи.

22 марта по случаю 40-летия присвоения полковнику Николаи офицерского звания его принял генерал-фельдмаршал Гинденбург, президент Германии, и, поздравив с этой датой, поинтересовался, чем он теперь занимается. Гинденбург был очень удивлен, что для начальника разведки германской армии не нашлось за все годы, прошедшие после окончания мировой войны, какого-либо подходящего дела, и предложил свою помощь, но Вальтер Николаи лишь поблагодарил бывшего патрона за внимание к себе.

На допросах, опровергая обвинения в сотрудничестве с гитлеровцами, полковник Николаи так изложил эту беседу с фельдмаршалом:

— В 1933 году я встретился с Гинденбургом в его дворце по случаю сорокалетия с момента присвоения мне офицерского звания. В беседе со мной Гинденбург интересовался, чем я занимаюсь. Узнав, что я нигде не работаю, он заявил, что позаботится подыскать мне работу соответственно моим знаниям. Но в связи с тем, что руководящую должность получить я не мог, а идти в подчинение не желал, от предложения Гинденбурга я отказался.

Приход Гитлера к власти бывший начальник германской разведслужбы воспринял с большими надеждами для немецкого народа и страны. Об этом свидетельствует его выступление по радио в августе 1933 года в Кройцнахе по случаю открытия музея Ставки Верховного главнокомандования кайзеровской армии. Музей располагался во флигеле отеля «Оранунхоф», который в годы Первой мировой войны занимал отдел III Б. Текст этой радиопередачи под названием «Фюрер и фронт» Николай сохранил в своем архиве.

Вот что говорил, в частности, попавший впоследствии в русский плен знаменитый глава шпионажа:

«Опираясь на собственные силы, на солдатский дух народного фронта, к власти пришел Адольф Гитлер. Он сбросил с трона немецкого народа избирательную урну с тем, чтобы она разбилась на куски. Он взошел на трон не ради собственной личности, он остался с фронтом народа, прочно сросшись с ним в единое целое. В третий раз Провидение дает нам возможность сплотиться вокруг вождя, чтобы не дать свершиться главной военной цели наших врагов и противопоставить их преимуществу, которое, пожалуй, у них есть в численности, оружии и материальных средствах, присущую только нам внутреннюю судьбу, это то преимущество, которого у них никогда не будет при их системе даже в коалиции с другими, поскольку они никогда не были в той крайней ситуации, в которой находимся мы, и не чувствуют той угрозы Европе, которая исходит от большевизма, возникшего в результате мировой войны.

На троне вместо избирательной урны теперь лежит раскрытая книга судьбы нашего народа, в которой мы делаем свои записи в знак признательности Адольфу Гитлеру за то, что он стал вождем. Если мы не поймем именно этот наступивший час, то будем по крайней мере самонадеянны, полагая, что Бог и в четвертый раз предоставит нам возможность к единению и победе.

Провидение возложило на молодые плечи Адольфа Гитлера мантию Гинденбурга, мантию доверия давно ушедшего времени. Но наступит день, когда Бог снимет эту мантию с плеч Гитлера. И тогда Гитлер станет таким вождем немецкого народа, который окончательно сломит вековое сопротивление недоверия к немецкой короне...

Гитлер поднял престиж кайзеровского призыва 1914 года и придал руководству необходимую последовательность, заявив: «Я не признаю больше никаких партий, я признаю только немцев!» Этим выражена идея, связующая фюрера и народ и делающая их непобедимыми. За нами время бесконечно многих, постоянно противоборствовавших и изменяющихся идей, поддерживаемых различными вражескими силами. Вместо множества идей теперь есть необходимое единство, но оно не передано, как маска, по наследству, поскольку идея должна родиться и соответствовать нынешнему и будущему времени. Эта идея соткана Адольфом Гитлером. Она, как луч солнца, должна быть впитана немецким руководством, поскольку это означает борьбу за победу нового времени. Гитлер не только понял смысл этой идеи, но и имеет мужество ее реализовать. Но для этого ему нужен народный фронт. Поэтому судьба этой идеи в их руках — фюрера и фронта».

Казалось бы, после такого выступления, в котором полковник Вальтер Николаи признал Адольфа Гитлера данным Богом вождем немецкой нации, призвал соотечественников сплотиться и следовать за Гитлером без раздумий туда, куда он поведет, для него открывался прямой путь к какому-либо применению в новых условиях, но все оказалось не так.

В августе 1933 года бывший глава разведслужбы германской армии отметил свое 60-летие. Его запись:

«Упоминание моего дня рождения в прессе принесло мне и пожелание счастья от одного молодого человека, штандартенфюрера СА Клингмюллера, владельца членского билета НСДАП за номером 100, который в конце мировой войны был принят в мое ведомство после бегства из русского плена и благодарный мне за это искал со мною личного знакомства. Он считал себя способным заинтересовать рейхсканцлера (Гитлера) в использовании моего опыта».

И такая попытка была предпринята штандартенфюрером СА в конце октября 1933 года, на что из партийной канцелярии он получил такой ответ:

«Многоуважаемый господин Клингмюллер!

По поручению заместителя фюрера я сообщаю вам, что зачисление господина полковника Николаи невозможно.

Хайль!

М.Борман».

Николаи узнал об этом и посчитал необходимым объясниться с заместителем фюрера, послав 2 ноября Рудольфу Гессу письмо:

«Так как я узнал, что он (Клингмюллер) пострадал во время войны, я посетил его при моем очередном пребывании в Берлине. Дружески относясь ко мне, он посчитал, что обязан рекомендовать фюреру использовать мой опыт. Я подтвердил свое большое желание служить фюреру, но пояснил, что для меня трудно найти применение и что он ничего не должен предпринимать, ибо это может быть неправильно истолковано. Он показал мне копию письма от 21 октября, подписанного М.Борманом, где по поручению заместителя фюрера, то есть по Вашему поручению, сообщалось, что «зачисление полковника Николаи невозможно». Усердие моего бывшего подчиненного, мне кажется, привело к недоразумению, устранить которое я и хотел бы. Мне не нужно никакого «зачисления», не нужно никаких «титолов» и зарплаты. Мною руководит вполне понятное чувство оказать помощь благодаря моему военному опыту и моей работе за национальное возрождение после войны. Как это я смогу сделать и когда, я еще не решил. Однако я рад предоставить Вам эти объяснения с тем, чтобы вы знали, что фюрер может рассчитывать на меня когда и как ему будет необходимо».

Такой необходимости, как свидетельствуют материалы архива самого Николаи и материалы следствия, не возникло. Однако весь мир считал, что знаменитый глава немецкого шпионажа Первой мировой войны связан с Гитлером и служит нацистам. Эти публикации стали появляться еще до прихода нацистов к власти в Германии. Какая-то немецкая газета 5 января 1932 года под заголовком «Новая опора трона Гитлера» сообщала:

«Только теперь стало известно о том, что полковник Николаи вошел в штаб Гитлера. Господин Николаи, кто без оглядки следовал Гитлеру не только в нынешнее время, принял на себя обязанности шефа службы разведки, и этот факт достоин того, чтобы с ним познакомиться как с новым случаем Николаи. Николаи, представляется, хочет сегодня продолжить ту деятельность, которую он столь неуспешно проводил во время войны как офицер службы разведки при генеральном штабе. Можно только пожелать счастья нацистс-

кой партии в таком приобретении, тем более что господин Николаи известен как один из тех, кто самым решительным образом выступает за национальный большевизм и, стало быть, за объединение нацистов с Советской Россией. Новый шеф нацистской службы разведки прямо-таки является поборником этой идеи. В настоящее время еще не ясно, должно ли означать назначение Николаи как следование нацистской партии этому направлению. Говорят, что Николаи уже имеет в своем распоряжении и службу контрразведки, направленную против нынешних знамен страны и других республиканских объединений, которые призывают к усилению сопротивления. Обе задачи, без сомнения, будут находиться в его руках, но это, как и брак Гитлер — Россия, являющийся шпионской акцией железного фронта республики, не может нас оставить равнодушными.

Господин Николаи уже у руля...»

Этот материал газета сопровождала фотографией Николаи, сидевшего со скрещенными руками на столе. Снимок относился 1916 году, но под ним стояла подпись: «И вот наконец-то счастливым прибыл к Гитлеру».

Интерес к полковнику Николаи еще больше усилился после того, как нацисты пришли к власти.

Под заголовком «Полковник Николаи снова шеф немецкого шпионажа» итальянская газета «Коррьере делла Сера» 21 февраля 1935 года со ссылкой на французский источник заявляла:

«Пари-суар» опубликовала странное разоблачение приключений полковника Николаи, того человека, который во время войны, будучи руководителем немецкого шпионажа, приказал расстрелять мисс Кавель и платил жалованье несчастной Мата Хари. Эти разоблачения имеют актуальную ценность, потому что полковник Николаи, по сообщению названной газеты, опять возвращается к функциям шефа тайной службы разведки в министерстве рейхсвера».

Французская «Паризер тагблатт» 26 февраля 1935 года, предпослав заголовок «Полковник Николаи снова на службе», писала:

«Личность, которая с конца войны полностью держалась в тени и нередко считалась погибшей, вновь объявилась и неожиданно даже для посвященных вновь заняла свою дол-

жность. Речь идет о полковнике Николаи, который, как известно, в немецкой штаб-квартире обладал властью, намного превосходящей его истинный пост. Случай этот тем более интересен, что его повторное назначение произошло после повешенья двух женщин — фон Берг и фон Нацмер — как вознаграждение за то, что он поставил этих женщин под нож. И вот теперь этот шеф немецкой шпионской службы вновь занимается шпионажем в министерстве обороны рейха».

Все это было блефом.

Оказавшись в руках контрразведки, Николаи, отвечая на вопросы о его отношениях с Гитлером и нацистскими спецслужбами, и пытался их уверить в этом, однако его «опровергал» американец Рисс.

Арестованному задали вопрос:

— Когда вы познакомились с Гитлером?

Ответить на это было совсем нетрудно:

— Мое знакомство с Гитлером состоялось в 1921 году в Мюнхене на квартире известного мне доктора Шойбнера-Рихтера, близкого лица Людендорфа. Шойбнер-Рихтер пригласил меня к себе на квартиру, чтобы представить мне Гитлера. При этом имелось в виду, чтобы я побеседовал с Гитлером как руководителем национал-социалистического движения и высказал о нем свое мнение. Это приглашение Шойбнер-Рихтер сделал, как он мне сказал, по просьбе Людендорфа.

Новый вопрос:

— О чем вы беседовали с Гитлером?

Николаи нечего скрывать:

— Содержание разговора между мной и Гитлером я сейчас не помню. Могу лишь отметить, что в основном беседу вел Гитлер. Из сказанного им я сделал вывод, что он человек с ограниченными способностями и в то же время с большими замыслами. По своим убеждениям он уже в то время был ярким националистом.

— Где происходили последующие ваши встречи с Гитлером?

— После указанной встречи с Гитлером я виделся с ним до 1933 года еще два или три раза, последняя встреча состоялась в 1932 году в редакции газеты «Фелькишер беобахтер». Беседа, при которой присутствовали Гесс и Розенберг, продолжалась не более двадцати-тридцати минут.

Следователи интересуются:

— Воспроизведите содержание вашей беседы с Гитлером.

— Я высказал Гитлеру мнение о том, что партия национал-социалистов, видимо, придет к власти, но он, Гитлер, может оказаться без опытных руководителей в области экономики. При этом я заявил, что среди моих знакомых, компетентных в хозяйственных вопросах, имеют место разговоры о том, что Гитлер среди своего окружения не располагает достаточно опытными кадрами, могущими без ущерба руководить экономикой страны. Гитлер остался недоволен моими заявлениями, и после этого я никогда больше с ним не встречался.

Допрос заканчивается довольно скучно:

— Какие задания вы получали от Гитлера и других лиц, возглавлявших фашистское движение?

— Я к национал-социалистическому движению не принадлежал и заданий от Гитлера и других лиц не получал.

Следует уточнение:

— Каких вы придерживались взглядов в отношении партии национал-социалистов и ее программных установок?

И тут ничего интересного:

— Я соглашался с некоторыми политическими положениями партии национал-социалистов, в частности одобрительно относился к стремлению добиться единства немецкого народа и одобрял социально-экономическую политику партии. Однако не был согласен с условиями руководства хозяйственной жизни страны, так как, согласно задачам партии, хозяйственные руководители должны были быть более опытными, чтобы обеспечить надлежащий уровень руководства экономикой Германии.

Тогда последнее:

— Вам кто-нибудь предлагал беседовать с Гитлером по этому вопросу или вы это сделали по собственной инициативе?

— Я это сделал по своей инициативе, так как опасался, что гитлеровское руководство может привести страну к упадку.

Когда полковника Вальтера Николаи не стало, в руки сотрудников советской госбезопасности попала еще одна книга, очень напоминавшая «Тотальный шпионаж» и вышедшая в Париже по какому-то невероятному совпадению в мае

1947 года, когда из Бутырской тюрьмы тело бывшего начальника германской разведки было доставлено в крематорий на одном из московских кладбищ. Французский журналист Жан Бардан, не будучи даже знаком с книгой американца Рисса, это видно из текста, нарисовал картину не имевшей места деятельности полковника Николаи, благодаря которой в Германии воцарился нацизм. Бардан назвал свою книгу «Полковник Николаи — гениальный шпион», две заключительные главы которой — «Николаи и Гитлер» и «Причины, побудившие Николаи содействовать установлению гитлеровской диктатуры» — связывали воедино эти имена со всеми вытекающими последствиями. Бардан еще до Второй мировой войны писал о знаменитом «полковнике», но это были газетные публикации, Николаи их складывал в свой архив. Теперь он посвятил ему целую книгу, где рассказал о жизни и деятельности «короля» шпионажа с момента его прихода в разведку и до того, как он «привел» к власти Гитлера.

Сотрудники советской контрразведки, закончившие следствие и знавшие цену подобным публикациям, полистав книгу Бардана, сдали ее в библиотеку. Она оказалась таким же блефом, с каким они все эти месяцы имели дело, только во французском исполнении.

Вот лишь несколько извлечений из книги:

«С 1921 по 1923 год непрерывно возрастающая нужда фюрера национал-социализма в деньгах, его повторяющиеся запросы в кассу Людендорфа позволили Николаи держать Гитлера в узде и наблюдать за ним. Это он, Николаи, чтобы успокоить некоторые свержвозбужденные умы, разрешил государственный переворот в ноябре 1923 года. Следуя своим декларациям, он «хотел узнать, способны ли нацисты действовать самостоятельно без контроля». На первый взгляд, эта мысль Николаи удивляет. Но в ноябре 1923 года он не был единственным в Германии, кто желал бы придать большую деятельность националистическим элементам и позволить им действовать».

Архив Николаи свидетельствует об обратном:

«О событиях, происшедших на площади Фельдхернхалле в Мюнхене 9 ноября 1923 года я узнаю из экстренного выпуска газет во время прогулки по Потсдамской площади в Берлине. Я совершенно ошеломлен случившимся или даже,

скорее, омрачен этим. Не только потому, что, защищая Людендорфа, погиб по-человечески близкий мне доктор Шойбнер-Рихтер, но и потому, что события эти полностью противоречат тому, что я рекомендовал и в чем со мною согласился Людендорф. Я советовал Гитлеру отвергать любое искушение применить силу, но мои отношения с Гитлером не настолько близки, чтобы я мог дать детальную оценку его поведения 8 и 9 ноября».

Оказывается, и знаменитый труд «Майн кампф» Гитлер писал с помощью Николаи. После того как попытка государственного переворота провалилась, Гитлера осудили, и Бардан рассказывает как о достоверном:

«Гитлер был заключен в тюрьму-крепость Лансберг-на-Лейхе как политический заключенный вместе с его сокамерником Гессом. Там он, как писал в 1926 году начальник тюрьмы, «скопировал и дополнил своими пометками и программой, которую выправил Гесс, документы, отправляемые Николаи, и работы Людендорфа и его жены». Этот плагиат и составил основу знаменитой «Майн кампф» — произведения, которое, как и Библия, имело самый большой тираж в мире во все времена. Следует подчеркнуть, что «Тотальная война» Людендорфа и секретные материалы Николаи относительно «морального наступления на врага» послужили базой тезисам Гитлера к тому, что он считал, впрочем, с претензией «своим способом вести войну и побеждать еще до того, как битва началась».

Материалы следствия и архив Вальтера Николаи говорят, что последний никакого отношения к написанию «Майн кампф» не имел и иметь не мог. Он оставил лишь одно свидетельство о Гитлере, связанное с его пребыванием в тюрьме, которое имеется в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт» и которое подчеркивает как раз обратное: «Во время ареста Гитлера значение его партии пошло на убыль. Нам он показался после ареста более созревшим, но и еще более недоступным с советами к нему».

Не обошлось без участия Николаи, пишет Бардан, и досрочное освобождение Гитлера, а также укрепление его позиций в национал-социалистическом движении:

«После десяти месяцев заключения Гитлер благодаря содействию Николаи и своих начальников из рейхсвера полу-

чил амнистию. Он возвратился в Мюнхен, где Людендорф, Николаи и фон Папен помогли ему получить значительное влияние в национал-социалистической партии, в которой ряд сотрудников Гитлера начали создавать раскол».

Николаи, продолжает Жан Бардан, был тем, кто «заставлял крутиться всю машину» и кто, «используя Гитлера, оставался хозяином положения», ибо у него в руках было то, чем не обладал никто — «тайные службы» и проверенные агенты: «Он, Николаи, окружил фюрера своими агентами, которые, как он полагал, могли бы или ликвидировать Гитлера, или его направлять. Это были Гиммлер, его старый сотрудник, крутые Рем и Штрассер, а также интеллигент Гесс. Гитлер в их глазах был «хорошей собакой без мозга». Он знал, чтобы оставаться на своем месте, его должен был поддерживать мозг, который представлял собой генштаб».

Мог ли Гитлер получить пост канцлера 30 января 1933 года без содействия полковника Николаи? Бардан говорит, безусловно, нет: «Гинденбург, президент рейха, был ярким противником фюрера. Не будем здесь приводить все ссоры, острые и гротескные, которые происходили между маршалом-президентом и тем, кого он называл «австрийской собакой». Никогда бы Гитлер, несмотря ни на какую поддержку фон Папена и несмотря на своих покровителей, не получил бы пост канцлера без Николаи, который, по мнению сына президента майора Гинденбурга, «был именно тем, кто колебал его отца, убедив его в том, что только человек, вышедших из народа, мог восстать против большевизма».

Ни тогда, когда Гитлер шел к власти, ни потом никто еще не связывал имя полковника Николаи с поджогом рейхстага. Француз Бардан сделал это:

«Николаи реализовал в Германии то, что он вызвал в России. Старик спокойно продолжал идти к своей цели, не принимая во внимание льющуюся кровь, будь то даже германская кровь. Сценарий поджога рейхстага явился началом кровавой революции, которая меньше предназначалась для уничтожения коммунизма, мало активного, а больше для того, чтобы власть перешла к Гитлеру, за которым видна была фигура его хозяина Николаи, который подготавливал полный захват власти в Германии».

И далее:

«Здесь следует уточнить. Один из поджигателей рейхстага, которого арестовали, был некий Ван дер Люббе, обладатель голландского паспорта и опознанный как член коммунистической партии Голландии. Но фон дер Люббе и агент Николаи с 1918 года. Он совершил путешествие в Россию в 1928 году и получил 15 000 марок, выданных фон Шлейхером по просьбе Николаи. Таким образом, можно утверждать, что вместе с Герингом знаменитый полковник был причастен к поджогу рейхстага, что стало предлогом для получения от Гинденбурга согласия на отмену статей конституции, гарантирующих личные свободы, тайну переписки, телеграфных и телефонных сообщений, а также возможность задержания и обыска без ордера».

Бардан пошел дальше, он «увязал» с именем бывшего начальника германской разведки даже появление в нацистской Германии гестапо: «Месяц спустя согласно планам Николаи Герман Геринг создает печально известную государственную тайную полицию, или гестапо, а Николаи получает эполеты генерала. Создав «инструмент германского реванша», он заставил своих агентов лично следить за правильным функционированием этого исключительного оружия войны, которое было его изобретением: пятую колонну. Эта «пятая колонна», его детище, чуть было не привела к триумфу Гитлера».

Чем же заканчивает свое повествование о «гениальном шпионе» не менее, чем американец Рисс, «проницательный» француз Жан Бардан? А тем, что полковник Николаи устранил в июне 1934 года последних «конкурентов» Гитлера в нацистской партии, устроив резню, что позволило возвести его «подопечного» на трон абсолютного властелина:

«Конфликт между СА и рейхсвером был в самом разгаре. В гневе фюрер мог бы благоприятствовать Рёму в ущерб регулярной армии.

Только один мог уладить дело: Николаи.

В это время он был в Испании. За ним отправили самолет. Он заставил арестовать виновных, предупредил канцлера и воспользовался этим случаем, чтобы урегулировать проблемы с СА.

Это именно он призвал Гитлера расстрелять легионы Рёма. И, таким образом, спас своего протеже от антигитлеровской

революции, которая в июне 1934 года смела бы фюрера и отодвинула бы на десять лет вооружение Германии, если бы канцлер не понял необходимости опереться на армию.

Этот зловещий день, 30 июня, по признанию Николаи, сделанному одному швейцарскому врачу, у которого он проводил отпуск, «оставляет горький привкус крови во рту».

Не этот ли «горький привкус» заставил Николаи окончательно исчезнуть или, может быть, он исчез, предпочтя работать в тени?

Рано или поздно мы, возможно, это узнаем. В любом случае, начиная с 1935 года, его ученик адмирал Канарис официально был назначен главой шпионажа в Германии».

Спустя более полувека после выхода в Париже книги Жана Бардана, зная истину, следует опровергнуть французского автора. Это непременно надо сделать, ибо сам полковник Николаи, скончавшийся за несколько дней до выхода книги, не сделает этого никогда.

30 октября 1945 года он уже был в России.

На военном аэродроме самолет ждала машина с чекистами из центрального аппарата НКВД. Сквозь просветы между занавесками Николаи мог видеть Москву, в которой он никогда не был. Зато он сразу узнал здание на Лубянской площади. Много раз бывший начальник немецкой разведывательной службы видел его на снимках в газетах и журналах.

Вместе с сопровождающими он вошел в подъезд. Тяжелая массивная дверь закрылась за ними. Потом все долго шли по коридорам и наконец спустились вниз. Тут их тоже ждали.

Николаи передали из рук в руки.

Теперь его сопровождал только один человек.

У прикрытой двери камеры он остановился.

— Это ваш номер, господин полковник, — сказал он на приличном немецком языке, — надеюсь, он вам не покажется очень мрачным.

— Надеюсь, вы недолго продержите меня в этом каземате? — ответил Николаи по-русски с легким акцентом.

Тогда бывший глава германского шпионажа Первой мировой войны не мог и представить, что останется в России навсегда.

**«КАК НЕМЕЦКИЙ ПАТРИОТ Я ВСЕГДА СОЖАЛЕЛ,
ЧТО НЕМЕЦКИЙ И РУССКИЙ НАРОДЫ
БОРОЛИСЬ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА...»**

Арест полковника Николаи, судя по материалам его следственного дела, не оформлялся. Об этом свидетельствует «Справка», подписанная 5 октября 1945 года в Берлине генерал-майором Петровским. Николаи был задержан и допрошен советскими контрразведчиками по подозрению в сотрудничестве с гитлеровскими спецслужбами, согласно данным, содержащимся в книге американца Курта Рисса «Тотальный шпионаж».

Лишенный свободы, бывший глава германской разведывательной службы оказался в Лубянской тюрьме не преступником, а подозреваемым в преступлении. Надо было или доказать его виновность, или, в противном случае, отпустить, извинившись за причиненные «неудобства». Поэтому новые, уже московские следователи, которыми руководил заместитель начальника следственной части по особо важным делам Наркомата госбезопасности СССР¹ полковник Лев Аронович Шварцман, впоследствии, после ареста Берии в 1953 году, расстрелянный за «беззакония», первым делом взялся за изучение протоколов допросов, присланных из Берлина, и архива, изъятых на квартире Николаи в городе Нордхаузене.

Обыск в доме Вальтера Николаи произошел 7 октября 1945 года после решения «арестовать» бывшего шефа немецкой разведки «без оформления ареста». Протокол квартирного обыска в деле имеется: «Я, начальник следственного отдела оперсектора НКВД СССР по Тюрингии майор Низов, в присутствии гвардии старшего лейтенанта Лиснера и переводчицы Беляевой Л.И. произвел сего числа квартирный обыск у гражданки Евы Вагнер, проживающей в особняке, принадлежащем полковнику Николаи Вальтеру, по

¹ В Москве Вальтер Николаи был передан из НКВД в НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности, переименованный в марте 1946 года в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР).

Штольбергерштрассе, 58, в городе Нордхаузене. При обыске обнаружено и изъято:

1. Личный архив полковника Николаи, датированный 1914 — 1945 гг.

2. Разная переписка.

От гражданки Евы Вагнер жалоб на грубость или неправильное изъятие ценностей не поступило».

Архив Николаи состоял из 28 пухлых томов с «печатными и письменными материалами» и 21 тугой пачки с «разной перепиской». Были обнаружены еще и папка с фотографиями, а также несколько схем и его книги «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне» и «Тайные силы» на немецком языке. Понятно, что допросы в Москве не могли начаться без хотя бы беглого просмотра этих «томов» и «папок» — в них могли быть «улики», которых так недоставало следствию.

...Немало времени провел бывший руководитель германской секретной службы в одиночной камере Лубянской тюрьмы, прежде чем переводчики положили на стол полковнику Шварцману выкладки о том, что именно «сберегал» в своем доме этот «матерый шпион». Работу проделали большую, однако завершилась она ничем. Вложенная в дело справка констатировала:

«Большая часть имеющихся архивных материалов посвящена переписке с отдельными известными лицами (генерал Людендорф, бывший посол в Турции и начальник политической разведки МИД Надольный, главные немецкие националисты Гугенберг и др.). Основное место в переписке занимают письма и доклады к бывшим руководителям «Стального шлема» Зельдте и особенно Дюстенбергу (с которым Николаи находился в близких дружеских отношениях) по вопросам, связанным с организацией германского национального движения вообще и с организацией политической разведки «Стального шлема» в частности.

Много писем и рукописей свидетельствует о кипучей деятельности, развитой самим Николаи в 1927 — 1932 годах по сколачиванию фронта национального движения в Германии (непрерывные разъезды по Германии, выступления, доклады, участие в съездах и т.п.). Основная политическая цель Николаи в этот период — поиски вождя для национального движения. В этом отношении он обращал свой взор то на Гугенберга, то на Дюс-

тенберга, но разочаровался в них. По мере роста числа членов и влияния национал-социалистической партии Николаи начинает думать, что вождем может стать Гитлер, с которым он неоднократно через разных лиц из его окружения (в частности, Рудольфа Гесса) пытается установить личный контакт и которому хочет внушить свои политико-философские идеи. Он встречается с Гитлером (один или два раза), Геббельсом, Альфредом Розенбергом, Гиммлером. Однако из записей видно, что Николаи не удалось наладить связь с ними, к нему относятся со сдержанной вежливостью, и целый ряд настойчивых попыток Николаи еще раз встретиться с руководителями нацистов (Гитлером, Гиммлером, Гейдрихом) и получить какую-нибудь постоянную работу последними по каким-то причинам отклоняются.

Об этом говорит, в частности, следующее письмо Гиммлера на имя Николаи:

«Берлин, 15 июня 1934 года.

Рейхсфюрер СС. № А/03212

Господину полковнику Николаи!

Нордхаузен, 1 Гарц,

Штольбергерштрассе, 58.

Глубокоуважаемый господин полковник!

Я возвращаюсь к нашему недавнему разговору и благодарю Вас за Ваше предложение помочь мне в области политической полиции. По самым разным причинам я пришел к убеждению, что было бы лучше, если сотрудничество между мной и Вами не имело бы места. Само собой разумеется, что этот отказ вытекает из деловых, а не личных соображений.

С выражением глубокого почтения

Ваш Г. Гиммлер».

Помимо этого, архив имеет материалы:

о переговорах с турецким генштабом по организации разведслужбы;

характеристики политических положений партийной борьбы, отдельных деятелей и т.п.;

об известных немецких шпионках «фрейлейн доктор» и Мата Хари;

записки о роли немецкой разведки во время Первой мировой войны;

о роли самого Николаи в качестве начальника отдела III Б генштаба в связи с многочисленными нападками на него и

«разоблачениями» в печати о его связях и сотрудничестве с Москвой, о подготовке им путча против Веймарской республики, о данном им разрешении на проезд в 1917 году из эмиграции в Россию товарища Ленина;

о создании из ренегатов социал-демократии и поддержке со стороны Николаи газеты «Дойчен форвертс»;

о создании Института по изучению истории новой Германии (который, по данным автора книги «Тотальный шпионаж» Курта Рисса, являлся прикрытием для вновь созданной Гиммлером в Германии крупной разведывательной службы) и о работе там Николаи: заметки, программы, доклады, обзоры и т.п.»

Справку составил заместитель начальника 1-го отделения 1-го отдела 1-го управления НКГБ СССР Зеeman.

Содержание архива Николаи свидетельствовало в его пользу и в конце концов повлияло на вывод следствия — к деятельности нацистской разведки накануне и в годы Второй мировой войны бывший «король» шпионажа непричастен. Для советской же контрразведки личный архив бывшего главного организатора германской разведывательной службы в Первую мировую войну оказался, увы, бесполезным.

Гора родила мышь.

В «Деле Н-21152» нет протоколов допросов полковника Николаи в Москве в первые дни и недели его пребывания на Лубянке, хотя сам он в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт» указывает, что такие допросы происходили. В «досье» московская «эпопея» Николаи открывается встречей с новыми следователями 29 декабря 1945 года.

Лев Шварцман предстал перед «матерым шпионом» с твердым намерением добиться успеха. Он начал допрос довольно резко, заметив полковнику Николаи без обиняков:

— Следствие располагает данными о том, что после ухода в 1918 году в отставку, не состоя официально на разведывательной службе, вы тем не менее продолжали действовать в качестве одного из руководителей германской военной разведки. Не пора ли вам прекратить запирательство и показать всю правду?

Более чем трехмесячное пребывание в советском плену убедило шефа военной разведки кайзеровской армии в том, что допрашивавшие его сотрудники НКВД не располагали

(они и не могли располагать) никакими фактами его «сотрудничества» с нацистами, кроме того, о чем сообщала книга «Тотальный шпионаж». Поэтому и в Москве он повторил то, что уже говорил в Берлине:

— Как и на предыдущих допросах, я смело утверждаю, что после ухода в 1918 году в отставку никакого участия в германской разведывательной службе я не принимал, ни к одному из руководителей германской разведки не обращался с предложением своих услуг и в свою очередь никто из них не проявлял заинтересованности в моем сотрудничестве в разведывательной работе. Я просил бы ввиду этого предъявить конкретные факты, по которым мне предстоит дать свое объяснение.

Шварцман такими фактами, понятно, не располагал, поэтому он пытается усилить нажим:

— Факты вам будут предъявлены, но следствие снова вас предупреждает, что оно располагает достаточными документальными данными о вашей активной работе в германской разведке как до, так и после прихода к власти Гитлера. Об этом вам необходимо дать откровенные и исчерпывающие показания.

Протокол бесстрастно зафиксировал ответ Николаи:

— Быть может, за давностью времени я упустил некоторые факты, постараюсь их припомнить, так как ничего не намерен скрывать от следствия, однако настаиваю на том, что после 1918 года никакого отношения к германской разведке я не имел.

Полковник Шварцман бросает если не козырную, то, как ему кажется, все же достаточно сильную карту:

— Прежде всего не соответствует действительности ваше заявление о том, что вы не обращались к руководителям германских разведывательных органов с предложением своих услуг. Наоборот, как видно из изъятого в вашем личном архиве письма Гимmlера от 15 июня 1934 года, вы обращались к нему с предложением «оказать помощь в области постановки работы политической полиции». Станете ли вы отрицать подлинность предъявленного вам сейчас письма Гимmlера?

Николаи нет никакого смысла скрывать свои контакты с рейхсфюрером СС, тем более что сотрудники НКГБ познакомились с его личным архивом, где есть переписка с Гимmlером. Ответ предопределен:

— Предъявленный мне документ — письмо рейхсфюрера СС Гиммлера за номером А/03212 — является подлинным. Это ответ Гиммлера на мое предложение о содействии в области постановки работы политической полиции. Я не отрицаю того, что давал советы гитлеровцам, если они меня об этом просили.

Шварцману кажется, что он ловко расставляет сети:

— В вашем архиве было изъято еще одно письмо Гиммлера, от 17 января 1934 года, из которого видно, что к вам направлялся для переговоров ближайший сотрудник Гиммлера в области полиции безопасности бригадефюрер Гейдрих. Подлинность предъявляемого вам сейчас письма Гиммлера от 17 января 1934 года вы подтверждаете?

Николаи незачем отпираться:

— Подтверждаю.

Шварцман пытается развить кажущийся успех:

— Таким образом, следует считать установленным, что Гиммлер проявлял определенную заинтересованность в вас, иначе он дважды не обращался бы к вам с письмами и не настаивал бы на личной встрече, не так ли?

Николаи это даже льстит:

— Не стану отрицать, Гиммлер был заинтересован в личной встрече со мной.

Шварцман тоже доволен:

— Итак, установлено, что еще до 1934 года вы по собственной инициативе обратились к Гиммлеру с предложением услуг, а он, в свою очередь, был заинтересован в личных переговорах с вами. Что помешало вашему дальнейшему сотрудничеству с гитлеровцами?

Ответ на этот вопрос в письмах Гиммлера и Николаи, а также в других материалах архива, и бывший глава германской разведки указывает на это.

Так что же было на самом деле?

Полковник Николаи познакомился с Гиммлером уже после прихода нацистов к власти в 1933 году. Один из сотрудников рейхсфюрера СС прибыл к нему в Нордхаузен и сообщил, что его желает видеть Гиммлер. Во время встречи Гиммлер изложил Николаи некоторые свои планы и показал схему проектируемого им построения разведывательных и контрразведывательных органов Германии. Ознакомившись с проектом, Николаи заявил, что такая структура не даст по-

ложительных результатов из-за громоздкости аппарата и недостатка опытных руководителей. След в архиве: «Я поделился с Гиммлером своим опытом организации разведывательной службы в период 1914 — 1918 годов и советовал учесть его. Впоследствии я узнал через знакомых, что Гиммлер остался доволен разговором со мной».

В начале января 1934 года Николай оказался близ Мюнхена, в небольшом местечке Партенкирхене, куда приехал вместе с женой на лечение. Его знакомый, крупный промышленник, предоставил им свое поместье. О том, что он находится неподалеку от Мюнхена, бывший глава германского разведывательного ведомства решил уведомить Гиммлера.

17 января 1934 года он получил от него ответ:

«Многоуважаемый господин полковник!

Я разговаривал с начальником штаба (Гиммлер имеет в виду начальника штаба штурмовых отрядов СА Эрнста Рёма), и последний охотно согласился в течение ближайших трех недель встретиться с вами в Партенкирхене в моем присутствии. Если вы согласны, то я хотел бы взять с собой и моего самого ближайшего сотрудника бригадефюрера Гейдриха, работающего в области безопасности.

С особым почтением

Г.Гиммлер».

Николай тотчас отозвался:

«Многоуважаемый господин Гиммлер!

Большое спасибо за Ваше письмо от 17 января, прошу передать мою благодарность также господину начальнику штаба, ожидаю Вашего и его приезда. Само собой разумеется. Вы сами решите, кто из Ваших сотрудников должен Вас сопровождать. Я же только хотел высказать просьбу, чтобы Ваш визит состоялся как можно скорее, и полагаю, что Вам лучше приехать во второй половине дня и остаться на ночь с тем, чтобы мы не ограничивали себя во времени. Здешний дом будет в Вашем полном распоряжении, в нем достаточно места для каждого из господ, а также для шофера, которому также будет предоставлена отдельная комната, есть где разместить и автомобиль. Итак, я жду Вашего указания и заранее радуюсь предстоящей встрече.

С немецким приветом Ваш покорный слуга

Николай».

29 января 1934 года бывший руководитель германской разведки получил новое письмо из канцелярии рейхсфюрера СС: «Многоуважаемый господин полковник!

В воскресенье, 21 января, я обстоятельно обсудил с рейхсфюрером Гиммлером известное вам дело. Гиммлер очень положительно настроен в отношении господина полковника. Он сказал, что он и начальник штаба определенно выедут на встречу с господином полковником.

Ваш покорный и благодарный слуга

Юттнер».

Через два дня в Партенкирхен пришло еще одно письмо, подписанное адъютантом Гиммлера:

«Многоуважаемый господин полковник!

По поручению рейхсфюрера СС имею честь сообщить вам, что рейхсфюрер СС получил ваше письмо от 21 января сразу же после возвращения 27 января из служебной командировки. Но так как вчера вечером из-за заседания в рейхстаге он вновь был вынужден уехать, то он поручил мне сообщить вам, что точный день его приезда в Партенкирхен пока не может быть установлен. Более подробное сообщение будет вам передано».

14 февраля 1934 года, не получив ответного письма, Николай вынужден был снова напомнить о себе рейхсфюреру СС: «Многоуважаемый господин Гиммлер!

Ввиду Вашего и начальника штаба согласия на посещение я продлил свое пребывание здесь уже на восемь дней, а теперь запланировал остаться еще до 25 февраля.

Я хотел бы еще раз настойчиво попросить Вас и начальника штаба нанести сюда визит. С тех пор как Вы дали на него согласие, я углубился в те вопросы, которые предстоит нам решить, и нахожусь в твердом убеждении, что Ваш визит принес бы большую пользу.

Если, однако, предполагается, что беседа не состоится и до 25-го или же во всяком случае не может состояться в необходимых для этого спокойных условиях, то я готов и дальше ждать Вашего появления.

Фрау фон Шойбнер, которая посетила нас, хочет взять это письмо с собой в Мюнхен и передать его Вашей супруге, чтобы оно как можно скорее было доставлено по назначению.

В искренней к Вам симпатии

Николай».

Покинув Партенкирхен, фрау Шойбнер-Рихтер уже 16 февраля информировала Николаи:

«Мой дорогой, многоуважаемый господин полковник!

Когда я вчера прибыла домой, фрау фон Беркхольц встретила меня сообщением, что через 10 минут на автомобиле фрау Гиммлер отвезет меня в кафе. И я, спешно приведя себя в порядок, заехала с вашим письмом к Гиммлерам. Я настойчиво рекомендовала вас фрау Гиммлер. Она обещала сразу же передать это письмо своему мужу после его прибытия и также настоятельно ему напомнить об обещанном вам визите. Она передала мне, что Гиммлер высказывался о вас, господин полковник, с восторгом и что он хотел бы беседовать с вами намного чаще и обстоятельней.

Верная ваша соратница

Хильда фон Шойбнер-Рихтер».

Однако в Партенкирхене Гиммлер так и не появился.

12 марта 1934 года Николаи, находясь уже в Нордхаузене, получил обнадеживающее письмо от Гейдриха, которому до этого послал книгу «Тайные силы»:

«Многоуважаемый господин полковник!

Прежде всего разрешите выразить мою большую благодарность за вашу книгу. Когда я на прошлой неделе попытался найти вас в мюнхенской гостинице, то, к моему сожалению, узнал, что вы уже уехали. За день до этого я хотел сделать вам предложение инкогнито встретиться с рейхсфюрером в Нордхаузене, чтобы там в спокойной обстановке обсудить важнейшие вопросы. После переговоров с рейхсфюрером в Берлине я позволю себе сообщить вам более точное время встречи и надеюсь, что вы также будете согласны с этим решением.

С выражением исключительного почтения

Р.Гейдрих, бригадефюрер».

Но полковник Николаи напрасно ждал рейхсфюрера и в Нордхаузене, Гиммлер не объявился.

1 июня Николаи отправил письмо Гейдриху:

«С момента моего первого обращения к господину рейхсфюреру в начале января прошло пять месяцев, в течение которых я точно соблюдал договоренности, не принесшие до сих пор, однако, никакой пользы. Надеюсь, Вы поймете, как сожалею я об упущенном времени, ведь за эти пять месяцев

можно было проделать громадную работу. Разумеется, я исхожу при этом из предположения, о чем мне неоднократно заявляли, что господин рейхсфюрер якобы желает воспользоваться моими услугами. Я прошу Вас, многоуважаемый господин Гейдрих, открыто и честно уведомить меня, желает ли господин рейхсфюрер предоставить мне аудиенцию, что могло бы быть сделано во время моего пребывания в Берлине. Если дела складываются по каким-либо причинам так, что решение не может быть принято, то по крайней мере я хотел бы знать вообще состояние дела».

Сохранилась запись, сделанная Николаи в эти дни: «Меня просят побеседовать по телефону с Гиммлером и Гейдрихом 4 июня в 6 часов вечера. Сообщают, что решение должно быть принято до 15 июня».

Решение рейхсфюрера СС состояло в том, что он прекращает контакты с бывшим руководителем германской разведки, о чем он и уведомил его личным письмом от 15 июня 1934 года, которое и прозвучало на допросах, и было включено в «Справку», составленную капитаном Зеemanом.

Переписка завершилась ответом Вальтера Николаи от 21 июня:

«Многоуважаемый господин Гиммлер!

Теперь у меня существует ясность по вопросу, который занимал меня с момента нашего знакомства в Мюнхене и по поводу которого я дважды беседовал с господином Гейдрихом. В свое время Вы заметили, насколько охотно я предоставляю мой опыт, не требуя ничего взамен, а лишь с одной целью помочь Вам найти свое место как шефу политической контрразведки. После сомнений, которые Вы выразили в нашем последнем разговоре по телефону, полагаю, что Вы приняли правильное решение, чтобы избежать трудностей, которые, несмотря на мои самые лучшие побуждения, могли бы возникнуть, если бы я был включен в сферу Вашей служебной деятельности. В конце концов Вы должны идти своим путем и сами завоевать непререкаемый авторитет.

Исходя из моего опыта до и во время войны, я одобряю Ваше решение как знак того, что Вы окончательно определились.

Я убежден, что Ваш отказ мотивирован только деловыми, а не личными соображениями, поэтому я не нуждаюсь в особых оправданиях.

Со своей стороны заверяю, что всегда готов предоставить Вам честный и дружеский совет и всегда готов сотрудничать с Вами, если Вы этого пожелаете.

С немецким приветом

Ваш Николаи».

Гиммлер не пожелал сотрудничать с начальником немецкой разведки периода Первой мировой войны полковником Вальтером Николаи.

Однако следователи в Москве, как и в Берлине, не могли поначалу поверить, что все заявления Курта Рисса о сотрудничестве Николаи с нацистской «верхушкой» и нацистскими спецслужбами, которые он сделал в своей книге «Тотальный шпионаж», не имеют под собой никакой почвы.

Шварцман, опираясь на прошлые протоколы допросов, пытается вновь прояснить ситуацию:

— На допросе в Берлине 15 сентября 1945 года вы показали, что после того, как власть перешла в руки фашистов, вы встречались с Гиммлером. Где и когда произошла эта встреча?

Николаи приходится повторить то, о чем он уже говорил раньше:

— В 1933 году Гиммлер пригласил меня во дворец Вительсбах в Мюнхене, где размещалась политическая полиция. Он вызвал меня для того, чтобы я дал ему консультацию, как лучше организовать политическую полицию и наладить ее работу. Прежде всего он ознакомил меня с составленной им схемой построения политической полиции. Согласно этой схеме предполагалось создание большого разветвленного аппарата с таким расчетом, чтобы обеспечить насаждение агентуры политической полиции во всех государственных учреждениях. Создание такого аппарата вызвало ряд трудностей, в частности невозможность обеспечить его достаточным количеством опытных кадров. В связи с этим я задал Гиммлеру вопрос, имеются ли у него людские резервы для обеспечения успешной работы политической полиции по разработанной им схеме.

Шварцман тут же уточнил:

— Что вам на это ответил Гиммлер?

Николаи нечего скрывать:

— Сейчас я не помню, какой последовал ответ со стороны Гиммлера, но то, что я ему сказал, как мне казалось, произвело на него большое впечатление.

У следствия в руках лишь тонкая ниточка, которая может совсем оборваться, поэтому Шварцман пытается раздуть уголек:

— Что лично вы посоветовали Гиммлеру в деле создания аппарата политической полиции, который мог бы обеспечить выполнение стоящих перед ним задач?

В ответе бывшего начальника германской разведывательной службы ничего интересного для советской контрразведки нет:

— Я предупредил Гиммлера об ответственности, которая на него ложится как на руководителя политической полиции. Я ему заявил, что он должен обратить серьезное внимание на подбор людей, привлекая на работу в полицию наиболее надежных лиц. Касаясь вопросов построения полиции, я посоветовал ему на первых порах создать небольшой аппарат, а затем его расширить.

— Только ли об этом вы говорили с Гиммлером?

Вальтеру Николаи нет никакого смысла что-то придумывать, допрашивавшие его искали кошку там, где ее не было:

— Да, больше с Гиммлером мы никаких других вопросов не обсуждали. Наша беседа закончилась тем, что Гиммлер поинтересовался, сможет ли он видаться со мной в Нордхаузене, где я проживал. Я ему ответил согласием, однако наша встреча не состоялась, так как Гиммлер в Нордхаузен не приехал.

Следствию это хорошо известно по переписке Николаи с рейхсфюрером СС, но Шварцман не торопится завершить разговор:

— А после этого Гиммлер делал попытки посетить вас в Нордхаузене?

Николаи приходится припоминать то, что писал ему рейхсфюрер в Партенкирхен:

— В 1934 году Гиммлер за своей личной подписью прислал мне записку, когда я отдыхал вместе с женою неподалеку от Мюнхена, в которой указал, что в ближайшие две-три недели ко мне намерен приехать начальник штаба штурмовых отрядов Рём и побеседовать по интересующим его вопросам в области работы политической полиции. Если я отвечу согласием, то Гиммлер вместе со своим адъютантом Гейдрихом посетит меня в Партенкирхене.

— Вы послали ответное письмо Гиммлеру?

— Да, такое письмо мною было Гиммлеру послано. Я ему написал о своем желании иметь встречу с ним и Рёмом.

Следует уточнить то, что уже известно:

— Ваша встреча с Гиммлером состоялась?

— Нет, не состоялась. В 1934 году я встретился только с Рёмом, причем с Рёмом я встретился не в Партенкирхене, а в Мюнхене, где я был проездом, следуя из Партенкирхена. Приглашение посетить его дома последовало непосредственно от Рёма.

Рём следствию менее интересен, так как после 30 июня 1934 года, после проведенной Гитлером так называемой «ночи длинных ножей», Рём, якобы возглавлявший «заговор» против Гитлера, вместе со многими другими руководителями штурмовых отрядов СА был убит. Но Шварцман и тут делает попытку что-нибудь выяснить:

— Какой разговор произошел между вами?

Никакого секрета беседа с Рёмом не представляла:

— Рём беседовал со мной о создании при руководимых им штурмовых отрядах разведслужбы, и в частности о том, что он намерен поставить во главе ее одного из руководителей этих отрядов фон Диркена. Зная, что я являлся руководителем разведслужбы генерального штаба германской армии в Первую мировую войну, он попросил, чтобы я высказал свое мнение по этому вопросу.

Шварцман ищет хоть какую-нибудь зацепку:

— Что вы порекомендовали Рёму по вопросу создания разведслужбы при штурмовых отрядах?

— Я предложил ему эту разведслужбу не создавать, а для освещения положения на местах использовать надежных лиц непосредственно из существующих уже отрядов штурмовиков.

Можно ли еще что-то «выжать» из подследственного:

— Разве на этом закончилась ваша беседа с Рёмом?

Ответ можно предвидеть:

— Да, каких-либо других разговоров между нами не было. В дальнейшем я с ним нигде не встречался. Рём как противник Гитлера был отстранен от руководства штурмовыми отрядами, и мне свои услуги ему оказать не удалось.

Шварцман возвращается к главному:

— Выходит, на ваше предложение Гиммлеру быть ему полезным и обращение к Канарису поступить на военную службу последовали отказы? Помимо того, вам было запрещено выступать в печати с изложением своего опыта разведывательной работы. Не хотите ли вы себя выставить в роли преследуемого гитлеровским режимом?

Николаи вынужден дать пояснение:

— Мои взгляды расходились с теми, которых придерживались нацисты. Вместе с тем никто из гитлеровских разведчиков не рисковал входить в конфликт с моими профессиональными знаниями. Не желая предложить мне работу, которая бы соответствовала моему положению в прошлом, мне дали понять, что не видят возможности для практического применения моих знаний, в результате чего до последних дней я оставался не у дел. Однако я не хочу утверждать, что гитлеровцы меня преследовали. Этого не было.

Шварцман касается поездок Вальтера Николаи за границу во время Второй мировой войны:

— На допросе в Берлине 27 сентября 1945 года вы показали, что в 1943 — 1944 годах вы бывали в странах, оккупированных Германией. В связи с чем вы посещали оккупированные Германией страны?

Николаи нечего скрывать, тем более что в его архиве сохранились записи об этих поездках:

— В 1943 — 1944 годах я посетил Францию, Бельгию, Голландию и Данию. Во Франции я был по приглашению Верховного командования германской армии и осмотрел в 1943 году Париж, места боевых действий на Марне, линию Мажино и Страсбург. В Париже я имел встречу с генералом Бестом, руководителем германской администрации в Париже. Беседы наши носили личных характер, и никакие официальные вопросы нами не затрагивались.

Голландию и Данию я посетил по предложению Гиммлера, переданному мне его секретарем доктором Рицвигом, чтобы ознакомить руководящих работников германских полицейских органов и оккупационных войск с моим опытом. В Голландии я находился пять дней, примерно столько же и в Дании.

В Бельгии я был проездом во Францию, где посетил моего хорошего друга генерала Фалькенхаузена, который в это время являлся генерал-губернатором в этой стране.

Шварцман наготове:

— Выходит, в ходе Второй мировой войны вы выполняли поручения Гиммлера, значит, ваши контакты с ним продолжались?

Николаи ссылается на свои устные и письменные показания в Берлине:

— Во время моего пребывания в Париже со мной пожелал познакомиться начальник германского управления во Франции доктор Вернер Бест, который под впечатлением моих рассказов попытался добиться для меня приема у Гиммлера. Вместо этого я от последнего получил только приглашение ознакомиться с созданными в Голландии и Дании полицейскими органами. Во время этой поездки зимой 1943/44 года я познакомился с целым рядом подчиненных Гиммлера. Мои рассказы о виденном мною в Первую мировую войну они посчитали важными только в прошлом.

Ранее подследственный говорил и о своих контактах с Геббельсом, и Шварцман пытается найти что-нибудь на этом пути:

— При каких обстоятельствах и когда вы познакомились с Геббельсом?

Николаи повторяет то, что он уже говорил:

— С Геббельсом я познакомился в 1933 году. От него я получил приглашение через его секретаря Функа. Встреча состоялась в канцелярии министерства пропаганды. Геббельс просил меня высказать мнение по поводу пропаганды идей национал-социализма за границей с учетом моего опыта как руководителя пропаганды в Первую мировую войну. Я рекомендовал Геббельсу иметь свою разведывательную службу, чтобы быть в курсе происходящих политических событий. Советовал также, чтобы разведслужба состояла из немногочисленных, но опытных агентов, хорошо знающих страны, где они должны работать, и хорошо разбирающихся в политике и пропаганде. Кроме того, я заверил его, что с удовольствием окажу ему помощь в организации этой работы. Геббельс, на мой взгляд, остался доволен моими советами.

Материалы архива полковника подтверждали эти показания.

Беседа с Геббельсом произошла 2 мая 1933 года и закончилась тем, что министр пропаганды попросил Николаи изложить свои рекомендации письменно. Такой документ был

Геббельсу представлен вместе с сопроводительным письмом, которое свидетельствовало, что Геббельс, видимо, даже пообещал бывшему начальнику разведки какую-то работу под своим «крылом».

Николаи Геббельсу:

«Я бы мог разместиться в министерстве пропаганды, чтобы облегчить сотрудничество с Вами. В помощь себе я хотел бы привлечь одного молодого господина, пользующегося особым доверием рейхсканцлера, который впоследствии возьмет на себя руководство службой информации и разведки. Но вначале я введу его в курс дела по всем вопросам и его служебным обязанностям. Хотел бы предложить Вам еще одного молодого человека, моего бывшего сотрудника, который работал со мной во время войны, чтобы мы взаимно дополняли друг друга. Для конторской работы я бы вполне удовлетворился услугами моей бывшей личной секретарши. Разумеется, в зависимости от отношения рейхсканцлера к этому я также хотел бы, чтобы мне выделяли из соответствующих учреждений статс-секретарей для получения информации, которые должны иметь определенный ранг и получать должную зарплату. И мои затраты должны соответственно компенсироваться. Это последнее, что я прошу, поскольку мне необходимо поддерживать свою семью в Нордхаузене и вести домашнее хозяйство. Первые предложения могут быть мною сделаны, если на то будет согласие рейхсканцлера, в течение двух месяцев».

Письмо Геббельсу заканчивалось так:

«Позвольте мне передать Вам две книги, которые написаны мной. Эти книги предназначены для общественности, но в то же время они выражают и суть современного видения войны и могут служить подспорьем не только в военное, но и мирное время. Возможно, они Вам известны, а если нет, то, может быть, вы найдете время их прочитать. Но даже если Вы не будете иметь такой возможности, то я буду доволен, если для моих книг найдется место в Вашей библиотеке. Дарственная надпись в одной из них скажет, какое особое расположение я питаю к Вам, многоуважаемый господин министр».

Судя по этому письму, следующая встреча с Геббельсом должна была произойти через неделю. На ней предполагалось и присутствие Гитлера. Бывший глава германской разведки был настроен весьма решительно: «Рекомендую разговор провести

в рейхсканцелярии в особых условиях. Так как моя задача состоит в том, чтобы определить место службы разведки в различных министерствах и те задачи, которые должны решаться ею в этом министерстве, исключая министерство внутренних дел, а также обсудить некоторые вопросы общего характера, то это потребует непосредственного участия рейхсканцлера».

Податель письма пытался оговорить и «особое» условие сотрудничества:

«Для того чтобы усилить мои позиции, достаточно того, что господин рейхсканцлер привлекает мой опыт, доверяет мне и дает мне поручения. Это не должно требовать моего вступления в партию. Мое согласие с господином рейхсканцлером имеет решающее значение для выполнения моей задачи, поскольку мне приходится преодолевать бюрократические и местные противодействия, которые возникли из-за особенностей моей работы до и во время мировой войны».

Однако и тут Николаи потерпел фиаско. Новая встреча не состоялась. Никаких контактов между ним и Геббельсом больше не было. Это означало лишь одно — как это было ни огорчительно для знаменитого руководителя германского шпионажа полковника Николаи — в его услугах руководители нацистской Германии не нуждались.

Следователь остается с пустыми руками, на лице его проступает досада:

— Продолжайте свои показания о ваших связях с руководящими кругами фашистской Германии.

Но показывать больше нечего:

— Что касается других руководителей нацистской Германии, то в дальнейшем я встречался только с Розенбергом.

Хотя Розенберг не интересуется следствие, полковник Шварцман уточняет:

— Когда и где?

Ничего заслуживающего внимания в ответе Николаи нет:

— В 1937 году я был приглашен на похороны Людендорфа, где случайно встретился с Розенбергом. В этот раз я его видел вторично. Беседовать с ним на политические темы мне не пришлось.

Показания полковника Николаи о его связях с нацистской «верхушкой» следователя явно не удовлетворяют, и он принимается за старое:

— Сомнительно, чтобы вы, будучи хорошо знакомы с руководителями гитлеровской Германии и нужным для них лицом, не продолжали с ними встречаться?

Потом следствие убедится, что ответ Николаи был совершенно искренен:

— Повторяю, что других встреч у меня с лидерами национал-социалистической партии не было.

Еще 27 ноября 1945 года, томясь в одиночной камере Лубянской тюрьмы, полковник Николаи обратился к «Советским следственным органам»:

«Как немецкий патриот я всегда сожалел о том, что немецкий и русский народы в двух больших войнах боролись друг против друга за проблемы настоящего и будущего вместо того, чтобы бороться сообща, и тем самым понесли огромные тяготы и жертвы. Я хотел бы содействовать тому, чтобы они научились понимать друг друга, знать друг друга и соединять свои силы.

...7 сентября 1945 года я был арестован в Нордхаузене и допрошен о моей деятельности в разведывательной службе. Я выразил желание быть направленным в более высокие инстанции. 13 сентября я был доставлен в Веймар, 15 сентября в Берлин, а 30 октября в Москву. Как ни труден для меня был и продолжает оставаться до сих пор этот путь, я не сожалею об этом, потому что это привело меня в авторитетные высокие центральные учреждения. Проводимые с полным пониманием дела допросы, отвечающие высоте этих инстанций, поселили во мне доверие к тому, что я, несмотря на отрицательные стороны моего настоящего положения, в которое я попал из-за неправильных утверждений, смогу в соответствии со своим желанием действовать с пользой не только вследствие моих знаний и опыта в разведывательной работе, но и благодаря выработанным мною суждениям и взглядам.

Ввиду того что русская граница на западе далеко продвинута вперед и русская разведывательная служба находится там, где во время Первой мировой войны я стоял перед теми же задачами, я предоставляю себя, если это будет желательным, в ваше распоряжение.

Я думаю, что на осуществление моего письменного изложения обо всем этом потребуется один год. Надеюсь, что мой возраст выдержит это. Если моя работа удастся, то можно

будет немного переждать, чтобы выяснить, какие возможности для новой консультации будут с моей стороны. Предпосылкой для этого является восстановление и сохранение моих физических и душевных сил, которые за время моего трехмесячного ареста полностью истощены».

Далее Николай выдвигал советским контрразведчикам следующие условия:

«Для наилучшего осуществления этого необходимо:

1. Немедленное прекращение ареста.
2. Одновременно с этим признание того, что выдвинутые против меня обвинения не могут быть доказаны и являются отпавшими.

3. Я заявляю еще раз, что после окончания Первой мировой войны я не состоял в немецкой разведывательной службе, не принадлежал ни к каким партиям или армии и не предпринимал ничего враждебного против Советского Союза. Я хочу обрести себе свободу по праву, а не потому, что готов вам помочь. Мои записи были бы возможны только для узкого круга высоких, авторитетных и решающих лиц.

4. Подходящее помещение поблизости для последующей точной выработки плана моей работы, по возможности, с давно известными мне по допросам и знакомыми с существом дела офицерами. Нужна также немецкая пишущая машинка, немецко-русский словарь и изъятые у меня в Нордхаузен архивные материалы.

5. Я должен быть уполномочен говорить полную правду даже тогда, когда она, может быть, будет звучать иначе, чем этого от меня ожидают. Мою просьбу о временном возвращении в Нордхаузен я сохраняю по понятным человеческим мотивам, учитывая в особенности мой возраст.

Вопрос о том, каким образом это может быть осуществлено, должен быть предметом отдельного обсуждения.

В том случае, если мне будет отказано в этой моей просьбе, я хотел бы получить известие о судьбе моей семьи и положении дома».

Полковник Николай с нетерпением ждал ответа.

**«ВО ВРЕМЯ МОИХ ДОПРОСОВ ДАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НОВОЙ ГЕРМАНИИ, ГДЕ Я РАБОТАЛ
С 1935 ПО 1945 ГОД, СОТРУДНИКИ НКВД СЧИТАЛИ
ЗАМАСКИРОВАННОЙ ШПИОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ»**

Чем дальше продвигалось следствие, тем очевиднее становилось, что бывший начальник военной разведки Германии непричастен к деятельности нацистских спецслужб и не работал «рука об руку» с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и другими нацистскими руководителями до и во время Второй мировой войны. Но советские контрразведчики снова и снова пытались добиться от Вальтера Николаи признания в том, чего он не совершал, требуя от него невозможного из-за излишней доверчивости к изложенному в книге «Тотальный шпионаж».

На допросе в Москве 29 декабря 1945 года полковник Шварцман с каким-то непонятным подтекстом вдруг спросил своего «неподдающегося» подследственного о том, в чем легко было убедиться на материалах его архива:

— Когда был учрежден Институт истории новой Германии? Смешно тут что-то скрывать, и Николаи называет дату: — В 1935 году...

Пытаясь найти в этом «криминал», следователь уточняет: — То есть после прихода гитлеровцев к власти?

Это ясно, как день:

— Совершенно верно.

Шварцман, опираясь на данные книги американца, произносит очень жестко:

— Следствию известно, что ваша деятельность в Институте истории новой Германии была лишь официальным прикрытием вашей нелегальной разведывательной деятельности в сотрудничестве с гитлеровцами, и в Париж, как и в Голландию и Данию, вы выезжали со специальными целями. Предлагаю показывать только правду!

Николаи незачем что-то придумывать:

— Прошу мне верить, что в Институте истории новой Германии я работал только из тех соображений, чтобы не

оставаться не у дел вовсе. Работа в институте не была для меня прикрытием.

Это было правдой.

Военной историей полковник Николай заинтересовался давно.

Уже во время Первой мировой войны он был убежден, что для понимания того, что происходит на фронте, необходимо иметь «под рукой» историка, который бы фиксировал все, чем занималось высшее военное руководство, чтобы впоследствии можно было объективно оценить происходившие события и действия тех, чьи решения влияли на ход и исход войны. Глава германской разведки предлагал ввести такую должность в свой штат, однако дело тормозилось прежде всего из-за того, что начальник генерального штаба немецкой армии в первый период войны генерал Эрих Фалькенгайн отмахивался от этой идеи, она казалась ему не столь уж необходимой, и сам глава разведки не видел фигуры, подходившей для этой цели.

И вот однажды такая личность как будто появилась.

В июле 1915 года философский факультет Берлинского университета присудил генералу Фалькенгайну почетное звание доктора за победу при Горлице. Вручить полагающуюся грамоту приехал на фронт декан этого факультета Ганс Дельбрюк, один из самых известных германских историков. В именитом ученом Вальтер Николай и увидел наиболее подходящего человека для воплощения своего замысла.

Однако уже вскоре стало ясно: знаменитый ученый для намеченной цели не подходит.

Запись Николай от 25 июля 1915 года: «Дельбрюк прибыл в 11 часов утра в Плесс. Его первый, разочаровавший меня вопрос состоял в том, что у него нет при себе черного пиджака и талара¹ и он не знает, достаточно ли только того костюма, который на нем».

Докладывая Фалькенгайну о прибытии Дельбрюка, Николай признался:

— Тайный советник, очевидно, имеет какое-то странное представление о Главной штаб-квартире.

Все же он просит организовать прием ученого как можно более торжественно.

¹ Профессорская мантия.

Фалькенгайн замечает:

— Он, видимо, думает о себе по картине Антона фон Вернера «Коронация кайзера». И что же я должен сделать?

Николаи предложил передать всем офицерам, которые будут присутствовать при вручении грамоты, надеть шлемы и полевые повязки: «Это я обосновываю тем, что Верховное командование в лице Ганса Дельбрюка будет чествовать науку».

В назначенное время Николаи и Дельбрюк появились в домике лесника, где жил и работал генерал Фалькенгайн, человек исключительно скромный и непритязательный. Когда они поднимались по лестнице, у Дельбрюка вызвал удивление кабель из телефонных проводов толщиной в руку, входивший в дом сквозь отверстие в стене. И это тоже не ускользнуло от внимания начальника немецкой разведки.

Фалькенгайн и приглашенные офицеры встретили знаменитого историка стоя. Дельбрюк с трудом достал из футляра огромную грамоту, которую с одной стороны держал глава разведывательной службы генерального штаба, а с другой — офицер в чине майора. Этот невероятных размеров «папирус» был составлен на латыни, и, когда декан философского факультета закончил чтение, стоявший все это время неподвижно Фалькенгайн обратился к нему со словами:

— Господин тайный советник! В школе я был весьма плохой латинист и признаюсь, что не понял из прочитанного ни единого слова. Но я допускаю: то, что вы прочитали, весьма почетно для меня. Я чувствую: мне оказана честь, и благодарю вас за это.

И почти буднично генерал обратился к присутствующим:

— А теперь, господа, давайте поедим.

Почетная грамота прославляла Фалькенгайна как военачальника, умевшего хранить тайну, чем он якобы и был обязан победе при Горлице. Это свидетельствовало о полном незнании истинных причин победы. За столом Ганс Дельбрюк тоже, по свидетельству Николаи, не блеснул особыми познаниями в области управления войсками в современной войне, а говорил о вещах второстепенных, мало значимых, что произвело на него и Фалькенгайна удручающее впечатление. Во время поездки в военные области Польши Дельбрюк еще больше разочаровал Николаи непониманием сути проблем военного руководства.

После отъезда «исторической знаменитости» генерал Фалькенгайн заметил Николаи:

— С такими учеными вы вряд ли сможете написать правдивую историю нашей работы на войне.

Запись от 25 июля 1915:

«Я ответил, что и мое впечатление такое же. Я тоже считаю невозможным реализовать мое намерение и вижу в этом доказательство того, что историческая наука пока не обладает подходящими людьми, которые доросли бы до понимания задач, поставленных современной войной, и генеральный штаб должен учесть этот факт по крайней мере после того, как война будет окончена».

И вот спустя двадцать лет после того, как глава немецкого шпионажа написал эти строки, он сам стал на стезю историка. Главную роль тут сыграло то, что он знал президента Государственного института истории новой Германии Вальтера Франка с юных лет, когда вместе с его отцом руководил национально настроенной немецкой молодежью в Бранденбургской провинции. Встречались они не только в родительском доме Франка, но и на семинарах известного мюнхенского историка Александра Мюллера, у которого занимался будущий «профессор Гитлера», а Николаи несколько раз выступал перед студенческой аудиторией по просьбе руководителя семинара. Эти выступления произвели сильное впечатление на Франка, что имело свои последствия.

Запись Николаи:

«В результате у меня возникла дружба с Вальтером Франком. Я консультировал его в одной работе, когда он со своей молодой женой, известной мне по национальному движению молодежи, отправился во Францию для исследований, которые легли в основу появившейся в 1933 году его книги «Национализм и демократия во Франции времен Третьей республики». Он упоминает обо мне в предисловии как офицере генерального штаба у Людендорфа, у которого он многому научился в понимании истории, и при этом цитирует мои слова: «Историк, чтобы правильно судить об исторических событиях, должен носить военный мундир».

Эту книгу полковник Николаи получил в подарок от Вальтера Франка с сопроводительным письмом от 29 мая 1933 года:

«Многоуважаемый господин полковник!

Книга несколько запоздала, но теперь я могу ее Вам передать. В каком духе она написана, Вы увидите уже из предисловия, где я привожу Ваши слова об «историке в военном мундире». Я многое узнал от Вас об истории, истории такого рода, которую не преподают ученые в университетах. Так что прошу рассматривать пересылку книги как мою особую благодарность Вам и одновременно тешу себя надеждой, что и в дальнейшем смогу рассчитывать на Ваше дружеское участие в моем творчестве.

С почтением

Ваш Вальтер Франк».

Николаи ответил 19 июня:

«Дорогой господин доктор Франк!

Я хотел бы сердечно поблагодарить вас за вашу книгу. Рад той энергии, с которой вы завершили предпринятую работу. Когда в своем сопроводительном письме и в предисловии вы признаете, что учились истории у меня, это меня искренне радует, и я хочу надеяться на то, что жизненный опыт моего зрелого возраста, возможно, закладывает новые семена в ваше молодое творчество. Но это не стоит благодарности, так как нет ничего более радостного, чем видеть появившиеся плоды.

В прежней дружбе

Ваш Николаи».

Так что ничего не было удивительного в том, что после создания Государственного института истории новой Германии его президент доктор Франк послал Николаи в Нордхаузен 9 августа 1935 года письмо:

«Многоуважаемый господин полковник!

Господин имперский министр науки дал жизнь Государственному институту истории новой Германии. Фюрер и рейхсканцлер назначил меня президентом этого института.

Задачей Государственного института должно стать осмысление новой немецкой истории в период между французской революцией и национал-социалистической революцией с помощью публикации документов, а также проведения самостоятельных исследований. При этом предполагается сохранение самой строжайшей научности и исключение любого исторического дилетантизма благодаря перспективам, от-

крытым национал-социализмом в области истории и историографии.

В помощь президенту института создается совет экспертов, в который войдут лучшие, показавшие себя на деле специалисты-историки. Кроме того, я считаю необходимым, чтобы в совете находились и известные личности в политике и военном деле, которые благодаря своему практическому опыту могут поддерживать на высоком уровне исторические исследования.

По этому поводу я позволю себе, многоуважаемый господин полковник, призвать Вас предоставить Ваш жизненный опыт в качестве члена совета экспертов Государственного института. В частности, это касается разработки проблем истории мировой войны и послевоенных лет, в этой области Ваш совет будет иметь особую ценность.

Ваш исключительно покорный

Вальтер Франк».

А вскоре полковнику Николаи была предложена уже научная работа, от которой бывший начальник германской разведки попытался сначала отказаться:

«В обсуждении с Франком я высказываю сомнение, подхожу ли я, не будучи историком, для научной работы. Я предложил доверить мне внешние связи Государственного института, потому что я могу обеспечить необходимую поддержку со стороны служебных инстанций партии, государства и вермахта. Франк отклонил мою просьбу, поскольку он должен иметь на таком месте сотрудника, с которым он мог бы постоянно общаться, а для меня такая работа может создать дополнительные трудности. Для этого он выбирает Шредера, одного из своих друзей по студенческому движению национал-социалистов. Меня же просит заняться прежде всего изложением моих воспоминаний для Государственного института и побудить других, еще живых участников мировой войны из политического и военного руководства к тому же самому».

26 февраля 1936 года Франк окончательно решил судьбу Николаи:

«Настоящим сообщаю, что я создаю в Государственном институте истории новой Германии исследовательский отдел по проблеме политического руководства во время миро-

вой войны и назначаю вас руководителем этого отдела. В качестве компенсации за исследовательскую работу вам будет выплачиваться с 1 апреля 1936 года до 31 марта 1937 года ежемесячное вознаграждение в 500 рейхсмарок. Ваша задача, как уже было оговорено, состоит в изложении собственных воспоминаний и в сборе воспоминаний других ведущих личностей — участников мировой войны».

В 1966 году немецкий историк Гельмут Хибер выпустил фундаментальный труд «Вальтер Франк и его Государственный институт истории новой Германии», в котором отразил и деятельность полковника Николаи:

«Для исследовательского отдела Николаи, который имел свой штамп отправителя писем с мелко набранным шрифтом «Государственный институт истории новой Германии», Франк в предварительной смете на 1937 год рядом с именем Николаи проставил сумму 16 800 марок. С этого года полковник имел в распоряжении собственную стенографистку-машинистку, одного постоянно прикомандированного и еще четырех сотрудников для проведения исследований. Они занимались многими крупными проблемами по теме «Политическое руководство в мировой войне: государство, вермахт, народ и заграница».

Если такие большие планы и урезались в последующем, то в наиболее финансово благоприятный год Государственный институт все же имел возможность дать два реальных задания молодым ученым. За работу взялись только что защитивший докторскую диссертацию в Йене Гельмут Тидеман по теме «Проблемы политического и военного руководства в государстве и вермахте» и доктор Курт Вирт по теме «Проблемы политического и военного руководства народом».

Сам Николаи занимался в это время в основном сбором материалов от видных участников Первой мировой войны: «Подчеркивалась настоятельная необходимость «личного участия» полковника в разъездах из-за неспособности к передвижению «исключительно пожилых людей — источников информации». С июня по август 1936 года Николаи, к примеру, совершил не менее девяти служебных посадок. Он постоянно находился в пути на своем автомобиле, посещая старых товарищей... часто в очень удаленной местности».

Возвращаясь из поездок к «ведущим личностям бывшей армии», он не раз говорил: «Их число значительно сократилось, их воспоминания потускнели, их интерес к жизни парализован, их доверие к тому, что происходит, подорвано. Но, исключенные из политики, они тем не менее имеют право на суждение, и оно не должно быть потеряно для потомков. Даже если то, о чем они сообщают, будет констатировано как ошибка, в истории это может стать приговором».

В начале 1938 года Николаи, как отмечает Хибер, подумывал над тем, как еще «расширить свою разъездную деятельность» из-за «грозящей опасности исчезновения этих исторических источников», однако «ограничение бюджета» привело к «свертыванию» и в конце концов «завершению» этой работы. Усилия в последующий период были перенесены на сбор материалов о минувшей войне из «гражданской сферы». В 1938 — 1939 годах Вальтер Николаи посещает ректоров немецких университетов и обербургомистров некоторых городов, имеющих «специфическое» значение — «наряду с Берлином, Мюнхеном, Веной, это были Бреслау и Кенигсберг (восточные укрепления), Франкфурт-на-Майне и Кельн (крупные города за линией Западного фронта), Гамбург (центр внешней торговли), Киль (родина флота), Эссен (центр промышленности вооружения) и наконец Лейпциг («исходный пункт радикально-социалистического движения»)). Однако нужные Государственному институту сведения поступали из этих городов плохо, и Николаи констатировал, что призыв Франка к соответствующим руководителям «не был воспринят с должным вниманием со стороны немецких университетов и обербургомистров». Зимой 1939 — 1940 годов Франк задумал организовать в Берлине встречу исследователей с мест, занимавшихся обработкой архивов, рукописей, опросов, статистических данных, на которой предстояло выступить с обобщающим докладом и Николаи, но, как подчеркивает Гельмут Хибер, «война задушила этот интересный проект».

В архиве Николаи сохранились воспоминания майора Кемписа, сотрудника отдела III Б, ведавшего внутренней разведкой, то есть добывавшего необходимые сведения на территории Германии, и генерала Гогенборна из оперативного управления генерального штаба.

Остались в архиве и записи бесед с некоторыми участниками войны, пребывавшими во время нее в Главной штабквартире. Наибольший интерес представляет встреча с племянником знаменитого генерала Гельмута Мольтке, графом Детлефом Мольтке, дежурным флигель-адъютантом при кайзере Вильгельме II, о чем осталось одиннадцатистраничное свидетельство. Все остальные беседы укладывались в пять-семь страниц.

Начавшееся 1 сентября 1939 года нападение на Польшу вызвало у полковника Николаи, помимо желания самому оказаться в пекле боев, стремление направить в новой исторической ситуации деятельность президента Государственного института тридцатичетырехлетнего доктора Франка в нужное русло.

7 ноября 1939 года Николаи «указывает» Франку:

«Начните без промедления историческую обработку опыта двух минувших войн в рамках Государственного института. Решите, что вы можете взять на себя, а что следует распределить между другими сотрудниками, определите исторические, политические, экономические и военно-стратегические аспекты исследования. Полагаю, что, используя материалы во всей полноте, можно в короткие сроки и достаточно глубоко проникнуть в суть проблемы. Необходимым условием успеха является руководство с вашей стороны связанным с вами в единое целое коллективом.

Ваше историческое исследование должно охватить период от создания Второго рейха Бисмарком, включая эпоху Вильгельма II и две великие войны настоящего времени, и представлять единое целое с периодами мира между этими войнами...

Я предполагаю, что у вас есть моя первая книга «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне». Советую еще раз ее посмотреть. Она перенесет вас к началу нынешней борьбы и покажет, что кое-что выглядит совершенно иначе, когда ты сам участвуешь в событиях, в сравнении с тем, как оценивают эти события лица, не участвовавшие в них прямо.

После окончания войны необходимо сформировать обо всем верное историческое мнение. Наш народ достаточно силен, чтобы воспринять его с пониманием. Но перед миром простой показ исторических событий недостаточен. Поэто-

му проводимые в будущем исторические исследования должны стать незыблемым своеобразным «клише».

21 декабря Николаи пишет новое письмо:

«Когда вы получите фотографию, которую я вам посылаю в качестве рождественского подарка, сделанную во время войны, рассмотрите ее внимательно и вспомните с помощью ее первое военное Рождество, и пусть перед вашими глазами явственно встанет, что значит пережить вместе с народом борьбу, которую он вел, что, собственно, и стало моей судьбой. Я был начальником службы разведки, а значит, тем, кто освещал полководцу тайны, стоявшие на его пути, и как посредник помогал ему следовать в истинном направлении. Вот и вы должны стать, но еще в более широких масштабах и в соответствии с сегодняшними реалиями, тем, кто, глубоко проникая в суть процессов войны, может показать войну как поток, который испытывает на прочность народ, государство и его военную машину.

Мы не знаем, будет ли на этот раз достигнута победа. Но давайте «надеяться» на это или хотя бы «верить» в это (слова «надеяться» и «верить» Николаи подчеркнул). То есть мы должны настроить себя на длительное время. Это означает, что цель в данный момент еще не достигнута, что если уже и выиграны какие-то сражения и бои, то другие могут быть проиграны, а необходима полная победа. Это в свою очередь означает, что нельзя растрачивать силы на малое, а надо накапливать их на великое, даже если иногда будет казаться, что все рушится».

И еще одно письмо, датированное 29 декабря 1939 года, получил Франк от полковника Николаи как наставление, если тот по-настоящему хочет «помочь в борьбе народу и фюреру»:

«Когда говорят о том, что ваше место в качестве руководителя во вновь сформированном фронте немецких историков должно быть на стороне фюрера, то при этом имеется в виду, скорее, организационный принцип. Однако, как я уже вам писал, этот принцип отступает на задний план перед военными событиями на все время этих военных событий. «Быть на стороне фюрера» для вас имеет более глубокий смысл.

Наша судьба, судьба Германии закономерна. На том месте, где раньше был только военный руководитель, сегодня

стоит фюрер. Он не оглядывается назад. Ученые, которые перелистывают прошлое, естественно, выполняют свое определенное задание, но фюрер не нуждается в этом, у него нет времени для этого, он не проявляет интереса к тому, что было, он стоит перед нынешними решениями и должен предвидеть, что будет впереди. И вот такая позиция должна стать точкой отсчета и современного историка, когда он, опираясь на свои знания прошлого, предвидит будущее, а стало быть, пойдет в ногу с фюрером. Тот из историков, кто сделает это, будет идти с фюрером вместе.

Я полагаю, что мы сталкиваемся с совершенно новым историческим ходом событий. Меня часто спрашивают, как долго будет продолжаться война с Англией, полагая, что я должен кое-что знать об этом. Это понятный, распространенный и достойный ответа вопрос. Но, к сожалению, это станет нашей бедой, если мы не перестанем задавать этот вопрос. Мы ведем войну не против Англии, а против Великобритании, но и это еще не все. Противостоят друг другу мировоззрения. За спиной Великобритании стоит исчезающий мир, который, как мировая структура, угрожает теми разрушениями, что произошли и в России. Развитие событий происходит не в рамках месяцев или отдельных лет, а в исторические промежутки времени. Между тем и другим, двумя этими мирами, стоит национал-социалистическая Германия фюрера как фундамент созидательного, а не разрушительного хода событий...

Я пережил раздвижение рамок наших горизонтов от чисто военной борьбы через мировую войну к тотальной войне и полагаю, что нынешняя война, без сомнения, принесет новые открытия. Мы уже видим непредставимый вал, который возвышается между двумя сражающимися фронтами, возможно, это будет длительным состоянием; за стенами этого вала, собственно, и принимаются решения. Я верю в нашу победу, но я не верю в то, что победа или мир предстанут в прежних формах. Наша благодарность фюреру недостаточна за то, что он инстинктивно ведет нас новым путем к победе, я не знаю, есть ли какие-то другие пути, и должны найтись люди, которые обострят понимание масс в правильности этого пути фюрера, это и называется разъяснением истории. Историк, однако, должен знать больше. Он должен не толь-

ко понимать внутреннюю суть истории, но и сопереживать, он должен обладать такой духовной изобразительной силой и личным духом борьбы, чтобы и то и другое передать массам, бросив все это на чашу весов событий мирового масштаба. Он, историк, должен также найти восторженных последователей среди молодежи, которая хочет не только знать и учиться, но прежде всего верить и понимать!»

Пожар разгоравшейся войны, однако, требовал новых жертв. Война вторглась и в кабинеты исследователей истории новой Германии, нарушив их замыслы и планы. С 1 апреля 1940 года перестал существовать отдел, который возглавлял полковник Николаи, — сотрудников призвали в армию. Из-за каких-то разногласий с Альфредом Розенбергом был отстранен в октябре 1941 года от руководства институтом Вальтер Франк, который перебрался в местечко Холле близ Хильдхейма, где стал заниматься только литературной работой. Вальтер Николаи сосредоточился на своих воспоминаниях о Первой мировой войне.

«Я хотел бы просить вас в новом году уделить больше места, чем это было до сих пор, работе над рукописью ваших собственных воспоминаний, — обращался к нему в одном из писем Франк, — так как я посчитал бы за великую потерю, если рукопись о вашем единственном в своем роде опыте осталась бы не написанной». Хотя воспоминания были приоритетным заданием Николаи, душа бывшего начальника немецкой разведки металась в поисках наилучшего приложения его сил: «Мне тем более тяжело садиться за стол и работать на архив в то время, как извне наступает новый период борьбы и принятия решений».

Франк с самого начала «оговорил» со своим именитым сотрудником, что публикация его воспоминаний может состояться только после «смерти мемуариста», а до того ими будут пользоваться как «рабочим материалом» исследователи Государственного института. Это Вальтер Николаи и имел в виду, замечая, что ему «тяжело садиться за стол и работать на архив». Как бы то ни было, а к весне 1944 года более чем тысячестраничная рукопись с неопределенным названием «Из дневниковых записей и фронтовых писем» была готова. В «Предварительных замечаниях» полковник Николаи писал:

«Я не вел регулярно военный дневник. В начале войны я пытался это делать и пробовал делать позже, но из-за недостатка времени постоянно вести записи не смог. У меня сохранились лишь отдельные заметки, содержание которых носит большей частью личный характер.

Вследствие того что я занимал ответственную должность, а именно был начальником службы разведки и контрразведки, то, естественно, обладал конфиденциальными сведениями. Их полная огласка, в том числе и в моих записях, привела бы к потере доверия ко мне, помимо моего желания. И если я, несмотря на это, все же упоминаю о каких-то отдельных событиях подобного рода, то происходит это только потому, что я полагаю, что они могут внести определенный вклад в последующие исторические суждения, поскольку это прежде всего касается личностей, занимавших особые должности и посты, что имеет значение также и для их преемников, а тем самым и вообще для истории. Все прочие записи дневникового и личного характера, не вошедшие в рукопись, я уничтожил.

То, что во время войны представляло секрет, попадало в особые документы, которые находились под моей ответственностью в Главной штаб-квартире или же у моего заместителя в Берлине. Эти документы в начале революции в мое отсутствие были сожжены майором Редерном, а в Берлине генералом Брозе. Были уничтожены и многочисленные документы, которые не должны были попасть в руки революционеров. Правда, в панике тех дней их исчезло слишком много. В их числе и все материалы, находившиеся в распоряжении тогдашнего ротмистра, а ныне главного адвоката Торнау, руководившего секцией службы разведки, которая занималась революционными интригами во время войны.

Вышеупомянутое должно внести понимание в то, почему я использую фронтовые письма моей жене, в которых, само собой разумеется, содержалось очень мало служебного и делового, поскольку эти письма носили в основном личный и семейный характер, но все же они передают какую-то картину происходившего, а также мое настроение, из чего видно, где я черпал силу и уверенность, находясь на своей непростой должности. Никаких иных личных писем, как моей жене, я не писал».

Сотрудники госбезопасности к рукописи полковника Николаи интереса не проявили. На допросах его воспоминания не упоминались вовсе. Ни одна страница «Из дневниковых записей и фронтовых писем» советской контрразведке не пригодилась. Там не было ничего, что имело бы оперативную ценность. Бывший глава немецкого шпионажа остался верен себе и не раскрыл ни одной тайны из тех, что разглашению не подлежали. Интерес его записей в другом. В них представлены военные и государственные деятели того времени, в том числе кайзер Вильгельм II, фельдмаршал Гинденбург, генералы Людендорф, Фалькенгайн и другие, такими, какими их знал и запомнил начальник отдела III Б, общавшийся с этими лицами напрямую в силу своего служебного положения. В рукописи рассказывается и о различных событиях, участником или свидетелем которых был начальник германской разведки, находившийся в действующей армии с первого до последнего часа войны.

Приведем еще ряд извлечений из этой рукописи полковника Николаи, которые дадут пусть неполное, но все же какое-то представление о том, что же оставил как личное свидетельство о Первой мировой войне «таинственный полковник», как он сам себя называл, «причастный к разведке».

Из дневника от 3 августа 1914 года:

«После принятия окончательного решения о выступлении наших основных войск против Франции и более слабых сил против России я прибываю к начальнику генерального штаба на Востоке, которым назначен верховный квартирмейстер-1 граф Вальдерзее, и поздравляю его с этой должностью. Он приглашает меня в свою комнату, но проявляет мало воодушевления по поводу этого задания и обсуждает со мной положение. Я выражаю ощущаемое мною неприятное удивление тем, что при обсуждении вопроса о нашем выступлении, несмотря на угрозу отпада Италии и вступления в войну Англии, а также внутреннюю слабость нашего единственного оставшегося союзника Австро-Венгрии, решающими были чисто военные, а не политические мотивы. И высказываю как свое скромное, не авторитетное мнение, что не стоило бы отваживаться со старыми армейскими корпусами входить в Австрию с тем, чтобы заключить союз с этим гнилым государством, и не лучше ли было тут найти понимание

с Россией и завершить прусский путь, отдав предпочтение начинающейся и ясно осознаваемой борьбе немецкого народа против западных держав. Вальдерзее объявляет мои мысли неприемлемыми из-за верности союзу. Точно такую же ответную реакцию я ощущаю в моей семье, у моего тестя, старого прусского дивизионного командира, когда я все это выразил ему в доверительной форме. И австрийский офицер генерального штаба фон Глайзе-Хоштенау, который во время войны добился моего особого доверия, позднее ставший министром в разваливавшейся Австрии и заявивший о себе как о стороннике Адольфа Гитлера, оценил мои мысли следующим образом:

«Неплохо, но не просто».

Из письма жене, Люксембург, 10 сентября 1914 года:

«С воскресенья на понедельник я переночевал в Реймсе, в отеле, возле прекрасного древнего собора. Отель кишел офицерами, отправлявшимися на фронт. На следующее утро в 5 часов я поехал дальше и в 11 часов был уже здесь. Во вторник я отправился в поездку по прекрасной местности Бифель в Кельн для переговоров с важным человеком (агент № 17 из Парижа¹, к которому меня сопровождали Эрнст и майор Ранд из французского отделения. Как же все-таки отличается мирная лежащая передо мной Германия и опустошенная французская область, которую я за несколько дней до этого проезжал! Как же мы должны быть благодарны тому, и это благодаря нашим успехам, что мы ведем войну не на нашей территории и, надо надеяться, что и на востоке враг скоро будет изгнан!

Места, по которым я проезжал во Франции, почти полностью безлюдны. Население покинуло местности, где шли бои и где частично сожжено все. Некоторые места еще горели, когда я ехал мимо. Совершенно мирные земли как вымерли, и только возле Парижа я встретил возвращенцев, которые бежали от нас, но были нами настигнуты, и они увидели, что немцы не такие жестокие варвары, как им говорили и от которых они спасались. Теперь они брели многие мили обратно туда, где они жили, с небольшим домашним скарбом и исковерканными сердцами. Маленьких детей, напо-

¹ Подробно об агенте № 17 будет сказано дальше.

минающих нашу Марию Луизхен, и еще меньших матери и отцы несут на себе, а дети на все смотрят невинными удивленными глазами. Более взрослые дети, как наша Эльза и Дитта, бредут пешком по этой долгой дороге, таща за собой гележки или ведя своих младших сестер и братьев. Я несколько раз разговаривал с этими людьми, они жалуются на своих местных начальников, которые им дали плохой совет — бежать.

На города бегство жителей также подействовало буквально опустошительно. Там, где остались владельцы магазинов, наши солдаты покупают все, что им нужно, следуя установленному порядку, а вот там, где магазины закрыты и дома пусты, они все делают с помощью удара топора и, естественно, извлекают все, что им необходимо, путем, который будет восприниматься французами как грабеж. Ну в этом виноваты и сами французы. Местный французский унтер-офицер рассказал мне, что местные жители утверждали, что некоторые места были разграблены еще до прихода наших войск и там повсюду были видны невероятные картины опустошения!

Теперь несколько дней я буду находиться на месте, так как это необходимо по службе, и надеюсь, что стану писать тебе чаще».

Из письма жене, Главная штаб-квартира, 4 октября 1914 года:

«Моя деятельность постоянно расширяется. Теперь я благодаря публикациям все чаще встречаюсь с господами из министерства иностранных дел, недавно полчаса был один на один с рейхсканцлером, который, впрочем, теперь уже не является любимцем народа».

Дополнение, сделанное позднее:

«И вот когда я, уладив свои дела, хотел уже распрощаться, Бетман спросил меня, не мог бы я уделить ему немного времени, еще разочек присесть и рассказать, как вообще выглядят дела в мире, он якобы «ничего об этом не знает». Я был потрясен самим по себе этим фактом, а также формой обращения ко мне. Канцлер, если дело обстояло так, должен был бы обратиться к Фалькенгайну с просьбой, которая являлась бы, по сути, приказом, чтобы тот дал распоряжение начальнику разведки ежедневно посылать ему, канцлеру,

доклад вместо того, чтобы безропотнейшим образом просить ему что-либо рассказать, да еще при условии, если у меня по случаю есть еще немного времени. Объективно к тому же я не мог многое сказать Бетману, так как чувствовал себя не вправе передавать какие-либо сведения через голову моего шефа.

Вот то же самое происходило у меня и с кайзером, который всегда проявлял сильный интерес к моим задачам, но боялся побудить меня к превышению моих обязанностей. Все, что он узнавал, было только то, что он должен был узнать, и ответственность за это несли те, кто обязан был его информировать.

Моей собственной областью деятельности была истина. Немецкая служба разведки, без сомнения, была лучшей из всех разведок во время мировой войны. Однако ни одна служба разведки не знает истины в последней инстанции и не может утверждать, что то, что она сообщает, является действительно истиной. Последнее слово здесь принадлежит руководителю независимо от того, верит он или не верит службе разведки.

Истина большей частью бывает жестокой. Народные массы, взывающие к истине, не способны во многих случаях вынести эту истину. Даже во время войны к этому приспособлен не каждый руководитель. Злой рок кайзера заключался в том, что в этом отношении он был очень слаб, чтобы слышать настоящую истину, и его советники, знавшие об этом, сознательно оставляли его в неведении, даже его военные советники не составляли в этом деле исключения. Когда я по какому-то особому поводу предложил Фалькенгайну проинформировать также и Его Величество, то он просто отмахнулся, произнеся только: «А...», и сделал соответствующее движение рукой. Когда я поделился этим с Людендорфом, он прореагировал примерно так: «Ну нет, Николай, кайзер сегодня наслышался уже столько плохого, что давайте, мой дорогой, возьмем это дело на нашу ответственность». Тот и другой действовали по различным мотивам, но с одной и той же конечной целью.

Я не был свидетелем совершенно разительного факта, мне об этом сообщил один флигель-адъютант. Командир корпуса, генерал, как-то находился в штаб-квартире и был при-

глашен кайзером на завтрак. Собравшиеся, ожидая прихода кайзера, спросили генерала о состоянии войск его корпуса. Он был предельно откровенен: «Совершенно измотаны! Если не будет по крайней мере трех недель отдыха, то невозможно будет ничего сделать».

И вот в помещение вошел кайзер. Все перед ним склонились, а он прямо подошел к генералу и спросил его: «Ну, господин генерал, как ваши brave войска?» Щелкнув каблукми, генерал, не задумываясь, ответил: «Они жаждут вновь идти в бой!»

Дневник от 6 января 1915 года:

«Единственный сын Фалькенгайна, летчик-офицер, пропал без вести. Однако спустя какое-то время я сообщил Фалькенгайну, что сын его найден и хочет поговорить с ним через моего офицера разведки. Впервые в жизни я видел, как тяжело действует на руководителя горечь личной утраты. На 24 часа Фалькенгайн, хотя это невозможно было заметить, вышел из строя.

То же самое я наблюдал и тогда, когда шеф военного кабинета потерял двух своих сыновей. Я хотел, чтобы один из них избежал судьбы брата, и использовал его во фронтовой службе разведки. Но он все время рвался вперед. Я был свидетелем и гнетущего состояния генерала Мантейфеля из-за гибели одного из его сыновей и других руководителей в подобном состоянии.

Мы сидели с Людендорфом в его кабинете за письменным столом в Берлине, когда начальник оперативного отдела полковник Ветцель пришел с сообщением о том, что лейтенант Пернет (это был приемный сын Людендорфа, собственных детей у него не было) не возвратился после налета на Англию. Людендорф побледнел, обхватил крышку стола руками и сказал: «О боже, моя бедная жена!» Он покинул нас, согнувшись, возвратился в Большой штаб, чтобы затем поехать к жене в Баден-Баден. Этого сына мы хоронили в Берлине, и я переживал вместе с Людендорфом это обстоятельство. Я присутствовал и при погребении его второго приемного сына во временной могиле в Авенснесе, погибшего в одном из боев. На это погребение по желанию Людендорфа пришли только генерал-фельдмаршал и начальники отделений. Людендорф появился последним. Он не взглянул

ни на фельдмаршала, ни на нас, прошел между двумя гробами, своего сына и погибшего вместе с ним летчика-пилота, после речи священника проследовал к могиле и отступил от нее весь в слезах. Фельдмаршал взял его руку в свои руки, Людендорф быстро пожал руки нам, повернулся к нам спиной и вернулся на службу. Через час он был уже в состоянии с нами разговаривать».

Запись в дневнике от 15 января 1915 года:

«Возвращение в Берлин. Мне сообщают, что контроль за связями княгини Плессен, особенно с американским консулом и американскими офицерами в отеле «Эспланада», проводится с трудом. Генерал-полковник фон Кессель, губернатор Берлина, побуждает князя Плессена, находящегося в кайзеровской свите, переселить княгиню в Партенкирхен.

Эти бросающиеся в глаза связи и обмен письмами политического содержания международными кругами в Германии и за рубежом привели к наблюдению и контролю за следующими личностями из придворных дворян и прежних немецких дипломатов: графиня Мюнстер, принц Гольштайн, принцесса Шенбург, граф Блюхер, Фрх. фон Эрвельфельд, фон Тресков, фон Эккерштайн, фон Кракер. Как и в случае с княгиней Плессен, по всем выводам, здесь далеко от сознательного предательства родины, наоборот, ее поведение вызывает желание ей помочь. Но контроль показывает полную неспособность ее к серьезным переменам. Побудительными мотивами таких связей является тщеславие и потребность придать себе значимость. Из писем, которые они получают, и из разговоров, которые они ведут с иностранцами, совершенно ясно, что эти люди становятся распространителями сообщений и мнений, происхождение которых можно отнести к вражеской пропаганде, и этого следует опасаться, поскольку вражеская пропаганда использует эти личности как своего рода подходящий инструмент для реализации своих целей...

Серьезная ситуация возникла с графом Нейхаузом из Кормона, ротмистром в отставке из 4-го полка кирасиров, который предложил в Швейцарии свои услуги французскому военному атташе. Даже военный атташе посчитал такое предложение невероятным и принял его за обманщика. Он передал его швейцарским учреждениям. Они в свою очередь на-

правили дело немецкому военному атташе Бисмарку, который отправил его мне. Нейхауз был арестован и осужден за намерение предать интересы страны. На суде он представил все так, что это было намеренной провокацией и следствием прогерманского влияния на французскую службу разведки. Во время революции его оправдали. Когда я сообщил о его аресте Фалькенгайну, то последний заметил: «Посмотри-ка, мой старый друг Нейхауз. Я всегда ему не доверял». Он хорошо разбирался в людях, и его это сообщение не удивило. А вот Людендорф был потрясен до глубины души...

Фрау Фалькенгайн, жена начальника генерального штаба, была центром общественного внимания в Берлине. Ее высказывание о том, что Гинденбург якобы является лишь подручным ее мужа, передавали дальше, проинформирован был и Гинденбург, все это усилило вредную напряженность в руководстве. Задачей моего ведомства было сообщить об этом Фалькенгайну и попросить его настоятельно рекомендовать жене быть сдержанней. Он ответил: «Вы правы, Николаи, бабы должны держать язык за зубами».

Такие вещи были для меня нележки, они могли стоять мне положения, но получилось так, что это еще более усилило доверие ко мне моих начальников...

Само собой разумеется, делались попытки подступиться и к моей жене. Так как ее муж был специалистом особого рода, то она жила совершенно уединенно, даже замкнуто и получала только мои письма по полевой почте, в которых не было ничего такого, что я не мог бы говорить другим. Общения со мной тоже многократно добивались, когда я бывал на родине. Я откликался, поскольку это представляло мне возможность получения информации для собственного пользования и своеобразно повышало уровень моих знаний. Когда же меня просили что-нибудь рассказать, я отвечал, что ничего не знаю, мне возражали, заявляя, что я якобы знаю все, я признавал это, но добавлял, что парадокс заключается в том, что тот, кто знает, вынужден молчать, а кто большей частью ничего не знает, имеет право орать во все горло».

Из дневника, 27 января 1916 года:

«В Плессе во время богослужения, которые кайзер посещал регулярно, он нашел в суперинтенданте Новаке того

откровенного человека, который, если даже его в кайзеровском кругу встречали настороженно, всегда оставался непреклонной личностью. И вот когда мы вновь покидали Плесс, кайзер выразил намерение наградить его орденом королевского дома Гогенцоллернов. Окружение кайзера стало отговаривать его, мол, это слишком высокая награда такому лицу, этот орден не для суперинтенданта, достаточно в данном случае рыцарского креста. Но кайзер остался при своей воле, заметив при этом: «Господа, вы не знаете, что этот человек дал мне».

...Я часто принимал участие вместе с кайзером, Гинденбургом и Людендорфом в богослужении, как и с Фалькенгайном. Вот этот последний избегал элегантным образом выносить какое-либо суждение. А у первых трех я всегда наблюдал какую-то внутреннюю глубокую связь с этим делом, но, как мне казалось, у всех троих эта связь была различной. Я не могу исчерпывающе что-либо сказать о милости Божьей, в чем часто было отказано кайзеру, но полагаю, что понимаю, что человек, на долю которого выпало руководство такой высоты, возвышается над людьми, хотя в то же время может оказаться и внизу, так вот такое лицо выше себя ощущает только Бога. Иначе, мне казалось, дело обстояло с Гинденбургом. Для него богослужение — это нечто само собой разумеющееся, и внутренний Бог — это тоже нечто само собой данное. А вот Людендорф в этом отношении борец. Он настоящий богоискатель».

Дневниковая запись от 15 февраля 1916 года:

«Я наряду со спокойствием, которое Фалькенгайн проявлял во всех событиях, имел также возможность восхищаться его многосторонним дарованием. Когда мне было передано от него одно приказание и оно показалось мне очень тяжелым, я попросил времени у Фалькенгайна до следующего утра, чтобы мне позволили проделать эту работу. Он это время предоставил, но только до 7 часов утра, поскольку затем должна была уйти соответствующая телеграмма. Когда я, проведя всю ночь без сна, пришел к нему без четкого и ясного результата с проектом набросанной телеграммы, он ее прочитал, затем обратился к какой-то папке бумаг на его письменном столе, покопался в них, вытащил какой-то листочек, сказал: «Я это дело представляю так» — и прочитал

мне составленный им самим проект предполагаемой директивы. Он нашел решение, которое я как профессионал так и не смог найти. На этом проекте мы и остановились. Я был буквально потрясен своей неспособностью исполнить именно это дело, пошел к шефу центрального отделения полковнику Фабеку, который занимался кадровыми вопросами в генеральном штабе, и все ему рассказал. В ответ я услышал: «Утешьтесь, дорогой Николай, еще чаще это происходит с каждым вторым сотрудником Фалькенгайна».

20 мая 1917 года начальник германской разведки получил сообщение о том, что его единственный брат, Ганс Николай, который был на два года старше его, пропал без вести в Шампани, командуя батальоном.

Из письма жене от 22 мая 1917 года:

«С тех пор как я узнал, что Ганс был задействован на самом опасном участке Западного фронта и что на этом участке фронта было отбито несколько атак, я постоянно ощущаю волнение за него. К сожалению, оно оказалось оправданным. Правда, у нас еще есть надежда, что он жив, и я постараюсь в ближайшие дни и недели рассеять эту неизвестность. Но ты понимаешь мое состояние, мои сердце и душа вместе с матерью. Она переживала за нас обоих даже тогда, когда была молодой, счастливой и веселой, а потом судьба отняла у нее моего отца и оставила вместо радости лишь один долг. Каким образом она справлялась со всем, знаю только я, и я благодарен ей за решимость. Она взяла на себя вошедшую в привычку заботу о Гансе, это стало для нее самым главным. Сейчас она переживает печальнейшие часы как мать и как человек, боясь лишиться того, что наполняло всю ее жизнь. Будь рядом с ней, моя дорогая жена, постарайся утешить ее, но не обращай только к словам разума. В сильной натуре моей матери живет доброе, мягкое сердце, как и у меня. Я благодарен тебе за все, что ты для меня делаешь. Я хочу вновь обрести мою прежнюю непоколебимую твердость в это тяжелое время».

Продолжение письма от 23 мая:

«По просьбе испанского военного атташе об этом деле осведомлен также и король Испании, через него я получил сообщение, что брат находится во французском плену».

Завершается запись о попавшем в плен Гансе так:

«Я упоминаю об этом событии подробно потому, что без него описание моей военной жизни было бы неполным. Я тяжело пережил волнения моей матери о ее сыне и моем брате. Само собой разумеется, что чувство долга заставило меня подтянуться, я испытал то, что испытали Фалькенгайн, Людендорф и другие руководители в такой же человеческой беде. Я думаю, что политически зрелый народ не должен требовать от своих руководителей проходить это тяжелое испытание. Есть и было что-то коммунистическое во мнении, которое я часто слышал во время войны, что, мол, кайзеру и другим руководителям следовало бы потерять одного или двух сыновей, чтобы они поняли, каково же в этой ситуации человеку из народа. Человек из народа может быть уверен, что руководитель это понимает, он может быть также уверен в том, что руководитель все это перенесет, поскольку он и есть по натуре руководитель. Но народ не должен ему желать этого. Руководитель также переживает вместе с народом его горе, но сам он никогда не желает своему народу оказаться в таком тяжелом положении. Человек из народа никогда не будет способен нести такое же бремя, как руководитель. И я полагаю, что если мой жизненный опыт привел меня к этому выводу, то это подняло меня как бы на высоту исторического взгляда».

Из дневника, 11 ноября 1917 года:

«Мне сообщают, что делегация офицеров Дании после поездки на фронт утром прибывает в Кройцнах и ей предоставят возможность быть на приеме у фельдмаршала. В связи с этим я иду к фельдмаршалу. Уже как только я его спросил, когда я должен представить господ, он от неудовольствия повел бровями. А когда я продолжил, уточняя, нужно ли приглашать господ к завтраку, фельдмаршал ударил кулаком по столу так, что со стены упала фотография его жены, и закричал: «К черту, Николаи, все это! Я не древний носорог, чтобы меня каждый рассматривал, я неоднократно просил об этом, а вы снова и снова приходите ко мне со всей этой чепухой. Я требую, чтобы вы, наконец, уважали мои чувства».

Я ответил, что это не я, а это А.А. приглашает офицеров-иностранцев. Я нахожу, что раз уж это дело зашло так далеко, то следует не терять самообладания, поскольку это един-

ственная ошутимая пропагандистская деятельность А.А. у нейтралов. Поэтому не могу ли я просить его пощадить самого себя и меня тоже и не отказываться от посетителей и тем не наносить ущерба этой поездке. Мне нужно от фельдмаршала только соответствующее приказание. На что Гинденбург отвечает: «Тогда пусть они явятся ко мне завтра без четверти час». Я уточняю: «А надо ли их приглашать на завтрак?» Ответ Гинденбурга: «Ну, пожалуй, но чтобы через полчаса все эти Карлы вновь уехали».

С полным пониманием дела я уйду, но эта необычно резкая форма общения действует на меня угнетающе.

Вечером перед тем, как идти к столу, ко мне приходит ординарец Гинденбурга и передает, что фельдмаршал хотел бы со мной еще раз переговорить. Когда я вхожу в его комнату, то вижу его сидящим за своим письменным столом, на меня он не смотрит, потом указывает на большое кожаное кресло возле стола и говорит: «Садитесь же, пожалуйста, дорогой Николай». Я сажусь, он продолжает говорить, опять же, не глядя на меня, как большой мальчишка, который стыдится, и, поигрывая карандашом, продолжает: «Ну я хотел бы вам объяснить, почему я сегодня так взорвался. Я, собственно, об этом вам уже говорил. Я стал достопримечательностью. Это для меня очень неприятно. Я постоянно слышу лесть, которую я не терплю. Вот недавно вы меня побудили к тому, чтобы принять какого-то скульптора, поскольку город Берлин во что бы то ни стало хочет иметь в зале ратуши мой бюст. Я пошел навстречу вашему желанию, но я еще не рассказывал вам о том, как мне льстит этот скульптор. Он сказал, что у меня якобы какая-то характерная голова. Поверьте мне, Николаи, когда я, генерал, пребывал в отставке в Ганновере, то ни один человек не интересовался моим черепом. И затем часы, проводимые во время обеда с моими сотрудниками, для меня являются отдыхом, во время которого я имею возможность побеседовать с товарищами. Но всего этого нет, когда вокруг меня вертятся различные чужаки, это меня не устраивает. Вот таковы причины сегодняшнего моего поведения. Я хорошенько подумал и понял, что подобное не входит в мои обязанности, и вы должны понять меня, поскольку я не хочу всего этого».

Только после этого фельдмаршал посмотрел мне в глаза и закончил: «Итак, сегодня вы исполнили свой долг, а я перед вами не прав, что так в отношении вас поступил. И поэтому я прошу меня простить». При последних словах я непроизвольно привстал. Гинденбург взял мою руку в обе свои руки, пожал ее и сказал: «Ну а теперь, когда все вновь хорошо, пойдемте вместе пообедаем».

Дневник, 6 марта 1918 года:

«Заключение мира с Россией требует реорганизации секретной разведслужбы на востоке. Выяснение военных вопросов отходит на последний план, на первый план выступает наблюдение за революционной волной из России.

Чем меньше в последнее время я мог и должен был заниматься руководством разведслужбой, тем больше у меня было возможности подумать о величайшей тайне, выяснение которой является насущной задачей главы разведки, о смысле и цели войны в целом. С самого начала военных действий мне указывали на это во время моих докладов Мольтке, Фалькенгайн, Людендорф, которые чувствовали необходимость этого для их работы, так как со стороны руководящих государственных деятелей ответа на такой вопрос не было.

Сознавая мои ограниченные возможности, я все-таки стремился приблизиться к «великой тайне» во время моих многочисленных поездок и бесед с компетентными лицами из числа представителей всех профессий и политических лагерей. Результатом явилось прочное, но не до конца ясное представление о том, что в революционное время требуют разрешения в международном масштабе территориальные и расовые противоречия, особенно с учетом технического развития, социальные отношения между различными сословиями, противоречия между трудом и капиталом, между теми, кто добывает сырье и кто его использует, между производством и потреблением. За это и идет борьба между нами, молодой силой будущего, и Антантой, защищающей старый мир.

В эти поиски вместе с большевизмом пришло нечто новое. Если мы, солдаты, до сих пор не думали о нем, то только потому, что ничего об этом не знали, но теперь кажется, что тут и заключен глубокий смысл эпохи и войны.

Я доложил об этом Людендорфу и высказал мнение о том, что если намерение Антанты сделать нас безвольными и слабыми исполнится, то дело может дойти до того, что Ленин станет Наполеоном этой эпохи. Устранит в Европе границы, свергнет троны, создаст новые границы не по расовым признакам, а затем создаст новые троны и займет их своими органами. Людендорф согласился с моими доводами. Он поблагодарил меня за то, что я думаю над такими вещами, для которых у него совсем нет времени. Он поддержал мои взгляды относительно революционной опасности с востока, заметив, что поэтому Германии необходимо сильное внутриполитическое руководство»

Добавление:

«После окончания войны мои политические враги, в особенности руководитель ордена младогерманцев Мараун, называли меня «пробольшевиком» и упрекали меня в том, что я еще во время войны заявлял, что Ленин должен стать Наполеоном нашей эпохи. Этого я никогда не желал. Если бы Ленин последовательно выполнял свои задачи, он не должен был бы связываться с нашими врагами и усиливать их, ослабляя нас в то же время. Напротив, он должен был бы поддерживать нас во всем, что могло бы продлить нашу борьбу, чтобы западные державы и мы исчерпали свои силы. Тогда, может быть, весной 1919 года наступила бы его победа, чего я и боялся.

Из более поздних бесед с Людендорфом я вынес впечатление, что он понимал эту угрожающую опасность и она была для него поводом сложить оружие, прежде чем в борьбе будут исчерпаны последние силы армии. И он сложил оружие перед немецкой революцией, чтобы остатки действующей армии могли воспрепятствовать коммунистической революции в Германии. С исторической высоты я считаю это решение о перемирии спасением от большевистской опасности в то время».

Из письма жене от 5 августа 1918 года:

«Личный врач фельдмаршала просит меня воздействовать на Людендорфа, чтобы он не растрачивал излишне свои физические силы, заявив, что «иначе мы не сможем вообще все это пережить и найдем Людендорфа лежащим мертвым за своим письменным столом».

Дневниковая запись от 24 августа 1918 года:

«У меня создается впечатление, что Людендорф начинает бояться меня как начальника разведслужбы из-за того, что я ему в одной руке приношу жестокие факты утери воли против вражеских сил, а с другой — предостерегаю о надвигающейся революции внутри страны. Когда я вечером в 11 часов 30 минут попытался найти его, чтобы сделать доклад, я увидел его ходящим по комнате и серьезно озабоченного. Увидев меня, он как-то встрепенулся, оторвался от своих мыслей и спросил: «Это так спешно?» И я впервые понял, что он, кажется, начинает терять последние силы и что вся его воля разбивается о то, что война на два фронта — на западе и востоке, — к чему был готов генеральный штаб и Людендорф, стала борьбой на два фронта против внешнего и внутреннего врага. Людендорфу как военному руководителю с его чисто солдатским восприятием было непонятно, как это так, как народ может подняться против своего войска. В этот момент я ощущаю, что будет правильно, если я откажусь от доклада ему».

Запись 14 сентября 1918 года:

«Людендорф говорит: «Я боюсь революции больше, чем нашего военного поражения».

Из дневника, 31 октября 1918 года:

«Вечером кайзер обедает у нас. Его появление несколько задерживается. Фельдмаршал с каской и полевой повязкой ходит взад-вперед, ожидая высоких особ, причем ходит вне зала, и лишь раз он просовывает голову через большую стеклянную дверь в комнату, где мы ждем с Гренером, и говорит: «Я сам себе кажусь несущим службу флигель-адъютантом». Когда кайзер входит вместе с ним в комнату, я замечаю, что кайзер ведет себя тихо и заметно сдержанно. У меня в памяти прочно запечатлелось ощущение, что я вижу кайзера в последний раз.

Кайзер садится за стол между Гинденбургом и Гренером. Рядом с Гинденбургом Плессен, возле Плессена я, рядом со мной фон Хиршфельд. Круг старых сослуживцев Верховного командования ясен каждому.

Кайзер замкнут, но со мной приветлив, как всегда. Гренеру приказано сделать ему доклад о положении на фронте в половине десятого вечера, но не в служебном помещении,

а в нашей столовой, находящейся рядом. Там расстилают карты и т. д. Гренер покрикивает, и это создает какое-то беспокойство. Ровно в назначенное время появляется фельдмаршал и тихо говорит через плечо, что все готово к докладу. Кайзер, заметив беспокойство и не зная причины его, спрашивает: «Что случилось? Что, я мешаю?» Гинденбург успокаивает кайзера и просит привыкнуть к ситуации, царящей во время вечернего доклада, — всегда, мол, так. В столовой все стоят у стола, накрытого картой. Кайзер разыгрывает предназначенную ему фельдмаршалом роль. Стоя между Гинденбургом и Гренером, он опирается своей правой, украшенной кольцом рукой на карту. Для меня это последнее волнующее и потрясающее впечатление.

Еще в Плессе кайзер в присутствии своей жены как-то сказал: «Я уже только тень».

Последняя запись сделана Николаи 18 ноября 1918 года, когда он уже был освобожден от должности начальника разведки и находился в Берлине, наблюдая за «революционными событиями» из окон своего дома.

Его труд о Первой мировой войне был готов к передаче в Государственный институт весной 1944 года. Он и отвез свою рукопись на Вильгельмштрассе, 31, но когда он появился в своем кабинете, то понял, что передать эту «тысячу страниц» некому. В отсутствие Франка его работа никому не была уже нужна. Похоже, что ее так никто и не увидел, не говоря о том, чтобы прочитал, вряд ли она была даже зарегистрирована. Во всяком случае Гельмут Хибер о деятельности бывшего главы немецкой разведки после 1940 года говорит так: «Работа Николаи в Государственном институте при все еще продолжавшей поступать оплате затухала. Пространственная разьединенность усиливала этот процесс, обусловленный также и войной и самим ходом военных действий. Несмотря на это, бывший шеф абвера по крайней мере все-таки должен был бы иметь время для того, чтобы вести запись своих воспоминаний...»

Упрек Хибера от незнания, но он подтверждает, что исследователь так и не нашел следов труда полковника Николаи за эти годы, а они были. Свой долг перед Государственным институтом бывший глава германской разведки выполнил, но чтобы не сдавать свою рукопись в архив без всякой

надежды на публикацию ее даже «после смерти мемуариста», он положил ее в сейф, а осенью 1944 года забрал в Нордхаузен из-за резко ухудшившейся военной обстановки. Так он спас свою рукопись.

Летом 1946 года, находясь в советском плену, полковник Николаи сделал такое признание об итогах своей деятельности в Государственном институте истории новой Германии в том последнем слове, что он назвал «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт»: «Плоды нашей общей и моей личной работы были уничтожены воздушными налетами на Берлин вместе со зданием института».

Однако записям полковника Николаи о Первой мировой войне повезло: они уцелели. Но вот что не мог предположить глава «лучшей разведки мира», так это то, что его литературное детище угодит в архив советских спецслужб, где вместе с другими его бумагами станет достоянием немногих хранителей мало кому известных досье, оказавшихся в тайных подземельях.

Но такая уж выпала ему фортуна.

А в конце ноября 1944 года полковник Николаи получил письмо от Вальтера Франка из Холле. Тот с гордостью сообщал, что составил большую речь «Адольф Гитлер — завершитель второго тысячелетия немецкой истории», которая уже прозвучала и имеет большой успех: «В настоящее время она печатается многочисленными организациями для служебного пользования, например руководством имперской молодежи для руководящего состава гитлерюгенда, имперского руководства студенчества, для пятидесяти тысяч студентов-фронтовиков, гауляйтером Ганновера для руководящего корпуса партии и тиражом в 175 000 для фронтовых солдат города Гауз. Кроме того, только что министерство пропаганды заслало речь в печать для широкой общественности, первый тираж определен в 50 000 экземпляров. Впервые я произнес эту речь как доклад в Кракове, затем в Граце и Зальцбурге, а теперь здесь, в Гауз, но перед этим был еще Ганновер, а затем еще и Хильдхейм. Я хотел бы выступить с ней и в Гёттингене, но пока такая договоренность еще не достигнута».

Письмо заканчивалось более прозаично: «Четырнадцать дней назад я был в Берлине. Нашей квартире, в которой жи-

вет жена с четырьмя детьми, из-за медленного разрушения угрожает сырость, над домом нет крыши, снесло бомбовой волной, и нет черепицы, чтобы ее покрыть. С потолка дождевая вода стекает прямо в комнаты, разъедая потолок, но черепицу обещают скоро привезти, и мы надеемся, что у нас над головой скоро будет крыша. Однако все это имеет второстепенное значение в сравнении с нашей общей судьбой. То, что мы сумели преодолеть сентябрьский кризис и вновь сформировать фронт, это уже величайшее достижение, которое вселяет уверенность в том, что мы сумеем преодолеть и все другое».

В середине декабря 1944 года Вальтер Николаи поехал в Геттинген, в университетский городок, с которым его связывали дни лейтенантской юности, чтобы, как замечал он, «в духовной атмосфере университета отвлечься от мыслей об исходе войны». В Геттингене он встретился с исполняющим обязанности президента Государственного института истории новой Германии профессором Боценхартом, и тот согласился с тем, чтобы Николаи хранил свою рукопись о Первой мировой войне у себя дома в Нордхаузене, а также известил его о «происшествиях», случившихся с Вальтером Франком.

Суть первого сводилась к тому, что, проживая в Холле в доме помещика Йордана, Франк донес на него за какое-то якобы «сомнительное» дело гауляйтеру Ганновера, после чего гестапо арестовало супругов Йордан, но затем выпустило их под «залог». Местные жители осудили поступок Франка и стали относиться к нему недружелюбно. Другая ситуация, также закончившаяся доносом, возникла во время поездки Франка с женой в Берлин. Войдя в вагон 1-го класса, они обнаружили, что их места заняты. Возникла перепалка. Франк, указав на золотой значок нацистской партии у его жены, попробовал воспользоваться этим, на что находившийся в купе капитан сгоряча бросил: «Всегда, когда приходят эти с золотыми значками, возникают споры». Жена Франка резко оборвала капитана: «Вероятно, уже 30 июля вокруг вашей шеи была петля!», имея в виду неудавшееся покушение военных на Гитлера 20 июля 1944 года. С помощью находившегося в вагоне майора Франк установил фамилию капитана, она оказалась Майстер, и «оповестил» о случившемся Верховное командование вермахта.

Николаи осудил поведение Франка и сказал Боценхарту, что если Франк вновь займет кресло президента Государственного института, то он, Николай, «автоматически выйдет из института». Об этом он написал и Франку, когда получил от него письмо, где тот пытался оправдать себя и свою жену, заметив, что, посылая «доносы», Франк преследовал «узко личные», «корыстные» цели, пытаясь использовать «инциденты» для того, чтобы снова стать во главе Государственного института.

Эта переписка свидетельствовала, что случившееся стало лишь поводом к разрыву отношений между бывшим президентом института и бывшим начальником военной разведки Германии. Истинные причины заключались в разных подходах к оценке немецкой истории новейшего времени, и конфликт этот вызревал давно. Последние письма выразили мировоззренческое кредо каждого из них.

Франк полковнику Николаи, 1 февраля 1945 года:

«Тот факт, что вы оправдываете правительственного архитектора доктора Майстера и вам почти незнакомую брачную пару Йорданов и хотите на этом основании разорвать двадцатилетнюю дружбу и сотрудничество со мной, было бы для меня совершенно непонятным, если бы я не предположил, что эти случаи всего лишь внешний повод для «взрыва» накопившейся в течение долгих лет напряженности. В последние годы вы многократно жаловались, что я при всем высоком уважении к вашей личности и вашим советам часто поступаю по-своему. По поводу моей статьи о фюрере вы написали, что как мой опекун вы потерпели неудачу. Более глубокая причина наших разногласий лежит, думаю, в различных позициях в отношении кайзеровской Германии Вильгельма II. Это особенно проявилось в столкновении в Геттингене, когда вы прервали общение с моей женой, поскольку она высказала свое мнение об офицерах-предателях 20 июля, ошибочно представив это как заболевание офицерского корпуса. Я уважаю ваше мировоззрение, сформировавшее вас как старого кайзеровского офицера, я это очень хорошо понимаю как историк, но я не могу его разделить как человек более молодого поколения, на котором лежит четкий отпечаток мировоззрения Адольфа Гитлера.

В этой связи находится и ваша позиция в случае с Йорданами. Если вы, насколько я понимаю, упрекаете меня в том, что я даю возможность его «служащему» (кстати, сыну австрийского офицера запаса из «кайзеровских» охотников, племяннику офицера вооруженных отрядов СС) донести о махинациях его хозяина гауляйтеру, если вы упрекаете меня в том, что я придаю большое значение камням, грязи, человеческим экскрементам, которые были брошены мне в окно, то в этом, наверное, ваш ярко выраженный «немецко-национальный» менталитет. И поскольку наши консерваторы до 1918 года так долго отворачивались со знатным благородством от «улицы» и отказывались с таким же благородным отвращением от своей агитации, постольку они и были сброшены красной революцией. А затем наши немецкие «националы» подобным же образом проявляли свое отношение к «уличной грязи», что и привело к революции и полному провалу немецких националистов. В противоположность «националам» национал-социалисты, которых первые рассматривали как людей «ординарных», малозначительных, сбросили республику и вновь создали рейх, поскольку они ради чистоты будущего торчали по щиколотку в «грязи», занимались «доносами» и «агитацией», забрасываемые своими противниками «камнями, уличной грязью и человеческими экскрементами».

В суждениях и чувствах, которые я ощущаю в вашей критике, когда-то отважится разобраться в спокойной обстановке историк, простым людям остается грязь и озлобленность. И если теперь эти различия в наше раздирающее нервы время требуют принятия решения, результатом которого будет разрыв нашей двадцатилетней дружбы, то я глубоко сожалею об этом и буду, как и прежде, искать всяческие пути, чтобы избежать этого. Но заявляю вам, что ваше мнение при всем моем желании признать не могу. Я считаю его ошибочным и несправедливым.

В отношении того, что произойдет, если я вновь приму в руки президиум Государственного института, то в нужное время необходимое решение будет принято. Сейчас речь идет о том, останется ли жить «новая Германия» или же будет уничтожена — под громадной тяжестью этого вопроса и необходимостью приложения всех сил, которые от каждого из нас требуются, все остальное становится несущественным».

Переписка заканчивается письмом полковника Николаи Вальтеру Франку, датированным 5 марта 1945 года:

«Вы заявляете, что моя позиция могла бы быть вам не понятна, если бы вы не предполагали, что случаи Йордана и Майстера являются только внешним поводом, который вылился во «взрыв» от напряжения, копившегося в течение многих лет. Но, выражаясь так, вы ошибаетесь. Но, впрочем, вы и правы. Нам нет нужды ничего предполагать. Вы и так все знаете. Вы знаете, что исходный пункт напряженности лежит намного более глубоко и он более широк, чем какая-то, сама собой разумеющаяся, ваша иная позиция в отношении кайзеровской Германии Вильгельма II. Не только для отражения, но и для углубления исторического исследования, как я полагал, я был призван, когда при основании Государственного института мне перед самой широкой общественностью возвышенными и благородными словами передавали целый научно-исследовательский отдел.

Печальные остатки этой задачи я возвращаю в ваши руки и заявляю, что мое наставничество оказалось неудачным, когда вы написали статью по случаю дня рождения фюрера, которая поверхностно охватывает события, не углубляясь в самые решающие вопросы будущего немецкого народа. Несмотря на это, вы высокомерно гордитесь ею, полагая, что такими мелочными средствами оправдываете цели вашего учреждения, но эту цель я указал вам в моем посвящении на фотографии, которую вы у меня попросили, назвав вас «будущим главой службы разведки фюрера», памятуя о моем неудачном опыте соединения историка с военным руководством во время Первой мировой войны.

Несмотря ни на что, я остался верен Государственному институту, хотя уже первые разочарования у меня возникли почти с самого начала пребывания в нем. Привлечение к сотрудничеству с Государственным институтом истории новой Германии, созданного фюрером, я воспринял как особую честь. Но вы сразу дали понять мне, что Государственный институт — это исключительно ваша прерогатива, что это ваши мысли и ваше дело, так сказать, ваша собственность. Я стал больше обращать внимания на ваше нездоровое личное честолюбие и в то же время был готов, несмотря на возраст и положение, которое я занимал во время прошлой вой-

ны, подчиниться вам, хотя и страдал от этого, чувствуя недостойность такой ситуации.

Но я, возможно, в ином и виноват, поскольку, не будучи специалистом, часто давал согласие на работу, которую вы примеряли для самого себя, стараясь сохранить мою веру в вас. Эту веру окончательно развеяли последние события. Ведь высокая должность требует и соответствующей личности. Пути наши на этом разошлись, они никогда не сведут нас вместе, даже если вы снова станете главой Государственного института. Поэтому я отклоняю то, что вы написали: мол, время покажет. Прежнее состояние было невыносимо для меня, и если бы судьба развела нас по иному поводу, то у меня осталось бы ложное представление об исходе моих отношений с вами.

Я и мои сотрудники по Первой мировой войне почитали за честь придерживаться той личной чистоты, которая считалась высшей моралью в немецком генеральном штабе, и они пользовались полным доверием при выполнении своего долга. Не следует поэтому поучать меня необходимости «браться за грязь». Тем более, что с нашим обсуждением это никак не связано, и я не знаю, что вы понимаете в обоих случаях под «грязью». Я не могу упрекнуть себя в неисполнении возлагавшихся на меня самых тяжелых задач или в уклонении от их исполнения. Но это не предмет моих самых гордых воспоминаний. Я никогда не прославлял себя. А вы выдвигаете на первый план подобное политическое обязательство для себя. Я отвергаю это со ссылкой на то, что речь шла при обсуждении ваших действий менее всего о политической необходимости, а, скорее, о достижении выгоды с тем, чтобы благодаря этому добиться личного успеха».

Касаясь случая с немецким офицером, Вальтер Николаи писал:

«До и после вашего увольнения в отпуск как президента Государственного института я не слышал от вас и вашей супруги высказываний, направленных против лиц, которые стоят намного выше вас, или высказываний против интересов партии, что, как полагаете вы, сделал доктор Майстер в отношении вас и вашей жены как человека, имеющего золотой партийный значок. Я бы эти высказывания оценил, скорее всего, как выражение мгновенной раздражительности, но не

как его образ мыслей, поэтому я вправе ожидать и от вас такого же понимания поведения доктора Майстера и не могу согласиться с вами, ибо за счет 20 июля вы хотите придать неоправданный вес вашему мелкому делу».

В отношении Йорданов:

«И то, что я слышал в Холле, и то, что увидел в ваших письмах, свидетельствует о вашем пренебрежении к Йорданам как крестьянам, из чего получается, что вы напрасно ожидали, что и другие поддержат вас в деловом и личном плане, мне же достаточно, что вашему высокомерию была противопоставлена гордость немецкого крестьянина. Перешагнули ли при этом Йорданы некую грань, это не подлежит моему суду. Для меня следствие происшедшего является вторичным. Для вас же было важно привлечь к этому делу гауляйтера, поэтому в вашем личном деле участвует и гауляйтер, получивший ваш донос, и это не может не повлиять на сохранение моей дружбы с вами».

Николаи заканчивал следующим:

«Я уведомил профессора Боценхарта, что ваше возвращение к руководству Государственным институтом автоматически означает мой выход из него. Копию нашей последней переписки я приложил в письме к нему, чтобы причины моего выхода были зафиксированы в документах института. В дальнейшем мы пойдем с вами различными путями, сохраняя при этом веру в то, что благодаря нашему храброму руководству и стойкости нашего народа, на долю которого выпали небывалые испытания, в будущем мы обретем свободу. Каким бы ни был исход, для меня это лишь заключительный аккорд моей солдатской жизни. Я чистым закрываю свой счет. А расчет с вами для меня уже ничего не означает.

Вы еще молодой человек. И если то, что я вынужден высказать вам в умеренной, сдержанной форме, чтобы не повредить вам, вы почувствуете всем сердцем, то это будет только лучше для вас. Я же хотел быть вам лишь старшим и более опытным другом. Чувство моей правоты будет жить в моем сердце до конца».

Однако этот разрыв между бывшим начальником кайзеровской разведки и «главным историком Третьего рейха», которого еще называли «профессором Гитлера», уже не имел

никакого значения. До поражения Германии и во Второй мировой войне оставались считанные недели.

В первых числах февраля 1945 года Николаи получил из института письмо от одного из сотрудников, которое дышало ожиданием краха:

«Дорогой господин полковник!

Должен сообщить вам печальную весть о том, что Государственный институт полностью разрушен во время дневного налета в субботу, 3 февраля. Это был один из самых тяжелых и чреватых самыми большими потерями налетов на Берлин. Целые бомбовые ковры тяжелых фугасных бомб угодили в центр города и на жилые районы юго-востока. От этих бомб остались воронки такого размера, каких мы еще не видели. Соответственно велики потери и среди населения. В здание института попала фугасная бомба, фасад разрушен полностью, а задний корпус повредили зажигательные бомбы. И если в передние помещения еще можно войти, хотя они опустошены, то задние помещения вместе с библиотекой и архивом выгорели полностью. Бронированный шкаф с вашими материалами воздушной волной сброшен на пол. Выдержал только подвал, где находятся ящики с документами Хапага, и, таким образом, спасено самое важное для работы. Подвал еще закрыт, но если это будет продолжаться долго, то гарантии сохранности документов нет. Ввиду общего критического положения в столице стоило бы подумать о том, чтобы эти документы уничтожить, это было бы лучше всего, так как их перевозка в другое место просто немыслима. Как я хотел бы вам совершенно доверительно сообщить, в Берлине проводятся подготовительные мероприятия для эвакуации».

Далее сотрудник извещал:

«Примерно 8 дней назад появились первые русские разведывательные танки в угрожающей близости от столицы. Берлин переведен в состояние повышенной готовности. Фолькштурмовики и городская охрана на улицах и площадях возводят баррикады и устанавливают противотанковые надолбы. Вероятно, институт переедет в Геттинген, так как здесь уже невозможно нормально работать. Жизнь очень трудна и стала уже фронтовой».

Бывший начальник немецкой разведки не мог не понимать, что это конец. Только с грустной улыбкой он мог про-

читать еще одно письмо из института, отправленное в Нордхаузен 10 марта 1945 года:

«Многоуважаемый господин полковник!

Данное вам задание на проведение исследования «Политическое руководство в мировой войне» я продлеваю на время с 1 апреля 1945 года по 31 марта 1946 года включительно с оговоркой в любое время отзыва. В качестве возмещения за проведенную исследовательскую работу я гарантирую выдачу вам ежемесячной суммы, как и прежде, в 500 рейхсмарок, которые будут вам перечисляться через главную сберкассу рейха, Берлин, В 8. С этой суммы будет взиматься подоходный налог».

В апреле 1945 года советские войска настолько близко подошли к Берлину, что не нужно было быть провидцем, чтобы понять, что в немецкой истории наступают новые времена. Но только полковнику Николаи они не сулили ничего хорошего.

Их, однако, не увидел доктор Вальтер Франк. Гельмут Хибер донес до нас свидетельство о его последних днях и часах:

«Сравнительно ничтожный случай дал повод к последнему толчку. Все мужское население округа должно было по команде оккупационных властей приступить к земляным работам. Это было уже слишком. Вальтер Франк написал друзьям прощальное письмо. Его жизнь была посвящена борьбе Адольфа Гитлера, поэтому он сейчас ставит точку: «Мир стал для меня бессмысленным, если этот человек больше не живет». И он написал предисловие, вероятно, к заранее подготовленной биографии Петерса. Написал как своего рода завещание. Он написал о вере в Германию, о справедливости дела, за которое он так страстно выступал и боролся, о молодежи, которая когда-нибудь выпустит это вышедшее из-под его пера произведение. Последующее «политическое завещание» составили подчеркивания в его последнем выступлении о Конраде Фердинанде Майерсе «Последние дни Хуттенса», что должно было продемонстрировать параллели между судьбами этих двух людей.

Утром 9 мая 1945 года он закончил предисловие к Петерсу и сообщил жене о своем решении уйти из жизни. После того как кое-что было приведено в порядок, они пошли вечером в собственный сад в имении и уселись на скамейку. Театральной, какова была и его «собственная жизнь», дол-

жна была стать, насколько позволяли скромные обстоятельства, и его «собственная смерть». От ганноверского полицейпрезидента Франк в свое время ввиду сложности обстановки получил пистолет. Обращаться, однако, он с ним не умел. Поэтому его жена была вынуждена зарядить для него пистолет и оказать ему такую жуткую помощь. В течение многих лет она курила своему мужу фимиам вместо того, чтобы быть ему выравнивающим, сбрасывающим пар регулятором, в котором он так нуждался.

На садовой скамейке возле каменной стены в этот майский вечер Франк приложил револьвер к виску и спустил курок. На руках бедной женщины он и умер. На кладбище Гросс Брунсроде он был похоронен. По собственной воле, из чувства бессмысленности жизни Франк ушел из нее в сорок лет. Шесть из них он был президентом Государственного института истории новой Германии...»

Наверное, многое в таком финале закономерно. Почитание Адольфа Гитлера было у доктора Франка в крови. Вряд ли он лукавил, заявляя Вальтеру Николаи еще в 1938 году: «Адольф Гитлер, без сомнения, своей прежней деятельностью доказал, что он сам пробивает себе дорогу и гениально ориентируется в ситуации, а потому не нуждается в моих консультациях...»

В июле 1943 года, после того как Италия вышла из борьбы, Франк написал своему «учителю»:

«В любом случае Италия выпадет из мировой истории как великое государство, оно слишком мало для такого человека как Муссолини. Дай бог, чтобы наш народ оказался достойным своего фюрера и не довел дело до того, что было в ноябре 1918 года! Я убежден, что фюрер даже и сейчас сохраняет спокойствие и сможет ответить решительными контрмерами. Но необходимо также, чтобы сильный руководитель имел в своих руках достойный народ. И именно мы должны воспламенять массы, как «апостолы» веры в фюрера и всемирно-историческое призвание нашего народа, везде, где это только возможно».

И закончил:

«Даже если эта война станет «тридцатилетней войной», мы с вами, несмотря на то что принадлежим к разным поколениям, будем сражаться с горячей душой и война, как бы

ни было тяжело напряжение и велики жертвы, все равно увенчается успехом».

Подобным образом Франк высказывается и дальше, не смотря на то что все очевиднее становилось грядущее поражение Германии. Он словно ничего не видел или не хотел видеть. В его письме Вальтеру Николаи от 30 мая 1944 года есть такое утверждение:

«На основе моих исторических исследований я считаю, что невозможно поставить Вильгельма II на один уровень с Адольфом Гитлером, так как первый привел в 1918 году к историческому поражению рейха... Если поставить Вильгельма II и Гитлера на одну ступень, то это парализует веру народа в победу Гитлера. Народу необходимо показать громадное различие между Вильгельмом II и Гитлером. Гитлер никогда не кончит так, как кончил Вильгельм II».

Когда рухнуло все, Франк не нашел иного выхода, как тот, что привел его на садовую скамейку в день капитуляции Третьего рейха.

А в Москве полковник Лев Шварцман, не имея за душой ничего, кроме перепечатанных на машинке выдержек из книги «Тотальный шпионаж», так и не добившись от подсудимого признаний в его «шпионской деятельности» в стенах Государственного института новой Германии, заявил ему напоследок:

— Следствие вам не верит, так как располагает документальными данными о вашей активной разведывательной деятельности до последнего времени. Допрос мы прерываем с тем, чтобы снова вернуться к фактам вашей работы в германских разведывательных органах после прихода Гитлера к власти.

Однако это были тщетные усилия. Показаний, которых от Николаи добивалась советская контрразведка, нельзя было получить, даже если бы их пытались вытягивать из него клещами или каленым железом.

Это начинало понимать и следствие.

**«ПОДТВЕРЖДАЮ И СЕЙЧАС, ЧТО МНЕ ЛИЧНО
НЕ ДОВОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ С АГЕНТАМИ,
ДЕЙСТВОВАВШИМИ ПРОТИВ РОССИИ,
ДА ЭТОГО И НЕ ТРЕБОВАЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА...»**

В начале января 1946 года Вальтер Николаи получил аудиенцию у начальника Главного управления контрразведки генерал-лейтенанта Е.П.Питовранова, а затем и у наркома госбезопасности СССР генерала армии В.Н.Меркулова. Об этом Николаи упоминает в рукописи «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт», хотя в материалах следствия эти встречи не отражены. Скорее всего, они были связаны с предложением Николаи представить записи о своей разведывательной работе и желанием лиц, отвечавшим в стране за государственную безопасность, лично познакомиться с бывшим начальником военной разведки Германии, который, как они предполагали, сотрудничал с нацистскими спецслужбами до и в годы Второй мировой войны.

16 января 1946 года, спустя несколько дней после этих встреч, на имя Сталина ушло письмо:

«Из Берлина в Москву распоряжением НКГБ СССР доставлен бывший начальник разведслужбы генерального штаба германской армии в период Первой мировой войны полковник в отставке Николаи Вальтер Германович, 1873 года рождения, автор известных книг «Тайные силы» и «Германская разведка и контрразведка в мировой войне» (русский перевод книги «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне»). Допросы Николаи показали, что он окончил военную академию, с 1906 по 1910 год руководил разведслужбой против России в городе Кёнигсберге, а во время Первой империалистической войны с 1914 года по 1918 год возглавлял службу разведки и контрразведки при Верховном командовании германских вооруженных сил.

Как показал Николаи, после поражения Германии в 1918 году он был вынужден уйти в отставку и с тех пор якобы отошел от работы в разведке, проживая на пенсию, назначенную ему германским правительством.

В 1925 году турецкое правительство через германского посла Надольного предлагало Николаи возглавить турецкую разведывательную службу, а в 1926 или в 1927 году японский военный атташе в Берлине Ватанабе также просил Николаи оказать командованию Японии помощь в деле улучшения деятельности разведывательной службы, но оба эти предложения Николаи, с его слов, отклонил.

В период с 1930 по 1938 год Николаи имел несколько встреч с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом, Гессом, Розенбергом и другими, предлагал им свои услуги, но гитлеровцы якобы отказались от сотрудничества с ним.

В архиве Николаи, изъятом при его аресте, обнаружено письмо Гиммлера от 15 июня 1934 года, в котором последний вежливо отказывается от сотрудничества с Николаи не по личным, а по деловым причинам.

С 1935 по 1945 год Николаи работал в качестве референта-советника в Институте истории новой Германии в Берлине.

Николаи обратился к следствию с заявлением, в котором просит предоставить ему возможность собственноручно изложить свой опыт руководства работой германской разведкой примерно по следующим разделам:

1. Разведывательная служба немецкого генерального штаба в период Первой мировой войны — контрразведка, печать, пропаганда.

2. То же самое в период между Первой и до конца Второй мировой войны, но с учетом, что Николаи в подробности этого периода не был посвящен и не имеет возможности изложить свои личные впечатления и наблюдения.

3. Русская оккупационная зона Германии как объект разведки, контрразведки и пропаганды и как база для организации соответствующими советскими органами разведывательной службы на другие страны.

Ссылаясь на свой преклонный возраст (72 года), Николаи просит в случае, если ему будет разрешено выполнить эту работу, создать ему для этого благоприятные условия во внутрюремной обстановке.

НКГБ СССР считает целесообразным:

1. В течение ближайших двух-трех недель продолжить активные допросы Николаи в целях выявления возможного его сотрудничества с гитлеровской разведкой.

2. За этот же срок закончить проверку Николаи по имеющимся в НКГБ СССР агентурным разработкам и материалам.

3. В случае, если не будет установлена причастность Николаи к работе разведки гитлеровской Германии, предоставить ему возможность написать свои заметки по указанным выше вопросам, для чего освободить его из тюрьмы, поместить под охраной и наблюдением на одной из конспиративных квартир НКГБ СССР в окрестностях Москвы и обеспечить необходимые условия для этой работы».

Подписал письмо нарком госбезопасности генерал армии В.Меркулов.

17 января 1946 года полковник Шварцман вновь предстал перед Вальтером Николаи. На этот раз ему помогали подполковник Болховитин и лучшая переводчица госбезопасности Суходолец. Допрос начался с того, о чем уже шла речь — о «ценной агентуре» в России:

— А теперь назовите агентуру, насажденную германской разведкой в России.

Николаи несколько изменил свой ответ по сравнению с тем, что он говорил прежде, но имен, как и раньше, не называл:

— Наши агенты обычно имели номера, фамилии их за давностью времени я не помню. С агентурой встречались офицеры, непосредственно работавшие близ линии фронта. Я их уже называл. Подтверждаю и сейчас, что мне лично не доводилось встречаться с агентами, действовавшими против России, да этого и не требовали обстоятельства, поскольку проверка достоверности поступавших донесений производилась на месте, а не в Берлине.

Ранее заходила речь о майоре Гемпе, работавшем с «русской агентурой», и Шварцман уточняет:

— Скажите, Гемп знал агентуру разведотдела германского генштаба?

— Гемп, как и остальные пограничные офицеры, конечно, знал агентуру, работавшую против России.

Шварцман настороже:

— А вам эта агентура не была известна?

Николаи тверд как камень:

— Фамилии, собственно, меня не интересовали, я верил своим офицерам.

Хороший вопрос:

— В России, как известно, до первой мировой войны проживало значительное количество немцев, занимавших более или менее видное положение в русской промышленности, в финансовых и технических кругах, а также в армии. Разве вам не были известны тайные агенты из этой среды, действовавшие в интересах Германии?

Николаи и тут неуязвим:

— Такой агентуры я не знаю.

Понятно, что допрашиваемый не хочет называть имена или действительно их не знает, но спросить на всякий случай не помешает:

— Могло ли так быть, чтобы начальник разведывательной службы генерального штаба германской армии не был осведомлен об агентуре, по крайней мере наиболее ценной, находившейся и действовавшей в лагере противника?

Этот вопрос задавали Николаи много раз, и ответ у него наготове:

— Но так было на самом деле. Я показываю правду и прошу мне верить.

У полковника Шварцмана нет фактов, чтобы «уличить» шефа германской разведки далекого прошлого в неискренности, следовательно может только слегка припугнуть:

— Вы показываете неправду и к вопросу об агентуре мы еще вернемся!

Разговор снова переходит на «связи» Николаи с нацистской разведкой и послевоенными разведслужбами Германии. В который раз его спрашивают об одном и том же:

— После того как в Германии в нарушение Версальского договора был возрожден генеральный штаб и его службы, вы были привлечены по линии военной разведки?

— Нет, по-прежнему я оставался не у дел.

Следователь ищет хоть какую-нибудь «щель» и, кажется, находит ее:

— И вас никто не пытался привлечь к практической работе с той хотя бы целью, чтобы сохранить преемственность между старой и новой военной разведывательной службой?

Однако пробивать оборону Николаи и на этом направлении бессмысленно, ибо на его стороне сама истина — он действительно давно забросил все дела, связанные с разведкой, и даже нацисты его услугами не воспользовались. Разве

что немногочисленные контакты с нацистской «верхушкой» в 30-х годах бросают на него тень, но он и сам не скрывает того, что было, не видя в том особого греха.

— Я уже показывал, — заученно повторяет Николай, — что в 1934 году со мной консультировался Гиммлер по вопросу структуры и организации полицейской службы, а до этого, в 1933 году, Геббельс, интересовавшийся моим мнением о возможности ведения пропаганды на разные страны в интересах Германии. Геббельсу я тогда посоветовал, в частности, создать свою разведывательную службу по линии пропаганды. Он со мной согласился и, по-видимому, остался доволен нашей встречей. Однако, повторяю, из германской службы разведки никто ко мне за помощью не обращался.

Шварцману остается только напомнить своему подследственному о его же добровольных признаниях:

— Хотя, как известно, сами вы предлагали свои услуги?

— Я этого не отрицаю. Гиммлеру я писал, но он от моих услуг отказался, о чем свидетельствует имеющееся в моем личном архиве письмо Гиммлера, датированное 15 июля 1934 года.

Шварцман уже не в первый раз берет отставного полковника из Нордхаузена «на пушку»:

— Следствие констатирует, что вы по-прежнему уклоняетесь от ответов по наиболее существенным вопросам, но вам будут предъявлены данные, свидетельствующие о ведении вами разведывательной работы и после Первой мировой войны.

Это могло вызвать у Вальтера Николаи лишь улыбку.

Следствие и в Москве явно выдыхалось.

В руках советских контрразведчиков оставался последний, и то сомнительный, «козырь» — досье «Оберст», поднятое из глубоких архивов. Как уже говорилось, советская разведка прекратила наблюдение за «таинственным полковником, причастным к разведке», как он сам себя называл, поскольку тот так и не объявился на интересовавших ее «горизонтах». Досье опровергало утверждения американца Риса о сотрудничестве Вальтера Николаи с нацистами и нацистскими разведывательными и контрразведывательными органами, но его книга вселила сомнения в чекистов и стала тем «маховиком», от которого все и закрутилось.

Все же к прежним агентурным разработкам решили вернуться, чтобы окончательно убедиться или в «безупречнос-

ти» репутации одного из самых известных руководителей разведывательных служб мира, или в «некомпетентности» тех, кто наполнял «досье» на Вальтера Николаи неверными сведениями и в конце концов предложил забросить его подальше. Теплилась надежда, что с помощью этого «досье» удастся выгадать хоть какую-нибудь «рыбу». Вот лишь один из документов, датированный февралем 1935 года, перекочевавших из досье «Оберст» в досье Н-21152:

«Совершенно недавно в Германии образовался центр, объединяющий работу всей заграничной агентуры в секторе военно-политической и военно-технической разведки. Прежде, до 1 октября с.г., центр помещался на Георгиештрассе, а теперь переведен в Шарлоттенбургский дворец, Порталь, 3, и ведет работу под вывеской «Ферейнингунг Карл Шурц». Здесь работает не кто иной, как хорошо нам известный полковник Николаи, его подотделы находятся...»

Далее шли адреса подотделов.

«Помощниками Николаи состоят: ротмистр Бауэрмейстер, доктор Драггер, бывший легион-секретарь доктор Ганс Биттер, доктор Спикер. Эти лица представляют специальный штаб, чрезвычайно хорошо законспирированный...»

Очень похоже на то, что утверждал Курт Рисс. Данная информация была признана в свое время несостоятельной. Теперь ее решили перепроверить.

23 января 1946 года следствие сосредоточилось на этом.

Николаи прямо спросили:

— Вам известен сотрудник германского генерального штаба ротмистр Бауэрмейстер?

Он охотно ответил, не зная, конечно, подоплеки:

— Да, Бауэрмейстер, насколько припоминаю, родился в Санкт-Петербурге примерно в 1875 или 1877 году. Его отец промышленник, по словам сына, происходил из семьи богатого офицера русской армии и, между прочим, был первым в России владельцем автомобиля. Сам Бауэрмейстер в Первую мировую войну служил офицером разведки германского генерального штаба в 8-й армии, действовавшей в районе Балтики на Северном флоте. Бауэрмейстер хорошо владел русским языком и работал в прифронтовой разведке против русских. Его задачей был опрос пленных офицеров и солдат. По окончании войны Бауэрмейстер разорился, крайне опустился

и стал полунищим. Он поступил продавцом в овощной магазин, но эта работа не давала ему достаточных средств к существованию. Весной 1921 или 1922 года я узнал о положении своего сотрудника и оказал ему материальную поддержку. Бауэрмейстер при моем содействии стал сотрудничать в редакциях немецких газет. Пользуясь своими знаниями о дореволюционной России, он писал статьи в учрежденную мной газету «Дойчен форвертс» и другие немецкие издания.

Следовательно:

— Какой характер носили эти статьи и эти издания?

Николай:

— Это были антисоветские статьи, в которых Бауэрмейстер, ничего, по существу, не зная о жизни в Советской России, измышлял несуществующие факты и высказывал злобную клевету по адресу СССР. Кроме того, Бауэрмейстер под псевдонимом «Агрикола» издал книгу о германском шпионаже и о пропагандистской работе против русских в войну 1914—1918 годов. Книга также носила клеветнический характер, и в ней, как и в статьях Бауэрмейстера, содержались вымышленные, не соответствующие действительности данные. Я, убедившись в 1926 году в нечистоплотности Бауэрмейстера, отказал ему в посещении моего дома.

Другие материалы из досье «Оберст» касались связей Николай с русской эмиграцией, что не утаивал и он сам, поведав о своей встрече после Первой мировой войны с бывшим начальником русской разведки генералом Батюшиным¹. Именно этой встрече, а также связям с советскими гражданами, выезжавшими в Германию, и был посвящен последний вопрос на Лубянке 31 января 1946 года.

— Продолжаем допрос о ваших связях. С кем из русских эмигрантов, проживающих в Германии, вы встречались?

— Как известно из моих предыдущих показаний, я принадлежал к близкому окружению видного руководителя германской армии времен Первой мировой войны Эриха Людендорфа, проживавшего близ Мюнхена в городе Людвигское. Его посещали многие представители русской эмиграции, с ними встречался и я. Припоминаю, что в 1921—1923 годах Люден-

¹ Николай Степанович Батюшин был начальником разведки в Варшавском военном округе.

дорфа посещали бежавшие из Прибалтики Альфред Розенберг, при Гитлере министр так называемых восточных областей, Отто Курсель, художник, эмигрировавший из Риги, впоследствии директор Академии художеств в Берлине, а также русские генералы Сахаров, Бискупский и бывший начальник русской разведки Батюшин, постоянно проживавший в Белграде. Генерала Батюшина я видел также в Вене в 1924 году.

Встреча с генералом Батюшиным в Вене больше всего заинтересовала следствие. Тогда сошлись трое бывших начальников разведок — германской, австрийской и русской армий. Бывало ли еще когда-нибудь, чтобы несколько руководителей разведслужб встретились после войны в дружеской компании? Что обсуждали бывшие противники?

Подполковник Болховитин:

— Почему ваша встреча с генералом Батюшиным произошла в Вене?

— Батюшин прислал ко мне в Берлин своего представителя с просьбой о встрече. Я обратился к германскому правительству за разрешением. Мне было дозволено встретиться с Батюшиным, но на нейтральной территории. Местом нашей встречи я избрал Вену, причем германское правительство расходы по поездке приняло на себя.

Полковник Шварцман:

— Остановитесь подробнее на вашей встрече с Батюшиным.

— С Батюшиным я встретился в 1924 году в одной из венских гостиниц. В первый день мы беседовали наедине, а во второй присутствовал также бывший начальник австрийской разведки генерал или полковник в отставке Макс Ронге. Батюшин произвел на меня хорошее впечатление и проявил солидную осведомленность о работе германской разведки в войну 1914—1918 годов. В равной степени и я многое знал о русской разведке. Ничего нового у Батюшина мне выудить не удалось, очевидно, и ему, несмотря на то что нашей беседы внешне мы придали откровенный характер.

Шварцман не удовлетворен:

— Что еще вы можете сказать о встрече с Батюшиным?

— Батюшин мне сообщил, что в отличие от Австрии, где русские прибегали к услугам офицеров, в Германии источником сведений для русской разведки являлись преимущественно низшие чины, в частности писари, обычно гораздо более

осведомленные и способные представлять фактический материал. Батюшин также интересовался, как могла германская разведка, невзирая на ограниченные средства, отпускаявшиеся правительством, оказаться столь осведомленной о военно-стратегических планах и состоянии русской армии. Я ответил Батюшину, что крупных агентов в России немцы не имели, но в результате длительного, на протяжении почти десятилетий изучения возможного театра военных действий мне удалось с помощью, на первый взгляд, незначительной агентуры на русской территории получить все основные интересовавшие германский генеральный штаб сведения.

На лице Шварцмана разочарование:

— И это все?

Николай:

— Да, это все, что я имею показать о моих переговорах с генералом Батюшиным.

Судя по следующему вопросу, Шварцман и Болховитин не поверили Николаи. Слишком «простой» показалась им беседа «непростой» по любым понятиям «тройки» начальников разведслужб враждебных армий.

Последовал упрек:

— Встреча с Батюшиным в вашем изображении несколько не похожа на переговоры руководителей разведок воевавших друг с другом государств. Непонятно, почему германское правительство оказалось столь любезным, чтобы санкционировать эти переговоры и даже приняло на себя оплату расходов? Говорите прямо: в чем было заинтересовано германское правительство?

Подследственный высказывает свою версию:

— Я предполагаю, что наше правительство имело в виду получить что-нибудь новое от генерала Батюшина.

Контрразведчики недовольны:

— Предполагать мог Батюшин, а от вас германское правительство не укрыло своих намерений, посылая вас для встречи с бывшим руководителем русской военной разведки. Вы явно запутались в своих объяснениях.

Николай больше нечего добавить:

— Что думал генерал Гемп, возглавлявший в то время германскую военную разведку, мне неизвестно, но на просьбу Батюшина встретиться со мной согласие было дано.

Неожиданно Шварцман говорит:

— Между тем известно, что в письме для передачи полковнику фон Клейсту, близко стоявшему к германскому правительству в 1924 году, вы сообщили, что переговоры с Батюшиным «интересны не только для выяснения прошлого, но и имеют большое значение для будущего». Вы это подтверждаете?

Николаи изумлен или делает вид, что изумлен: советские контрразведчики цитируют его письмо Клейсту, о котором он или забыл, или именно так хочет представить этот факт:

— Клейста я знал, но такого письма ему никогда не писал. Я просил бы проверить мое утверждение. Я показываю только правду.

Если бы сотрудники госбезопасности более внимательно изучили архив Вальтера Николаи, они наверняка обнаружили бы в нем записи о его встрече с генералом Батюшиным, которая произошла не в 1924 году, как утверждал подследственный, запомнявший дату, а в январе 1926 года. Полковник Николаи не только перепутал дату, что не имело значения для существа дела, но позабыл, что он оставил для себя копию отчета, который направил в генеральный штаб. Только спустя несколько лет после смерти Николаи эту копию контрразведчики нашли и перевели на русский язык. Записи подтвердили: полковник Николаи ничего не утаил от следствия, так как никакой ценности для немецкой разведки встреча с Батюшиным не представляла.

Вот эти записи:

«Летом 1925 года один из самых удачливых шефов русской разведки во время мировой войны, который отличился уже в мирное время, руководя разведкой против Германии и Австрии из военного округа в Варшаве, генерал Батюшин, находившийся в это время в Белграде, где он жил изгнанный большевиками, обратился ко мне с просьбой о встрече со мной. В качестве повода он указал, что хочет со мной лично познакомиться и выразить свое уважение заслугам немецкой разведки и контрразведки. Это в общем-то не представляло для меня интереса, но мне показалось целесообразным установить связь с ним для того, чтобы узнать побольше о действиях русской службы разведки до и во время мировой войны в Германии. Для меня такая встреча могла бы иметь

лишь личную ценность, но в то же время я подумал, что это имело бы и деловое значение для правительства, а также для новой службы военной разведки и контрразведки.

По этому делу я направил запрос, следует ли мне принять поступившее предложение, а также не стоит ли побудить Батюшина к переселению в Германию, чтобы использовать его знание России против России. Это было отклонено, но обмен мнениями приветствовался. Встреча была назначена на середину января 1926 года в Вене. На второй день на нее прибыл также бывший шеф австрийской службы разведки Макс Ронге, в настоящее время он работает на важном посту в министерстве внутренних дел, это назначение он получил в качестве награды за свои заслуги в войне.

Когда я прибыл в Вену, то узнал, что Батюшин уже приехал и пребывает в небольшой гостинице. Я нашел в Батюшине большого русского патриота. Было просто невозможно предложить ему застолье или изысканные удовольствия. Он выглядел очень скромно в своей поношенной форме кавалерийского офицера, был сильно затронут несчастьем своего отечества, а также переполнен враждебностью к большевикам, что граничило с готовностью совершить в этом отношении нечто героическое.

Результаты нашей беседы я представил в министерство обороны рейхсвера в виде отчета. Беседа разочаровала меня. Она не принесла мне в целом больше того, что я уже знал, хотя Батюшин, очевидно, говорил совершенно откровенно, понимая, что он не совершает уже больше никакого преступления, выдавая тайны. Более того, я мог его сведения в существенной степени дополнить. Когда он это заметил, то был очень удивлен моими обширными знаниями о русской службе разведки. Он спросил меня, как оказался возможным такой успех, несмотря на тот факт, что немецкая служба разведки располагала весьма скромными денежными средствами. Я ответил, что именно в этом и заключается секрет нашего успеха, что именно ограниченность средств, когда приходилось взвешивать каждый грош, и принесла успех, в то время как богатые службы разведок государств Антанты, особенно русская, были испорчены слишком большими и доступными денежными средствами, а потому действовали таким образом, что облегчали немецкой контрразведке рас-

познавание и обезвреживание их органов, держа вражескую службу разведки под контролем и в нейтральных странах.

Продолжению отношений с Батюшиным помешало то обстоятельство, что он, очевидно, то ли в своих собственных интересах, то ли по чужому заданию имел определенные намерения, которые не осуществились. Об этом я в конце апреля сообщил в министерство обороны: «Я получил известие, что генерал Батюшин расстроен тем, что наша встреча послужила лишь тому, что он был вынужден сообщить мне некоторые сведения, но что намерения его никоим образом не осуществились, ибо с моей стороны не было предпринято ничего такого, что потребовало бы продолжения наших отношений. Я позволил ему сказать, что он ситуацию понял исключительно правильно. После этого я не рассчитываю на продолжение каких-либо наших контактов».

В отчете Николаи лишь одно место достойно внимания: «В 1908—1910 годах русский генштаб якобы достал немецкий стратегический план за 30 000 рублей, но в подлинности этого плана можно сомневаться».

Далее следует письмо Николаи генералу Людендорфу:

«По случаю беседы с одним из руководителей русской службы разведки предвоенного времени я узнал от него, что русский генеральный штаб в один из годов с 1908 по 1910-й приобрел за 30 000 рублей план стратегического развернутого и сосредоточения действующей немецкой армии, согласно которому должны были выступить 3 армейских корпуса в Восточной Пруссии и две армии против Польши. Русские думают, что их генеральный штаб пал жертвой обмана. Я прошу Ваше превосходительство...»

На этом письмо обрывается.

Допрос продолжался. Шварцман:

— С кем еще из представителей русской эмиграции, кроме Батюшина, вы имели встречи?

Николаи:

— Примерно в 1924 году проездом из Франции в Мюнхен остановился князь Кирилл. Он посетил Людендорфа и выразил желание познакомиться со мной. Генерал Сахаров, которого я знал, проводил меня в отель «Марьенбад», где остановился князь. Он держался молчаливо, разговор вела его жена, которая поинтересовалась, как я оцениваю в на-

стоящее время положение в России. Я не думаю, последовал мой ответ, чтобы я знал положение в стране лучше, чем вы. Во всяком случае, продолжал я, пусть княгиня не верит тем, кто уверяет, что Кирилл и она вернутся когда-нибудь в Россию. На это мое замечание жена Кирилла, обратясь к Сахарову, воскликнула: «Вы слышите, генерал, что он говорит!» Замечу, что меня особенно интересовала жена Кирилла, первым мужем которой был великий герцог Гельсинский. После встречи с князем и его женой я высказал свое мнение Людendorфу о полной бесперспективности русской эмиграции, не имевшей единой цели и реальной почвы в своей борьбе против Советской России.

— Тем не менее вы не раз обращались за содействием к русской эмиграции в своей работе против СССР.

Шварцман говорил уверенно, он бросал последние карты из колоды в этой, как оказалось, пустой игре с отставным полковником из Нордхаузена:

— Вам известен русский эмигрант инженер путей сообщения Каштанов Леонид Александрович, один из организаторов нелегальной засылки антисоветской литературы в СССР?

Ответ Вальтера Николаи почти предопределен:

— Фамилию Каштанов я слышу впервые, мне также ничего не известно о нелегальной отправке литературы в СССР.

Вопрос о немецком ученом Нернсте:

— Вы были знакомы с профессором Берлинского университета Вальтером Нернстом?

Николаи припоминает:

— Такого профессора-химика я знаю, он уже глубокий старик. С ним я встречался лет пятьдесят тому назад, когда служил лейтенантом в германской армии в городе Геттингене. Профессор уже тогда был знаменит. После Геттингена с Нернстом я больше встречи не имел.

В «Деле Н-21152» сохранился любопытный документ, изъятый из досье «Оберст». Это протокол допроса одного советского профессора о его «связях» с Нернстом и Вальтером Николаи. Документ датирован 12 августа 1939 года, когда бывший начальник германской разведки уже почти четыре года работал в Государственном институте истории новой Германии. Доставленного на Лубянку профессора

биохимии Игоря Александровича Ремизова, заведующего лабораторией Научно-исследовательского химико-фармацевтического института в Москве, спрашивают:

— В чем вы признаете себя виновным?

— Я признаю себя виновным в том, что с 1926 года был привлечен к шпионской и диверсионной работе в пользу германской разведки Нернстом, профессором Берлинского университета.

— С кем из сотрудников германской разведки связал вас Нернст?

— В июле 1927 года Нернст назначил мне свидание в берлинском кафе «Шотен-Гамель». Прибыв в назначенное время в кафе, я вскоре встретился с Нернстом и прибывшим с ним лицом, назвавшим себя доктором Николаи. Мы заняли отдельный кабинет. Доложив Николаи о моем согласии вести шпионскую работу по заданию германской разведки, Нернст вскоре ушел. Во время этой встречи Николаи сказал, что будет лично поддерживать со мной связь. Далее Николаи предложил мне подумать о том, кого из близких мне лиц в Советском Союзе можно будет привлечь к работе на германскую разведку. На этом закончилась наша первая встреча.

— А дальше?

— В августе 1927 года Нернст вызвал меня к себе и сообщил, что для переговоров со мной к нему должен прибыть Николаи. Когда Николаи явился, у меня с ним состоялась вторая беседа. Он дал мне задание заняться вербовкой агенты для немцев из среды специалистов, прибывших в то время в Германию из СССР по служебным делам. Я принял к исполнению это задание Николаи.

Спустя некоторое время профессор Ремизов покинул Германию в связи со смертью своего отца, однако уже через год снова вернулся туда.

Вопрос следователя:

— Когда вы выехали в Берлин?

Ответ ученого:

— В июле 1928 года.

— С Николаи вы связались?

— Да, связался. По прибытии в Германию на квартире у Нернста я имел свидание с Николаи. Николаи предложил мне по возвращении в СССР создать широкую шпионско-

диверсионную сеть, привлекая для этой работы по возможности ученых, врачей и инженеров. Передо мной была поставлена задача в диверсионных целях использовать проводившиеся в СССР научные работы в области биохимии. Вместе с тем Николай предложил мне заняться сбором сведений о ходе теоретических и прикладных работ в области биохимии и смежных ей наук: бактериологии, эпидемиологии и патологии.

Насколько глубоко зашло дело, можно судить по следующим «признаниям» московского профессора. На вопрос, какие задания он получал от германской разведки, профессор ответил:

— По указанию Николай я должен был использовать завербованных мною специалистов для осуществления диверсий в Советском Союзе. Для массового отравления зерновых культур и сельскохозяйственных животных мне было предложено использовать различные растительные и животные возбудители болезней (ультравirusы), токсины, биохимическим способом выделяемые в чистом виде, а также засушенные путем замораживания заразные микробы. Для массового заражения людей, особенно в местах их скопления (казармы, вокзалы), Николай предложил применять культуры заразных болезней и ультравirusы, запретив использование для заражения населения обычные яды, дающие яркую картину отравления. Хотя выполнение поставленной задачи требовало соответствующих материалов, а главное — постоянной живой связи с германской разведкой, Николай обещал связать меня со своими людьми. Одновременно для передачи шпионских материалов из Советского Союза Николай предложил использовать агентуру, которую я должен буду приобрести из числа советских специалистов, командированных в Германию, и агентов, которых он будет ко мне присылать. Для постоянной связи с германской разведкой Николай предложил мне использовать Елизавету Друнзель, которая должна была вместе со мной выехать в Ленинград.

Следует уточнение:

— Друнзель уже тогда была германской разведчицей?

Профессор Ремизов соглашается:

— Да, но об этом я узнал в беседе с Николаем, содержание которой изложил выше.

Следующий вопрос:

— Еще какие задания вы получали от Николаи?

Ответ:

— Для осуществления диверсионных актов я договорился с Николаи, что он будет присылать мне под видом научных образцов от частных лиц и различных германских фирм заразные бактерии, токсины и ультравирусы.

Естественное продолжение:

— Каким образом вы намеревались применять эти вещи для диверсионных целей?

Ученый поясняет:

— Эти вещества поступали ко мне по почте, а иногда через Друнзель, периодически выезжавшую в Берлин. Но для осуществления массовых диверсий присылаемое количество заразных веществ было недостаточно. Чтобы размножить их, необходимо было использовать имевшиеся в лабораториях Советского Союза бактериологические питательные составы. Так как эти материалы находились на особом учете, Николаи предложил проводить вербовку работников лабораторий, имевших к ним доступ. В заключение беседы Николаи предупредил меня, что я получу особое задание на осуществление массовых диверсий в Советском Союзе в период военного времени и что подробные указания по этому вопросу он мне даст дополнительно. Получив все эти задания в августе 1928 года я вместе с Друнзель выехал в Ленинград.

Протокол допроса состоял из 13 страниц. Неясно, то ли Ремизов оговорил себя, то ли ему это предложили сделать, но вся «история» с Николаи была явно сфабрикована. Специалисты из внешней разведки этот документ забраковали, но он остался лежать в досье «Оберст».

У контрразведчиков, допрашивающих Николаи, «документ» тоже не вызывал доверия, однако оставался для них последним «шансом»:

— Через Нернста или другое лицо из его окружения вы были знакомы с приехавшим в Германию на производственную практику в 1927 — 1928 годах советским профессором биохимии Ремизовым Игорем Николаевичем?

Ответ Николаи однозначен:

— Нет.

Пошли в ход «детали», которые никак доказать невозможно:

— Кафе «Шотен-Гамель» в Мюнхене вы посещали?

— В Мюнхене такое кафе, насколько мне помнится, есть, но я в нем ни разу не был.

— Между тем, по показаниям Ремизова, вы с ним встречались в кафе «Шотен-Гамель». Этот факт имел место?

По вопросу Николаи чувствуется, что у следствия нет уверенности в том, что такая встреча состоялась. Впервые, однако, за все эти месяцы названы конкретные фамилии. Может быть и очная ставка. Но у допрашивавших его чекистов нет того напора, какой бывает, когда в руках имеются неопровержимые улики. Ввести Ремизова в кабинет по какой-то причине сотрудники госбезопасности, видимо, не могут. Что с ним стало? Расстрелян? Погиб на войне? Умер? В материалах дела Николаи сведений о судьбе профессора биохимии Игоря Александровича Ремизова нет.

Положение Николаи неуязвимо, даже если бы такая встреча когда-нибудь состоялась, но ее не было и не могло быть.

— Нет, в кафе «Шотен-Гамель» я не бывал и Ремизова не знаю.

Тогда еще одно уточнение:

— А профессор Штерн Лина Соломоновна вам известна?

Профессор Штерн также проходила по «делу» Ремизова как немецкий агент.

— Ни мужчину, ни женщину по фамилии Штерн я никогда не знал.

— Это точно?

— Повторяю, у меня нет знакомых по фамилии Штерн.

Истекают последние минуты последнего допроса на Лубянке. Что еще предъявят начальнику германской разведывательной службы времен Первой мировой войны советские контрразведчики?

Шварцман и Болховитин снова обращаются к бумагам Николаи:

— Как установлено в результате просмотра вашего архива, вы были связаны с существовавшей в Германии эмигрантской организацией, носившей наименование «Союз украинских офицеров». В чем заключалась ваша связь с этой организацией?

Наверное, эти контакты были столь незначительны, что даже ссылка на его собственный архив не вызвала в памяти Николаи никаких ассоциаций:

— О существовании «Союза украинских офицеров» мне ничего не известно.

Но, оказывается, есть документ:

— В таком случае предъявляем вам подлинник письма, обнаруженного в вашем архиве, из которого видно, что вы поддерживали связь с генералом Зеленовским, руководителем «Союза украинских офицеров». Покажите ваши с ним переговоры.

Зеленовского Николаи помнил, но что из того:

— За давностью времени не могу сказать, какие переговоры я вел с генералом Зеленовским по украинским вопросам, но, во всяком случае, ничего существенного они не представляли, иначе бы этот факт сохранился у меня в памяти.

Следователи предлагают Николаи расписаться в протоколе допроса, который переводчица Суходолец зачитала ему на немецком и русском языках. Бывший начальник военной разведки Германии ставит свою подпись под уже привычным:

«С моих слов записано правильно».

Портрет Вальтера Николаи
с дарственной надписью его внучки Герды С. Панофски.
Принстон, Нью-Джерси, США. Весна 2000 г.

Майор Вальтер
Николаи в годы
Первой мировой
войны. Еще ничто
не предвещает беды...

С этой фотографии сделан верхний снимок.
Начальник разведслужбы германской армии
с гражданскими и военными чинами

Мата Хари хотела соблазнить даже главу
немецкого шпионажа, но флирт не удался

Германский император Вильгельм II.
Во время обеда кайзер нередко дружески
подталкивал локтем левой руки начальника
разведслужбы германской армии,
которому указывал место рядом с собой

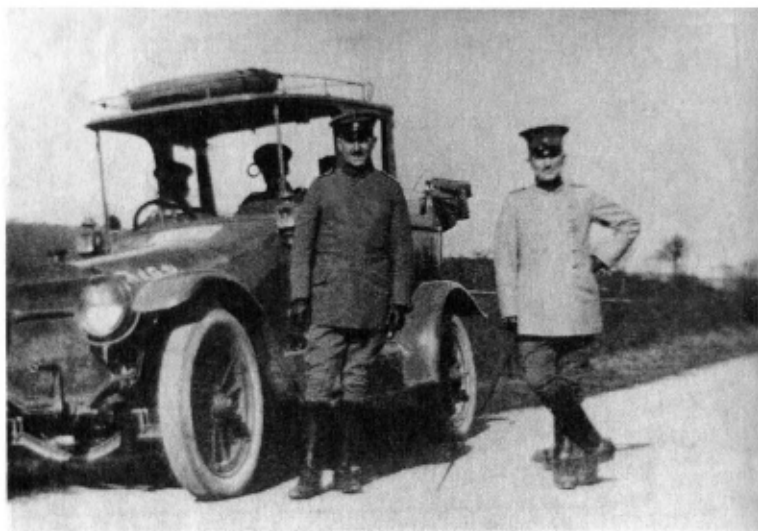
Вальтер Николаи в своем кабинете.
Сюда стекались тайны войны

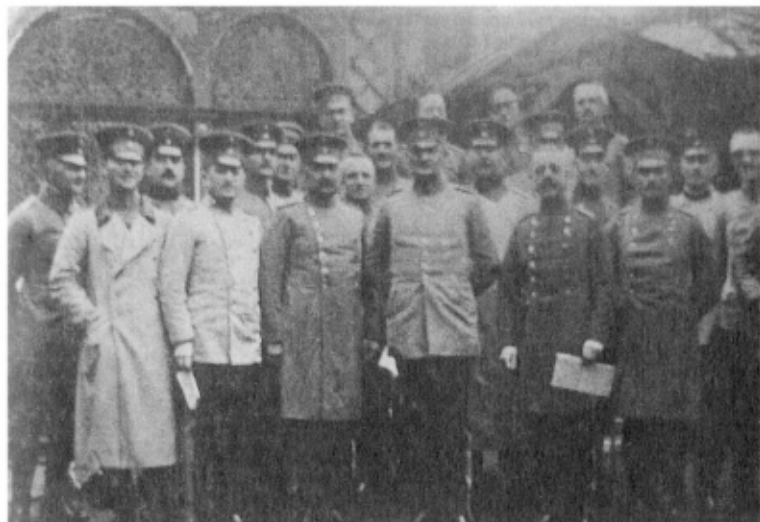
На штабных учениях накануне Первой мировой войны.
Вальтер Николаи улыбается, еще не зная, что его ожидает
после окончания Второй мировой

Вальтер Николаи и его подчиненные,
с которыми он добывал секреты у стран Антанты

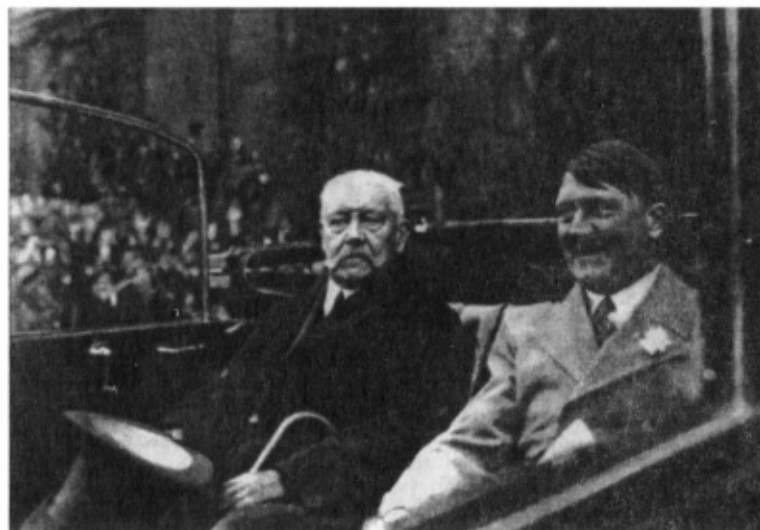
На фронтовых дорогах. В этом автомобиле начальник
разведывательной службы германского генерального
штаба едва не угодил в плен к французам

Вальтер Николаи (четвертый слева) с группой офицеров

Военные атташе союзных Германии государств
и нейтральных стран, с кем глава немецкого шпионажа
общался в годы войны

Фельдмаршал Пауль Гинденбург, президент Германии,
передаст власть Адольфу Гитлеру,
но Вальтер Николаи не будет иметь к этому никакого
отношения

Рейхсфюрер СС
Генрих Гиммлер
сотрудничать с полковником
Вальтером Николаи
не захотел

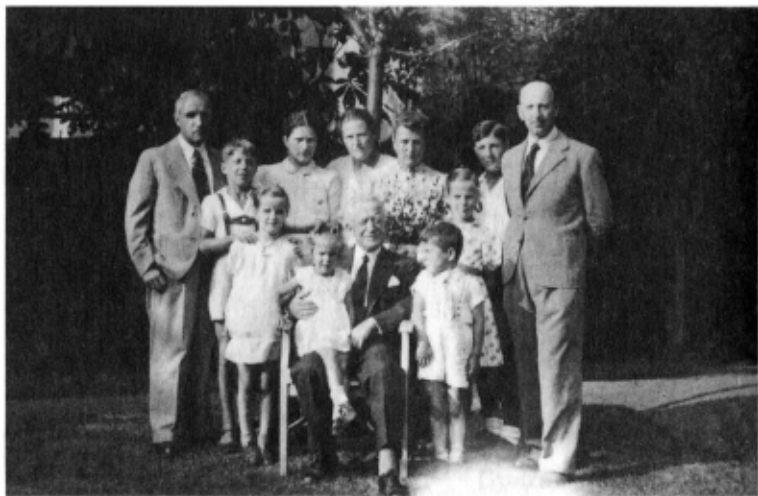
Бригадефюрер СС
Рейнхард Гейдрих,
с которым Вальтер
Николаи вел только
переписку

Дом Вальтера Николаи в Нордхаузене, где он был арестован советской контрразведкой 7 сентября 1945 года

В кругу родных и близких. Вальтер Николаи (крайний слева), рядом его жена Мария и брат Ганс

В день своего семидесятилетия Вальтер Николаи сфотографировался с любимым им окружением в Нордхаузене. Август 1943 года

Вальтер Николаи со своей секретаршей
Ганнелорой Герман в Копенгагене
во время Второй мировой войны. 1943 год

Генерал-полковник
И.А. Серов, опираясь
на данные книги
«Тотальный
шпионаж», приказал
арестовать
Вальтера Николаи,
считая, что тот
работал на Гитлера

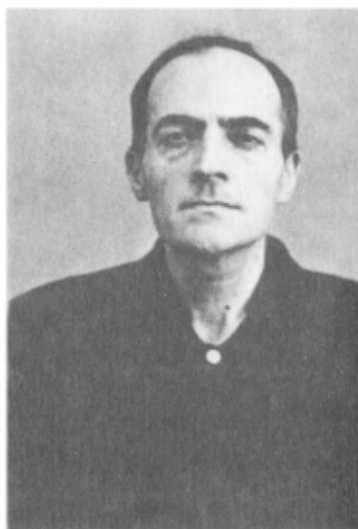
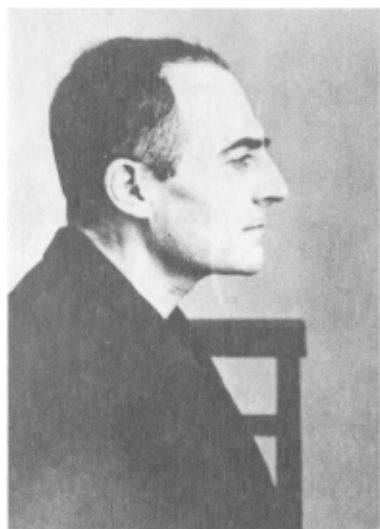

Следователь
советских органов
государственной
безопасности
подполковник
А.А. Болховитин
(на снимке в
звании майора)
допрашивал
Вальтера Николаи
в Москве

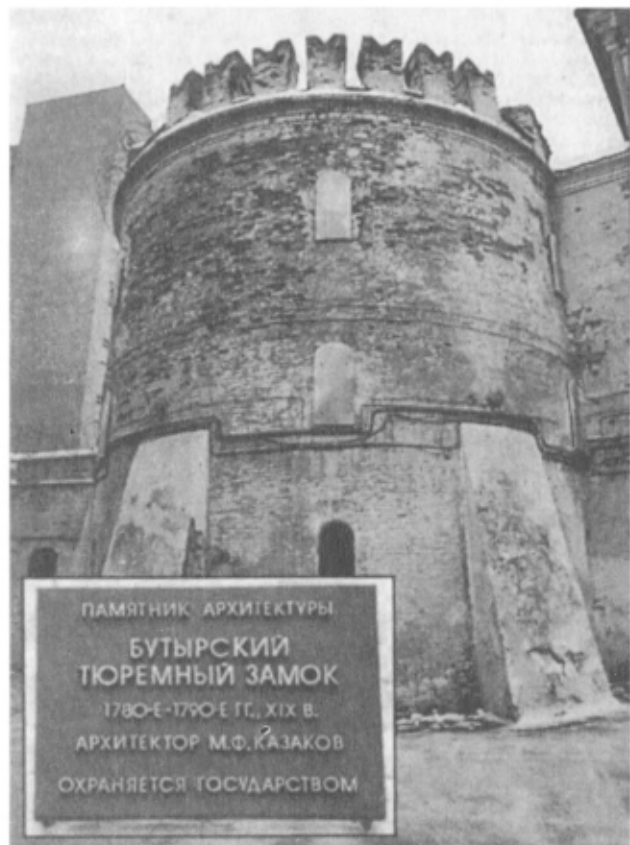

Переводчица С.В. Суходолец,
старший лейтенант госбезопасности,
которую Вальтер Николаи принял
за свою соотечественницу

Полковник
госбезопасности В.И.
Масленников.
Ему Вальтер Николаи
передал свою рукопись,
«Разведка 1900–1945 гг.
Обобщенный опыт»
написанную на
спецобъекте МГБ СССР
в июле
1946 года.
Довоенный снимок

Заместитель начальника следственной части по особо
важным делам НКГБ СССР полковник Л.А. Шварцман
после ареста по «делу Берии». 1953 год

Здесь завершил свой жизненный путь полковник Вальтер Николаи, по ошибке попавший в руки НКВД из-за книги «Тотальный шпионаж»

Последний снимок знаменитого «короля» шпионажа.
Спецобъект советской контрразведки в Серебряном бору.
1946 год

**«МАТА ХАРИ БЫЛА РАЗОЧАРОВАНА, ЧТО ЕЙ НЕ УДАЛОСЬ
СОБЛАЗНИТЬ МЕНЯ, И НАША ВСТРЕЧА ЗАВЕРШИЛАСЬ ТЕМ,
ЧТО ОНА БУКВАЛЬНО ВЫМАНИЛА У МЕНЯ 100 МАРОК,
КОТОРЫЕ Я ОТДАЛ ЕЙ ПРОСТО ИЗ СОЖАЛЕНИЯ»**

Советскую контрразведку, которая добивалась от Вальтера Николаи выдачи «ценной русской агентуры», как теперь ясно, совсем не интересовали подобные связи на Западе. Однажды подследственный назвал имена двух своих агентов, работавших против французов, но чекисты даже не повели ухом, получив такое признание. Об этих агентах Николаи упомянул на одном из допросов в Берлине. Заявив, что крупных немецких шпионов разведорганы Германии в России не имели, во всяком случае он, Николаи, не знал ни одного такого агента, он заметил, что на Западе такие агенты были. И чтобы убедить следователей в своей искренности, добавил:

— Там я знал одного агента под номером 17, с которым поддерживал связь. Это был австрийский барон, имевший доступ во все правительственные учреждения Франции.

В дневниковой записи от 6 марта 1916 года полковник Николаи упоминает о «номере 17» так: «После проделанной работы я ожидаю на Франкфуртском вокзале своего поезда, который отходит в 11 часов 57 минут. С четырех утра до половины восьмого проходила встреча с моим старым знаменитым другом. Мой друг рассказал мне много интересного. Верден нагнал на них (французов) страху, но прежде чем они подумают о конце, мы должны разрушить их надежды на взаимную помощь. Стояла холодная погода и шел дождь, поэтому я испытывал озноб в этих глупых гражданских вещах. Теперь я снова надел военную форму и коротаю время в ожидании поезда».

После войны французы прознали об австрийском бароне, и в двухтомной «Истории мировой разведки», вышедшей в Париже в 1993 году, о нем сказано, что это был «самый эффективный» из 337 немецких агентов, действовавших в годы Первой мировой войны против Франции.

«Семнадцатый» номер, барон Август Шлуга, стал работать на Германию еще во время франко-германской войны 1870—1871 годов. К началу Первой мировой войны барону было столько лет, что даже сорокалетний Николаи, ставший в это время начальником германской разведки, годился ему в сыновья. К записи от 6 марта 1916 года он сделал много лет спустя следующее пояснение:

«Старый знаменитый друг» — агент «17» из Парижа (барон Шлуга). Австриец, журналист, с юношеских лет живет в Париже. По взглядам «великогерманец», во время войны 1870 — 1871 годов находился в Париже как доверенное лицо Бисмарка. Именно от него поступило сообщение об отходе Мак-Магона к Седану, что позволило Мольтке отдать приказ о выступлении на Седан немецких войск. Отношения с бароном наладил тогдашний шеф секции III Б полковник Брозе, в дальнейшем их поддерживал майор Хейе. Я высоко ценил эту связь, когда принял руководство разведслужбой. Номер «17» занимал видное положение в Париже. Он вращался в высоких политических и военных кругах и умело устанавливал контакты с личностями, которым предстояло в случае войны играть заметную роль».

Впервые Николаи встретился с бароном незадолго до войны, в Дрездене, в отеле «Белевью». Барон пригласил его позавтракать в английском саду, а вечером повел в оперу. Таков был образ жизни № 17, и к нему следовало привыкнуть молодому начальнику германской разведки

«Его универсальное образование и богатый жизненный опыт, знание дипломатических и военных событий создавали для меня, молодого прусского офицера генерального штаба, значительные трудности. Мне предстояло дорасти до роли его истинного наставника. Этот агент помогал мне руководить моими офицерами разведки, которые подбирали, инструктировали и опрашивали своих агентов... Для меня как главы службы разведки и помощника военного руководителя наибольшую ценность представляли именно такие агенты, высокого уровня, хотя их было не так уж много. Я не имею права говорить о них, могу назвать имя только «17», поскольку его деятельность после войны стала известна французам, но во время войны французской разведке и контрразведке так и не удалось выявить его связи с нами...»

Как считал Николаи, именно донесения барона Шлуги повлияли на ход и исход франко-германской войны 1870—1871 годов, особенно его сообщение об отходе Мак-Магона на Седан, что позволило немецким войскам окружить и разгромить французов. Барон достал немцам план французской мобилизации в Первую мировую войну. Однако незадолго до ее окончания начальник германской разведки отказался от услуг барона.

Запись Николаи:

«Во второй половине войны у меня создалось впечатление, что он выдает свои сообщения не из Парижа, а из какого-то другого места. В ближайшую встречу я сказал ему об этом прямо. Он сразу признался, что перебрался в Женеву, поскольку в его возрасте он уже не в состоянии сдерживать нервы и поэтому не может выполнять задание в Париже. Я согласился с ним, заметив, что при его знаниях и опыте он мог бы оказывать нам услуги и в Женеве. Однако то, что он умолчал о своем поступке и не поставил меня в известность о том, что сообщения поступают уже не из Парижа, подорвало мое доверие к нему. Спустя какое-то время я предупредил барона, что его работа в немецкой разведке прекращена. Он согласился с тем, что я вправе ему больше не доверять. С соблюдением мер предосторожности я отправил его на шестинедельное лечение в Вис-Баден, а затем сообщил, что ему следует поехать в Брюссель, где он будет жить в покинутом бельгийцами доме и ему обеспечат необходимое обслуживание. В этом доме агент «17» находился как в обычных условиях до самой своей смерти, которая последовала незадолго до окончания войны».

О бароне Августе Шлуге Николаи снова вспомнил, когда летом 1946 года приступил к работе над рукописью «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Для меня представлял интерес непосредственный контакт только с № 17. При встрече с ним мне надо было быть безукоризненным как с точки зрения внешнего вида, так и с точки зрения моих познаний в политике, экономике и общих вопросах для того, чтобы не посрамить имя «шефа». Я бы хотел иметь побольше таких агентов, чтобы получать возможность пополнять свои знания. Его донесения предназначались только для начальника генерального штаба и его ближайшего

окружения. Встречи с такими агентами через определенные промежутки времени, конечно, являются обязанностью начальника разведки».

Николаи надеялся, что имя этого германского агента никогда не станет известным. Но французы все-таки открыли того, кто пятьдесят лет таскал каштаны из огня для немецкой разведки и на кого за это время не пало ни малейшего подозрения. Французская контрразведка прохлопала агента № 17. Однако, несмотря на заслуги «великого маэстро» шпионажа австрийского барона Шлуги, он остался на задворках. И только теперь, после знакомства с записями полковника Николаи, австрийский барон предстает «весьма необычным шпионом», перед которым преклонялся сам руководитель разведки кайзера Вильгельма II.

На допросах прозвучало имя еще одного агента, в отличие от барона Шлуги настолько известного, что его называют «самой первой звездой» в мире шпионажа.

Имя этой «звезды» — Мата Хари.

Со дня расстрела французами 15 октября 1917 года на полигоне в Винценсе голландской танцовщицы Мата Хари о ней написано столько, что добавить как будто нечего. История шпионажа не знает другой персоны, чей ореол славы «величайшей шпионки всех времен и народов» сиял бы почти целое столетие. Вокруг ее имени был поднят такой ажиотаж, который и поныне позволяет ей носить венец непревзойденной «королевы» шпионажа. Французский суд в июле 1917 года объявил, что «схваченная» контрразведкой ночная танцовщица Мата Хари является «крупнейшей шпионкой этого столетия». Несмотря на множество иных мнений о «шпионской удали» Мата Хари, она по-прежнему остается на верхней ступени Олимпа, где венчают лаврами наиболее удачливых рыцарей плаща и кинжала. Так сошлись звезды на небосклоне знаменитой танцовщицы и куртизанки. Она заставила восхищаться собою миллионы и миллионы людей. Ее имя стало нарицательным. И сегодня о ней выходят все новые и новые книги.

В начале века Мата Хари тоже знала вся Европа, но по иной причине. Она первая скинула с себя одежды на сцене, смело проложив дорогу стриптизу. Ее ритуальные танцы, которым она научилась, пребывая с мужем, офицером

колониальных войск, на островах Ява и Суматра, очаровывали публику и буквально сводили с ума ее многочисленных поклонников. Среди них были министры и герцоги, принцы и генералы, миллионеры и монархи. Многие из них стали ее любовниками. Ее обожателем был и военный министр Франции тех лет, генерал Мессими. Это обстоятельство и сыграло в судьбе голландки роковую роль.

Была ли Мата Хари «великой шпионкой» на самом деле?

Как свидетельствуют никогда не публиковавшиеся материалы архива Вальтера Николаи, в их числе и его собственноручные записи, все сказанное о Мата Хари как «суперзвезде» шпионажа не более чем блеф.

Голландский исследователь Сэм Ваагенаар, написавший книгу «Убийство Мата Хари» (она вышла в 1966 году), не будучи знаком с мнением начальника германской разведки, пришел к такому же выводу: суд над Мата Хари был неправым.

И французский историк Леон Ширман, издавший в 1994 году книгу «Дело Мата Хари. Расследование одной махинации», абсолютно прав, утверждая, что Мата Хари пала жертвой правосудия. На «знаменитую» шпионку списали многие военные неудачи. Скоропалительный процесс над ней, завершившийся смертным приговором, по мнению исследователя, следует пересмотреть.

Англичанка Джулия Уилрайт, основательно изучив практически все о Мата Хари, в книге «Роковая любовница», появившейся в 1994 году, ставит такой же диагноз: «Когда материалы по делу Мата Хари из французских архивов были, наконец, рассекречены, оказалось, что доказательства вины Мата Хари притянуты за уши...»

Немецкий журнал «Шпигель-специаль» в январе 1996 года в номере, целиком посвященном шпионажу, со ссылкой на британского эксперта секретных служб проводит ту же мысль: «Итог свидетельствует, что Мата Хари была расстреляна не потому, что была опасной шпионкой, а потому, что это было в военных и политических интересах».

И все же легенда о Мата Хари жива.

Российский специальный журнал, опубликовавший большое эссе о Мата Хари, выделил такие строки:

«Жизнь Мата Хари стала легендой, и сегодня уже никто не может сказать, что в ней правда, а что — вымысел. Чтобы

выяснить это, потребовалось бы объединить усилия специалистов разведок нескольких стран, исследования в разных архивах. Но, естественно, этого никто сегодня делать не станет: не стоит тревожить покой призраков, что было — то прошло. Тем более что так и остается неясным: была ли она выдающейся шпионкой или просто дорогостоящей куртизанкой, очаровательной бабочкой, сгоревшей в огне чужих страстей. Ее называли королевой шпионажа, но кем она была на самом деле, не знает никто».

Только более полувека спустя после допросов полковника Николаи чекистами стало возможным привести его слова о Мата Хари, которыми он обмолвился в кабинете следователя:

— Кроме того, германской разведке предложила свои услуги любовница французского военного министра. Я был против нее, но мне предложили использовать ее как агента во Франции. Она была французами разоблачена и расстреляна.

Следователи, как видно из протокола допроса, пропустили мимо ушей и это признание, поскольку советских контрразведчиков расстрелянная французами знаменитая танцовщица не интересовала. Лишь капитан Зеeman обратил внимание на то, что в архиве Николаи есть «материалы об известных немецких шпионках Мата Хари и «фрейлейн доктор».

Заглянем в эти материалы.

В конце июня 1926 года к жившему в это время в Берлине Николаи обратился немецкий посланник в Риге доктор Керстер. В годы Первой мировой войны он был военным корреспондентом, а позднее министром. В своем письме он просил Николаи «предоставить ему сведения о голландско-яванской танцовщице Мата Хари, которая была очень хорошо известна в столицах Европы перед войной». Он сообщал, что видел странный дневник о ее супружестве и искусстве, где утверждалось, что она во время войны пребывала то в Париже, то в Испании, то в Голландии, то в Берлине, то в Брюсселе, пока, наконец, не была поймана французами и расстреляна за шпионаж в пользу Германии. Доктор Керстер спрашивал, что здесь правда: «Насколько я могу судить по обширной французской литературе, там не фигурируют немецкие данные. Вы должны бы, многоуважаемый господин

полковник, что-нибудь знать об этом. Я хочу о ней написать, взяв за основу французские материалы. Однако, естественно, я не смогу этого сделать до тех пор, пока не узнаю, являются ли предъявленные ей обвинения, которые имеются в подробно опубликованном протоколе французской судебной палаты, целиком и полностью достоверными».

Ответ Николаи доктору Керстеру:

«Естественно, я знаю судьбу расстрелянной французами из-за подозрения в шпионаже танцовщицы Мата Хари. То, что написали об этом французы, по большей части фантазии, они служат целям пропаганды. Мата Хари не была никогда во время войны в Брюсселе или Берлине. Документов об этом не существует. Однако я не могу вам дать справку о том, виновна она или нет, как и о том, что является правдой, а что вымыслом в рассказах французов. Я связан словом не предоставлять никаких сведений по подобным вопросам, иначе как только на служебные запросы. Надеюсь, вы не посчитаете мой отказ личной неприязнью к вам».

Другое письмо было послано Вальтеру Николаи 21 мая 1927 года подполковником в отставке Вольфгангом Ферстером, в ту пору старшим архивистом, а впоследствии президентом Государственного архива. Знакомый Ферстеру американский журналист Георг Сильвестр Фирек попросил его помощи в написании нескольких рассказов от имени «удачных» немецких шпионов Первой мировой войны. Особенно его интересовал «случай» Мата Хари. Кто ее знал? Ферстер просил Николаи назвать конкретных людей и помочь с ними связаться, указывая на то, что американец «готов заплатить за это, по немецким понятиям, значительный гонорар».

Ответ Николаи от 19 июня 1927 года не оставил и Ферстеру никаких надежд:

«Это запрещено, чтобы я вас представил людям, которые в гайной службе разведки занимали руководящие посты, с тем, чтобы они что-то рассказали господину Фиреку по желаемой теме. Я думаю, что никто из тех, кто активно действовал в немецкой разведслужбе, не мог бы быть в данном случае представлен. Если распространяемые враждебной стороной рассказы правда, то, как поступить, вы решите сами. Просьба господина Фирека невыполнима даже при большом размере гонорара. Разведывательная служба к тому же мень-

ше всего создана для шпионажа и побуждения к национальной измене. Ее цели абсолютно другие. Приключения военных шпионов — это что-то ничтожно малое. Разъяснить это, конечно, в немецких интересах. Но я сомневаюсь, представляет ли пресса Херста для этого подходящую почву».

Дальнейшей переписки о Мата Хари в архиве нет, похоже, этим все и закончилось. Но тема имела продолжение. Полковник Николаи попросил офицера разведки лейтенанта Элизабет Шрагмюллер, которая готовила голландскую танцовщицу к заброске во Францию, восстановить по памяти отчет, составленный ею в годы войны о Мата Хари. И этот отчет Николаи получил в 1929 году.

Записи Элизабет Шрагмюллер полковник Николаи сопроводил небольшим предисловием:

«Так как теперь вновь появляются всевозможные фантастические слухи о Мата Хари, то я попросил фрейлейн доктор Шрагмюллер восстановить для меня с необходимыми добавлениями отчет, который она давала мне в 1916 году после совместного пребывания с Мата Хари. Этот ее отчет дает надежную и, пожалуй, единственно верную картину роли этой авантюристки».

Свои записи бывший лейтенант отдела III Б назвала просто: «О Мата Хари (H21), родилась 7 августа 1876 г., умерла 15 октября 1917 г.» Начинается отчет с раздела «Предыстория», написанного со слов самой Мата Хари. Именно это будущая «знаменитость» мирового шпионажа рассказала о себе своей наставнице и обитательнице конспиративной квартиры во Франкфурте-на-Майне:

«H21, танцовщица Мата Хари, в девичестве Маргарете Целле, гражданка Голландии. Потеряла мать в 14 или 15 лет. Ее отец, уважаемый и состоятельный купец, отдал ее на воспитание в монастырь. Очень скоро после того, как она покинула монастырь, она влюбилась в голландского капитана шотландского происхождения по имени Мак Леод и вскоре вышла за него замуж. Первое счастливое и короткое время в браке она провела в Амстердаме. Однако очень скоро муж отверг ее, запил, загулял с проститутками, стал картежником и наделал много долгов. Командир полка потребовал его перевода в колониальную службу, и супружеская пара попала на остров Яву. Здесь капитан продолжал распутную

жизнь и жестоко обращался со своей женой. Мата Хари почувствовала себя смертельно несчастной. К тому же в это время умирает ее сын, родившийся еще в Амстердаме, причем умирает при загадочных обстоятельствах. Она подозревает, что его отравила прислуживавшая семье индианка. Мата Хари не передает дело в суд, а сама вершит правосудие и убивает девушку из пистолета. Все это подняло большой шум, и супругов переводят в другой, еще меньший гарнизон. Дело против Мата Хари прекращают».

Сына Мата Хари действительно потеряла, что подтверждают и ее биографы, хотя чаще убийцей называют туземного солдата, который так отомстил капитану Леоду за любовную связь со своей невестой, служанкой в доме этого офицера. А Мата Хари, узнав об этом, удушила этого солдата якобы собственными руками. Теперь известно, как было представлено дело немецкой разведке.

Шрагмюллер далее пишет:

«В новом гарнизоне супружеские сцены приобрели еще более жестокий характер, приводят к побоям и, наконец, к угрозам со стороны мужа, что он убьет жену из револьвера. Это не остается тайной в таком маленьком местечке и, естественно, доходит до начальства, которое добывается перевода Мак Леода в запасные части. После возвращения в Голландию в начале 1900 (?) года отношения между супругами не улучшаются и, наконец, происходит развод. Второй, рожденный на Яве, ребенок, дочь, остается у матери по суду. Мата Хари живет у родственников в Голландии до тех пор, пока ее не выбрасывают на улицу после того, как ее муж стал публично травить ее в газетных статьях. Отец вновь берет ее к себе, и она решает стать исполнительницей стриптиза. В 1903 или 1904 году она впервые выступает перед публикой в Париже. Один успех следует за другим. Она получает прекрасный ангажемент, предпринимает гастрольные поездки по крупным городам, причем заметных в Европе».

Пишущие о Мата Хари утверждают, что дочь осталась по суду у отца. Для описания жизни «великой шпионки» это не имеет особого значения. Но для немецкой разведки это важно — еще один подставной адрес в Амстердаме. Если Мата Хари могла написать дочери напрямую, а не через бывшего мужа, как это изображают, значит, наверняка мог-

ла и видется с нею. Похоже, биографы сильно сгустили краски, лишая мать дочери.

Последующие записи Шрагмюллер о Мата Хари более любопытны. Они вносят существенные поправки в ту часть жизни «первой звезды» шпионажа, которая чаще всего окутана романтикой. Мата Хари, мол, пресытилась прежними удовольствиями и искала новых острых ощущений, ее натура жаждала подвигов. В короткой главке «Поступление на службу в разведку» Шрагмюллер приглушает розовые тона. Только желание поправить свои финансовые дела привело знаменитую танцовщицу к немцам. Причем не они ее завербовали, как это утверждается и как это представила она сама французской контрразведке, а она предложила свои услуги.

Из отчета Элизабет Шрагмюллер:

«Когда началась война, Мата Хари находилась в Берлине, но вскоре возвратилась в Голландию, а оттуда переехала в Париж, чтобы проведать свою квартиру. В Париже у нее возникают значительные долги. С тем чтобы погасить их, она решает предоставить свои шпионские услуги в пользу Германии. С этой целью она является в одно учреждение в Голландии (консульство в Амстердаме или Роттердаме) и прежде всего проверяется в пункте 6.2 (Хейе). По его заданию она дважды или трижды ездит в Париж. Во второй половине марта 1916 года (примерно 20 марта) происходит беседа между шефом III Б и Мата Хари в Кельне. Он поручает капитану Репелю (1.6. Дюссельдорф) и доктору Шрагмюллер провести дополнительную проверку на ее пригодность для службы в разведке, обратив внимание на ее возможности устанавливать связи, вступать в личные отношения, умение вести себя в обществе. Ее проверяют и в том, как она разбирается в военно-политической обстановке и т.д., на умение составлять донесения. Она проходит необходимое обучение и приобретает навыки в проведении различных расчетов».

Пребыванию Мата Хари в руках офицеров немецкой разведки посвящен раздел «Инструктаж во Франкфурте-на-Майне», где Мата Хари представили капитану Репелю и лейтенанту Шрагмюллер под псевдонимами «Лепер» и «фрейлейн доктор Антверпен». Мата Хари, по наблюдениям этих лиц, проявила исключительные способности в понимании

военной и политической обстановки, в быстром усвоении начальных военных сведений, а также технических сторон службы разведки. При этом ей оченьгодились знания, которые она получила, сотрудничая со своим мужем в Индии, во время маневров, зимних работ и т.д. Обнадеживают и многочисленные связи голландской танцовщицы с французскими дипломатами и высокопоставленными военными. Более всего оценены ее любовные отношения с бывшим военным министром Франции, а ныне командующим 5-й армией генералом Мессими. Генерал Мессими после войны отрицал, что Мата Хари бывала в его постели, хотя и признавал, что она пыталась соблазнить его. Мессими так и умер, не узнав, что немецкая разведка прежде всего на него и делала ставку.

Однако ясно и другое. Никаких военных тайн генерал Мессими своей возлюбленной и немецкой шпионке Мата Хари не выдавал, и она, что самое поразительное, никогда не пыталась выпытать их. Как свидетельствуют факты, став германским агентом, Мата Хари военными секретами французов интересовалась меньше всего. Это поставило в тупик даже начальника французской контрразведки капитана Ладу, который, подозревая Мата Хари в работе на германскую разведку, неоднократно пытался поймать ее, но каждый раз поражался тому, что «немецкая шпионка» не только не отправляет противнику никаких «секретных» сообщений, обладательницей которых она могла бы стать без труда, но даже не обращает на «секреты», которые он ей «подсовывал», никакого внимания.

Проживая с Мата Хари на конспиративной квартире, лейтенант Элизабет Шрагмюллер отмечает: «Поведение Мата Хари в отеле, за обедом, в театре соответствует манерам «гранд-дамы», хотя ее эксцентричная личность и изысканная элегантность привлекают к ней всеобщее внимание. Она с трудом переносит ограничения на свободу передвижения, которые на нее накладывает ее новая роль. И все же не удается удержать ее в определенных рамках. Однажды ночью она не выдерживает и возобновляет свои прежние отношения со старшим кельнером во Франкфуртском Дворе по имени Ремер (первые две ночи Н21 жила одна во Франкфуртском Дворе, но после этого случая Репель и я посчитали

правильным снять в том же отеле для нее другую квартиру). Еще один инцидент, который стал известен персоналу гостиницы, произошел из-за того, что управляющий отеля признал в Н21 ту самую танцовщицу, что в 1914 году покинула отель, не оплатив счета, а оставив взамен свой багаж. Это дело было улажено оплатой ее прежних долгов».

Шрагмюллер предполагает, что старший кельнер Ремер мог что-то передать о Мата Хари вражеской контрразведке, но «это так никогда и не было доказано». Единственное сомнение относительно применения Мата Хари состояло в том, что ее многократные поездки из Голландии во Францию и обратно могли вызвать у французов подозрение. Однако, как подчеркивает Шрагмюллер, «мотивы ее нового пребывания во Франции были настолько обоснованы, что можно было рассчитывать на успех. «Мата Хари исключительно подходит как агент для выполнения заданий службы разведки, что было изучено самым добросовестным образом. Если, несмотря на это, возлагавшиеся на нее ожидания могли и не осуществиться, то это, скорее всего, зависело от случайных факторов, которые невозможно предугадать: например, расшифровка «чернил Н» или предательство в министерстве иностранных дел».

И Шрагмюллер заключает:

«Н21 была оснащена самыми лучшими средствами тайнописи, «чернилами Н», которые она брала с собой в виде пропитанных кусков белья и предметов туалета. Она получила четыре подставных адреса, среди них и адрес ее дочери в Амстердаме. По этим адресам должны были проходить письма, предназначенные для филиала службы разведки в Антверпене, но через немецкого консула в Амстердаме. Денежные отправления поступали к Н21 также через консульство. Врученный ей командировочный аванс составлял 30 000 рейхсмарок, а позднее она получила еще 20 000 рейхсмарок».

Попав в руки французской контрразведки, Мата Хари заявила, что платили ей за постельные услуги, а не за разведывательные. Она стояла на своем и на суде, уверяя, что деньги получала как любовница немецких офицеров разведки. Вальтер Николаи мог ею гордиться — она держала язык за зубами, хотя, по сути, она ничего не сделала для немецкой

разведки. Ее флирт с нею, иначе не назовешь, обошелся в 50 000 марок или чуть больше, не так уж дорого за попытку что-нибудь выведать у генерала Мессими, в свое время ей больше платили только за одну ночь. Во всяком случае Мата Хари не выдала никого из немецких наставников, что готовили ее во Франкфурте и Кельне.

Наиболее короткий раздел в отчете Шрагмюллер отражает деятельность, а точнее, бездеятельность Мата Хари в немецкой службе разведки:

«Парочка писем с незначительными сведениями поступила через цензуру с незашифрованным текстом. Уже поздней осенью она сообщила о намерении возвратиться и попросила денег. Вместо обещанного ею еще одного письма последовала короткая радиограмма военного атташе в Мадриде (майор Калле) о том, что Н21 находится там, требует более крупную сумму денег и составляет сообщение. Это сообщение поступило, но особого значения не имело, однако извещало о последующем более важном отчете. В письме, правда, была такая фраза: «Передать фрейлейн доктор Антверпен о том, что ее агент Маес, бельгиец, работает на Францию. (Это действительно было так. Маес, его номер АФ 80, стал двойным агентом.) Эта телеграмма была перехвачена французами и дешифрована. Кроме того, Н21 имела неосторожность среди бела дня отыскивать военного атташе, что, безусловно, не осталось незамеченным агентами французской контрразведки, и они, естественно, информировали об этом».

Сообщение о «двойном агенте Маесе», судя по отчету, было самым ценным из того, что получила немецкая разведка от Мата Хари.

Шрагмюллер заканчивает свои записи разделом «Арест» очень прозаично:

«Из Мадрида Н21 сначала поехала в Париж. Оттуда она хотела попасть через Англию в Амстердам. Французский консул дал ей совет не ехать через Англию, а возвратиться через Испанию. И она снова поехала в Мадрид или только до Барселоны. Ее все предупреждали не возвращаться, а ожидать окончания войны в Испании. Но она не послушала и получила необходимую визу на голландский пароход, который из Виго отплыл в Роттердам. И вот с этого парохода она была снята и препровождена в тюрьму предварительно-

го следствия в Сен-Лазаре. Процесс длился более полугода. 15 октября 1917 года ее расстреляли в Винценсе».

И последнее в изложении Шрагмюллер о Мата Хари:

«Ее влиятельные друзья привели в действие все рычаги, чтобы представить ее невиновной. Однако отдельные фрагменты ее писем, содержавших доказательства ее вины, заставили их замолчать. Опасаясь демонстраций против исполнения приговора и возможных попыток ее освобождения силой, Мата Хари препроводили в Винценс под усиленным конвоем. Н21 перенесла смертный приговор, по утверждениям газет, спокойно. После распространились слухи о мнимом исполнении приговора, а Мата Хари якобы осталась жива. На самом деле ее труп, как обычно, попал в анатомическое отделение. Позднее, после войны, на аукционе были проданы ее шубы и предметы личного туалета, эти шубы пошли по очень высоким ценам».

Итак, история «величайшей шпионки всех времен и народов» завершается. Вердикт по делу Мата Хари выносит глава разведывательной службы германского генерального штаба полковник Вальтер Николаи. В дневниковой записи от 6 марта 1916 года, где Мата Хари фигурирует под псевдонимом «Красотка», он посвятил ей такие слова: «Мою «Красотку» я на какое-то время упустил из виду, впрочем, у нее такое широкое сердце, что сейчас она совершает поездку с новым солидным обожателем».

Пояснение к этой записи, сделанное спустя четверть века, когда Николаи работал в Государственном институте истории новой Германии над своими воспоминаниями, гласит:

«Та «Красотка» была Мата Хари, жена голландского офицера в Индии. Как первая танцовщица стриптиза получила международное признание, благодаря своей красоте играла заметную роль в Париже и очень быстро стала любовницей французского военного министра Мессими. Париж лежал у ее ног. Когда этой роли с началом войны пришел конец и у нее остался лишь несколько староватый военный министр, ее любовь к французской среде обернулась своей противоположностью. Она восприняла отдаление от нее круга почитателей в их национальном воодушевлении как личное оскорбление и, чтобы подняться на новую высокую ступень, обратила свой взор на Германию. Мата Хари пришла

к мысли, что ее остававшаяся связь с военным министром может быть по достоинству оценена немецкой службой разведки, и поверила в свое фантастическое дарование, которое позволит ей еще раз сыграть по-крупному. Свои шпионские услуги она предложила немецкому генеральному консулу во Франции. Мне это предложение поступило через министерство иностранных дел, и, как это бывает в романах, мои сотрудники посчитали, что в их руки приплыла «золотая рыбка».

Я был другого мнения. Я считал, что использовать женщин в тайной службе разведки можно только в исключительных случаях, и оставлял за собой право разрешать их применение. Женщины оказывали услуги только в особых обстоятельствах, прежде всего как посредники. Они могли в своем доме организовать политический салон и предоставить его в распоряжение службы разведки. Ее представители получали важную информацию, когда там бывали послы и посланники, поскольку эти послы, по-рыцарски относясь к женщинам, обращались с ними тем лучше, чем они выше стояли в обществе. А для непосредственного выяснения политических, экономических и военных вопросов женщины мало подходят из-за отсутствия у большинства из них необходимого образования.

В этом свете я смотрел и на Мата Хари. Тем более что все, что до сих пор определяло ее жизнь, было связано с любовью, причем худшего пошиба, а также с ложью и обманом, с наслаждениями, а не самопожертвованием. Я сразу отклонил предложение об установлении связи между Мата Хари и военной разведкой. Но Мата Хари не ослабляла усилий. И мои подчиненные, ведущие сотрудники тайной службы разведки, что меня удивляло, не понимали меня. Совместно с теми, к кому обратилась Мата Хари, они буквально штурмовали меня, убеждая, что нельзя упускать такой «крупный шанс». Для того чтобы настроить меня соответствующе и изменить мое решение, они попросили меня составить о ней личное впечатление».

Встреча состоялась 20 марта 1916 года в отеле при соборе в Кельне.

«Внешнее впечатление оставляло желать лучшего. Она жила на наши деньги вместе со своей камеристкой, занимая

ряд комнат. Когда я появился в оговоренное время, ее камеристка заявила, что «мадам еще принимает ванну, просит ее извинить и дать еще некоторое время». Я передал, что я за это время пообедаю и ровно в 8 часов вечера желаю ее видеть. Камеристка дала мне понять, что ее госпожа не терпит грубого тона. И вот, когда я снова появился в 8 часов вечера, Мата Хари приняла меня в туалете, который явно демонстрировал ее желание «завоевать» меня, как и тех, кто ей прежде давал деньги. Подробности нашего совместного пребывания я здесь не хочу описывать. Могу только сказать, что за час, который мы пробыли вместе, она проявила все свое искусство большой кокетки, достойной сожаления. Человеком она оказалась не совсем сдержанным, необразованным и глупым. Она не знала, кто я, но наверняка предполагала, что эта беседа должна иметь для нее решающее значение в осуществлении ее планов. Она была разочарована тем, что ей не удалось соблазнить меня и что я отверг ее личные и деловые предложения, и наша встреча завершилась тем, что она буквально выманила у меня 100 марок, которые я отдал ей просто из сожаления».

Ожидавшие Николаи сотрудники разведки, среди которых была и лейтенант Шрагмюллер, были разочарованы исходом дела. Несмотря на это, они продолжали «угovarивать» своего шефа. Им «любовница французского военного министра» сильно импонировала, и даже ссылки на то, что военный министр не мог вести со своей любовницей беседы на политические и военные темы, а даже если бы он это и делал, то Мата Хари вряд ли могла понять что-то и сделать полезное сообщение, не остановило их. Вальтер Николаи вновь и вновь доказывал офицерам разведки, как это следует из его записей, что Мата Хари не представляет «ценности», и, несмотря на весь их опыт работы с агентами, в данном случае они занимают «опасную позицию и не добьются цели». Однако, чтобы «поучить» своих подчиненных, он в конце концов дал свое согласие, но потребовал, чтобы ее самым серьезным образом проверили «в течение четырнадцати дней» и «тщательнейше проинструктировали».

И вот в течение двух недель Элизабет Шрагмюллер находилась с Мата Хари в одной квартире.

В пояснении Николаи говорится:

«Я воспринял это дело очень серьезно. Отчеты, которые потом давала мне фрейлейн Шрагмюллер о совместном проживании в одном помещении с этой женщиной, были ошеломляющими. Я заставил ее обо всем этом написать, но не знаю, куда это делось. Несмотря на такой исход, фрейлейн Шрагмюллер оставалась при своем мнении и настаивала передо мной на применении Мата Хари, ссылаясь на то, что она ее самым подробным и самым лучшим образом проинструктировала. Для меня здесь открылась женская слабость. Эта слабость заключалась в том, что в таком тяжелом деле, как разведка, нельзя полагаться только на сердце и душу, что присуще женщинам, а следует опираться только на холодный разум и расчет».

Запись Николаи о Мата Хари заканчивается так:

«Я оказался прав. Мои принципы в работе немецкой службы разведки были недооценены. Единственной пользой в случае Мата Хари было то, что французы с большой pompой все это преподнесли и сенсационно эксплуатировали в кино и романах. В действительности же это была бесполезная жертва человеческой жизни, бесцельная по законам права, беспредметная в части фактического вреда или пользы. После войны заслуги французской службы разведки и контрразведки даже в Германии непомерно преувеличивались, в то же время принижались собственные достижения, о них говорилось презрительно, прославлялись французские. На самом деле ставший известным случай с Мата Хари, точно так же как и случай с агентом № 17, свидетельствовал, насколько плохо работала французская разведка и контрразведка, несмотря на очень хорошее обеспечение материальными средствами и людьми. Не только мои переговоры с агентом № 17, но и пребывание Мата Хари с начальником немецкой разведывательной службы остались неизвестными французам и потому об этом ничего не появилось до сих пор во французской литературе, прессе и в кино. Подобным образом дело обстоит и с другими событиями. Для истории этих двух случаев достаточно, поскольку в исторических описаниях не должно использоваться то, что не отвечает национальным интересам».

В материалах Николаи есть еще два упоминания о прекрасной куртизанке и неудавшейся шпионке. Одно связано

с тогдашним начальником германского генерального штаба генералом Эрихом Фалькенгайном: «С Фалькенгайном об этих делах у меня состоялся разговор без указания имен. Когда Мата Хари попала в поле зрения нашей службы разведки, мне передали вместе с отчетом о ней и ее фотографию большого формата. Я показал эту фотографию Фалькенгайну. Возвращая ее, он произнес весьма примечательные слова: «Вы, видимо, хотите разбить сердце старому человеку».

Другое упоминание, датированное 29 марта 1916 года, вносит ясность в один из моментов биографии незадачливой шпионки: «Раскол в социал-демократической партии потребовал моей поездки в Берлин. При возвращении через Шарлевилль в Кельн мне наконец-то только сегодня было дано окончательное разрешение на использование Мата Хари. Она получила обозначение «Н21». Исходя из моего мнения, я имею некоторые опасения в отношении ее, хотя все авторитеты предсказывают успех».

Успеха не было.

О лейтенанте Элизабет Шрагмюллер, иначе «фрейлейн доктор», сложено не меньше легенд и мифов, чем о Мата Хари. Историки и журналисты считают ее не менее загадочной и удачливой шпионкой, чем агент Н21.

Англичанин Чарльз Вайтон, специалист по истории шпионажа, в своей книге «Знаменитые шпионы» пишет:

«Вторая женщина, чья история переплетается с легендой о Мата Хари, загадочная немка, известная во время войны как «мадемуазель Доктор». Псевдоним этот был явно выдуман, чтобы тщательно укрыть того, кто под ним скрывался. Эта женщина не была ни француженкой, ни доктором, хотя все, кто ее знал со времени обучения в немецкой разведшколе в Антверпене, звали ее только так — «мадемуазель Доктор»... В течение всей войны британцы так и не смогли установить настоящее имя «мадемуазель Доктор». Официально она была известна как фрау Кристиансен, но это очередная кличка, не более того. После 1918 года легенда о ней разрасталась так же быстро, как и легенда о Мата Хари. Часто две фантастические истории переплетались... По одним рассказам, она — очаровательная блондинка, а по другим — совершенно некрасивая женщина. И, конечно же, не обошлось без историй о том, что она была любовницей крон-

принца одной из европейских стран. Говорили, что она была тем самым «красным тигром» и, возглавляя крупнейшую террористическую организацию, наводившую страх на всю Европу, избавлялась от ставших ненужными агентов, посылая их на дела, в которых они неизбежно должны были быть схвачены и расстреляны. Утверждали, что она была подручной Мата Хари... Немецкая секретная служба высоко оценила работу «фрейлейн Доктор», ее неоднократно награждали, а после войны в 1918 году поверженная Германия назначила ей пенсию».

Французские авторитеты в истории спецслужб Роже Фалиго и Реми Коффер в свой двухтомный труд «История мировой разведки» включили специальную главу о «фрейлейн доктор». Они заявляют, что с лета 1914 года появляется «таинственная немка, блондинка, которая допрашивает, соблазняет и пытается», «эта опасная шпионка 26—28 лет работает в непосредственной связи с полковником Николаи», но «истинная личность ее неизвестна». Таким образом, по мнению французских авторов, была еще одна «звезда шпионажа», очаровательная и загадочная, но в действительности никогда не существовавшая. Это союзники, как следует из текста, «невольно создали миф о вездесущей шпионке кайзера — докторше-палаче, которая в черных чулках, со светлыми волосами, с мундштуком и со своей любовью к ручному оружию предвосхищала Синего Ангела. Этот миф после войны немцы предпочтут приписать себе».

Архив Николаи открывает истину и о «фрейлейн доктор», «таинственной шпионке», которая «шпионкой», оказывается, никогда не была. Его записи и воспоминания самой Элизабет Шрагмюллер о ее службе в разведке, которые она выслала своему шефу вместе с отчетом о Мата Хари, впервые позволяют прикоснуться не к мифической, а реальной личности. Записям Шрагмюллер Николаи предпослал следующее:

«Журналисты вновь занялись таинственной «мадемуазель доктор», выступая с сенсационными, но в то же время противоречащими истине сообщениями о некоей «фрейлейн доктор Шрагмюллер». Она никогда не была шпионкой, а использовалась благодаря ее выдающимся человеческим и духовным качествам в тайной службе разведки против Франции, при-

чем занимала руководящую должность. С тем чтобы не выступать за нее перед общественностью, я побудил ее предоставить мне собственные записи о ее деятельности в немецкой разведывательной службе, которые я ниже и прилагаю».

Благодаря архиву Николаи предоставляется возможность из первых уст узнать, кем же была на самом деле «фрейлейн доктор» и поставить точку в биографии еще одной персоны в истории шпионажа, окутанной, как и Мата Хари, не менее фантастическими легендами и мифами.

Записи о своей работе в разведке Элизабет предваряет пояснением, отмечающим всю шелуху ее надуманных жизнеописаний:

«Газета «Фоссише цайтунг» в номере 83 от 6 апреля 1929 года под заголовком «Кто же такая мадемуазель доктор? Конец крупной шпионки» опубликовала заметку следующего содержания, которая имела хождение почти во всей немецкой прессе: «В эти дни за некоей мадам закрылись стены психолечебницы, где никто не может со всей определенностью сказать, кто же она на самом деле. Больная, у которой нарушено нормальное душевное состояние, сама ничего не говорит. Из ее нынешнего окружения никто не знает, что эта женщина в течение всей мировой войны наряду с официальными должностями была действительной руководительницей немецкой шпионской службы».

И к этому еще добавлен комментарий, о том, что «мадемуазель доктор» — это установлено точно — принадлежит к «древней семье берлинского торговца произведениями искусства» и что она уже «в молодые годы входила в шпионский круг», а теперь вследствие пристрастия к морфию и кокаину помещена за непроницаемые стены психиатрического учреждения, о чем, как и о ее необычной деятельности, в подробностях знает газета «Фоссише цайтунг».

Другая газета, «Ганноверше анцайгер», почти одновременно опубликовала статью «Конец шпионки» за подписью Фердинанда Тучи, который знал еще больше о «мадемуазель доктор». По его словам, свое происхождение она берет от представителей «кругов, которые владеют чуть ли не «полмиром», и что она вела довольно «веселую предвоенную жизнь» в Гамбурге, Аахене, Спа и Баден-Бадене и обладала, по мнению полицейской службы, определенными

способностями, и во время войны ей доверили «какой-то важный пост» в Антверпенском бюро немецкой тайной службы! С большой страстью она давала своим агентам кокаин и подобные вещи, чтобы они в случае провала могли быть представлены как контрабандисты, а не шпионы.

Эти газеты утверждали, что «мадемуазель доктор», или, по-французски, «ля рейн эшпионаж» («королева шпионажа»), является дочерью немецкого генерала по фамилии Хайнрихсен или Хинрихсен и что она в разведывательных целях ездила во вражеские страны и принуждала своих агентов чуть ли не под пистолетом выполнять ее приказы и не стеснялась собственноручно применять оружие.

Для широкой публики все, что связано со шпионажем, имеет особую притягательность. Поэтому неудивительно, если сенсационные сообщения, которые появлялись об этой «мадемуазель доктор» в прессе, принимались общественностью и публикой за истину».

Шрагмюллер сразу заявляет, что подобные публикации отравляют сознание, извращают менталитет немецкого народа, вводят его в заблуждение и льют воду на мельницу его врагов: «мадемуазель доктор» представлялась теми газетами в каком-то ореоле и была окружена приключенческой романтикой. А на самом деле она была совершенно нормальным человеческим дитятей, которое, как и многие тысячи других немцев, стремилось просто выполнять свои обязанности на своем месте, там, куда его забросила военная судьба. Нижеследующие страницы раскроют, пожалуй, картину, которую удалось увидеть лишь немногим в громадном немецком войске, а именно в немецком генеральном штабе — в его самой секретной и самой таинственной мастерской».

Сообщение Элизабет Шрагмюллер о своей семье и жизни до начала войны:

«Если говорить, откуда я, то это Западная Вестфалия. Со стороны отца я принадлежу к старинному рыцарскому роду, владевшему землями, и в то же время это была офицерская семья. Моя мать из древнего ганноверского рода. Школьные годы я провела в Мюнстере, где в тихом знатном доме моей достойной бабушки получила основательное, прививаемое мне даже сверх того изо дня в день воспитание. В соответствии с принятыми обычаями в середине прошлого сто-

летия мои юные годы протекали в основательном изучении французского разговорного языка. И вообще придавалось очень большое значение моему обучению иностранным языкам. Поэтому мне подбирали преподавателей и воспитателей большей частью из иностранцев. И вот таким образом с ранней юности я соприкоснулась с иностранцами, познала их суть и культуру».

После школы Элизабет, как это было принято в высшем обществе, поместили на два года в специальный пансионат в Тюрингии, где она совершенствовалась в «высоких духовных науках». Училась она легко и все, с чем сталкивалась, усваивала прочно и надолго. Потом была гимназия в Карлсруэ, которую юная Шрагмюллер также окончила с успехом. Ее особенно увлекали, как она отмечает, исторические события мирового масштаба в их взаимосвязи и взаимообусловленности, а также построение современного государства. И она изучает «науку о государстве» в различных университетах, прежде всего во Фрайбурге, Лозанне и Берлине.

Ее запись:

«Мне повезло, что я встретила ученых высокого уровня и они стали не только моими учителями, но и моими друзьями. В их семейном кругу, а не только в лекционном зале мне довелось познать до сих пор еще неизвестный мне мир немецких исследователей. Благодаря участию в дискуссиях и сотрудничеству с ними в написании различных работ я поняла, какое значение в формировании дальнейшей судьбы народа имеет духовная новаторская деятельность».

В 1913 году во Фрайбурге Шрагмюллер становится доктором юридических наук, причем все экзамены она сдала на «отлично». Она приступила к работе в «Союзе Летте» в Берлине, а также выполняла задания «Центрального пункта по изучению благосостояния народа». Это свело ее с широкими слоями народа, в том числе с рабочим классом. Духовное состояние масс, о котором она до сих пор знала только из книг, теперь стало предметом ее пристального изучения. Элизабет глубоко поняла, что дух народа — колоссальная задача внутренней политики, «самое святейшее дело нации».

Она пишет:

«Во время этой практической работы в течение года до того, как разразилась война, я получила наглядный урок

того, что от решения задач внутренней политики или, наоборот, от отказа от решения этих задач зависит судьба современного государства».

В последние июльские дни 1914 года, когда слова кайзера Вильгельма II о том, что он «не знает больше никаких партий, а знает только немцев», стали действительностью, Элизабет увидела и свое место в начавшейся вооруженной схватке:

«Каждый немец, независимо от рода, был охвачен душевным порывом предоставить себя служению Отечеству, которому угрожала опасность. Меня тоже охватило это стремление, только одна мысль сверлила меня: «Помочь!» В эти дни я видела, как сотни немецких женщин на берлинских вокзалах несли к поездам, отправлявшимся на фронт, воду в тяжелых ведрах. При этом я думала о том, каким образом я могу предоставить свои силы немецкому делу, чем я могу быть полезной. Я даже немного сожалела, что изучала государственное устройство, а не медицину. И я поклялась себе, несмотря ни на какие трудности, отдать все мои способности с тем, чтобы довести войну до поражения врага».

Так что ничего удивительного не произошло, когда 20 августа 1914 года двадцатичетырехлетняя Элизабет Шрагмюллер оказалась в местах, где шли боевые действия, несмотря на сопротивление матери, муж которой и два ее сына уже были на фронте, а две другие дочери работали в Красном Кресте: «Она уже достаточно пожертвовала, чтобы и ее последнее дитя, ничего не понимая, тоже отправилось на войну».

В Брюсселе Шрагмюллер буквально стала на пути генерал-фельдмаршала Гольц-паши, когда тот возвращался в свой штаб, и это решило ее судьбу — ее приняли в комендантуру. Запись Элизабет:

«Я бросилась со всей своей энергией в новый круг обязанностей, чтобы заслужить хоть какие-то первые признаки уважения и доказать, что я никого не разочарую и сама не разочаруюсь в том, что мне доверили. Я была наполнена такой большой благодарностью за то, что мне предоставили возможность находиться в германском войске, что готова была удовлетвориться даже самым скромным заданием. С детства я привыкла к железной руке моего отца и к железной дисциплине, поэтому то положение, в котором я оказа-

лась, не означало для меня слишком большой личной жертвы, а именно что со мной обращались, как и со всем рядовым составом, то есть рано утром, повязав широкую черно-бело-голубую повязку, я вынуждена была вставать в строй и должна была сама себе в жестяной миске приносить еду со двора из полевой кухни, из которой вечно шел пар и которая находилась на месте прежнего бельгийского министерства финансов, и выполнять тысячу других подобных мелких и непривычных для меня дел».

Элизабет просматривала письма бельгийцев родственникам, многие из которых воевали против немцев. Сведения, обнаруженные в тысячах и тысячах таких фронтовых писем, на первый взгляд, отражали личные переживания и семейные отношения, но, обобщенные в отчеты, они представляли большую ценность, поскольку говорили о намерениях и действиях противника, в том числе и стратегического характера. Эти отчеты «фрейлейн доктор» подписывала просто: «Шрагмюллер». Отчеты были высоко оценены военным руководством, но вызывало удивление то, что «лейтенант Шрагмюллер», составлявший их, девица.

Отчеты «фрейлейн доктор» попали и в пункт немецкой разведки в Антверпене. Его руководитель капитан Кефер решил привлечь «способного лейтенанта» для работы. 8 ноября 1914 года Элизабет была представлена Вальтеру Николаи, который записал в своем дневнике, что «встретил красивую молодую даму, ставшую впоследствии очень известной «мадемуазель доктор», о которой напишут много ложного».

Так очаровательное создание природы, обладавшее незаурядными способностями, в совершенстве знавшее французский и английский языки, патриотка до кончиков волос, стало офицером немецкой разведки и единственным офицером-женщиной в германской армии.

Шрагмюллер писала об этом переходе в мир разведки так: «О шпионаже раньше я мало что слышала и знала и потому имела о нем наивное представление. Шпионов я представляла как морально и экономически полностью подчиненных субъектов, которые, фотографируя форты или добывая данные о расположении врага или о его намерениях, делали это только за деньги. Как же по-иному выглядел шпионаж на самом деле, насколько сложной структурой, какой

своеобразной организацией, каким продуманным духовным инструментом была эта «служба разведки Верховного главного командования». Самые скрытые, невообразимые силы расковывались во время проведения шпионских операций, и все это делалось под эгидой высшего руководства, причем в железных рамках.

Во время моего привыкания в те первые военные месяцы 1914 года я почти ежедневно открывала все новые страницы огромной книги тайн под названием «Служба военной разведки» и вращалась в сам дух и во все остальное, чем жила разведслужба. Только позднее я осознала всю пестроту и разнообразие этой службы, полноту ее задач, глубину ее погружения в политические, экономические и всемирно-исторические события. В этом деле не было никаких застывших форм, ежедневно разведка открывалась мне новым лицом, постоянно менялись требования к ней, каждый день рождались новые методы, призванные снизить бдительность врага по всем направлениям, несмотря на все его преимущества, которые ему представляло географическое положение, несмотря на все другое, что происходило в этой войне. Существовало одно-единственное — достичь цели».

В начале 1915 года Шрагмюллер поручили руководство одним из секторов в тайной разведывательной службе против Франции в Антверпене, и «фрейлейн доктор» оставалась на этом посту всю войну.

Вот еще несколько ее записей.

Об исполнении долга:

«Меня, не обладавшую достаточным опытом, постоянно охватывало чувство гордости, когда меня просили что-то высказать при обсуждении, я была горда тем, что имею собственное мнение, могу его выразить, могу составить необходимый документ, и тем, что с моим суждением считаются. Это не было мелочным тщеславием, это была гордость, которая делала меня благодарной за то, что я, скромный исполнитель воли немецкого народа, вношу вклад в его свободу. Удовлетворение во всем этом было как бы двойным и даже тройным побуждением к еще большей эффективности в работе, буквально всю свою энергию, все свои духовные и физические силы, все, что у меня было, я отдавала без остатка служению этому делу».

О задачах немецкой разведки:

«Ошибочно предполагать, что разведслужба Верховного главнокомандования войсками придерживается того убеждения, что она якобы устанавливает только нахождение вражеских армейских корпусов или узнает местные планы нападений или же только устанавливает места нанесения бомбовых ударов, нет, не в этом суть. Конечно, все это тоже является частью ее обширной деятельности. Но на самом деле война в мировых масштабах не ограничивается только рамками каких-то видимых операций на фронтах, военная разведка не ограничивается установлением количества применяемых военных сил, война идет во многих областях, поэтому предметом интереса службы военной разведки является также и распознавание всей полноты последующих воздействий на духовную сферу людей, которые участвуют в этой войне...

Для решения таких проблем необходимо было проводить исследования, заключавшиеся в том, чтобы знать, какие марши враг предпримет на фронте, какова картина распределения вражеских резервов в тылу, какова будет сила вражеских резервов в предстоящие годы, будет ли мобилизация полнокровной или недостаточной, следовало проконтролировать также полноту военных запасов, что означало охватить весь земной шар глазами, выявить, под каким флагом перевозит человечество свои грузы, под маркой мирных грузов, под флагом Красного Креста или это прямые военные поставки, откуда идут перевозки, из колоний, из экзотических стран, из Америки и т.д. Нужно было непрерывно контролировать продукцию военной промышленности, чтобы оградить войска от неожиданностей, от появления новых машин или новых отравляющих газов, чтобы своевременно нацелить собственную индустрию на производство средств защиты, в то же время следовало прислушиваться к мыслям рабочего класса на военных заводах, знать об актах саботажа, о том, как действует на заводах разлагающая идеология международного масштаба или еще что-то подобное, чтобы добиться разрушения самых сокровенных планов врага, чтобы знать, будет ли зажжен факел революции на фоне происходящей войны, чтобы избежать вообще всемирного революционного пожара, который все уничтожит, пожара, по сравнению с которым война покажется легким бременем!

Для решения всего этого необходимо было изучить и знать бесчисленное множество дополнительных специальных вопросов, которые в конце концов благодаря их систематической обработке переходили как бы из зыбкой приграничной линии в твердые понятия стратегических и тактических установок и интересов...»

О составе отдела III Б:

«Не случайно среди офицеров разведки были представители почти всех профессий. Здесь работали дипломаты, крупные торговцы и промышленники, правоведы, химики, банкиры, а наряду с ними помещики, ученые и даже художники и — одна женщина! И каждый вносил свою, какую-то особую лепту в деятельность службы разведки, наполнял ее благодаря своим способностям каким-то особенным содержанием».

О себе:

«Указанием шефа III Б всем офицерам разведывательной службы запрещалось личное участие в операциях в стане врага, такой же запрет распространялся и на других немецких офицеров. Этому же принципу должна была следовать и часто упоминаемая в публикациях «королева шпионажа», то есть «мадемуазель доктор», которая никогда не использовалась как «шпионка», никогда не засылалась за рубеж, чтобы устанавливать что-либо или добывать какую-либо информацию. Ее деятельность состояла в том, чтобы так же, как и другие офицеры разведки, заниматься организацией этой службы в широких масштабах вплоть до Америки, в обеспечении необходимых связей, установлении инфраструктуры этих связей, в налаживании путей прохождения сообщений, участии в устных опросах, проверке всех полученных данных, в составлении сообщений в Главную штаб-квартиру...»

Об англичанах как объекте вербовки:

«Наибольшие трудности представлял англичанин. Его национальная гордость, его резко выраженное чувство чести как бы обволакивали его почти непроницаемым панцирем. К этому добавлялось еще островное положение, превосходно организованная и до предела отточенная служба политического контроля, что при вступлении на английскую землю не англичанина уже создавало проблемы. Но и это преодолевала немецкая служба разведки».

О французах и итальянцах:

«Меньшие трудности представляли Франция и Италия. Романтическая психика французов и итальянцев являлась меньшим препятствием, чем психологическая твердость англо-саксонской расы, они легче поддавались личной обработке, несмотря на то что у них тоже внешне очень живо проявлялось национальное чувство, в то же время нельзя говорить и о слишком высокой устойчивости этого чувства, патриотизм романских народов в целом невозможно было разорвать, однако такая молчаливая стойкость отсутствовала у отдельных лиц. И вот, несмотря на то что в некоторых случаях все это тоже представляло большие трудности, мы быстро приходили к цели».

О работе с обычной агентурой:

«Каждый агент должен восприниматься по-особому и подготавливаться тоже по-особому. «С револьвером в руке», как наивно полагали газеты, угрозами нельзя принудить агента к услугам. Несколькими часами позднее, оказавшись за рубежом, он уходил из-под власти своего офицера разведки! Здесь совершенно иные связи, которые делали агента послушным инструментом. Прежде всего это получение обещанных тридцати сребреников! Агент также знал, что его сообщения самым тщательнейшим образом проверялись и что он, скорее, останется без вознаграждения, если его сведения окажутся неверными. Однако он знал точно и то, что немецкая служба разведки сдержит свое слово как в отношении размера, так и времени выдачи обещанной суммы, и был предупрежден о попытках обмана!»

О крупных агентах:

«С крупными агентами подобного рода связи были невозможны. Деловое общение с ними происходило с соблюдением всех принятых в обществе норм. Опрос протекал в форме обсуждения крупных проблем, что доставляло высшее духовное удовлетворение, особенно если речь шла об экономических или военных вопросах. Здесь нельзя было даже на секунду забывать, перед кем ты находишься, а все сообщения подлежали глубокому осмысливанию, как, впрочем, и все результаты опросов агентов более низкого уровня. Нередко случалось, что опрос агентов, проверка их сведений, повторный опрос, а также составление отчетов занимали целые дни и ночи. Времена такого высокого напряжения в сочетании с

другой повседневной работой предъявляли чудовищные требования, в том числе и психические, к офицерам разведки, тем более если «он был женщиной».

Вот что было на самом деле.

Пишущим о знаменитых шпионах придется внести существенные «поправки» в образ «фрейлейн доктор». Она, что совершенно ясно, никогда не выполняла шпионских заданий, не бегала с пистолетом в руке, не вербовала уголовников, как об этом сообщают, не руководила террористическими организациями, не была любовницей кронпринца ни одной из европейских стран, не употребляла кокаина и морфия и не давала этого зелья другим, не вела «веселую предвоенную жизнь» в различных германских городах, не «принуждала своих агентов под пистолетом выполнять ее приказы», никогда не применяла в «необходимых случаях оружие», не являлась дочерью немецкого генерала по фамилии Хайнрихсен или Хинрихсен, не имела никаких наград, не возводилась в ранг «национальной героини» при нацистах и т.д. и т.п.

Николаи писал о лейтенанте Шрагмюллер:

«По природе она особенно подходила для общения с крупными агентами. Шпионкой за рубежом, как это ложно сообщается в литературе, она никогда не была. Эти крупные агенты, естественно, удивлялись, когда их инструктировала женщина, которая никогда не называла себя по имени, а представлялась обычно, как «фрейлейн доктор». Таким образом имя «мадемуазель доктор» (на французский лад) распространилось широко.

Из-за того, что она сжигала себя в работе, она сильно подорвала здоровье. Она хотела самоутвердиться, чтобы стать приват-доцентом (ее очень ценил тайный советник Дилль во Фрайбурге). Несмотря на то что ее работа была известна Фалькенгайну и Людендорфу, оказалось невозможным добиться для нее Железного креста. После войны ее семья очень бедствовала, и я предпринял немало усилий, чтобы ей назначили пенсию и обеспечили поддержку через министерство обороны рейха. До самой ее смерти, последовавшей в 1940 году в Мюнхене, я полагал, что в случае новой войны ее вновь можно будет привлечь к работе».

Сохранилось несколько писем Элизабет Шрагмюллер Николаи. Два из них написаны по печальным случаям.

Узнав о смерти жены своего бывшего шефа, «фрейлейн доктор» откликнулась 27 ноября 1934 года соболезнованием: «Мой бедный, мой дорогой господин полковник!

Вашему тяжелейшему горю я просто не нахожу слов утешения! Глубоко потрясенная, прочитала я о печальном известии, и мне просто захотелось безмолвно присесть рядом с вами и дать почувствовать, как искренне я сочувствую вам. Я ведь знаю, кем была для вас ваша высокоуважаемая супруга, она была всем, она была не только супругой и заботливой матерью для своих детей, но одновременно она была для вас родиной и утешением в горькие часы испытаний, она своей сильной волей вселяла в вас веру в собственные силы, чтобы вы могли неуклонно следовать своим путем.

Я была свидетелем вашего счастья в Нордхаузене, и в Гармише, и тогда, когда вы находились вне дома. Я всегда видела, с какими светлыми глазами вы появлялись за столом после разговора по телефону с вашей женой. Все это представляло для вас, дорогой господин полковник, счастливую личную жизнь!

Примите слова моего утешения и пожелание, чтобы кончина вашей высокоуважаемой супруги не оказалась для вас слишком тяжелым прощанием с ней и вы нашли бы в себе силы примириться с этим.

Тяжелые удары судьбы, которые выпали на нашу с вами долю в это лето, сделали наши сердца вдвойне и втройне чувствительными к чужому горю. Поэтому будьте уверены, дорогой господин полковник, что мы здесь искренне скорбим о дорогой ушедшей и что глубокое уважение, которое я испытывала к вашей супруге, я буду хранить всегда.

С доброй памятью о слишком рано почившей безмолвно жму вашу руку.

Ваша Элизабет Шрагмюллер».

Спустя год, 2 ноября, «мадемуазель доктор» выразила свою скорбь в связи с кончиной матери Николаи:

«Высокоуважаемый дорогой господин полковник!

Вновь вы вынуждены быть у смертного одра, вновь у вас отобран дорогой, незаменимый человек, и вновь у вас печальные заботы, и снова горе выпало на вашу долю. Перед тем как я получила ваши дорогие строки из Нордхаузена с печальным известием о самочувствии вашей матери, я вспом-

нила о вас, словно чувствовала, что вас ожидает несчастье и что вы опять переживете нечто очень тяжелое.

У меня нет слов утешения. Я знаю, как искренне вы были привязаны к вашей матери, знаю, как вам была дорога она, бедный господин полковник, как вам сейчас плохо. Я и сама с ужасом вспоминаю тот момент, когда я потеряла свою милую мамочку, хотя судьба в общем-то милостива ко мне. Я знаю, как горько детям провожать родителей в их последний путь. Помните, дорогой господин полковник, в эти минуты Ма и я вспоминаем о вас с самым искренним сочувствием и пожимаем безмолвно вам руку.

Дорогой господин полковник, подумайте немножко о себе самом, вы понимаете, что я под этим подразумеваю. По собственному опыту я знаю, что работа — это лучшее лекарство против душевного горя, но я все же боюсь за вас, боюсь, что вы слишком далеко зайдете и не будете давать себе никакой пощады в работе. А вы должны сохранить себя для своих детей и внуков, они нуждаются в отце и дедушке и будут нуждаться еще многие и многие годы, и еще есть немало других людей, которым вы тоже нужны, об этих людях вы также должны подумать, если начнете себе во многом отказывать и только погрузитесь в работу.

Тем не менее я очень обрадовалась, когда прочитала недавно в газете о том, что вас назначают военным поверенным при посольстве Германии в США. Правда, довольно много времени потребовалось, пока о вас вспомнили, должно быть, это и есть та деятельность, которая вам по душе, надеюсь, что вы в этой деятельности найдете удовлетворение и она не отберет у вас последние силы!¹

А теперь я хочу вам еще раз передать самый искренний привет от Ма, мы обе знаем, сколько скорби выпало вам на этих неделях, сколько вам пришлось пережить из-за этой новой потери, которая совпала с годовщиной кончины вашей многоуважаемой жены, и мы хотим выразить вам сочувствие в связи с этим.

С искренним участием ваша Элизабет Шрагмюллер».

Ответных писем в архиве нет.

¹ Назначение полковника Николаи «военным поверенным при посольстве Германии в США» — очередная выдумка прессы.

В 1934 году во Франции появилась книга «Секретная война в Эльзасе» бывшего начальника французской контрразведки капитана Ладу, того самого, кто послал на эшафот невинную Мата Хари. Это была не первая книга бывшего контрразведчика о немецком шпионаже, но, как оказалось, последняя. Незадолго до этого, 20 апреля 1933 года, Ладу был отравлен и умер в страшных мучениях. В предисловии, написанном его женой, сообщалось, что ее мужа отравила с помощью письма небезызвестная «фрау доктор». Французские исследователи в двухтомном труде «История мировой разведки» не отвергли этого, даже добавили, что это была «запоздалая месть» «фрейлейн доктор», любимой шпионки Николаи, капитану Ладу.

За что? По всей видимости, за убийство Мата Хари.

Но и это была неправда.

Ни полковник Николаи, ни тем более Шрагмюллер подобными делами ни во время войны, ни после нее не занимались. Во всяком случае нет никаких оснований подозревать в этом засевшую за написание экономических трудов Элизабет.

Советские контрразведчики, проштудировав записи Шрагмюллер, не нашли в них для себя ничего интересного. Ни одного вопроса о «фрейлейн доктор» Николаи задано не было.

**«ЕЩЕ И ТЕПЕРЬ В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕДНЕГО
СРЕДСТВА ИСКУШЕНИЯ МНЕ ПРЕДЛАГАЕТСЯ
ЛЮБОЙ КУРОРТ ПО МОЕМУ ЖЕЛАНИЮ»**

Так знал или не знал Вальтер Николаи немецкую агентуру в России? По некоторым данным, можно предположить, что все-таки что-то знал, а может, и многое. В рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт», рассказывая о начале своей деятельности в качестве начальника разведывательной службы германской армии, он писал:

«Русский отдел генерального штаба в Берлине давал задания в форме «вопросника», требовавшего сведений исключительно о железных дорогах, шоссе, мостах, укреплениях, сооружениях, о прочих военных новостройках, об изменениях в гарнизонах, о военных маневрах, о новом вооружении и снаряжении войск, о высшем командном составе, о духе войск. Кроме того, он предлагал добывать служебные приказы, особенно если они обозначались как секретные, данные о настроении населения и т.п. на предполагаемом участке наступления русских, так как граница проходила несколько восточнее линии Рига — Вильно — Варшава. К такого рода работе офицеры и агенты разведки привлекались постепенно, и, пожалуй, с точки зрения дела нельзя назвать это особым достижением, принимая во внимание, что данные были получены в течение восьмилетней повседневной и планомерной работы вплоть до начала войны. Какой в том прок, если бы я сейчас знал фамилии лиц, помогавших офицерам разведки в их тяжелой работе?»

Дальше шло неожиданное признание:

«Смутно припоминаю двух человек. Один из них — купец Браунштейн из Кальварии, занимавшийся этим спокойно и уверенно, как будто это было вполне законно. Человек надежный и имел благодаря этому успех в работе.

Второй, по фамилии Боувайн, являлся представителем пароходной компании «Гамбург—Америка» в Эйдкунене. Он имел разъездных агентов, которые склоняли пришедших

в отчаяние русских крестьян для переселения в Америку и обеспечивал, таким образом, груз для судов. Он представлял этих крестьян в распоряжение разведки для того, чтобы они попутно занимались получением сведений военного характера в вышеупомянутых районах.

Такого рода «чистое» дело оставило лишь след в моей памяти. Впрочем, такие вещи забываются охотно».

«Охотно забываются», повторим вслед за Николаи, но не забылись же! Однако ни Браунштейн, ни Боувайн не относились к той «ценной агентуре», которую пытались установить через Николаи советские контрразведчики, и, кроме того, надо полагать, их давно уже не было в живых, а если бы и были живы, то никакой ценности для органов госбезопасности эти германские агенты, безусловно, не представляли.

Пытаясь убедить советскую контрразведку в том, что он «со шпионами не работал», Николаи замечает:

«Начальник разведки не должен сам непосредственно заниматься шпионами в ущерб другой своей работе, сокращая свой кругозор вместо того, чтобы расширять его, чтобы быть консультантом своего высшего начальника, среди сотрудников которого он является единственным экспертом по вопросам разведки и контрразведки...»

И далее:

«Точно так же несправедливо высказанное мне возражение, что, видно, я был плохим руководителем разведки, если не проявлял заботу о вербовке как можно более видных агентов (наличие таковых я отрицал). В военной разведке (Кенигсберг, 1906—1910 гг.) это не входило в мою задачу, и только за полтора года до войны, когда я стал начальником отдела III Б, я осознал этот недостаток. Конечно, попытки восполнить подобный пробел были. В то время в высших кругах России, без сомнения, точно так же не было недостатка в симпатиях к Германии, как и к западным державам, как, впрочем, и в Германии к России или в Англии и даже во Франции к Германии.

Но от симпатии до готовности к измене родине еще далеко, тем более когда надвигающаяся война будит и укрепляет национальное сознание во всех странах и во всех слоях общества. Во всяком случае мне не известно ни в России, ни еще где-либо, как и в Германии, ни одного случая, опровергающего высказанное мною утверждение. На это не пошли

ни в мирное время, ни во время войны даже те враждебно настроенные лица, которые имелись в России в достаточном количестве и причины для недовольства у которых были наиболее обоснованными.

Поэтому было бы неверно в качестве причины указывать на недостаток средств у германского командования. Если бы средства даже и были большими, это бы ничего не изменило. Это привело бы только к потере чувства возможного и к разочарованиям. Я всегда трезво смотрел на вещи и не предавался иллюзиям. Наличие где-либо нескольких агентов разведки не оказало бы влияния на начало и исход войны. Я всегда базировался на существующем и возможном и так старался добиться наибольшего успеха. А разведка — это не только добывание секретов, но и констатация действительного положения вещей».

И Вальтер Николаи заканчивал:

«Германскому военному атташе в Петербурге, как и повсюду, было запрещено проводить работу для отдела III Б, хотя, возможно, в предвоенный период он и мог бы содействовать установлению связей в высших кругах. Я признавал такое положение правильным и всегда с этим считался. Я, думаю, вполне разумно рассуждал, что русские предположат обратное, за атташе установят наблюдение, успех которого будет гораздо большим, чем та польза, которую мы сможем извлечь в результате стараний нашего атташе, и это облегчит русским провокацию или дезинформацию».

В итоге — ничего существенного:

«Те полтора года до Первой мировой войны, в течение которых я уже был начальником разведки, не дали мне ничего нового в смысле обогащения моего опыта в области шпионажа и работы со шпионами. Будучи слишком занят решением других, более важных для меня как начальника разведки задач, я только один раз, в самом начале войны, посетил офицеров разведки Восточного фронта».

Николаи отверг предположение, что в годы Первой мировой войны немецким агентом был русский полковник Мясоедов, казненный в 1916 году за «связь с немецкой разведкой». В своей рукописи он сообщил, что «потери» немецкой разведки в тылу неприятеля были «незначительными», причем в основном во Франции:

«Насколько я помню, в Италии, в Англии, на Балканах и в России потерь не было вообще. Тем не менее могли быть случаи отдачи под суд, как, например, случай с полковником Мясоедовым, который никогда не находился на службе у немцев».

Это подтверждал и архив Николай:

«В шпионаже из России непосредственно отличились полковник генерального штаба генерал-губернаторства в Варшаве Батюшин и полковник пограничной службы Мясоедов. Когда последний в ходе войны по доносу был повешен за то, что он якобы работал в пользу Германии, то по этому поводу можно заявить, что он никогда не был связан с немецкой разведывательной службой ничем другим, кроме тех отношений, которые известны были в мирное время и направлены они были, наоборот, против Германии».

Далее указывалось:

«Этой мощно разраставшейся работе русской разведывательной службы в 1913 и 1914 годах противостояла только контрразведка Германии. До 1903 года мы не имели службы разведки, которая работала против России, а до 1910 года имели лишь умеренную службу наблюдения за непосредственными пограничными областями, и то только потому, что нас вынудили к этому. Надо было противодействовать мерам, направленным против Германии и заключавшимся в расширении русских укреплений на Немане, Нарве и на Висле, что делалось на французские деньги, и в укреплении дислокации войсковых частей в Польше, что тоже происходило по требованию французов.

В той мере, в какой Россия плела свои нити в Германии и подготавливала войну против Германии в своих пограничных областях, в той же мере она пыталась держать в секрете от нас эти мероприятия. Закрытие границы с нашей стороны, открытой до этого в военном отношении, началось к 1913—1914 годам. Своевременно удалось, и то лишь с чрезвычайными трудностями и благодаря отдельным надежным сообщениям, установить, что Россия уже в последние июльские дни 1914 года была полностью вооружена и оснащена против Германии».

Исследования, проведенные в России по поводу неудач русской армии в Первой мировой войне в связи с действиями немецкой разведки, позволяют судить, что последняя действи-

тельно не оказала на это сколь-нибудь существенного влияния. Немецкий шпионаж не имел прямого отношения к тем или иным поражениям русской армии. Специалист в этой области В.М.Гилсенсен в работе «Германская разведка против России», опубликованной в 1991 году, делает такой вывод:

«Проигранные русской армией сражения, как показывает внимательное изучение документов, не были следствием предательства или деятельности немецких военных разведчиков на уровне государственного или военного руководства. Германской агентурной разведке не удалось внедрить своих людей на ключевые посты в командовании русской армии, подавляющее большинство солдат и офицеров которой до конца выполнило свой долг. Поражения российских войск объяснялись совершенно другими причинами, к числу которых можно отнести ошибки Верховного командования, вытекавшие из невнимательного отношения к данным собственной разведки, а также стремление Ставки идти навстречу требованиям союзников России, не считаясь с реальной обстановкой, что привело к стратегическим просчетам, оплаченным большой кровью».

Однако, полагает В.М.Гилсенсен, не следует считать, что германская разведка «не располагала агентурой в России», она имела «надежные источники информации, используя дипломатические представительства некоторых нейтральных стран... Сопоставление данных о противнике, которыми руководствовались в германском генеральном штабе — они известны как из опубликованных документов, так и из мемуаров военачальников (П.Гинденбурга, Э.Фалькенгайна, Э.Людендорфа, В.Гренера, А.Клука и других), — с фактическим составом русской и французской армий к началу войны дает веские основания считать, что служба полковника Николаи поработала неплохо».

О том, что агентура в России была и сохранилась после Первой мировой войны, свидетельствуют и некоторые материалы оказавшегося в наших руках архива бывшего начальника германской разведывательной службы, не обнаруженные советскими контрразведчиками в то время, когда проходили его допросы. Отмечая в одной из записей, сделанной в 20-е годы, что работа в «Дойчен форвертс» постоянно «занимает его внимание», Николаи признает:

«Наряду с этим на первое место выдвигается реализация моего согласия по желанию внешнего ведомства турецкого правительства, а именно мои консультации по созданию службы разведки и безопасности. Мои источники информации периода Первой мировой войны по России, Балканам, Греции, Италии, Египту и Сирии с точки зрения также и Турции представляют интерес и имеют успех, причем этот успех таков, что подчеркивается необходимость создания соответствующего центра для руководства».

Стало быть, бывший начальник германской разведки знал «источники информации» по разным странам, в том числе и по России. Турецким спецслужбам он посчитал возможным открыть эти «источники», но скрыл их от русской контрразведки. В рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» он только однажды затронул эту «деликатную» тему, говоря о русских эмигрантах, проживавших в годы Первой мировой войны в Швейцарии:

«Само собой понятно, что делались попытки узнать что-либо через находящихся в Швейцарии русских политэмигрантов, однако непосредственная связь с ними установлена не была. Вспоминаю, что такого рода связь существовала с Парвусом и что она меня тяготила, потому что это был какой-то непроницаемый человек. Не помню, были ли контакты с ним прекращены по моему указанию или вскоре прекратились сами по себе».

Парвус был не «рядовым» человеком, а заметной фигурой в русском и немецком социал-демократическом движении. Это он, как свидетельствуют документы, передавал В.И.Ленину немецкие деньги. Николай как шеф германской разведки отрицал свое участие в этом, утверждая, что обеспечивал лишь проезд Ленина и его сподвижников из Германии в Россию в 1917 году, когда еще шла война. Однако в секретном досье Н-21152 хранятся его собственноручные показания, в которых он признает «контакты» его разведывательной службы с Парвусом. На двух страницах Николай излагал свой взгляд на это дело без особой точности в деталях. Он так и не припомнил, искал ли Парвус сам связи с немецкой разведкой или она с ним, получал ли вознаграждение и даже «требовал ли его» и т.д. Отношения с Парвусом в конце концов были прерваны, по признанию Нико-

лаи, из-за их «незначительности для военной разведслужбы» и потому, что «они не могли иметь успеха в политическом и пропагандистском отношении из-за их рискованности».

В общем, что-то было, а что-то позабылось. Сам Парвус давным-давно скончался. Так что для советской контрразведки эта «связь» теперь уже ничего не значила.

Можно задать другой вопрос: «Должен или не должен был полковник Николаи назвать «ценную агентуру» в России следствию, если он решил содействовать «сближению немецкого и русского народов»?»

Ответ однозначен: «Нет!»

Есть тайны, которые сотрудники спецслужб должны хранить всегда, независимо от обстоятельств, в которые они попали. Полковник Николаи был крупнейшим разведчиком XX века, одним из самых влиятельнейших людей Германии того периода, гордостью кайзеровской армии, если уместно такое выражение для руководителя наиболее секретного ведомства страны. Его имя в начале 20-х годов после выхода книги «Тайные силы» было на устах у многих, а печать пестрела сообщениями о нем, как после Второй мировой войны она пестрела сообщениями о Мартине Бормане. Такой известности не было тогда и долгое время потом ни у одного начальника разведки ни одной страны мира. Генерал Дюпон, глава французской разведслужбы, не стал так знаменит, хотя тоже написал книгу, правда, не о разведке. Макс Ронге, шеф австрийской разведывательной службы, выступивший в те годы с книгой в русском переводе «Разведка и контрразведка», значительно уступал своему немецкому коллеге в популярности, да и в результатах деятельности тоже. По умению наладить работу «тайного ведомства» и его эффективности Вальтеру Николаи не было равных. Книга «Тайные силы» и после Второй мировой войны оставалась на книжных полках по истории разведки, пожалуй, самой заметной по глубине обобщений и выводов, а полковник Николаи до сих пор признается одной из наиболее авторитетных персон международного шпионажа.

Книги Николаи содержат своеобразный кодекс чести истинного разведчика. Именно он, Николаи, ввел понятие «национального шпиона» и «национального предателя». Первые, по его мнению, заслуживают «благодарного при-

знания» за «содействие в победе своего народа», последние — всяческого презрения: «Народы со здоровым национальным чувством должны с уважением вспоминать о своих шпионах, к государственным же изменникам должны испытывать глубочайшее презрение и строжайшим образом их наказывать».

Мог ли Вальтер Николаи даже в условиях плена и после пусть еще одного поражения его страны в войне стать предателем? Наверняка он скорее бы умер, чем изменил своему народу и стране, а также своим принципам, хотя и видел будущее немецкой нации в одной «связке» с русским народом.

В декабре 1925 года бывший глава германской секретной службы получил из Лондона от одного англичанина книгу «Тайные силы» с таким обращением:

«Ваше высокоблагородие,

вместе с этим письмом я имею честь представить Вам экземпляр Вашего произведения, переплетенный в кожу, с нижней просьбой подписать его, поставить дату и указать место, где Вы живете.

Моя просьба связана с тем, что этот том включен мною в серию книг военной тематики из всех стран, которую я собираю. Все эти произведения, насколько это возможно, имеют подписи авторов и личностей, действующих в этих произведениях. Так как я повсюду находил любезное понимание, то в настоящее время обладаю более чем 500 томами с подобными подписями. В моем сборнике представлены самые известнейшие фамилии военной поры.

Моим желанием является, чтобы это собрание книг было передано после моей смерти библиотеке колледжа в Этоне. В этой известной старинной английской школе я имел удовольствие получить воспитание.

Составляемый сборник не связан с какой-либо одной стороной. В нем в равной степени находят место высказывания представителей самых разных сторон. И поэтому мне доставит особую радость, если в этом сборнике будут подписи ряда ведущих личностей из Германии и Австро-Венгрии — военных, политиков и литераторов. Если Вы захотите помимо Вашей подписи добавить еще что-либо относительно содержания Вашего произведения, то я это только приветствовал бы, и это позволило бы мне выразить Вам особую благодар-

ность, так как все это делается в интересах будущих поколений этонской школы.

Ввиду исторического и воспитательного значения сборника я отваживаюсь обратиться к Вам с этой просьбой и надеюсь, что Вы не откажете в отклике на мои устремления.

Заранее выражаю огромное спасибо.

С особым почтением к Вам искренний и покорный слуга

Е.М.Дрейк».

Как же прореагировал на эту ни к чему не обязывающую и вполне понятную просьбу полковник Николаи, которой он мог бы быть даже польщен? Но и в таком незначительном деле он выказал натуру немецкого патриота.

Его ответ от 2 января 1926 года:

«Многоуважаемый господин Дрейк!

Пересланная мне книга специальной посылкой уже отправлена Вам обратно. К сожалению, для меня оказалось невозможным выполнить Ваше желание и снабдить книгу автографом и собственноручным посвящением. Я чту Ваше намерение и хотел бы, чтобы присланный мне экземпляр моей книги Вы передали в библиотеку этонского колледжа, но без моего автографа, отчего она не потеряет своего значения.

Работая на своем посту до и во время войны, я получил настолько глубокое представление о том, как Англия подготавливалась к мировой войне против моего отечества, проводя соответствующую политическую пропаганду, в результате которой мои германские братья все больше теряли уважение в мире, что возлагаю вину на Англию не только за несчастья, которые она принесла нам, но рассматриваю ее действия как преступление против германской расы и вообще перед мировой историей, и потому не могу простить того вреда, который Англия нанесла германизму.

Не упрекайте меня, пожалуйста, за эти откровенные высказывания. Мои слова не должны расцениваться как неуважение Вашего желания, напротив, они, надеюсь, помогут Вам уяснить, почему я не исполнил то, о чем Вы меня просили.

С высоким почтением и уважением

Ваш покорный слуга

Николаи».

Дрейк не обиделся и прислал еще одно письмо, датированное 8 января 1926 года, где сообщил о получении кни-

— Да, Вальтер Николаи является бывшим начальником германской военной разведки в период Первой империалистической войны. Лично с полковником Николаи я не знаком и никогда его не видел.

— Что вам о нем известно?

— Мне известно, что, несмотря на то что Николаи как разведчик прославился в Первую мировую войну, он до и в период Второй мировой войны в германской разведке не работал. В 1937 году Канарис в беседе рассказал мне, что в 1936 году Николаи обращался к нему с просьбой принять его на службу в «Абвер», но он ему в этом отказал. Со слов Канариса мне известно, что в 1939 году Николаи вторично обратился к нему с просьбой принять его на службу в «Абвер», мотивируя предложение своих услуг тем, что может быть полезен Германии в военный период. Канарис и в этот раз в просьбе Николаи отказал, так как считал его слишком старым, отставшим и не знающим новой обстановки. Помимо этих главных причин, Канарис не желал иметь в своем аппарате в качестве подчиненного бывшего начальника германской военной разведки.

— Имели ли место в отказе Канариса Николаи и политические мотивы?

— Я думаю, что таких мотивов не было, иначе мне Канарис об этом сказал бы.

— Что вам еще известно о Николаи?

— Я слышал, теперь уже не помню от кого, что Николаи очень был недоволен тем, что по окончании Первой мировой войны ему не был присвоен чин генерала и что он не получил высших наград. Мне также известно, что Николаи все время проживал в своем доме в Тюрингии и занимался составлением мемуаров о своей разведывательной деятельности.

— Привлекался ли Николаи «Абвером» для выполнения каких-либо заданий, поручений или участия в совещаниях?

— За время моей деятельности в «Абвере» с 1936 года до марта 1943 года Николаи, насколько мне известно, не привлекался к какой-либо работе по линии разведки.

— Для работы в какие-либо другие германские органы и учреждения Николаи привлекался?

— Как до, так и во время войны я не слышал, чтобы Николаи где-либо работал.

23 января 1946 года на вопросы отвечал полковник Эрвин Штольц, сотрудник германских разведорганов с 1923 года, бывший с 1937 по 1943 год заместителем начальника «Абвер-2», а с 1944 года до конца войны начальником специального разведывательного органа СД в Берлине.

— Известен ли вам полковник Николай?

— Я впервые увидел его уже после войны, когда сам стал сотрудником германской разведки. В 1923—1925 годах я работал в организованном в то время впервые «Абвере», которым руководил полковник Гемп, ныне генерал-майор. В 1924 году полковника Гемпа неоднократно посещал Николай. Тогда же я имел случай познакомиться с этим видным разведчиком, известным мне до тех пор лишь как автор книги о германской разведке в Первой мировой войне. Наше знакомство носило чисто формальный характер. Никаких личных или деловых бесед я с ним не вел. Мне также не известно конкретное содержание его переговоров с полковником Гемпом. Я знаю лишь, что он безуспешно пытался через полковника Гемпа устроиться на работу в разведку. После 1924 года я его ни разу не видел.

Мой начальник, руководитель «Абвера» адмирал Канарис, неоднократно отрицательно отзывался о полковнике Николаи, утверждая, что для работы в настоящее время он не пригоден, так как методы, примененные им во время Первой мировой войны, устарели. Я припоминаю, что однажды во время беседы со мной в 1935 году Канарис заявил: «Николай снова хочет играть первую скрипку в «Абвере», из этого ничего не выйдет, старик — ни к чему не пригоден».

Я полагаю, и это не только мое мнение, что полковник Николаи не мог быть привлечен к разведывательной работе также потому, что, являясь старым кайзеровским офицером, он не пользовался достаточным доверием в руководстве нацистской Германии, особенно в кругах, близких к Гиммлеру.

— Привлекался ли Николай руководством «Абвера» к каким-либо совещаниям или консультациям?

— Мне такие факты не известны.

— Таким образом, вы утверждаете, что после Первой мировой войны полковник Николаи не являлся сотрудником германских разведывательных органов?

— Да, это так. После окончания Первой мировой войны полковник Николаи к разведывательной и контрразведывательной деятельности не привлекался.

Последним допросили генерал-лейтенанта Франца Бентевеньи, служившего в германской армии с 1915 года, участника Первой мировой войны, занимавшего с 1939 года по 1943 год должность начальника военной контрразведки («Абвер-3»), а затем командовавшего на фронте 81-й пехотной дивизией.

Допрос генерала Бентевеньи проходил 25 января 1946 года:

— Вы знаете полковника германской разведывательной службы Николаи?

— Лично я полковника Николаи не знаю и никогда его не видел. Николаи мне известен как бывший руководитель немецкой военной разведки периода Первой мировой войны. В 1918 году в связи с запрещением Версальским договором германским вооруженным силам иметь свою разведку Николаи вышел в отставку и занялся литературной работой, составлением мемуаров о своей разведывательной деятельности в войну 1914—1918 годов.

— Что вам известно о позднейшей деятельности Николаи в германской разведке, и в частности в период подготовки и развертывания Второй мировой войны?

— Никакого участия в деятельности германских разведывательных органов в период 1918—1945 годов Николаи не принимал.

— На основании чего вы утверждаете, что Николаи в этот период не занимался разведывательной деятельностью?

— Возглавляя на протяжении ряда лет германскую военную контрразведку, я ни разу не слышал, чтобы Николаи после 1918 года снова принимал участие где-либо в германских разведывательных органах. В противном случае я бы обязательно об этом знал. Мне известно, что в июне 1939 года Николаи пытался предложить свои услуги адмиралу Канарису, но попытка эта не увенчалась успехом. Канарис отклонил предложение Николаи в связи с тем, что Николаи был уже стар, а также потому, что не хотел иметь своего предшественника в качестве подчиненного.

— Откуда вам известно, что Николаи обращался к Канарису с предложением принять его снова на работу в разведку?

— О посещении Николаи Канариса мне рассказывал или сам Канарис, или бывший начальник «Абвера-1» Пиккенброк, точно я сейчас не помню. Подробности этого посещения мне не известны.

Стало окончательно ясно, что Курт Рисс надул всех.

Стоило ли вообще придавать такое значение вышедшей в США в ноябре 1941 года книге «Тотальный шпионаж», если Вторая мировая война уже закончилась, а Германия капитулировала? Спецслужбы, однако, живут по своим правилам. Все, что попадает в поле их зрения, должно быть проверено, если речь идет, естественно, о фактах, их интересующих. Иногда подобные расследования ведутся спустя годы и десятилетия, а что-то проясняется, бывает, через сотни лет.

Поэтому и книге Курта Рисса была уготована соответствующая проверка, коль она попала на глаза советским контрразведчикам.

Вальтер Николаи узнал об этой книге только в плену. Немецкие спецслужбы, судя по всему, тоже ничего не знали о ней. Разбираться в достоверности изложенного Риссом пришлось сотрудникам госбезопасности. И они, убедившись в том, что глава разведки кайзеровской армии никогда не соприкасался с деятельностью гитлеровского абвера, сняли возведенную на него напраслину и даже предоставили возможность написать ему о своей жизни и своем опыте. Только все это осталось никому не известным. Лишь более пятидесяти лет спустя после смерти Николаи в Бутырской тюрьме хранившиеся под грифом «Совершенно секретно» все эти годы результаты следствия решено было предать гласности.

В октябре 1991 года тогда еще в Советском Союзе вышло исследование «Тайные операции нацистской разведки», где одна из глав называется «Возвращение Николаи на поприще тайной войны». Не ведая подвоха, автор, сотрудник спецслужб, перенес в свою работу многое из того, что насочинял Курт Рисс.

Вот начало главы:

«Исключительно важную роль в становлении абвера в середине 20-х и начале 30-х годов сыграл полковник в отставке Николаи.

Во время Первой мировой войны он возглавлял знаменитое Третье бюро, представлявшее собой руководящий

центр разведывательной службы германских вооруженных сил. Возвращение Николаи на поприще международного шпионажа было вполне естественным. По ряду соображений его кандидатура считалась наиболее подходящей для руководства этой работой. Во-первых, он обладал огромным опытом разведывательной работы в условиях войны и всей своей предыдущей карьерой был как бы предназначен для той роли, которую ему отводили нацистские главари, видевшие в нем незаурядного профессионала. Во-вторых, он вполне разделял идеи национал-социалистов, стремившихся к расширению «жизненного пространства» Германии».

Дальше шло тоже уже известное:

«Итак, «прославленный» организатор шпионажа, тяжело переживший поражение германского империализма в Первой мировой войне и формально, казалось бы, отошедший от дел разведки (имя его уже не фигурировало ни в военных справочниках, ни в военной литературе), вновь появился на авансцене тайной войны. Рвавшиеся к власти нацистские главари решили предоставить ему полную свободу в создании совершенной разведывательной машины. И он охотно пошел на службу к новым хозяевам, считая, что за ними реальная власть».

Помните поездку Николаи в Мюнхен в 1932 году? Не забыта она и здесь:

«В мае 1932 года Николаи был приглашен в Мюнхен, чтобы в качестве представителя Верховного командования выступить перед небольшой группой военных деятелей, сторонников возрождения военного могущества страны, с лекцией на тему «Германия в будущей войне». По свидетельству очевидцев, заявление Николаи о том, что Германия должна без объявления войны, в результате одного лишь колоссального по масштабам воздушного наступления раздавить своего противника, вызвало шумное ликование аудитории.

Три недели спустя было объявлено о предстоящем выступлении Николаи в «Коричневом доме», где размещалось тогда центральное правление национал-социалистической партии. В действительности он был вызван в Мюнхен для участия в сборище на берлинской квартире Рёма ближайших приспешников фюрера. Вовлечение Николаи в обсуждение вопроса о разведывательном и карательном аппарате буду-

щей Германии свидетельствовало о том, что нацистская верхушка рассматривает его как своего единомышленника и даже делает на него в делах разведки определенную ставку как на своего тайного советника».

И последующий сюжет ничем не отличается от того, что сообщалось в «Тотальном шпионаже»:

«Придя к власти, Гитлер тотчас же по настоянию военного министра издал распоряжение, признающее за полковником Николаи исключительные полномочия во всем, что было связано с защитой вермахта, государства и экономики от шпионажа и диверсий. Полномочия распространялись на все области разведывательной и контрразведывательной деятельности. В первую очередь благодаря усилиям Николаи абвер был реорганизован, а его штат значительно расширен, за ним сохранились старые привилегии и дарованы новые. Он наделялся исключительными правами в части ведения разведывательной и контрразведывательной работы за пределами страны».

Те же побасенки и дальше:

«Гитлер, чтобы отвлечь внимание иностранных наблюдателей от широко известной личности Николаи, громогласно объявил о назначении его главой Института истории новой Германии, поручив ему заняться исследованием истории Первой мировой войны. Это был тщательно продуманный прием дезинформации мировой общественности. В действительности у Николаи и в мыслях не было менять профессию. Такое не входило в планы самих нацистов, прибегавших ради сокрытия своих преступных целей к любым формам камуфляжа. Николаи упорно, как опытный профессионал, оказывал различные услуги лично Гитлеру, обеспечивая его соответствующей информацией, и методично работал над укреплением военной разведки, расширением ее возможностей и повышением престижа. Обладая огромной творческой фантазией, Николаи как координатор действий органов военной разведки был, по оценке руководящих деятелей абвера, занят поиском более эффективных форм работы для получения достоверной информации о противнике и внес много нового в организацию, методы и приемы этого шпионского ведомства, занявшего главенствующее положение в осуществлении разведки за границей и контрразведки

внутри страны. Все эти нововведения, повышавшие популярность Николаи, в полной мере отвечали требованиям нацистских главарей. Однако его имя предусмотрительно не упоминалось в прессе и даже не попадало в армейские справочники до тех пор, пока Гитлер и его сообщники не отбросили всякую маскировку проводившейся ими подготовки к войне. Лишь после этого полковник Николаи, устремления которого вполне совпадали с планами нацистских главарей, «всплыл на поверхность» и был официально объявлен координатором военной разведки, на выработку стратегии которой он все это время оказывал большое влияние»¹.

Мистификация образа полковника Николаи осталась.

В книге «Секретные миссии» (на русском языке появилась в 1996 году) ее автор Э.Захариас, капитан 1-го ранга военно-морской разведки США, так же вольно обращается с фактами, касающимися Николаи, как и остальные, внося свою лепту в искажение действительности.

«Николаи был безжалостным и беспринципным мастером шпионажа, преданным секретной службе с фанатизмом монаха-аскета. Когда в 1918 году поражение Германии стало очевидным, он ушел в отставку с действительной службы, но не с секретной. По его мнению, прекращение военных действий в 1918 году не привело к окончанию Первой мировой войны. Он умолял немцев остаться на ринге и продолжать борьбу с помощью подрывных средств секретной службы...

Захват власти Гитлером в 1933 году привел к коренным изменениям. Подобно Бисмарку, Гитлер твердо верил в секретную службу. Встав во главе рейха, он пытался навязать свои идеи немецкому генеральному штабу. Полковник Бредов противился этому, что вызвало ярость Гитлера и Николаи, который снова находился в седле, действуя как главный советник Гитлера по всем делам шпионажа и секретной службы».

Эти немецкие «монстры», как считает Э.Захариас, для достижения своих целей не брезгают ничем:

«Полковник Бредов стоял на их пути. Он отказывался

¹ Книга «Тайные операции нацистской разведки» переиздана в 1999 году без поправок.

выполнять указания Гитлера и весьма неохотно сотрудничал с Николаи. Как Гитлеру, так и Николаи было ясно, что они не смогут осуществить планы своей секретной службы до тех пор, пока немецкую разведку возглавляет Бредов. Но Бредов опирался на поддержку немецкого генерального штаба и особенно генерала Курта фон Шлейхера — видную фигуру в немецких вооруженных силах. Сам фон Шлейхер был канцлером накануне захвата власти Гитлером.

Кровавая чистка 1934 года представила долгожданную возможность избавиться от Шлейхера и Бредова. 30 июня 1934 года специальное отделение эсэсовцев направилось к дому Шлейхера на окраине Берлина. Шлейхера убили пятью выстрелами в упор. Затем эсэсовцы устремились к военному министерству на Бендлерштрассе, вытащили Бредова из его кабинета и расправились с ним на улице. На другой день в военное министерство явился Николаи. Опираясь на поддержку Гитлера, он начал восстанавливать агрессивную немецкую разведывательную службу для работы во Франции, Англии и Соединенных Штатах».

Полковник Николаи действует с размахом:

«Было ясно, что вскоре немецкие агенты появятся и в Соединенных Штатах. Дело Лонковского доказало нам, что Николаи распространил свою деятельность на Западное полушарие. Это была случайная и неквалифицированная, но тем не менее шпионская сеть».

Рука Николаи, конечно, тянется в разные концы земного шара:

«У полковника Николаи имелся еще один план, его поддерживал Гитлер. Николаи работал над созданием немецко-японского шпионского союза частично с целью получения данных из информации, находящейся в распоряжении японской разведки, и частично с целью создания огромной немецкой шпионской сети за счет финансовой поддержки японцев. Его идея была достаточно простой. Он пытался убедить японцев в том, что представители белой расы могут проводить эффективную шпионскую работу на них, так как японских агентов легко можно обнаружить по внешнему виду. Он также доказывал, что агенты-белогвардейцы, широко используемые японцами, больше не обеспечивали получение необходимых данных и в конце концов были ненадежны, ибо

они работали независимо и несогласованно, без поддержки суверенного государства.

Немецкая разведка сделала официальное предложение японцам соединить ресурсы и использовать немецких агентов там, где не могли работать японцы. Николай также предложил передать в распоряжение японцев все данные, полученные на европейском театре действий, и организовать совместную шпионскую сеть в Соединенных Штатах при условии, если японцы согласятся предоставлять немцам материал, добываемый их агентами. Японцам это предложение показалось довольно заманчивым, и в результате было принято решение претворить этот план в действие».

«Секретные миссии» — это еще один «Тотальный шпионаж», родившийся на американском континенте. Причем, что поразительно, «секретные миссии» выпорхнули из того же гнезда. Когда Вальтер Николай уже томился в одиночном заключении, издательство «Г.П.Путнамс Санс» распространило новые измышления о нем, на этот раз устами сотрудника американских спецслужб Эллиса Захариаса. Это произошло в 1946 году.

Не утруждали себя выявлением истины и составители вышедшей также в США в 1982 году энциклопедии «Шпионаж и контршпионаж» Винцент и Нан Буранелли. Хотя о послевоенной судьбе Николай там говорится не столь уж много, но все же бывший глава кайзеровской разведслужбы ошибочно представлен «одной из первых жертв нацистов», скончавшихся в Германии в 1934 году.

Но, пожалуй, больше всего удивил французский исследователь Пьер Вильмаре. В 1988 году он выпустил в Париже труд «ГРУ, самая секретная советская служба: 1918 — 1988»¹. Тут Вальтер Николай уже предстает противником гитлеровского режима, давним «слугой» советской военной разведки. Удивительный поворот. Похоже, что французский автор «реанимировал» давние публикации о полковнике Николай, где того «уличали» в симпатиях к Советской России. «Ржавый крючок», на который недоброжелатели Николай «ловили» простаков.

¹ ГРУ — Главное разведывательное управление в советском, а ныне в российском Министерстве обороны.

Вот эти невероятные утверждения француза Вильмаре:

«Троцкий «сдал» Вайнштейна Аралову¹ в 1919 году. Он более в нем не нуждался, поскольку Радек и он уже установили прямой контакт с полковником Николаи, а последний предложил наладить тайные экономические отношения между высшими правительственными кругами побежденной Германии и Советской Россией. В секретных переговорах родилась германская ассоциация по изучению возможных контактов с Востоком».

Даже если бы Николаи захотел вступить в «контакт» с Троцким и Радеком, то не смог бы этого сделать в 1919 году, поскольку находился в «ссылке» в Айзенахе и писал там свою первую книгу. Радек, кстати, в это время сидел в Моабитской тюрьме в Берлине и вряд ли мог в своей камере принимать полковника Николаи вместе с другими немецкими офицерами, которых, как пишет Вильмаре, тот «пригласил на чай». «Чаепитие» Николаи с известным немецким социал-демократом Радеком в тюрьме Моабит не приснится даже во сне.

Вильмаре смело пишет о том, чего никогда не было:

«Тем временем Аралов настолько хорошо выполнил свою миссию на Юго-Западе, что в 1924 году мы видим его в числе четырех или пяти руководителей ГРУ после Яна Берзина². Но он бродяга. В том смысле, что его передвигают с места на место. То он посол, то под разными вымышленными именами появляется в Турции, Литве, Латвии, а затем расширяет поле своей деятельности до Германии (он точно выполнял все пункты соглашения в Рапалло, реализуя их в тесном сотрудничестве с полковником Николаи, его помощником Бауэром и другими крупными германскими промышленниками)».

К соглашениям в Рапалло Николаи никакого отношения не имел, а потому не мог их реализовывать в «тесном сотрудничестве» ни с кем, а об Аралове даже не слышал.

Дальше — больше:

«Проскуров может только улыбаться. Вопреки приказам, Урицкий, Уншлихт до самого своего ареста, когда Ежов³ ворвался в их кабинеты, поддерживали контакты и работа-

¹ А р а л о в — первый руководитель советской военной разведки.

² Б е р з и н — начальник Разведупра в 1924—1937 годах.

³ Е ж о в — глава НКВД, У р и ц к и й, У н ш л и х т — сотрудники ГРУ

ли с 25 информаторами (двадцатью семью, если включить сюда еще двух важных немецких агентов, которые были в Берлине), находившимися с 1937 года в распоряжении ГРУ и работавшими в качестве осведомителей в высших сферах нацистского правительства. И не только министерстве иностранных дел. И не только в вермахте. Но и в Бюро по делам евреев Вальтера Николаи, бывшего начальника военной разведки при кронпринце. Этот факт является одним из основных козырей Разведупра и останется таковым надолго».

Помимо того что Николаи не был начальником военной разведки «при кронпринце», а руководил всей разведслужбой германского генерального штаба, он не имел никакого отношения к Бюро по делам евреев, а потому не мог являться «одним из основных козырей Разведупра» в этой связи, как и потому, что никогда не работал на советскую разведку вообще.

Дальнейшее вызывает только улыбку:

«Николаи был среди тех, кто, начиная с 1919 года, полагал, что германо-советское содружество, если оно будет развиваться в верном направлении, решит судьбу Европы и Евразии. Это проявлялось в такой степени, что капитан Патциг, первый начальник абвера в двадцатых годах, и его преемник с декабря 1935 года адмирал Канарис запретили Николаи доступ в свои кабинеты».

Ни Патциг, который возглавил абвер лишь в 1934 году, будучи уже в чине капитана 1-го ранга, ни Канарис никогда не запрещали доступ Николаи в свои кабинеты, поскольку находившемуся не у дел Николаи нечего было делать в этих кабинетах. В действительности все выглядело иначе. В 1938 и 1943 годах Канарис направил Николаи письменные поздравления в связи с его 65- и 70-летием и выразил своему предтече «высокое почтение». В публикациях о Канарисе отмечается, что в его кабинете висел большой портрет полковника Николаи, у которого он время от времени подолгу останавливался. Так что, образно говоря, полковник Николаи постоянно пребывал в кабинете Канариса.

Что же делает Николаи, когда его, как пишет Вильмаре, не «пускают» в свои кабинеты Патциг и Канарис? Он поступает весьма оригинально:

«Пришедший в ярость Николаи какое-то время предос-

тавлял свои услуги фон Риббентропу, окруженному интеллектуалами и чиновниками, презиравшими ограниченных полицейских, находившихся возле Гитлера с 1934 года. Затем Николай добился благосклонности Гейдриха, который держал поводья шпионажа нацистской партии по всему миру, он руководил СД, соперником абвера. Николай также отлично ладил с Мартином Борманом, который после бегства Рудольфа Гесса в 1941 году стал серым кардиналом власти».

По сути, как утверждаетсся в книге «ГРУ», полковник Николай стал «двойником». С одной стороны, он служит нацистам, предоставляя свои услуги Риббентропу, Гейдриху и Борману, с другой — работает против них и против нацизма.

Читаем:

«Созданное Николай в 1937 году Бюро по делам евреев служило ему прикрытием, а прикрытием является одним из секретных винтиков ГРУ... Благодаря советам Николай ГРУ с 1937 по 1941 год провело активную вербовку и в гестапо, и в СД и даже завербовало одного из помощников Гиммлера».

Полковник Николай — русский резидент? Оказывается, еще в 1948 году французский исследователь встречался с «оставшимися в живых из команды Канариса», а среди них с коммодором Вихманом и полковником Вагнером, а также с неназванными «помощниками генерала Гелена». Они-то и открыли Вильмаре, по его признанию, «тайну» о бывшем начальнике германской разведки времен Первой мировой войны. В книге, однако, не говорится, почему никто из «встреченных им» не сообщил о Николае в гестапо, а доверился спустя несколько лет после войны лишь посетившему их французу. Неясно и каким образом Вихман и Вагнер из «команды Канариса» и неизвестные «помощники генерала Гелена» (сам Гелен, кстати, в своих мемуарах ни в чем не подозревал полковника Николая) дознались обо всем. Но это даже излишне. Никто не мог располагать данными о работе полковника Николая на советскую разведку, поскольку таковой не было.

Если бы все было так, как пишет француз Вильмаре, то не порьяма ждала бы «короля» шпионажа в России, а награды за то, что он помог советской военной разведке внедрить агента «и в гестапо, и в СД и даже завербовать одного из помощников Гиммлера». Но в «Секретном досье № 21152» нет

ничего, что указывало бы на «героические деяния» бывшего начальника германской разведки. Он был доставлен в Москву и заточен в одиночную камеру Лубянской тюрьмы как возможный «сотрудник» нацистских спецслужб, и только.

Поразительно, но и руководитель политической разведки нацистской Германии группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Вальтер Шелленберг наступил на те же грабли. В своих «Мемуарах» он пишет:

«Полковник Николай во время Первой мировой войны был начальником немецкой военной разведки. По его инициативе Людендорф согласился с планом проезда Ленина из Швейцарии в Россию в plombированном вагоне. Имевшиеся в моем распоряжении документы позволили досконально изучить контакты, которые Николай непрерывно поддерживал с Россией как при Ленине, так и при Сталине, вплоть до подписания германо-советского договора».

Какая муха укусила Шелленберга, когда он, сидя в отеле итальянского курорта Палланцу на озере Лаго-Маджоре, выводил эти строки, останется навсегда неизвестным. Обвинение, которое он бросил полковнику Николаю, не имеет под собой никакой почвы. Проезд Ленина из Швейцарии в Россию притянут за уши. «Документов», что позволили Шелленбергу «досконально изучить контакты» Николай с Советской Россией, не существовало и не существует, поскольку не было самих контактов. Если же представить, что Николай делал все-таки что-то непозволительное, то почему Шелленберг не вмешался и не прервал эти «нежелательные связи»?

Можно предположить, в «досье» у Шелленберга лежали не документы, а газетные вырезки, цена которым теперь хорошо известна.

Пьер Вильмаре в заключение пишет о Николае:

«Нам не известно, был ли он добровольным или платным агентом, но мы знаем, что, когда первые части Красной Армии вошли в Берлин в 1945 году, в том числе и специальные подразделения НКВД, этот человек, еще молодой в свои 72 года, сразу перешел на советскую сторону, чтобы не попасть в руки союзников».

Полное незнание того, что было на самом деле. Еще за двадцать лет до появления книги «ГРУ» соотечественник Николай Гельмут Хибер в капитальном исследовании «Валь-

тер Франк и его Государственный институт истории новой Германии» установил, что бывший глава германской разведки сначала оказался в руках американцев. И 1945 год он встретил не в Берлине, а в Нордхаузене. И не переходил Николаи на сторону русских, а был арестован НКВД и «бесследно исчез». Заодно французский автор, если бы он проявил интерес к этой публикации о Николаи, мог узнать, чем действительно занимался «знаменитый полковник, причастный к разведке» в те годы, когда в Германии правили нацисты. Тогда он, возможно, не стал бы приклеивать известному «супершпиону» фальшивый ярлык.

Но Пьер Вильмаре, сбитый с толку «оставшимися в живых из команды Канариса» и не названными «помощниками генерала Гелена» пошел по ложному пути.

И это не последнее слово о главе разведки кайзера, несчастье которого заключалось в том, что он был слишком знаменит.

В 1993 году в Париже в издательстве «Робер Лаффон» вышел еще один солидный труд по истории шпионажа. Известные исследователи Роже Фалиго и Реми Коффер написали «Историю мировой разведки» в двух томах. В этом труде есть и статья под названием «Полковник Николаи — властитель тьмы». Она как бы венчает все были и небыли о главе германского шпионажа Первой мировой войны.

Вот извлечение из этой работы:

«В конце 1920-х годов полковник Николаи еще имеет значительный вес в секретных службах. Новый шеф абвера генерал-майор Фердинанд фон Бредов не принимает важных решений без консультаций с ним.

В 1933 году фон Бломберг, глава рейхсвера, предлагает Николаи снова принять на себя руководство службой разведки. Несмотря на многочисленные встречи между Николаи и Геббельсом, двумя специалистами психологической войны, Геббельс этому противится. «Требуется более молодой во главе такой службы», — утверждает этот хромой немецкий дьявол, который к тому же не доверяет всем протежируемым фон Бломбергом, которого он вскоре уберет.

В абвере новые шефы, Патциг и Канарис, запрещают Николаи доступ к своим службам, отчасти потому, что они предполагают его симпатии к СССР. Это не мешает хитрому

полковнику продолжать контактировать со своим бывшим учеником Иоахимом Рохледером, руководителем сектора III Ф (контрразведка) абвера.

Всегда опирающийся на свои документы, Николаи входит в службу разведки МИДа Иоахима фон Риббентропа. Настоящий «серый кардинал» — это его предпочтительная роль — начинает рыть землю и вступать в отношения с иностранными спецслужбами. Так, в 1928 году он создал для турецкого генштаба Службу национальной разведки МАХ (Милли Ама-ле Хикмет, «Специальные службы серого волка»). В 1932 году он командует полковника Эгона Отто к японцам, чтобы модернизировать их службы. Два года позже он воздействует на австрийские спецслужбы во время аншлюса.

После того как нацистский режим укрепился, Николаи с ним сближается и становится советником службы разведки гитлеровской партии и одновременно советником у Рейнхарда Гейдриха и Мартина Бормана. Ему также обязано рождением в 1935 году Бюро по делам евреев. И вместе с тем, оставаясь верным своему старому выбору, он проповедует сближение с СССР, что закончится заключением в 1939 году Пакта между СССР и Германией. Его упорство в сближении со Сталиным породит недоумение в нацистском аппарате в такой степени, что в 1943 году Гитлер прикажет завести на него дело. Однако Генрих Мюллер, глава гестапо, делая вид, что подчиняется, не шевелится.

Чем объяснить такую особенность? По Пьеру Вильмаре, историку ГРУ (советская военная разведка), Николаи являлся «почетным корреспондентом»¹, таким же, как и Мюллер. Согласно мнению этого французского специалиста, в 1945 году в возрасте 72 лет генерал Николаи перешел на советскую сторону, чтобы избежать пленения союзниками.

Браво!

И все же французские авторы «Истории мировой разведки» постелили соломки. Ведь если все так, то полковник Николаи — «оборотень», работающий на два фронта. Поэтому одна фраза создателей «Истории мировой разведки» в какой-то мере спасает положение:

¹ «Почетный корреспондент» на сленге французских спецслужб означает «резидент».

«Только открытие советских архивов могло бы все прояснить».

Роже Фалиго и Реми Коффер попали в точку.

Более осторожными оказались соотечественники Николаи. Гельмут Хибер в уже упоминавшемся труде, отразив работу Вальтера Николаи на поприще исторической науки, не поленился выяснить и кое-какие подробности его ареста, написав об этом:

«В таком состоянии, а именно считающимся пенсионером, американцы нашли его в Нордхаузене. Когда летом 1945 года они покидали город, Николаи отказался уйти вместе с ними. Поскольку он ранее предпринимал скрытые разведывательные поездки по России, он думал, что достаточно хорошо знает русских. Но он не знал их. В сентябре 1945 года полковник в отставке Вальтер Николаи прямо из своей квартиры «был доставлен для короткой беседы» и с тех пор исчез. Найденный у него материал был конфискован».

Не стал ничего сочинять о Николаи и немец Герт Буххайт. В работе «Германская тайная служба», вышедшей в Мюнхене в издательстве «Пауль Лист ферлаг» в 1967 году, он не привел ни одного «факта» из тех, с которыми мог познакомиться в многочисленных сочинениях о своем имени-том земляке. Раздел, посвященный отделу III Б и его шефу, заканчивается у Буххайта так:

«Конец его жизненного пути покрыт тайной неизвестности. Во времена Третьего рейха Гитлер поручил ему произвести запись его жизненного пути. Издал ли он рукопись или оставил ли ее после себя, неизвестно. Шелленберг утверждает, что полковник во время Второй мировой войны якобы имел беспрепятственный доступ к министру иностранных дел Риббентропу и рейхслайтеру Борману. При крахе 1945 года Николаи попал в руки Советов».

Можно позать руку немецким исследователям, хотя и в их заявлениях полно неточностей.

Если, однако, ни одна из публикаций не отразилась на судьбе Николаи, как бы невероятны они ни были, то книга американца Курта Рисса «Тотальный шпионаж» стала для него роковой. Зачем Рисс и его издатели впутали Николаи в дела, которые тот не совершал? Наверное, это было так. В ноябре 1941 года США стояли на пороге войны с Германи-

ей. Требовалось «мобилизовать» народные массы для борьбы с нацизмом, убедить общественность в том, что «щупальца гитлеровского спрута» дотянулись и до берегов Америки. Имена новых руководителей нацистских спецслужб, если они и были известны, ничего широкой публике не говорили. Другое дело полковник Николай, возглавлявший немецкую разведывательную службу еще в Первую мировую войну и прославившийся книгой «Тайные силы», переведенной и на английский язык. Его имя было у всех на слуху. Если все было так, то мишень американцы выбрали точно.

Дело, как говорится, было сделано. И это бы ничего. Мало ли каких небылиц не появлялось в литературе о шпионах. Но тут претендующая на истину брошюрка «ударила» слишком сильно. Тюрьма на Лубянке стала на долгое время «пристанищем» ни в чем не повинному человеку. Три дочери лишились отца, девять внуков и внучек — деда, правнук — прадеда. Полковник Николай оказался одним из самых пожилых военнопленных в истории войн. «Ас» мирового шпионажа, имя которого у одних вызывало почтение, а у других трепет, не совершивший за свою жизнь никаких преступлений, вдруг попал за решетку.

Непросто далась полковнику Николай несправедливая неволя. Решение покончить с собой в наиболее трудные дни свидетельствовало о том, что отставной прусский полковник дошел до крайней точки.

Была, однако, и другая сторона этой удивительной истории. Судьба уберегла руководителя разведки кайзера от сотрудничества с нацистами. Она сотворила и все остальное. Без измышлений Рисса не было бы продолжения, которое привело Николаи в Россию. Он просто-таки должен был оказаться в России, чтобы избавиться от навета. Здесь ему суждено было написать свою последнюю книгу — своего рода «завещание» потомкам — и выразить в ней то, к чему он пришел своей долгой и непростой жизнью.

**«Я НАЧИНАЮ СВОЮ РУКОПИСЬ 16 мая 1946 года
ПОСЛЕ ДЕСЯТИДНЕВНОГО ПРЕБЫВАНИЯ В ГОСПИТАЛЕ
В РЕЗУЛЬТАТЕ МОЕГО ПОЛНОГО УПАДКА СИЛ,
ЗАВЕРШИВШЕГО ВОСЬМИМЕСЯЧНЫЙ АРЕСТ»**

Итак, чаша весов после допросов руководителей немецкой разведки и контрразведки генерала Ганса Пиккенброка, полковника Эрвина Штольца и генерала Франца Бентевеньи окончательно склонилась в пользу Николаи. Узник Лубянской тюрьмы из Тюрингии оказался чист как стеклышко. Злополучную книгу «Тотальный шпионаж» сдали в библиотеку (теперь библиотека Федеральной службы безопасности России), где ее хранят как реликвию, напоминающую о том, какую драматическую роль она сыграла в судьбе начальника разведывательной службы германского генерального штаба периода Первой мировой войны. Именно с этого экземпляра были сделаны перепечатки в оперативное дело «Н-21152», и авторы пользовались им же. Досье «Оберст», оказавшееся правдивым (и это следует подчеркнуть особо, ибо оно внесло свою лепту в объективность расследования, подтвердив непричастность руководителя шпионажа Вильгельма II к преступлениям нацистов), сдали в архив.

В один из апрельских дней 1946 года в камеру, где в одиночестве томился «военнопленный немец» Николаи Вальтер Германович, как он проходил по документам контрразведки, принесли на завтрак молоко, яйца, сливочное масло, сахар и белый хлеб. Николаи не поверил своим глазам. Он понял, что в его жизни начинаются перемены к лучшему. Это было так.

В «Н-21152» имеется документ:

**«Министру государственной безопасности Союза ССР
генерал-полковнику Абакумову**

РАПОРТ

Докладываю, что в соответствии с указанием товарища Меркулова бывший начальник разведки генерального штаба германской армии полковник в отставке Николаи Вальтер Германович 25 апреля 1946 года помещен на изолированную

дачу в подмосковном поселке Серебряный бор. Взял под круглосуточное наблюдение негласной вахтерской охраной из четырех человек и снабжен всем необходимым для собственноручного изложения своего многолетнего опыта в разведывательной работе.

После непродолжительной болезни и отдыха Николай В.Г. приступил 13 мая т.г. к работе. В беседе с нашим сотрудником сообщил, что к 1 сентября т.г. он намерен представить МГБ СССР свою рукопись со следующими разделами:

1. Мой путь к разведке и в разведке.
 2. Наследие и опыт немецкой службы разведки и контрразведки 1900—1914 гг.
 3. Опыт тотальной разведки и контрразведки в связи с прессой и пропагандой в Первой мировой войне.
 4. Военное руководство службой разведки и контрразведки и противодействующие ему внутрисполитические, а равно и международные силы (буржуазия, Ватикан, финансовые меры и другое).
 5. Оценка немецкой службы разведки и пропаганды.
 6. О службе разведки и контрразведки будущего:
 - а) задачи
 - б) советы
- на основе опыта Первой мировой войны в части организации.

По заявлению Николай, материалы будут представляться четырьмя частями в конце каждого месяца.

Начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР

генерал-лейтенант Влодзимирский».

Генерал Влодзимирский, как и полковник Шварцман, был расстрелян в 1953 году за нарушение социалистической законности, но, конечно, не в связи с «делом полковника Николай».

Из одиночной камеры Лубянской тюрьмы Николай был переведен на спецобъект советской контрразведки на берегу Москвы-реки в сосновой роще в Серебряном бору. Место исключительно красивое, тихое, уютное. Бывшего руководителя германской разведки обеспечили, как он и просил, немецкой пишущей машинкой, немецко-русским словарем и бумагой.

Николаи засел за работу.

Как в 1919 году, спустя год после окончания Первой мировой войны, так и теперь, спустя год после конца Второй, бывший глава разведки взялся за рукопись. Как и прежние работы, она не содержала сенсаций о «шпионских похождениях». Николаи был далек от увлечения детективным жанром, который он, по его же замечанию, не признавал заслуживающим внимания чтивом. Не этого от него ждали и те, кому он предложил свои, как оказалось, последние записи. Наряду с эпизодами личной жизни рукопись содержала немало моментов, которых не было в его прежних публикациях. Было в ней и то, что в других условиях он бы не написал никогда.

Полковнику Николаи исполнилось сорок семь лет, когда вышла его первая книга «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне». Вторую, «Тайные силы», он создал в сорок девять. Рукопись третьей, неизданной, «Военный дневник 1914—1918», бывший глава германской разведслужбы закончил, когда ему исполнилось семьдесят. И вот четвертую, «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт», он завершил в канун своего семидесятитрехлетия. От первых книг его отделял почти двадцатилетний межвоенный период, шесть лет новой мировой войны и около года заключения в советской спецтюрьме. Прошло более четверти века, как вышли книги, принесшие ему мировую славу.

Теперь Германия лежала в руинах. Это его родина снова повержена после очередной военной схватки. Полный крах надежд и иллюзий, с которыми он прожил долгие годы. Предстояло осмыслить прошлое в условиях плена и под надзором вражеской контрразведки.

Какая гадалка могла нагадать ему такое!

Его записи, создаваемые под «патронажем» госбезопасности, никогда не увидят свет, их прочтет лишь «узкий круг высоких, авторитетных и решающих лиц», а может, не прочтет никто, кроме следователей, приезжавших в Серебряный бор за написанным. Осознание происшедшей с Германией новой катастрофы двигало Вальтером Николаи в его неожиданном порыве. Не окажись он в плену в России, он никогда бы не создал этого повествования. Осмысливая свою жизнь, глава разведки Вильгельма II исполнил то, что было предписано ему самой судьбой.

Предваряет рукопись вступление, которое передает настроение отставного кайзеровского полковника в те дни, когда он после всего случившегося с ним и с его родиной приступил к работе:

«Я начинаю свою рукопись 16 мая 1946 года после десятидневного пребывания в госпитале в результате моего полного упадка сил, завершившего восьмимесячный арест. Последние шесть с половиной месяцев этого ареста — тюремное заключение.

Я немец. Как немец я должен разговаривать и как немец быть понят.

Повторившееся поражение моего народа и его положение побежденного глубоко взволновало меня, человека с большим прошлым и богатой переживаниями жизнью. Для меня тяжела и судьба моей родины, и моего ближайшего домашнего окружения, от которого я так неожиданно оказался отрезанным. Нахождение под арестом в моем возрасте истощает мои физические силы, а одиночество, полнейшая изоляция от внешнего мира и событий парализуют и мой дух. Я нахожусь в сомнении относительно исполнения моего желания и в страхе по поводу того, что могу дать меньше, чем от меня ожидают, могу попасть под подозрение из-за моей открытой готовности предоставить данное изложение.

Обдумывание в одиночестве возможности справиться с тем, что я готов делать, будучи уже надломленным человеком, заставляет сказать, что моя способность к необходимой духовной концентрации почти целиком исчерпана. Однако я все же приступаю к данной рукописи после отмены тюремного заключения и обещанной мне перспективы на связь с родиной и уменьшения, таким образом, моих забот о ней, хотя полной свободы и восстановления моих духовных сил (физически же это означает большие лишения, которые я охотно перенесу ради моего народа) мне еще не обеспечивается.

Непреклонным является и после восьмимесячного заключения мое мнение, что огромные разногласия, вызванные двумя мировыми войнами, выдвинувшими Россию на передовое место, объединяют русский и немецкий народы. Исходя из этого, я и пытаюсь собрать остатки сил, дать все возможное, надеясь этой работой поднять и свой дух.

Поводом для моего ареста послужило следующее:

1. Не верили, что я как шеф разведки немецкого генерального штаба перед и во время Первой мировой войны в работе с агентами не давал им конкретных заданий.

2. Неправдоподобным считали тот факт, что после Первой мировой войны, в 1933 году и во время Второй мировой войны я не был связан с разведкой.

3. Не верили, что с конца Первой мировой войны я не выполнял никаких особых заданий, направленных против России.

4. На основании этого делался вывод, что я скрываю свою практическую деятельность и пытаюсь укрепить разведку.

Я был прав, а допросы оставались безрезультатными и растрачивали время и мои силы».

Дальше шли небольшие и более объемные главы, первую из которых Николаи назвал «Мой путь к разведке». Она интересна тем, что позволяет узнать родословную Вальтера Николаи, его «корни», о чем он даже не упоминал в изданных им книгах и что, конечно, позволяет заглянуть в тот «уголок» его биографии, из которого он шагнул в этот мир, чтобы выполнить предназначенную ему миссию:

«Моими предками является протестантское духовенство. Первый из них, носивший мою фамилию, был современником Лютера, изгнанным в период реформации из Унна — Вестфалия в Гамбург, где он и поселился под фамилией Николаи.

Один из моих сородичей был ученым естествознания, двое — юристами.

Отец же офицер, единственный среди родных. Ввиду того, что сын мой умер рано, а мой единственный брат бездетный, братья моего отца умерли бездетными, я являюсь последним и единственным отпрыском своего рода.

Моя мать из крестьянской среды плодородной Магдебургской провинции.

Я же родился в Брауншвейге 1 августа 1873 года, в городе, являвшемся тогда резиденцией последнего герцога английского королевского двора. Мой отец служил сначала адъютантом в полку, а затем командиром роты. Он умер, когда мне было три года. По словам матери, я унаследовал черты отца. Стремление к наживе — чуждо мне. Мы жили на средства

матери, получавшей вдовью пенсию в размере 800 марок, то есть 16 марок в неделю. Желание отца направить меня учиться не осуществилось. В 14 лет я стал кадетом. Как сын офицера я платил только 90 марок. При спартанском образе жизни мало уделялось внимания образованию, а больше характерному обучению. Я чувствовал себя настроенным ближе к бедному востоку, чем к богатому западу. На востоке началось тогда для меня оформление слова «Пруссия». Я с гордостью называл себя «пруссиком» кадетом.

После экзаменов я, восемнадцатилетний мальчик, был зачислен в категорию унтер-офицеров, которых еще на один год оставляли в училище, а затем офицерами передавали армии. Так я, девятнадцатилетний юноша, без отца, без протекции, не дворянин, без состояния, в марте 1893 года был произведен в лейтенанты в университетском городке Геттингене. Мой оклад составлял тогда 75 марок в месяц. Через три года я стал адъютантом и оказался на временной работе в офицерском корпусе. Моя судьба не является единичной судьбой. Моя судьба — это судьба гордой бедноты.

Я женился в 1900 году, когда меня призвали в военную академию в Берлине. Как лейтенант я получал уже ежемесячно 250 марок. Мы не имели, таким образом, тогда материальных затруднений. Моя жена со стороны матери была очень зажиточной женщиной. Мы узнали об этом, правда, только после смерти ее родителей после Первой мировой войны, когда в результате инфляции исчезло почти все состояние семьи.

В Берлине старшая сестра моей жены была замужем за офицером гвардии, изгнанным из Франции за свои убеждения гугенота. Среди родных моей жены были люди дворянского происхождения, состоявшие на высоких государственных постах. Мы смотрели в лицо этому новому для нас, но чуждому своим существом миру.

Как офицер я мог быть часто при дворе. Моя жена же оставалась всегда лишь женой полковника. Я и сам никогда не был при дворе, хотя и был до последнего дыхания предан королю. Я не пожелал стать «царедворцем». После трехлетней подготовки и экзаменов в военной академии меня направили на работу в генеральный штаб. Так, в 1904 году старшим лейтенантом я оказался в генеральном штабе. Выдержав экзамен переводчика русского языка, я был причислен к

первому русскому отделу генерального штаба. Это было в период русско-японской войны. Меня обязали тогда изучить и японский язык. В Берлине мы общались с японцами, возвращавшимися из русского плена на родину и задержавшимися из-за болезни в Германии. Японцы не вызвали у меня симпатии. Ничто не казалось мне фальшивее японцев, называемых тогда «пруссаками Дальнего Востока».

Война уже окончилась, когда я в 1906 году сдал экзамен японского языка. Мои знания не были, таким образом, применены на деле. Начальник моего отдела полковник фон Лаценштейн, впоследствии немецкий военный представитель в Петербурге, заявил мне однажды, что один из офицеров генерального штаба должен быть определен в службу разведки против России, открыто вооружавшейся тогда против Германии, в то время как немецкая разведка отказывалась от этого. Он спросил, готов ли я принять на себя эту миссию. Я ничего не слышал тогда о разведке. Я видел в ней только шпионаж. А в шпионаже мне виделось нечто неблагородное, не совместимое с моими понятиями, понятиями офицера. Я потребовал время на обдумывание, на что мне предоставили 24 часа. После глубокой внутренней борьбы я пришел к убеждению, что, как солдат, я не должен отказываться от доверенного мне поручения, но что я организую это дело на свой лад, самостоятельно, что мне и было обещано. С таким условием я принял это предложение».

Николай вступил на поприще разведывательной деятельности, как это отмечает он сам, под руководством дальновидного и одаренного большими человеческими достоинствами генерал-фельдмаршала фон Гольц-паши. Ему и начальнику генерального штаба он благодарен за то, что ему была предоставлена полная свобода в выполнении поставленных перед ним задач, и эти военачальники оказали юному генштабисту «необходимую помощь и поддержку».

«Очень трудно мне, молодому старшему лейтенанту, было найти правильный путь в среде офицеров разведки моего округа. В большинстве — майоры, без представления о России, без знания русского языка, без всякого опыта работы в генеральном штабе, но добросовестно и честно пытались они выполнять задачи, для решения которых не всегда были способны».

И дальше:

«Я способствовал устранению с постов непригодных к делу офицеров разведки, очищая таким образом ряды «агентов» от всех обманных элементов».

В 1910 году Николаи оказался в Эрфурте в должности командира роты:

«То были два счастливейших года солдатской жизни... Ввиду серьезности задач, поставленных передо мной, я отказывался от некоторых молодежных развлечений, но молодым я оставался и тогда. Меня называли «капитаном с сердцем лейтенанта». Это привело многих «добровольцев» ко мне в часть (так называли себя сыновья из порядочных семей, сами выбиравшие себе часть). Таким образом, я при распределении рекрутов получал таких, которые имели какие-либо затруднения в образовании. Это были самые беднейшие. Они ближе всего стояли ко мне. Они же были у меня и лучшими солдатами.

В 1911 году две роты резервистов были созданы на четырнадцатидневные маневры. Одну из них поручили мне. В нее вошли отмеченные красным карандашом социал-демократы, среди них были и унтер-офицеры. Четырнадцать дней мы несли суровую воинскую службу. Я ни разу не прибегал к взысканиям. На заключительном смотре, на котором присутствовало и высшее командование, эта рота была в числе лучших. Выступивший тогда фельдфебель преподнес мне шпагу с монограммой: «Рота ополчения своему капитану». Я принял этот подарок и с гордостью носил шпагу до конца моей воинской службы. Она висела затем над моим письменным столом, а во время оккупации была отобранана одним американским офицером. За всю свою солдатскую жизнь я получил много орденов, но не носил их никогда. А эту шпагу хранил как самый лучший орден».

Вальтер Николаи был возведен в ранг «майора» генерального штаба осенью 1912 года, а в начале 1913 года назначен начальником службы разведки.

«Моя деятельность в качестве начальника разведки перед Первой мировой войной характеризуется вхождением в суть всех моих задач и изысканием необходимых улучшений старых методов...

Своей заслугой как начальника разведки в мировую войну я считаю тот факт, что эту войну уже в момент ее объяв-

ления я рассматривал как тотальную и мировую, а место начальника разведки определил рядом с военным командованием, а не среди агентов. Я создал организацию самостоятельного действия — способный, строгий и наблюдательный орган. Я руководил этой организацией, как шеф разведки управлял этим важнейшим участком работы, а не только приказывал и критиковал».

Глава «Мой путь в разведке 1906—1918 гг.» очень короткая. Здесь, пожалуй, более всего привлекают наблюдения о его непосредственных начальниках, с которыми Николай был близок, несмотря на разницу в возрасте и служебном положении:

«До осени 1914 года генерал-полковник Мольтке был начальником Главного генерального штаба. Его много критиковали. Он не был врагом русского народа. Это был дальновидный, честный человек, которого поэтому и оставили на своем посту в момент объявления войны, хотя он и был слаб здоровьем. Он открыто смотрел на войну, но был очень болен и благодарил меня за то, что я разгрузил его. Он выразил мне полное доверие и предоставил свободу действий. Умер он на посту заместителя начальника генерального штаба.

Его последователем был молодой военный министр Фалькенгайн. Разбирающийся во внутривойсковых вопросах, опытный в вопросах международной политики, он одобрил мои предложения по работе и был моим учителем. Он видел в Англии главного противника и старался ослабить силу врага путем предотвращения вмешательства Америки в войну. Когда в конце августа 1916 года он был смещен из-за создавшегося угрожающего военного положения, последними его словами при расставании со мной были: «Ну, война проиграна».

О Гинденбурге и Людендорфе тоже нельзя говорить как о врагах русских. Победу над русской армией они рассматривали как выполнение данного им задания, когда осенью 1914 года они возглавили командование Восточного фронта».

В этом повествовании многое уже сказано о послевоенной судьбе Вальтера Николаи. В рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» о том времени он написал так: «Военный министр революционного правительства генерал Рейнгард просил не реагировать на атаки, направленные про-

тив меня, и предложил из политических соображений покинуть Берлин. И личный врач рекомендовал мне сменить местожительство ввиду сильно надорванных за время войны сил. Он советовал поселиться в горной местности. Я отправился в Айзенах, в тюрингские леса.

Гинденбург и Людендорф считались с моими высказываниями перед тем, как предстать перед следственной комиссией рейхстага. Людендорф просил меня выступить после них. Мое же возражение было таково: я должен высказываться, когда мне потребуется это. Я не был приглашен на комиссию. Высшее командование (в Гольберге) опасалось квалификации меня как военного преступника. Оно предлагало мне в согласовании с правительством поддержку в моем бегстве в любую нейтральную страну... Я отклонил это предложение, хотя в немецкой и заграничной печати началась кампания травли против меня, стремление «затушевать» мою роль в войне, создать мнение, что Германия проиграла войну и по моей вине.

Мне было предоставлено право реагировать на это. В 1920 году вышла написанная мною книга «Разведка, пресса и дух народа в мировой войне».

А вот что он написал об издании «Тайных сил»:

«С такими обвинениями я прожил в Айзенахе три тяжелых года. Могло быть, что эти обвинения и были справедливы. Мне, начальнику разведки, отказали в последнем слове по этому вопросу. Особенно в том, что касалось принципиальных решений, которые я брал на себя, о чем докладывал Людендорфу. И только в 1921 году, когда мне сообщили, что данные разведки о силе американских соединений оказались верными, я посчитал для себя возможным вернуться в Берлин для получения новых заданий. Там я встретил своего французского противника генерала Дюпона, бывшего в то время главой Контрольной комиссии. Я понимал, что означали бесконечно продолжавшиеся тогда шпионаж и пропаганда против Германии. Как предостережение от этого я написал выпущенную в свет в 1923 году книгу «Тайные силы».

Понятное для прошедшего допросы пленного резюме:

«Обе мои книги носили тенденциозный характер. Деловая часть этих записок должна по возможности устранить

эту тенденциозность. Этими двумя книгами я провел определенную грань в своей разведывательной деятельности. И это будет понятно, если учесть мой большой жизненный путь и то, что невозможно было подчинить меня идущим вразрез с моими убеждениями понятиям. Точно так же ясно, что я не занимался какими-либо авантюрными, фантастическими проектами и что я достаточно разделял судьбу немецкого народа, не стремясь повлиять безнадежными попытками на судьбу русского народа».

Совсем мало полковник Николаи написал о Второй мировой войне, в которой он уже не участвовал:

«Таинственный» полковник, подозреваемый в разведке, стал для многих еще более таинственным и подозрительным своим одиночеством. Не беспокоясь об этом, я шел своим путем.

Обеспокоенный начавшейся в 1939 году войной, я перенес место своей работы в Нордхаузен, поблизости от своих детей.

Весной 1944 года ввиду усиливавшихся моих забот была предпринята попытка обеспечить мне работу в близлежащем от Нордхаузена университетском городке Геттингене, с которым меня связывало много личных моментов еще того периода, когда я был лейтенантом. Эта работа должна была дать мне возможность отвлечься духовно, так как Нордхаузен не давал мне этого.

Разочарованный я вернулся домой в Нордхаузен осенью 1944 года».

Пытаясь разобраться в сути «конфликтов», которые произошли в 1914—1918 и 1941—1945 годах, Вальтер Николаи усматривает их в натравливании одного народа на другой. Он глубоко сожалеет о том, что немецкий и русский народы были противниками в двух мировых войнах вместо того, чтобы «бороться сообща». Он называет Россию и Германию «социально-революционными странами» в сравнении с остальным «капиталистическим» миром. Истинные виновники того, что наши народы вступили в смертельную схватку друг с другом, по мнению бывшего главы германской разведки, остались в тени.

Вот оценка Вальтера Николаи происшедшей катастрофы: «Вторая мировая война закончена. Германия побеждена и разрушена.

Этим капиталистические страны достигли цели, которой они не достигли в Первой мировой войне. Это для них некоторая победа. Вместо двух социально-революционных стран они теперь должны бояться только одной — России. Но зато в настоящее время недостает силы, которая могла быть разыграна на месте Германии против России».

И восклицает:

«Разве мир будет обеспечен тем, что «нарушитель мира» Германия свергнута, а творческая сила германского народа должна быть разрушена?!»

Николай оценивает и положение России:

«Россия распространила свое влияние далеко на Запад. Это результат участия России в победе. Но и ее ценность ограничена. Приобретенные в результате прорыва в Германию страны и народы как будто являются территориально и внешне приростом в силе. Однако испокон веков слабые, в результате чего в течение долгого времени бросавшиеся в разные стороны, ослабленные еще больше из-за обеих мировых войн, они могут привести к опасности расчленения России, у которой они берут больше сил, чем укрепляют ее».

Он пытается увидеть завтрашний день:

«Независимо от всего, колоссальной проблемой будущего является то, что американские войска во второй раз вступили на европейскую почву, а совместно с английскими в первый раз — вопреки действительной до сих пор «доктрине Монро» — война привела их на восточно-азиатскую почву. Все получилось по старинному дипломатическому канону: «Постоянно думать об этом, никогда не говорить об этом!»

Под конец войны меня неоднократно спрашивали (также и американские офицеры): «Когда начнется Третья мировая война?» Я полагаю, что ее не хотят ни капиталистические страны, ни Россия. Господствует состояние, которого хотел в 1917 году Троцкий: «Ни войны, ни мира!» Это было тогда невозможно. Передышка в этой форме будет и теперь только до тех пор, пока не станет ясно, возможна ли победа без войны. Первичным является революция. Сначала капиталистические страны попробуют стать господином революции силой оружия, которым владеют только они: деньгами. Война — вторична. Так было во всех крупных войнах, характеризующих эпоху. Так будет и в новой эпохе...

Я полагаю, что эта опасность грозит не из Европы, а с Дальнего Востока, но из-за этого Третья мировая война не потеряет для России характера войны на два фронта. Стратегическое положение в данном случае будет трудным для России».

«Если дело дойдет до Третьей мировой войны, то она будет проникнута (с обеих сторон) мыслями об уничтожении... Орудия молчат. Борьба ведется другими средствами. Театром военных действий является не только Россия, не один только враг стоит против нее. Весь мир является театром борьбы».

Основное место в рукописи Вальтера Николаи, как и в вышедших книгах, занимают мысли о разведке. Он продолжает развивать тему, которую начал еще в 1920 году. Мысли о разведке сопровождают его на протяжении всей жизни. И после того, как увидели свет его работы, он пребывает в размышлениях только об одном: «Я остался в мире идей разведслужбы».

Вот лишь некоторые извлечения из рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Своей рукописи я предпослал выражение, заимствованное у английской разведки: «Разведка — это искусство!»

«По своему опыту знаю, что в разведке, о которой я говорил как об искусстве, точно так же, как и в стратегии, простое и само собой разумеющееся является наиболее трудным, на чем чаще всего и спотыкаются. Когда я говорю о разведке и контрразведке как об искусстве, то меньше всего хочу представить это «чистым» искусством или чем-то более «таинственным», чем есть на самом деле. По разведке нет учебника или для всех случаев одной установленной схемы...»

«Нельзя верить каждому сообщению. Всестороннее сообщение по одному и тому же вопросу предохраняет от заблуждений. Полезно также знать циркулирующие слухи даже при условии, что ты им не веришь».

«Лучше не иметь никакой информации, чем ненадежную».

«Нет ничего опасней бесконтрольной, неруководимой разведслужбы! Опасность в том, что чужое, если даже не вражеское влияние вступит на место собственного господства в разведслужбе... Исходя из этого, я бы потребовал, учитывая недостатки прошлого, следующее: разведслужба (контр-

разведка) должна быть самостоятельной и на равных правах с другими инстанциями государственного руководства. Это такое же министерство, как министерство внешних и внутренних дел. (Английская «Интеллидженс сервис» держит руководство в своих руках.)»

«Только таким образом можно ручаться, что разведслужба и контрразведка не станут в полумраке поисков зажиточной жизни опасными для народа и государства и игральным мячом для вражеской разведслужбы (через пропаганду). Разведслужба (в самом широком объеме) имеет также свою культуру. Она должна быть возвращена руководством. Это не нанесет вреда ее действенной силе, но будет способствовать ее внутреннему укреплению и надежности. Я следовал этому намерению с самого начала и до конца моей деятельности в разведслужбе. Оно в основном принесло успех».

«Разведслужбу нужно резко отделять от задач других государственных инстанций (министерств: внешнего, внутреннего, хозяйственного, пропаганды, военного и морского). Их нужно освободить от разведки, имеющей свои собственные законы и могущей преуспевать долгое время только при едином, знающем свое дело руководстве, которое и должно стать таковым. Разногласия в споре о разведке, которыми попытаются задушить ее развитие, необходимо предотвращать. От всего партийно-политического необходимо строго отделить разведку. Разведка должна быть разведкой, и только».

«Разведка — не политика. Ее не должна затрагивать перемена политики, смена системы правления, даже революция. Истина, которую она выявляет и для выявления которой искала подходящие для ее страны пути и методы, нашла их, организовала и испытала, не меняется в результате внутривнутриполитических событий. Она сохраняет по меньшей мере об окружающем одинаковое значение для каждого властелина».

«Опыт показывает, что разведка должна подчиняться главе государства даже в мирное время».

«Если моя оценка положения в основном правильна, то сказанного вполне достаточно, чтобы признать, какие большие, новые, быть может, охватывающие целое столетие задачи стоят перед разведкой (и тем самым перед контрразведкой) после Второй мировой войны. Их нельзя разрешить только шпионажем и поимкой шпионов».

Подчеркнуто Николаи особо:

«Хорошая разведслужба является лучшей обороной».

О начальнике разведки:

«Я излагаю здесь мой опыт не для того, чтобы чваниться этим как личной заслугой. Я хочу лишь подчеркнуть высочайшую задачу, высочайшее влияние, высочайшую ответственность разведслужбы. Есть разница в задачах от шпиона до начальника разведслужбы. Поэтому я так часто заявлял, что начальник разведслужбы не шпион, он является руководителем, вождем».

«Шеф разведслужбы должен знать собственную задачу и уметь ее выполнять. У него должно быть право лично докладывать руководящему государственному деятелю, в чем я видел мои задачи во время Первой мировой войны».

«Я считаю, что начальник разведки должен любить правду. Если он уверен, что эта правда соответствует действительности, то он должен иметь смелость, это его долг, доложить обо всем своему единственному, самому высокому начальнику — главе государства. Я подразумеваю смелость двух видов: во-первых, он не должен страшиться того, что это повредит ему лично, и, во-вторых, он не должен бояться взять на себя ответственность».

«Даже при самом строгом руководстве не должно быть места страху. Именно в разведке это было бы роковым».

«Помимо причин особого порядка, вытекающих из своеобразия моей работы, я считаю, что ни один начальник разведки, если он хочет быть таковым, особенно когда война разворачивается на нескольких фронтах, не должен лично работать со шпионами и агентами».

«Благодаря тому, что мне приходилось многое видеть, мой взгляд на вещи становился все более трезвым, а это для начальника разведки очень полезно. Он не должен терять своих идеалов, но перепроверка их на основе фактов не повредит».

«Как шеф разведки и контрразведки я вычеркнул из своего политического словаря понятия «друзья», «союзники», «нейтральный», «враги». С полным основанием (к сожалению, только к концу войны) я пришел к формулировке «мы» и «остальные». Для других понятий меньше всего места в разведке и контрразведке. Чем больше число союзников и

чем ближе они расположены, тем быстрее проникают вражеская разведка и пропаганда».

«Когда во время одной поездки на фронт я сообщил о себе моему офицеру разведки, он встретил меня словами, что командующий армией генерал Белов просит меня к столу, но он уже начал обедать, так как сразу после обеда хочет поехать в войска.

Я вошел в столовую, он принял меня, извинился, попросил сесть около себя и спросил при офицерах всего штаба: «Расскажите нам теперь, что нового». Я ответил, что еще не слышал сегодняшней оперативной сводки. Он уточнил, намерен ли я придерживаться сообщений в рамках оперативной сводки. Я подтвердил это, невольно подумав, что он обидится на меня за это. Но Белов похлопал меня по плечу и сказал: «Браво, господин майор!» Эта похвала укрепила меня на моем пути начальника разведки.

Еще я хочу указать на то, что иногда бывает трудно сказать руководителю правду. Начальник разведки может ввести себя этим в немилость, как и всю разведслужбу. Гораздо легче собирать похвалы и делать себе этим приятное. Но это преступление, которое угрожает каждому руководителю, что я, к сожалению, часто наблюдал...»

О будущем начальнике разведки:

«Для выбора нового начальника разведслужбы я требовал бы, чтобы им был лучше всего офицер генерального штаба вне зависимости от ранга, одаренный организатор, молодой (приблизительно 40 лет), по возможности обладающий знанием света, языков и людей, искренний, без личного честолюбия, способный разбираться во взаимоотношениях, спокойный, осмотрительный, исключительно энергичный».

Об английской разведке:

«Небольшая шпионская сеть, прошедшая столетнюю школу разведывательной деятельности».

Французский шпионаж:

«Широко разветвленный. Несмотря на стремление к реваншу, сознание собственной слабости и боязни войны с соседями, чисто военный шпионаж. Плохо организованная разведка».

В Америке тех давних лет:

«Шпионаж отсутствует, а также нет сколько-нибудь организованной разведки на территории Европы. Благодаря своему географическому положению и своей материальной мощи Америка в состоянии выжидать события издалека. В случае необходимости она может завербовать шпионов из имеющихся в достаточном количестве бесстрашных элементов. Обладая достаточным запасом понимающих конъюнктуру данного периода людей и соответственно связями, Америка может получить нужные для разведки данные, не связывая себя наличием какой-либо крупной организации. Это чисто практический подход к делу именно в американском стиле».

Разведка после 1934 года:

«Я не только не осведомлен о моей отрасли работы, которой я занимался во время Первой мировой войны, но и вообще о событиях, происшедших после 1934 года, во всяком случае это не то, что я под этим понимаю. Следовательно, я не имею права суждения. Особенно о том, как дошло дело до Второй мировой войны. Для этого я прежде всего должен был бы знать больше о вражеской стороне.

Не могу судить также и о ходе Второй мировой войны. Но я не способен представить, чтобы разведслужба не приобрела ясности о вражеских силах на Западе и Востоке.

После Сталинграда я слышал упреки, направленные в адрес разведслужбы, также и по поводу изменений в ее руководстве. Сам я об этом ничего не знаю».

О немецких агентах в США:

«Что касается деятельности германских агентов в Америке, то начальник отдела III Б этим не занимался. Если такого рода деятельность и установлена, то это добровольная инициатива находившихся в Америке немцев. Сведения, получаемые из такого рода источников, могут оказаться полезными, но в общем разведка, работающая без руководства, опасна и может стать каналом дезинформации».

В Италии:

«Секретная разведка против Италии работала хорошо, и ею легко было заниматься».

Союзники:

«В течение всей Первой мировой войны американский посланник в Софии являлся центром беспрепятственной разведывательной деятельности и пропаганды против Герма-

нии. Распавшаяся Австрия превратилась в проходную страну и базу для разведки и пропаганды врага настолько опасную, что я вынужден был всеми силами и имевшимися тогда средствами создавать препятствия на австрийско-германской границе, правда, дело это все равно было обречено на неудачу.

В обеих мировых войнах Германия не только была ослаблена союзниками, но они неоднократно причиняли ей вред. Мой опыт поэтому позволяет мне особенно на долгий срок предостерегать от союзников.

Для Англии и Франции дело обстоит иначе».

«Я нашел двух настоящих друзей Германии. Своего врага они видели друг в друге. Их разведка, а вследствие этого и контрразведка ограничились почти исключительно работой друг против друга, но тем сильнее и успешнее. Лучшую информацию я мог получить в Вене об Италии и в Риме об Австро-Венгрии. Немного изменилось, когда в войну вступили Болгария и Турция».

О секретах:

«В войне секретно все и ничего. То, что в мирное время охраняется как «военная тайна» (стратегическое сосредоточение и развертывание армий, новое вооружение и военные средства), становится видимым для всех во время войны. Длящуюся месяцами подготовку больших военных операций, перевозку войск с одного фронта на другой через промежуточную страну, через Германию и т.д. нельзя удержать в «секрете». Войну нельзя вести, «выключив общественное мнение».

Самая большая тайна:

«Нейтральных военных атташе я не считал шпионами и не расспрашивал как шпионов. Как солдат я толковал слово «нейтральный» как «товарищеский», не доверяя ему, конечно, слепо... Каждое сообщение или приглашение, общее или отдельное, к кайзеру или в военную инстанцию происходило только в моем сопровождении с тем, чтобы я мог все наблюдать... Нейтральные представительства заслуживают особого внимания контрразведки, так как они, естественно, имеют не то значение, которое я придавал квартире атташе. Их постоянным желанием было, чтобы их придали какому-либо войсковому подразделению на фронте, благо наша военная тайна от этого не пострадает, а они хотят только по-

знакомится с духом германских войск. Официально этого нельзя было допустить из-за возможной для них опасности. Я вышел из положения, заявив, что дух войск является самой большой тайной армии и величайшей военной тайной каждого народа».

О контрразведке:

«В одной из двух моих книг, насколько могу припомнить, я изложил свой опыт работы в контрразведке во время Первой мировой войны в следующем предложении: «До войны контрразведка была делом полиции, война вручила ее в руки государства, будущее вручит ее в руки народа».

Это не значит, что каждый должен заняться ловлей шпионов. Наоборот! Я считаю тот народ находящимся в опасности, который поражен ядом шпионобоязни. Это разрушает сообщество, вселяет страх, недоверие, поощряет доносчиков, не борется, а способствует развитию и других вредных явлений, создает условия, при которых никто не рад больше собственной жизни. Это открывает также путь влиянию иностранных держав. Таким образом, было возможно использовать унаследованную от царского полицейского государства с его «охранкой» чувствительную для каждого иностранца ярко выраженную шпионобоязнь в России, направить ее на соседа — ближе всех находящуюся Германию — и тем самым посеять ненависть между русским и германским народами.

Не увеличил ли я сам своей второй книгой «Тайные силы» шпионобоязнь?

Нет, во всяком случае я этого не хотел. Я хотел предостеречь и предостеречь от «предательства страны», то есть от всего, что произрастает в собственных рядах навстречу врагу. Это означало прежде всего также и контрразведку в организации «нач. III Б». Это мой совет на сегодня и на будущее. Борьба контрразведки против внешнего врага сохраняет свое полное значение. И разведка, и контрразведка одинаково необходимы. Одна без другой являются половиной — бесцельной и безрезультатной».

«В Германии не существовало преувеличенной шпионобоязни. Но ее вызвали к жизни. Приблизительно 2 августа (1914 г.) возникли слухи о том, что якобы большое количество автомобилей с золотом и шпионами проехало через Германию. Вспыхнула шпионопаника, приведшая к пере-

стрелке (один ответственный сотрудник правительства и один офицер были убиты). Результатом всего этого стало нарушение движения на дорогах, что мешало проведению мобилизации. Так как слухи возникали одновременно в далеко друг от друга расположенных местах, то они несомненно были орудием вражеской пропаганды. Мысль о том, чтобы таким путем затянуть германскую мобилизацию, подготавливавшуюся для выступления против русских, была неплоха. По приказу Мольтке я должен был очень энергично вмешаться, чтобы предотвратить это».

«Необходимо наблюдение за всем в целом, чтобы ни одна инстанция не зевала, чтоб нигде не злоупотребляли полицейской силой и не приносили в чрезмерном усердии больше вреда, чем пользы».

Пропаганда, пресса и дух народа:

«Пропаганда стала новым средством борьбы. Германия не была к этому подготовлена. Но и контрразведка не была подготовлена к этому политически и не была работоспособна. Здесь без ее вины был нанесен большой ущерб».

У меня нет оснований любить или хвалить Англию за ее действия по отношению к Германии. Объективно же я должен на основе полученного мною опыта в Первой мировой войне назвать ее пропаганду образцовой. Видна школа мировой державы, особенности ее политики: холодной и трезвой, твердой, как сталь, жесткой и эгоистичной.

Французская пропаганда казалась мне, наоборот, слишком темпераментной, в соответствии с национальным характером она ограничивалась ближайшими задачами, в ней господствовали помесь боязни и надежды на реванш. По сравнению с английской пропагандой она играла только подчиненную роль.

О собственно американской пропаганде я мало слышал. Америка лежала, как сфинкс, в тылу. Ее вступление в войну было для меня с момента вступления в войну Англии только вопросом времени, наиболее выгодного для Америки. Этим временем стало тяжелое положение Англии.

Вследствие этого, несмотря на кратковременное участие в войне, при совершенно незначительных жертвах, США оказались основными победителями. Вступление США в войну влияло само по себе в высшей степени пропагандист-

ски. В Германии говорили: «Теперь война проиграна». А в свете констатировали: «Кто же теперь осмелится признать Германию!» Путь для «мира» и Версаля был свободен.

О русской пропаганде ничего не было слышно до начала 1918 года.

Вся пропаганда была направлена с самого начала только против Германии. Она была направлена на свержение германской монархии».

О недостатках германской пропаганды:

«Я хочу еще упомянуть, что один известный тогда американский журналист мне сказал (перед вступлением Америки в войну), что германская пропаганда в США была неправильной с самого начала. Мы уделяем много внимания «коридору» и Польше, кроме того, в ней много географических названий. Чтобы возбудить интерес к этому, необходима хотя бы карта Европы, чтобы видели, как географически расположены друг к другу Германия, Польша и Данциг. Но и тогда это едва ли бы кого интересовало, как для меня было совершенно безразлично, если бы я услышал, что, например, С-т Луи должен быть присоединен к Мексике, а я не знаю, где С-т Луи находится. И в Америке не знают, где находится Данциг. Я мог только согласиться с ним.

Итак, это верно, что Вторая мировая война велась не из-за Польши и «коридора», как и Первая не велась из-за Сараева».

Наставления советской разведке:

«Здесь я, собственно говоря, должен кончить.

Все, что я требовал бы сегодня на основании моего опыта Первой империалистической войны, аналогично тому, что я требовал уже в 1918 году и что я требовал бы для Германии ныне.

Мои конкретные знания на этом исчерпываются.

То, что я могу еще посоветовать на основании моих знаний, относится к другому времени и чужой территории, которую я не знаю и поэтому не могу судить, годится ли это для нее...

Я понимаю, что то, на что я имею право, исчерпано, и если я, несмотря на это, еще что-то скажу, то это будет не чем иным, а только личным на основании моих переживаний рассуждением, возможно, интересным.

Как бы я разрешил задачи организации русской разведслужбы на длительное мирное время — не имея понятия о существующем и предполагаемом — на основании моих знаний во время Первой мировой войны и моих впечатлений о германской разведслужбе с тех пор.

Я бы строго придерживался того, что шпионаж (работа с оплачиваемыми агентами), разведслужба (работа с доверенными лицами и использование всех других источников информации) и абвер (контрразведка) работали абсолютно отдельно, чтобы предотвратить «соскальзывание» одного в другое. Разведслужбе я бы передал также и получение сведений о партийно-политических взаимоотношениях. В шпионаже я бы провел чистку всех недостаточно пригодных элементов, занялся обучением оставшихся и вновь поступающих сотрудников, ограничил бы число офицеров в области шпионажа действительно способными для этого дела. Участия в практической работе по шпионажу ответственных лиц я бы не желал, так как в таком случае необходимо заниматься исключительно этой ветвью разведслужбы, а это не даст им возможности развиваться, но зато я бы требовал их постоянного ответственного наблюдения. Также я сделал бы «начальников разведобластей» ответственными в каждом случае при использовании женщин, сотрудниц или вспомогательных сил (также и в конторах и в качестве переводчиц). Если это возможно в России, то за границей это иначе».

«В качестве шефа разведслужбы я бы считал своей задачей еще следующее. Устранение преувеличенной шпионобоязни, как и вообще занятие мыслей шпионажем во всех слоях народа. Я бы запретил в России всякую литературу о шпионаже и особенно литературу, издающуюся за границей. (Это относится также ко всякому публичному обсуждению вопросов разведслужбы.) Мне, насколько я знаком с подобной литературой (также и в газетах), ничего хорошего здесь не известно. Этому бы воспрепятствовали иностранные правительства. Наоборот, они способствуют (также и через фильмы) вредному и проводят в этом смысле пропаганду. Поэтому было бы хорошо, если бы обо всем появляющемся в этой отрасли литературы, в прессе, фильмах и пропаганде сообщали лично мне или моим ближайшим сотрудникам».

Заканчивается раздел тем, что бывший глава разведывательной службы генерального штаба германской армии сделал бы, если бы он был шефом русской разведки:

«Я не знаю, содержит ли что-либо полезного эта картина, которую я составил себе о русской разведке на время длительного «мира» на основании моего опыта по Первой мировой войне.

Одно я только могу определенно сказать: всякое решение очень трудно и требует времени. Нетерпение может все испортить».

Свое последнее дело — записи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» — Вальтер Николаи закончил 6 июля 1946 года. Ровно пятьдесят дней, почти не разгибаясь, бывший начальник немецкой разведки и контрразведки, «ас» мирового шпионажа, «магистр» разведнауки, самый известный организатор разведывательной службы начала XX века полковник Николаи отстукивал на трофейной немецкой пишущей машинке это своеобразное «эссе» и завещание потомкам. Последняя страница завершала итог его раздумий:

«Многое из моего опыта в разведслужбе относится только к немецкой или другой практике. Россия же вклинивается в отношения Западной Европы, а ее разведслужба в разведслужбу Германии Первой мировой войны.

Кое-что из моего опыта, что не полезно сейчас, может стать полезным позже. Я бы охотно сделал выбор с этой точки зрения, переработал бы все и придал бы всему строгую выразительную форму. Но это было выше моих сил, так как я должен был вспомнить всю свою работу и изложить ее в этой рукописи.

Я надеюсь, что выполнение данного мною в Веймаре обещания в этой форме станет, по меньшей мере, основой для недостающей русской разведслужбе традиции разведслужбы в Западной Европе и принесет ей пользу, а также может оказать содействие в понимании немецкой судьбы и в том, что русский и немецкий народы пойдут нога в ногу на разрешение задач будущего».

Перевод рукописи продолжался почти до конца сентября. Русский текст Николаи просматривал частями и закончил работу над ним 30 сентября 1946 года. Дошли ли записки бывшего главы германской разведслужбы до «узкого круга

высоких, авторитетных и решающих лиц», неизвестно. Никаких пометок на немецком тексте нет. На полях русского текста чей-то тонкий простой карандаш поставил несколько вопросов и отчеркнул два или три предложения. Похоже, что после прочтения рукопись просто подшили в дело. Судя по всему, «разведывательный опыт» в том изложении, как это сделал Николай, никого не заинтересовал.

А может быть, время Николай безвозвратно ушло?

Генерал-лейтенант Франц Бентевеньи на допросе 25 января 1946 года заметил о бывшем шефе немецкой разведки: «Первая книга его мемуаров вышла в свет в начале 20-х годов. Книга эта, кстати сказать, позднее у работников абвера успехом не пользовалась, так как раскрывала лишь старые, изжившие себя формы и методы разведки».

Сам Вальтер Николай, рассказывая во время допросов о своих поездках за пределы Германии во время Второй мировой войны, признал, что, когда он говорил о своем опыте в разведслужбе, его слушали с интересом, но считали, что этот опыт «ценен лишь в прошлом».

Его и самого терзали сомнения.

Одно место в рукописи весьма примечательно: «Возможно, что многое из моего опыта уже достигнуто. Многое, может быть, не годится для этих времен, изменившихся за прошедшие тридцать лет в революционную сторону... Я кое-что, вероятно, повторил из того, что написано в моих книгах. Тогда это было необходимо для понимания взаимосвязи моих переживаний и моего опыта. Многое было возможно только в Германии. Все изложено и объяснено с немецкой точки зрения».

Значит, напрасный труд?

Как посмотреть. Осмысление судьбы немецкого и русского народов, дважды столкнувшихся в смертельной схватке в течение четверти века, стало в последней рукописи кайзеровского полковника, воевавшего против России, главным.

В этом смысле само Провидение водило его пером.

**«ПРОВЕРКА СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОТИВ МЕНЯ УТВЕРЖДЕНИЙ
СОЗДАЛА ДЛЯ МЕНЯ ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ, НО МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАЧИНАЕТ ПРОЯСНЯТЬСЯ К ЛУЧШЕМУ, И Я НАДЕЮСЬ
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ...»**

Итак, 1 октября 1946 года полковник Николаи передал советской контрразведке и русский перевод рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» с незначительными поправками, которые он сделал тоже по-русски. Бывший глава германской разведки стал ждать своей дальнейшей участи, полагая, что сотрудники госбезопасности предложат ему продолжить работу над его «показаниями», но ошибся: о нем словно забыли.

Стояла золотая московская осень. На том и на этом берегу Москвы-реки, совсем тут узкой, багровели клены, словно овитые кружевами, спускались к воде березки, а пожухлые кроны дубов отливали издали потускневшей медью. Когда Николаи бродил вокруг «загородной дачи» по хорошо утоптанной тропинке, разноцветная сухая листва шуршала у него под ногами. Так он, наверное, гулял в Айзенахе по окрестным лесам или в Нордхаузене во дворе своего дома, только там было чисто прибрано, а здесь двор с тех пор, как он тут поселился, ни разу не убрали, но эта неряшливость ему даже нравилась, да и как могло не нравиться, если он каждый день, исключая уж очень плохую погоду, прогуливался по этим, занесенным листвою тропкам, наслаждаясь неожиданной «вольницей». В соседнем доме какие-то люди, не отлучавшиеся из него ни на час, присматривали за ним, что ему, начальнику разведки, нетрудно было определить, но они даже не заговаривали с ним, занимаясь какими-то хозяйственными делами.

Прошло более года, как в его дом в Нордхаузене нагрянули сотрудники НКВД и увели его для «короткой беседы», затянувшейся, как оказалось, на многие и многие месяцы. Закончились ли эти «беседы», он не знал. Однако то, что его перевели на эту «конспиративную виллу», свидетельствовало, что отношение к нему изменилось к лучшему. Представители советской государственной безопасности создали

бывшему главе германского шпионажа и контршпионажа условия, о которых он не мог и мечтать. Правда, эти сотрудники предполагали извлечь тут свою «выгоду», но полковник Николай понял, как теперь ясно, это по-своему. Он прежде всего считал, что его труд должен помочь немцам и русским избежать прежних «ошибок» и больше никогда не браться за оружие друг против друга, а решать все проблемы сообща. Для него это теперь стало аксиомой, что он и подтвердил своими записками, переданными советской контрразведке. Нелепая ситуация, в которую он попал из-за американцев, шла, как он понимал, к завершению. Он снова увидит немецкую землю, своих родных и близких, все, что человеку, тем более человеку в годах, близко и дорого.

Когда Николай перевели на эту «спецдачу», он не мог поверить, что заточение в одиночной камере Лубянской тюрьмы закончилось и началась новая полоса в его жизни. Его пьянил воздух пока еще не полной свободы. Худшее позади. Уверенность, что он окажется дома, в Нордхаузене, укрепилась в нем еще больше, когда ему объявили, что можно написать письмо родным. Оно и стало первой страницей, отпечатанной на машинке, данной ему для изложения собственного разведывательного опыта.

Вот что он написал в Нордхаузен 26 апреля 1946 года:

«С октября я не мог сообщить вам ничего. От вас я тоже не получал никаких известий. Проверка существующих против меня взглядов и утверждений, несмотря на корректное обращение, создала для меня тяжелое время. Но мое положение начинает проясняться к лучшему. В середине апреля — также и из-за внимания к моему возрасту — мне были оказаны существенные облегчения в отношении помещения, питания, физического движения и духовного отвлечения. Я надеюсь в недалеком будущем на возвращение домой, но сам придаю значение предварительному полному выяснению всего. Это может продлиться еще месяцы. Не беспокойтесь поэтому напрасно обо мне. Мне обещано, что вы будете извещены, если в отношении меня что-либо существенно изменится. Я надеюсь также после получения вашего ответа и в допустимых рамках, не злоупотребляя сделанным для меня с учетом моего возраста исключением, опять быть в состоянии дать вам о себе знать.

Вы можете писать о себе подробно. Ты, моя Эльза, о себе и доме в Бухгольце, сестрах, о Кароле, Валли, Ильзе и друзьях. Ева — о себе, своем и моем доме и о знакомых. Ганнелора о себе, родителях и Гардмуте. Делайте это открыто, я должен быть в этом уверен. Также пишите о ваших заботах и желаниях. Мне обещано смягчить по возможности мою заботу о вас для того, чтобы я мог преодолевать необходимое, как до сих пор, физически и морально.

Ева должна мне одновременно с вашим письмом послать крепкие ботинки, Ганнелору я прошу лекарства для сна, пищеварения, успокоительные, против кашля, мазь от геморроя, носовую мазь, укрепляющее, пластырь, дезинфицирующее, мазь для кожи, марлю и перевязочный материал.

На этот раз я получу ваш ответ. За это я очень благодарен. Это снимет с меня самую тяжелую заботу о вас и облегчит все остальное. Но я должен быть уверен в том, что вы от меня ничего не скроете! Вы знаете меня и знаете также, что я могу легче переносить самое тяжелое, чем неизвестность.

Я рассказал здесь также, насколько я одинок. Мне обещали, что Ева и дальше будет иметь право заботиться о моем доме, чтобы я нашел его таким же, каким вынужден был покинуть, когда мне может быть предоставлено право возвращения на родину. Я им за это очень благодарен.

Денежная сторона, я думаю, может быть урегулирована позднее. Я был бы очень рад, если бы семья Герман в случае нужды, как я и обещал, могла найти приют в моем доме.

Сердечно кланяюсь всем знакомым!

Вы знаете, что вы, в особенности ты, моя Эльза, теперь для меня значите. Будьте и дальше все мужественны и полны уверенности.

Ваш отец».

Письмо дышит оптимизмом: отъезд в Германию не вызывал у него сомнений и был, как ему казалось, уже не за горами. Надежда обоснованная. Она наверняка бы сбылась, поторопись чекисты с отправкой «короля» шпионажа в Нордхаузен — ведь для дальнейшего «удержания» отставного полковника в плену не было никаких оснований. Но с отправкой Николаи в Тюрингию по каким-то причинам не спешили.

Можно предположить, бывший глава немецкой разведслужбы, не желая того, задержал свое возвращение. Его рукопись «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт», конечно, чекистов разочаровала. Ставка на то, что глава германского шпионажа «проговорится», не оправдалась. «Военнопленный немец» Николаи так и не открыл свои «карты».

Оставшись совсем без дела, «узник» Серебряного бора предавался мечтам и воспоминаниям. Они связывали его с далекой родиной, которую он оставил не по своей воле в сентябре 1945 года. Не трудно предположить, с каким нетерпением «супершпион» ждал ответа на свое письмо, которое он отпечатал в конце апреля. Но даже в начале октября он его еще не получил. Как покажет дальнейшее, он его так и не получит.

Вернемся к этому письму.

«Моя Эльза» была старшей дочерью полковника Николаи, которая в свое время, будучи еще девятнадцатилетней, помогала отцу в работе над его первой книгой. В 1946 году ей исполнилось сорок семь лет, и у нее были свои дети. В марте 1944 года «магистр» шпионажа сделал по одному поводу, о чем будет сказано дальше, записи и в них упомянул о своих дочерях:

«Моя старшая дочь, Эльза, с годами стала для меня как бы матерью. Будучи женой арендатора Вернера Ненневица из Бухгольца, расположенного в миле от Нордхаузена, она была счастлива в своей семье, что я и моя жена ощущали, живя от нее поблизости. Это продолжалось и после смерти моей жены. Теперь же ее жизнь более сурова, у нее масса забот и обязанностей. В трудные военные годы она мужественно помогает в работе своему мужу, который, будучи на фронте летчиком, был сбит и лишился глаза. Она заботилась о трех сыновьях. Самый старший из них и мой старший внук, которого из-за сходства со мной называли «маленьким полковником» и которым я особенно гордился, скончался в результате несчастного случая. И муж ее единственной дочери, отец моего правнука, обер-лейтенант Вальтер Ган погиб под Ржевом. Несмотря на все заботы и печали, Эльза осталась верна идеализму юности. Это она помогала мне в работе 25 лет назад и долгое время потом,

успевая одновременно делать и все другое, за что бы ни бралась. Теперь она еще, служа общему делу, руководит крестьянской общиной.

Моя вторая дочь, Маргарет, младше старшей на пять лет, стала женой правительственного чиновника Зоргеля, руководителя экономического учреждения в Дюссельдорфе. Ее дом был разрушен во время воздушного налета. Однако она также оказалась мужественной женщиной и стойко несет бремя забот как жена и мать троих детей, переносит все трудности, находясь в наиболее опасном для родины месте.

И так же переносит невзгоды и моя младшая дочь, Мари-Луиза Корелль, моложе средней дочери тоже на пять лет. Ее муж воевал на Западном фронте в звании ефрейтора, а сейчас служит старшим лесничим в военном управлении во Франции. В настоящее время я предоставляю кров ей и ее четверым детям, так как из-за воздушных налетов она лишилась не только дома, но и всего имущества».

Так написал полковник Николай в марте 1944 года, когда еще шла война. Но после ее окончания Мари-Луиза вернулась к себе домой, а Маргарет оставалась в Дюссельдорфе, и обе они проживали в английской зоне оккупации. Поэтому бывший глава германской разведки и обращался в своем письме только к «мамочке Эльзе» и еще некоей Еве, точнее, Еве Вагнер, как следует из протокола обыска, проведенного сотрудниками НКВД в доме полковника Николай после его ареста, которая «присматривала» за домом, поскольку «Эльзамуттер» жила с семьей в Бухгольце.

Упомянутая в письме Карола — внучка полковника Николай. Это она, Карола, «подарила» бывшему главе германского шпионажа правнука, которого называли Фрицем-Юргеном. В одном из писем Николай упоминает: «Моя внучка в январе 1941 года выходит замуж, дарит мне на следующий год правнука, но ей не суждено иметь мужа, он погибает в августе 1942 года в чине обер-лейтенанта под Ржевом».

Рождение Фрица-Юргена стало в семейном «клане» полковника Николай настоящим праздником. Бывший начальник разведывательной службы посчитал нужным сохранить свою речь на этом торжестве.

Вот она с некоторыми сокращениями:

«Округ Бухгольц.
Воскресенье на Троицу.
24 мая 1942 года.

Приветствую тот день, когда я пережил крещение моего правнука. Путь, который я прошел до этого, был долгим, он многое мне дал, но и многое взял. Я потерял на этом пути самое дорогое — своих родителей и прародителей. На меня обратили свою любовь мои дочери. Они привели мне своих любимых сыновей и дочерей.

И вот судьба подарила мне правнука. Это накладывает на меня новые обязанности, умножает мои силы, придает достоинство моему возрасту. Пусть Фриц-Юрген, для которого мы просим сегодня благословения у Бога, пройдет путь счастья и успеха, чтобы в конце этого пути он мог бы сказать: «Господь Бог, я благодарю Тебя!».

Торжественность этой просьбы мы переживаем в его родительском доме, освященном верной работой и признанием народу и фюреру. Пусть родительский дом Фрица-Юргена останется таковым для тебя, Карола, до тех пор, пока его отец не вернется после исполнения долга, гордый и радостный от сознания достижения победного мира, и вместе с тобой будет нести заботы о доме и своем дитяти.

Как старейший кровный родственник я приветствую обе пары, бабушку с дедушкой и супружескую пару, кому в этот день суждено познать родительское счастье как вознаграждение за любовь и заботу о детях. Пусть вам будет суждено совместно дожить до счастья вашего внука.

Я приветствую и вас, Клаус и Рольф, двух молодых дядей нашего крестнца. Будьте ему образцом, и поскольку вы еще молоды, то и его друзьями. Я хотел бы в моем приветствии также пожелать, чтобы и другие братья и сестры Каролы выразили любовь в своих мыслях и желаниях.

Я приветствую и крестных. Пусть вы станете свидетелями того, что мы сегодня просим для Фрица-Юргена. Помогайте ему точно так же, как вы помогали его родителям, будучи их друзьями. Вы, Эльза фон Хольт, мать, которая вечно в работе и которая охраняет родительский дом. Вы, лейтенант Мильбрандт, уже в юности увенчанный Железным крестом первого класса, перенесший тяжелое ранение, но не сломленный, будьте образцом для сво-

его крестника как товарищ его отца, все еще находящегося на поле битвы.

Я приветствую и остальную молодежь за этим торжественным столом. В работе и убеждениях этого дома вы олицетворяете собой дух немецкой молодежи, то тесное единение, в атмосфере которого вырастет и Фриц-Юрген.

Я также приветствую фюрера, который создал это тесное единение, не стоит об этом говорить — и так все ясно без сомнения. Пусть Бог благословит его. Жизнь моего правнука еще не наполнена воспоминаниями, как моя, она начинается в это бурное, насыщенное событиями время, и пусть это время станет временем, которое будет вспоминаться с гордостью!

Но в первую очередь я приветствую тебя, моя дорогая Карола. Твое сердце сегодня замкнутая крепость. В нем слышатся звуки молитвы, благоговения, причем громче всего эти звуки несут твоему далекому Вальтеру просьбу о самой себе и твоём ребенке: оставайся мне любимым мужем, возвращайся ко мне, к нашему ребенку, к нашему счастью! Его сердце отвечает: оставайся, моя жена, храброй, спокойной, живи во благо нашего малыша! Во второй раз вы подтверждаете перед Богом свой жизненный союз, и не только ваш, но и союз с родившейся молодой жизнью. Пусть сбудутся ваши надежды, а ваши руки и сердца, полные любви к вашему сыну, обнимут его, и будьте вы все благословенны!

Пока еще неосознанно ваш ребенок благодарит вас с таким пожеланием: «Будьте всегда живы, мои родители! Пусть из вашей любви рождается жизнь и пусть благодаря вашей любви исполняются ваши собственные желания! И в то же время вы должны молить о том: пусть всегда будет ваш ребенок!»

Таковы, моя дорогая Карола, мысли и желания прадедушки в то время, когда ты с моим правнуком на руках преклонишь колени перед Господом Богом, прося у него благословения. Но Бог хочет, чтобы ты просила об этом не только на коленях, но и завоевывала это благословение. Поэтому пусть тебе придаст вера в господа Бога силу и еще раз силу!

Итак, высказывая эти пожелания за праздничным столом, и поднимая мой бокал, наполненный лабзалем, возвращенным на немецкой земле, и надеюсь в этот торжественный час на светлое и обнадеживающее будущее:

Да защитит тебя Бог, отец и сын!»

Под речью, отпечатанной на машинке, добавление: «Произнесено прадедушкой Николаи при крещении Фрица-Юргена Гана».

А дальше от руки: «Обер-лейтенант Вальтер Ган убит под Ржевом 8.8.42 г.»

Когда «военнопленный прадедушка» полковник Николаи ожидал в Серебряном бору под Москвой ответа из Нордхаузена, его правнуку шел уже пятый год.

В письме от 26 апреля 1946 года названы и другие имена, в частности Ганнелора, Гардмут и семья Герман. Это одна семья. Ганнелора и Гардмут — брат и сестра, они и их родители носили фамилию Герман. Именно им-то и просил предоставить кров в «случае нужды» Вальтер Николаи. Но если Гардмут был только братом Ганнелоры, то сама Ганнелора, судя по архивным материалам, оказалась именно той юной особой, что попала под бомбежку в Берлине в ноябре 1943 года вместе с бывшим главой немецкой разведки, будучи его секретаршей и помощницей, о чем упоминалось в начале повествования.

В архиве полковника Николаи остались записи, которые он сделал в марте 1944 года, упомянув в них и о своих дочерях. Этим записям, предназначенным для Государственного института истории новой Германии, предпослан заголовок «Из воспоминаний и писем полковника Николаи». На титульном листе указано, что все это должно быть включено в какой-то 16-й том. Из текста следует, что после встречи Николаи с группенфюрером СС доктором Бестом, которая произвела на Беста сильное впечатление, тот посчитал нужным обратиться с письмом к Гиммлеру и убедил рейхсфюрера СС предоставить бывшему главе германской разведки возможность изложить письменно все то, о чем он не мог сказать в своих книгах, создав для этого ему необходимые условия.

Эти мартовские записи 1944 года начинаются так:

«Когда спустя год после моего разговора с начальником Главного управления СС Бергером, к которому его побудил рейхсфюрер СС, кому доктор Бест передал свое письмо, я понял, что мне предстоит большая работа и новое приложение моих сил, встал вопрос и о подходящем для меня помощнике. Подобрать его предоставили право мне самому.

В работе над моей первой книгой, появившейся в 1920 году, мне помогала моя старшая дочь. Когда после ее замужества в 1921 году я возвратился из ссылки в Айзенахе в Берлин, чтобы участвовать в национальном движении, я попытался найти ей замену среди националистически настроенной молодежи Тюрингии. Одна из руководителей этого движения, Ютта фон Ренессе, согласилась помогать мне. Так же, как и она, мне как руководителю движения оказывали помощь и еще двенадцать молодых людей. У них были разные родители, разное образование, однако все они в равной мере воплощали дух немецкой молодежи и сейчас участвуют в борьбе и претворяют в жизнь то, что они исповедовали.

Моя новая связь с возникающим национальным немецким государством начинается с того момента, когда я был призван в Государственный институт истории новой Германии. Однако надежда, что я как руководитель отдела смогу в широкой мере практически воздействовать на молодых немецких историков, используя свой опыт в мировой войне, оказалась впоследствии ограничена ролью главного референта по вопросам политического руководства в мировой войне, но одновременно я занимался и описанием своего прошлого жизненного опыта для архива Государственного института. Таким образом, для моего вспомогательного сотрудника это была значительная писанина.

Для начала я и теперь стал искать себе помощника, который бы мог работать в рамках правил, к каким я привык. В то же время я хотел, чтобы этот помощник, который был бы мне предоставлен, принял мои условия работы после того, как я покину дом в Нордхаузене и перееду в Берлин. Человек, которому предстояло со мной работать, должен был согласиться на скромные условия жизни, ему предстояло помогать мне в поездках и одновременно обслуживать меня, смягчая моим детям их заботу обо мне ввиду моего преклонного возраста, когда я в одиночестве продолжаю идти по моему пути.

И вот здесь в мою жизнь вторгается нечто необычное.

В 1940 году мой узкий круг друзей расширился благодаря семье господина Германа, руководителя государственных воспитательных учреждений в Нордхаузене, проживающей в имении Либен близ замка Бург. В возрасте 67 лет я позна-

комился с его единственной 18-летней дочерью Ганнелорой. Воспитанная в простоте и скромности, она в свои юные годы была далека от того революционного духа, который наполнял немецкую молодежь, но вместе с тем она глубоко чувствовала проблемы нашей немецкой судьбы и была преисполнена желанием найти применение своим силам».

После окончания школы Ганнелора работала в аптеке, но уже скоро она разочаровалась в том, что делала, так как все сводилось к продаже лекарств и медикаментов.

Николаи продолжает:

«Это была благодатная почва, на которую невольно легли мои рассказы о моей молодости и моей жизни, особенно деятельности в годы Первой мировой войны, а также то, что я пытался найти себе новое применение ныне и в будущем. Все услышанное Ганнелора впитывала в себя как губка и, наполняясь впечатлениями, постепенно проникалась все большим стремлением включиться в какую-то иную для нее деятельность, созвучную с тем, что я говорил».

Осенью 1942 года Ганнелора в порядке обязательной службы военного времени стала работать сразу в двух аптеках в находившемся в семидесяти километрах от Нордхаузена городе Эрфурте, и ее неудовлетворенность своей профессией растет. Переписка, которая возникла между ней и бывшим руководителем германской разведки, позволяет представить состояние Ганнелоры и ее отношение к полковнику Николаи.

Из его записей:

«Из этого времени я храню письма исключительной красоты и глубины, и прежде чем я уничтожу многое из того, что мне доверяли другие, я хочу оставить в своих воспоминаниях то редкое, что относится ко мне лично».

Вот одно из писем, которое отправила Ганнелора Герман из Эрфурта бывшему руководителю шпионажа в ноябре 1942 года, включенное в его записи:

«Меня растрогало и глубоко взволновало твое письмо, наполненное звуками счастья, напоминаниями о твоей долгой и богатой событиями жизни, пронизанное любовью к твоей жене, отражающее преданность твоим прежним задачам, наполненное желанием найти новое большое дело в настоящее время и любовью к твоим детям. Я верю, что ты еще раз исполнишь свое великое предназначение, поскольку

ку, я это хорошо чувствую, все твое существо стремится к этому, и это действительно дано тебе свыше, и оно составляет суть твоей жизни. И если твое новое призвание не реализуется, то для тебя это станет настоящей болью, которую ты будешь носить в себе все последующие годы. Я подразумеваю под этим то, что можно назвать великим предназначением, которое тебе дано, и оно больше всего заботит тебя. Поэтому я и прошу предоставить и мне право участвовать в этом. Благодаря разговору доктора Беста с Гиммлером перед тобой открывается новый путь. И мне радостно оттого, что у тебя есть эта надежда».

Когда юное создание в лице Ганнелоры Герман перешло на «ты» с уже пожилым начальником разведки кайзера Вильгельма II, неизвестно, но в начале 1943 года, когда Николаи подыскивал себе помощника для какой-то не названной, но, видимо, весьма перспективной и значимой работы, этим помощником вызвалась стать Ганнелора.

Вот что написала она Вальтеру Николаи:

«Мне кажется, я настолько хорошо понимаю тебя, когда ты снова готов взяться за великое дело, что ощущаю, как и мне судьба открывает врата в новую жизнь. Я провожу все мои ночные часы дежурства в аптеке только с мыслями о том великом, что тебе предстоит. Твою глупую малышку Ганнелору никогда не покидают эти мысли, они постоянно во мне».

Еще одно письмо, суть которого предельно ясна:

«Мои родители согласны. Твои дети тоже. И остается лишь последнее — ясность с твоей стороны. Я готова».

Добавление Вальтера Николаи:

«И лишь в одном сомневалась Ганнелора: она не хотела, чтобы это ее желание понимали так, будто она хочет получить какие-либо преимущества в это военное время, что она ищет в этом личную выгоду».

Не просто было в годы войны перевести из аптечной сферы молодого специалиста туда, где его польза для сражающейся Германии была эфемерна. Но высокие чины устранили эту преграду. Юная фрейлейн Герман поступила в распоряжение бывшего руководителя германской разведывательной службы, которого наконец-то снова призывали послужить фатерлянду. «Малышка» Ганнелора была передана в распоряжение полковника Николаи в «военных целях». И хотя он

просил не выплачивать его помощнице зарплату, содержание он брал на себя, Берлин заявил, что «перевод денежного довольствия» Ганнелоре Герман является «само собой разумеющимся обязательством».

Но не все оказалось так просто. Немецкие войска терпели одно поражение за другим. В работе Николаи создались трудности, и он вынужден был ее прекратить. Строки воспоминаний доносят до нас его тяжелые переживания:

«Все это стало для меня трудно переносимым разочарованием. Прошедший год до настоящего времени из-за неблагоприятного развития военных событий был для меня годом таких испытаний, когда я едва сохранял веру в себя и мою способность и дальше трудиться. И только Ганнелора не разочаровала меня. Она была моим маленьким отважным другом. Несмотря на молодость, она зрело воспринимала происходящее, избавляя меня от мучительного одиночества и переполнявших меня мыслей. Ее жажда жизни, вера в свою немецкую родину передавались и мне. Она обогащала меня, и я, доверяя ей самые сокровенные мысли, становился словно моложе. Она будила во мне воспоминания о моей жене, о самой счастливой и плодотворной поре моей жизни и подобно моей жене помогала сохранять мою святую любовь к моим детям. Она всегда была готова прийти на помощь, оставаясь при этом скромной и непритязательной. Она привносила в мою жизнь, в домашние дела вкус и красоту. Она не чуралась никакой работы, сопровождая меня в поездках, облегчая мне все трудности. И при этом она со знанием дела, творчески выполняла все, что ей поручалось, полностью соответствуя требованиям этой работы. Повсюду, где бы мы ни появлялись, ей оказывали честь, она пользовалась доверием в домах руководителей высокого ранга, где нам приходилось бывать во время моих поездок, и всюду, к моей радости, завоевывала признание. И все это венчало ее достойное поведение во время двух крупных налетов на Берлин 22 и 23 ноября 1943 года, которые она пережила вместе со мной, не дрогнув от того, что под бомбовыми ударами рушилось все вокруг».

Убедившись, что дело, ради которого ему выделили вспомогательного сотрудника, зашло в тупик, Николаи посчитал, что следует отказаться от денег, которые переводил Берлин.

Запись Николаи:

«С согласия Ганнелоры я попросил Главное управление СС при сложившихся обстоятельствах не выплачивать ей денежное содержание, так как она больше его не оправдывала. Неясна и моя дальнейшая судьба в этой работе. Поэтому я полагаю, что Ганнелоре следует продолжить образование, чтобы она смогла полностью реализовать свои способности. Так считает и она и сообщает мне, что хотела бы начать заниматься уже в летнем семестре в университете в Геттингене. Я предлагаю ей взять отпуск на время учебы. Сам же остаюсь в надежде, что и в дальнейшем мы будем работать вместе, что нам доверят выполнение других обязанностей и что именно она будет помогать мне впоследствии в реализации моих возможностей».

Ганнелора Герман поступила в Геттингенский университет, и ее учебу там оплачивал Николай из своих сбережений. В рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» он так зафиксировал свое сотрудничество с Ганнелорой без упоминания ее имени:

«Как компенсацию за труд я получал из государственных средств, помимо моей пенсии, 500 марок в месяц, включая и оплату личного секретаря. Это были скромные денежные средства, из которых моя сотрудница получала больше, чем я сам. Я не был, таким образом, эксплуататором ее труда и некоторую экономию средств из моей зарплаты я подарил ей для ее дальнейшего успеха».

Это подтверждают и документы.

Запись Николай от 17 апреля 1944 года:

«Сегодня я обсуждал с представителем финансового ведомства Нордхаузена старшим правительственным советником доктором Шульце вопрос о дарении, предназначенном Ганнелоре, и то, не возникнет ли в связи с этим необходимость внесения налога мною или же Ганнелорой.

После уплаты налога сумма дарения, на которое я ни в коей мере не оставляю за собой никаких прав, должна составить около 5000 марок.

Николай, полковник в отставке».

В этот же день он пишет:

«Дорогая Ганнелора!

Сохрани для себя эту запись в отношении предназначенного тебе подарка, я эту запись прикладываю к моим мартовским воспоминаниям 1944 года».

1 июня 1944 года бывший глава германской секретной службы отправляет еще одно письмо в финансовое ведомство в городе Галле с уточнением, затребованным оттуда 27 мая: «Фрейлейн Ганнелора Герман изучает с летнего семестра 1944 года в университете города Геттинген немецкий, историю, географию и историю искусства. Она не является моей родственницей».

Воспоминания, которые Николаи написал в марте 1944 года, заканчиваются так:

«Я считаю счастьем, что со мной в доме живут дочь и четверо внуков в это военное время, что я о них забочусь и что я окружен вниманием молодой женщины. В то же время я чувствую связь с событиями, которые происходят в стране, что я необходим, что я не одинок и не боюсь оказаться в одиночестве в ближайшем будущем. Все это позволяет мне продолжать заниматься моими записями для Государственного института истории новой Германии. И я надеюсь, что эти мои записи впоследствии будут иметь какую-то ценность, они не пропадут, моя работа кому-то останется».

Из приобретенного мной во время войны убеждения вытекает, что никакой анализ заслуг или судеб действовавших в ней лиц невозможен без знания и понимания самых сокровенных переживаний этих лиц. Как Людендорф, владевший своим кругом вопросов стратегического мышления во всех его проявлениях, мог как полководец дать разъяснение потомкам, так и нынешние руководители, только еще в больших масштабах, могут быть поняты и объективно исторически изображены, если их ближайшие помощники представят письменные воспоминания, в которых отразят их личные переживания и побудительные мотивы.

Вот причина того, почему я во время войны стремился сблизить историка с полководцем. Эту цель я преследовал со времени моей принадлежности к Государственному институту истории новой Германии, настолько она была для меня ценной. Она и остается таковой и в том случае, если мое применение ограничится лишь принадлежностью к этому институту и мне будет отказано в передаче моих мыслей нынешним руководителям».

В архиве Николаи есть страницы, которые, похоже, и отражают упомянутую в мартовских записях 1944 года нача-

тую, но не законченную им работу. Эти страницы никак не озаглавлены, но, судя по всему, это и есть записи бывшего главы разведслужбы кайзера Вильгельма II о своей деятельности в годы Первой мировой войны. Но даже тут нет никаких сведений о конкретных разведывательных операциях, нет и имен агентов. Николай пытается обобщить личный опыт, о котором он слишком мало сказал в прежних книгах, и прежде всего о его собственном участии в руководстве службами разведки и контрразведки, объединенными в отделе III Б.

Вот лишь некоторые извлечения из этого неоконченного повествования.

Требования к офицерам тайной службы разведки:

«Пощадите меня от массового применения капралов и шпионов и заполучите на нашу сторону военных министров и высокопоставленных лиц неприятеля».

О некоторых преувеличениях:

«Упоминая об основных принципах немецкой службы разведки, я заявляю, что все утверждения о ее чудовищном масштабе в использовании человеческих ресурсов во время мировой войны неправда, а все сенсационные изображения некоторых единичных событий не более чем детективные романы».

О себе и своих задачах:

«Как шеф службы разведки я видел мою собственную задачу в том, чтобы осветить руководителю полевых сухопутных сил тайну, которая представляла интерес только для него, то есть тайну нашей борьбы, и еще более высокую тайну — это тайну нашего времени».

«Я никогда не мнил себя знатоком, и с ростом осведомленности, которой я обязан моему положению, я не выпячивал личные заслуги и остался скромным. Я никогда не считал противника глупым, а себя одного умным. Скорее, я был убежден, что если я набираюсь опыта, то и противник тоже его набирается, и чаще я завидовал ему, потому что он имел лучшие возможности для оценки своего опыта. Если я стремился для службы разведки генерального штаба открыть как можно больше источников высокого уровня, то то же самое, я предполагал, делает и неприятель, и, к сожалению, вынужден это подтвердить».

«С началом войны я столкнулся с новым, еще не освоенным мной миром. Я делал все возможное, чтобы познать его,

не обращая внимания на последствия для меня самого. И чем глубже я проникал в суть моей задачи шефа службы разведки и начальника контрразведки, тем больше я понимал, что на этой службе я являюсь лицом, на котором лежит высочайшая ответственность».

О подчиненных:

«Я делал все, чтобы деятельность офицеров разведки и контрразведки оценивалась особым доверием к их личности, чтобы не чинились никакие препятствия им в будущем и чтобы они получали соответствующее вознаграждение за их службу. На меня было возложено в ходе войны и заступничество за моих подчиненных. Но я видел его не в том, чтобы награждать их орденами. Я заметил, что страстное желание к наградам, если оно не подтверждалось конкретными действиями непосредственно в бою, в других условиях действовало вредно, особенно в моей сфере деятельности. Сотрудников, жаждущих орденов, а также тех, кто любил, чтобы их где-нибудь упоминали или же показывали на фотографиях в прессе, я старался охладить, приглушить это их желание, а в крайних случаях даже заставлял их отказываться от таких намерений».

О тайных средствах генерального штаба:

«Благодаря моей довоенной деятельности, пусть и кратковременной, я был воспитан так, чтобы сделать как можно больше при незначительных тайных средствах генерального штаба. Мои неприятели в России, Франции и Англии, напротив, располагали значительно большими денежными средствами. Это означало, что нам нельзя было расходовать понапрасну ни одного гроша, в то время как те, кто находился по ту сторону, растрачивали деньги зря и тем самым развращали свои органы.

В мирное время я ежеквартально представлял отчет оберквартирмейстеру-1, в тот период графу Вальдерзее. Когда я входил к нему со своими книгами, он спрашивал меня, где он должен подписать. Я его просил сравнить книги с документами. Он отвечал, что это излишне, поскольку они, само собой разумеется, находятся в порядке. Но я все-таки настаивал на том, чтобы все проверялось позиция за позицией. Во время войны эти принципы оставались для меня теми же самыми, но только отпал любой контроль надо мной и тем

самым повысилась моя личная ответственность. Когда пришел Людендорф и я ему по этому поводу сделал сообщение, он все оставил под мою личную ответственность, заметив: «Я требую, чтобы из этих денег ни один пфенниг не пошел в собственный карман, но и для дела необходимо, чтобы ни один пфенниг не был взят из собственного кармана».

Следуя этому, я многократно обвинялся в том, что я мелочен и проявляю щедрость, свойственную капралу. Однажды я потребовал к себе сотрудников, от которых исходило это мнение, и спросил их, действительно ли я отказал им когда-либо в необходимых денежных средствах на проведение особо крупных дел, хорошо продуманных и перспективных. Когда они ответили отрицательно, я заявил, что тогда в деле соблюден необходимый порядок, а на фантастические и не продуманные предложения, кои, как мне известно, неоднократно исходили из их круга, я не дам ни одной монеты. Несмотря на такие мои действия и предварительные проверки, все-таки бывали и просчеты. Самая большая сумма, которую я одобрил для одного такого предприятия, составила 2 миллиона марок. К сожалению, оно принесло лишь неудачу и разочарование. Преодоление таких разочарований стоило больших нервов»¹.

О служебных поездках:

«Для ознакомления со вновь зачисленными работниками и для постоянного контроля за старыми сотрудниками, а также для того, чтобы раскрывать суть организационных мероприятий наших союзников, с которыми мы тесно сотрудничали, я вынужден был совершать длительные поездки. Мои неожиданные появления на всех участках протяженного фронта привели к тому, что меня в шутку стали называть «блуждающим огоньком Центральной Европы». На восточном театре военных действий мне удавалось проникать вплоть до Обероста, на юго-востоке до Софии и болгарской штаб-квартиры, на юге вплоть до главного командования на итальянском фронте».

«Во время поездок я охотно общался с моими сотрудниками и поддерживал с ними товарищеские отношения, для

¹ В архиве Вальтера Николаи не удалось найти указание, на какую тайную операцию были потрачены эти 2 млн марок.

чего зачастую оставались лишь ночные часы. Присутствовал при этом и алкоголь, поскольку я считал, что люди, которые общаются с тобой в течение дня в смиренной рубашке подчиненного, глубоко знакомятся только тогда, когда совместно находятся в непринужденной обстановке и что как личность человек проходит проверку только под влиянием алкоголя. Несмотря на всю свою добросовестность, я не мог преодолеть чувство внутреннего беспокойства, отметив, что худшие черты проявляются не в результате беспорядочной жизни, не в самом деле и не в деньгах, опасность представляют женщины. Я испытал гордость, что даже после войны моими сотрудниками не были совершены никакие проступки, не говоря уж о преступлениях. В связи с этим и моя благодарность им, причем от чистого сердца».

О контрразведке:

«Контрразведка также стала для меня из-за широких масштабов обременением большим, чем я предполагал. Все великие державы мира, в том числе и их службы разведки, работали против нас. Причем наши союзники — Турция, Болгария и Австро-Венгрия — вследствие состояния их государств не обеспечивали никакой контрразведывательной защиты, и это было одной из причин того, что война продлилась четыре года... Я также должен указать на то, что немецкая служба контрразведки в ходе войны, конечно, не обезвредила всех вражеских шпионов и агентов или предателей родины, но военная тайна в целом, решения Верховного военного руководства оставались всегда скрытыми, так что для вражеского руководства все немецкие наступления, в том числе и самые крупные и наиболее продолжительные по времени подготовки, были неожиданными. И только наступление на Реймсе в середине июля 1918 года враг встретил подготовленным, и потому оно потерпело неудачу. Расследование по этому поводу не дало результата. Причины, на которые указал в своих воспоминаниях Людендорф, тоже не убедительны. Перебежчики перед каждой крупной битвой имелись с обеих сторон. Вот здесь это дело следует представить как предательство».

Одна фраза в этих неоконченных записях говорит о многом. Хотя они и предназначались, если это предположение верно, для Главного управления СС в Берлине, Николаи и

тут остался верен себе: «Подробности я унесу с собой в могилу...»

Насколько ценной могла быть эта его работа в полном объеме, остается только гадать.

Большим горем для полковника Николаи в годы Второй мировой войны стала смерть старшего внука, сына «мамочки Эльзы», «маленького полковника», заболевшего на общественных работах. Сохранилось описание похорон Клауса Ненневица 11 ноября 1944 года в записи Вальтера Николаи.

Начинаются эти страницы молитвой в стихах.

А далее:

«Эти звуки молитвы наполняют помещение. Узкие полосы дневного света просачиваются словно в сумерках, смешиваясь с золотым огнем канделябров. Матовый блеск отражается на зелени и на белых цветах. Рядом с флажками службы трудовой повинности, на цоколе, покоится урна, увитая лавром, мерцающая темным таинственным светом. Эти полосы сумеречного света падают на молодые серьезные лица юношей из службы военизированной трудовой повинности».

Снова стихи, в изложении звучащие так:

«В последнем чествовании Клауса Ненневица мы стоим перед его урной, зная, что по вечным и великим законам мы все будем вынуждены завершить круг нашего бытия».

Продолжение записи:

«В благоговении мы преклоняемся перед вечными законами природы — этого постоянного умирания и постоянного возрождения. Прощание бесконечно тяжело, но торжественность этого часа должна придавать силу и мужество, чтобы идти в ногу с нашим бурным временем».

«В то время, когда я все это произношу, я вижу собравшихся для последнего чествования своего погибшего товарища представителей немецкой молодежи, которые верны фюреру и будущему народа так же, как этому был верен всем своим сердцем Клаус. Когда он перед отъездом прощался со своим местным руководителем, они разговаривали о действиях немецких солдат на фронтах сражений. И Клаус сказал: «Я хочу стать офицером, как этого желает Адольф Гитлер». Это со всей прямоотой сказал простой юноша, и эта простота выражала его суть как человека и как солдата. Это качество

Кlaus унаследовал от матери, оно передавалось из поколения в поколение вместе с солдатской кровью и офицерскими идеалами и в конце концов сформировалось в желании стать офицером. Klaus полностью отдавался новому учению, учению фюрера, и был готов к послушанию и жертвенности. Его солдатская натура утверждалась его службой в кавалерии гитлерюгенда и добровольным вступлением в вооруженные отряды СС. То, что его желание исполнилось, очевидно, было его последней радостью, которую он пережил.

Эта добровольность, присущая Клаусу, является сутью современной молодежи, которой не знакома романтика прежних времен, наполненных радостью и солнечным светом. Она, эта молодежь, живет обязанностями, дисциплиной, послушанием и в связи с этим заслуживает, чтобы ею гордился народ.

Предки Клауса по отцовской линии — это крестьянская кровь, глубокая связь с бытием крестьян. Отцовский дом был для него прежде всего любимой родиной, к которой он постоянно стремился, там ему была доверена работа и, само собой разумеется, лошади, ставшие для него как бы товарищами. В него глубокими корнями вошло все, что связано с целью и смыслом жизни крестьянина, что он взял от предков, родиной которых был Шванебек. Крестьянин и солдат соединились в Клаусе воедино, он мог бы стать гордостью своих родителей, он был одним из лучших в среде молодежи, стремящейся отдать себя великой цели и даже принести себя в жертву ради достижения этой цели».

«С гордым сознанием, что наш Клаус принадлежал к этой молодежи, его останки предаются матери-земле. Но сам он останется в воспоминаниях всех, кто его любил. Если когда-то его имя и будет забыто, все равно он продолжит жить в сердце отца и в сердце матери как добрый и любимый сын, а у сестер — как образец. Для бабушки же, к чьим словам он прислушивался в это великое время, благодарным воспоминанием о старшем внуке, кому после ранней смерти моего брата я предполагал доверить будущее нашего рода».

Запись от 11 ноября 1944 года заканчивалась так:

«Как самый старый из родственников, как бабушка Клауса я стою возле урны, в которой скрыто то последнее, что было бrenно, и в этот скорбный час прощания благодарю

всех, кто в заботе и любви принял участие в жизни нашего Клауса.

Его мать украсила урну фиалками, выросшими на этой земле, как последнее яркое приветствие дома.

Мы несем урну с пониманием того, что за облаками светит солнце, что, несмотря на все заботы и боли нынешнего времени, все равно светит символ победы и возрождения нашей немецкой судьбы.

Теперь в бухгольцкой земле покоится урна с пеплом его тела.

Находясь в зените жизни, я оглядываюсь далеко назад и смотрю далеко вперед. Моя жизнь начиналась с любви прапрабабушки и простерлась до любви моих правнуков. Когда я был таким же юным, как Клаус, я нес обязанности того великого времени. Объединительные войны, в которых участвовал мой отец, пробуждали немцев и указывали им путь в будущее. Как кадет я носил одежду короля, а Клаус носил одежду фюрера. Скромное исполнение обязанностей позволило мне выполнять великие задачи, находясь рядом с нашими руководителями во время мировой войны. С самого начала моего пути и вплоть до сегодняшнего дня я всегда был с молодежью, переживал вместе с нею, ощущал ее идеалы, ее способность к выполнению обязанностей и способность к повиновению. Клаус принадлежал к этой молодежи, был достоин этой молодежи. Значимость нашей жизни заключается не в том, насколько она длинна, а в том, какова она была. Рано закончив жизнь, Клаус уходит в немецкую вечность, поэтому я и прикрепил к его урне лавры победы в тот момент, когда он вошел в круг его верных товарищей, ушедших до него. Я горд тем, что он был моим внуком, и я с благоговением протягиваю над ним руку в знак немецкого приветствия и говорю: «Клаус Ненневиц!»

Под записями бывший глава германской разведки подписался так: «Дедушка Николай».

В октябре 1946 года «дедушка Николай» продолжал обживать спецобъект советской контрразведки в Серебряном бору под Москвой в ожидании ответа на свое апрельское послание домой. Он получил невероятную в условиях плена возможность спокойно поразмышлять над превратностями судьбы. Мог ли он себе представить, что все будет так, как

случилось. Теперь он, возможно, даже жалел, что не ушел с американцами.

И все же ситуация изменилась в его пользу. Оставалось только терпеливо ждать. И он ждал.

В ноябре выпал первый снег, Николаи, встречавший уже вторую зиму в России, надел валенки. Теперь он гулял по двору «своей» дачи в валенках и полушубке, наслаждаясь русским морозцем и русской печкой, в которой весело потрескивали дрова, в избытке завезенные во двор этого загородного объекта советской контрразведки. Он сам ходил за поленьями, разжигал топку и вечерами подолгу сидел у огня, вытянув уже давно побаливавшие ноги.

В заснеженном Подмоскowie полковник Николаи встретил и новый, 1947 год. Отрезанный от всего мира стенами «спецдачи», оставаясь один на один со своими мыслями, он думал, конечно, о доме. Наверняка, опрокидывая по вечерам рюмку водки и затягиваясь дымком «Беломорканала»¹, глава разведслужбы германского генерального штаба Первой мировой войны мечтал о том, как снова ступит на немецкую землю, войдет в свой дом, возьмет на руки Фрица-Юргена.

Многое он бы отдал, чтобы это стало явью.

Получили ли его письмо в доме под номером 58 по улице Штольбергера? Ответа из Тюрингии в оперативном деле нет.

Парадокс его пребывания в России продолжался. Ничто уже, судя по материалам следствия, не мешало контрразведке отправить Николаи на родину, но его продолжали «придерживать» здесь.

Пауза затягивалась.

И тогда в судьбе бывшего шефа Мата Хари произошло то, чего никто не мог предвидеть...

¹ В деле № Н-21152 хранится документ, предусматривающий обеспечение питанием полковника Вальтера Николаи, где среди прочего указано, что ему «следует выдавать пол-литра водки и бутылку виноградного вина в неделю», а также пачку папирос в день.

**«ЗДЕСЬ Я ХОЧУ ЛИШЬ КОНСТАТИРОВАТЬ,
ЧТО Я НАЧАЛ ЖИЗНЬ БЕЗ СОСТОЯНИЯ, ТАК И КОНЧАЮ ЕЕ...»**

Беда на спецобъект в Серебряном бору пришла студеным зимним днем 13 января 1947 года. Старший вахтер этого особого объекта советской контрразведки сержант Красильников по телефону сообщил о «плохом самочувствии» содержавшегося здесь «военнопленного немца». В Серебряный бор был направлен врач санчасти госбезопасности. Сохранился рапорт начальника отдела Главного управления контрразведки полковника В.Масленникова: «Осмотром больного на месте установлено наличие у Николаи кровоизлияния в мозг на почве повышенного давления крови. В результате кровоизлияния парализована вся левая сторона тела. По заключению майора медицинской службы Гольштейна, если не последует вторичного «удара», Николаи может со временем поправиться. Для лечения приняты необходимые меры согласно указанию врача».

На рапорте резолюция: «Министру доложено».

Еще один документ:

«Начальнику Внутренней тюрьмы МГБ СССР полковнику Миронову.

Прошу дать указание принять для направления в санчасть Бутырской тюрьмы на излечение содержащегося в настоящее время на особом объекте 2-го Главного управления МГБ СССР Николаи Вальтера согласно заключению врача поликлиники МГБ СССР майора медицинской службы Гольштейна».

Спецобъект в Серебряном бору опустел. Больше сюда полковник Николаи уже не вернется.

В санчасти Бутырской тюрьмы врачи и медсестры делали все возможное, чтобы спасти жизнь угасающей «звезде» мирового шпионажа. Однако состояние семидесятитрехлетнего немецкого офицера продолжало ухудшаться.

Вот когда настало время иных ощущений. С каждым днем надежды Николаи на возвращение домой становились все более призрачными. Сначала он полагал, что сможет поправиться, эту надежду поддерживали и врачи, считал, что помогут лекарства, которые ему давали, но проходили дни, недели, месяцы, на пороге стоял апрель 1947 года, а ему становилось хуже и хуже.

История болезни свидетельствует, что он находился в сознании, мог говорить, принимал пищу, но без посторонней помощи не в силах был даже повернуться в постели. Днями и неделями всемирно знаменитый глава германского шпионажа, когда-то подвижный, как ртуть, а теперь немощный старец смотрел в потолок. День и ночь слились для него воедино. Он частенько дремал днем, а по ночам бодрствовал, предаваясь воспоминаниям и размышлениям.

А что еще мог в таком положении он делать?

В начале апреля ему стало совсем плохо.

Об этом свидетельствуют записи в истории болезни:

«5 апреля 1947 года. Больной сегодня обедать отказался, при попытке покормить его выбрасывает изо рта пищу».

Через два дня:

«7 апреля 1947 года. Состояние тяжелое. Пролежни вяло гранулируют».

Еще через день:

«8 апреля 1947 года. Состояние больного очень тяжелое. Больной плохо реагирует на окружающих».

На следующий день:

«9 апреля 1947 года. Вид больного стал хуже, как-то больше постарел, кожа висит складками, все время разговаривает, трудно сказать о чем».

Но:

«10 апреля 1947 года. Жалобы на сердцебиение, однако кушает хорошо».

11 апреля 1947 года новые признаки неблагополучия:

«Состояние больного ухудшилось, появился небольшой кашель».

То, что Нордхаузен он больше никогда не увидит, Николаи в начале апреля уяснил для себя, надо полагать, твердо. И новые страдания стали терзать его оттого, что ни Эльза, ни Маргарет, ни Мари-Луизхен, ни Фриц-Юрген, ни Ганне-

лора не будут с ним в его последние минуты жизни и никогда не узнают, где, когда и при каких обстоятельствах он покинул этот мир.

В самой мрачной российской тюрьме, в Бутырке, как здесь говорили, умирал он, знаменитый полковник Николаи, руководитель лучшей разведки мира. Было ясно, что он исчезнет бесследно, растворится, как тень, уйдет в небытие. И ни звука, ни шороха не вырвется за эти тяжелые и непроницаемые стены.

Но было и утешение.

Он, полковник Николаи, выдержал это выпавшее на его долю испытание. Прошел через все. Немцы не упрекнут его в малодушии, если когда-нибудь познакомятся с протоколами его допросов, заглянут в следственное дело. Оказавшись за тюремной решеткой, он на исходе жизни проверил на себе то, что примерял к другим. Он не стал «национальным предателем», а вошел в почетную когорту «национальных шпионов», которыми гордится любая нация.

Ни Эльза, ни Грета, ни Лу, ни Фриц-Юрген, ни Ганнелора, ни все остальные, кто его знал, не будут за него краснеть. Его имя и честь остаются незапятнанными. Вот только узнают ли они, где он, их знаменитый родственник, закончил свой жизненный путь.

В советской тюрьме по вине какого-то недобросовестного американца умирал «гениальный шпион», как назвал полковника Николаи француз Жан Бардан. Он не назвал так даже своего соотечественника, начальника французской разведки генерала Дюпона, с которым главу германской разведки свела судьба после войны в Берлине в отеле «Адлон», где они обедали в одном зале. Дюпон был назначен союзниками руководителем контрольной комиссии, а Николаи зашел в «Адлон» пообедать. Дюпона предупредили, что его главный противник в войне тоже находится в зале за одним из столиков. И они встретились взглядами.

«На расстоянии он проявил большой интерес ко мне и, казалось, не прочь был со мною познакомиться. Но я этого избежал. Рукопожатие между нами, без сомнения, было бы оценено негативно со стороны моих немецких врагов. Безумие политической болезни того времени преувеличивалось и со стороны руководства разведки. Позднее в прессе я ука-

зал на его деятельность и позволил себе проследить, какие нити по контролю над Германией и по ее изоляции он мог бы собрать воедино. Ведь я знал, каковы были бы мои задачи и возможности, если бы при ином исходе войны я бы находился в Париже или Лондоне».

Но не полковник Николаи, а генерал Дюпон победил в той войне.

И все же будем объективны хотя бы в том, что победители многое себе приписали, умалив своего основного противника в секретных службах, которым был полковник Николаи. Когда на главу германской разведки обрушился град несправедливых упреков и он был вынужден уйти в «подполье», враги Германии живописали свои успехи в тайной войне, не стесняясь преувеличений, которые создавали сказочное превосходство над немецкими спецслужбами. И самым ярким доказательством тому была «пойманная» французами Мата Хари.

Полковник Николаи «вклеил» в свое домашнее «досье» несколько тысяч листов, в том числе и статью под названием «Шантили» из французской газеты «Иллюстрасьён» от 7 июня 1919 года, в которой описывалась деятельность Второго бюро (отделение разведки) французского генерального штаба в годы войны и начальника этого бюро тогда полковника Дюпона. Писавший о Дюпоне не пожалел красок:

«Под широким лбом этого высокорослого и широкоплечего человека с высокой точностью разворачивалась картина немецких боевых действий во всех деталях. Меряя крупными шагами свой рабочий кабинет и делая сильные затяжки из трубки, он с воодушевлением на лице говорил с вами все это время. Казалось, что его невыразительные глаза за стеклами пенсне глядят куда-то далеко в пространство. В январе 1916 года ему была особенно ясна ситуация. Он разгадал важнейшие работы, которые враг выполнял поблизости от Монтфакона. То было усиление батарей на севере у Брабанта и мероприятия против «Двойняшки», крепости Орнес. Он называл дивизии, которые были подведены для определенной цели, и создавалось такое впечатление, будто из Шантили он читал номера полков немецких солдат-пехотинцев.

Практически никто не оспаривал чрезвычайных способностей полковника Дюпона, который во всех армиях мира был известен как один из первых авторитетов в сфере деятельности разведслужбы. Англичане выразили ему благодарность, когда он с присущей ему проницательностью и скромностью ввел их в еще неизведанную для них область деятельности. На титульном листе крупного произведения, изданного британской разведкой, имеется посвящение полковнику Дюпону, что делает честь нашим союзникам.

Впрочем, шефа Второго бюро просто невозможно представить вне этой службы. Но меньше всего он соответствовал типу человека, которого представляют на его месте. При нем никогда не было никакой записной книжки, он был свободен от страсти к всевозможного вида записям, его методы не были шаблонны, а наполнены смелыми решениями. Соратник по учебе Марсея Превоста, он был прежде всего художник. Он никогда не тратил время на просмотр документов, чтобы найти в них ответ на какой-нибудь вопрос. Огромный груз знаний он нес в своей мощной седой голове. Его память была настолько удивительной, что ему достаточно было быстрого прочтения, чтобы содержание какого-либо тома навсегда осталось в его памяти. При посещении его рабочего кабинета всегда можно было застать его сидящим за чтением какого-либо романа. Таким образом он поддерживал неугасающую, нацеленную на постоянные перестройки силу воображения и боролся против склонности к систематизации, которая была одной из превратностей его профессии».

Полковник Николаи не читал на фронте романов, да еще с утра до ночи. После Первой мировой войны о нем не было написано ничего путного, потому что Германия войну проиграла. Материалы и документы, оказавшиеся в руках советских органов государственной безопасности, позволяют взглянуть на Николаи и его военные заслуги наиболее объективными глазами, глазами его начальников и подчиненных. Это мнение тех, кто не понаслышке, а с самой близкой дистанции, благодаря личному общению оценивает руководителя наиболее секретного учреждения германского генерального штаба.

Еще в ходе войны, в декабре 1917 года, генералу Людендорфу в одной необычной ситуации потребовалось защи-

тить своего начальника разведки, и он, принимая всю полноту ответственности на себя, сделал это одной короткой фразой:

«Майор Николаи является бесконечно преданным и ответственным офицером, который в самой высочайшей мере пользуется доверием своих начальников».

Еще раньше в личном деле Вальтера Николаи появилась запись, «ограждавшая» начальника разведки от какого бы то ни было «использования» на фронте. Это вылилось впоследствии в такие строки:

«Николаи был единственным начальником отделения, который при Мольтке, Фалькенгайне и Гинденбурге-Людендорфе продолжал оставаться в своей должности, хотя сам он неоднократно просил, чтобы его способности применили на фронте. И вот когда генерал Гренер стал преемником Людендорфа, то Николаи попытался в последний раз освободить эту должность. Но Гренер не согласился. И только когда началась революция, Николаи по требованию его политических врагов был смещен со своего поста».

В ноябре 1918 года отстраненный от должности и находившийся в «айзенахской ссылке», начальник германской разведки еще не был уволен из армии, а продолжал получать заработную плату как командир полка вплоть до 1919 года. Лишь тогда его официально уволили в запас. В связи с этим командующий рейхсвером генерал Сект 9 марта 1920 года подписал такой документ:

«Подполковник Николаи благодаря выдающемуся организаторскому таланту и достойной удивления работоспособности выполнил громадные задачи. Он обладал полным доверием начальника генерального штаба действующей армии и 1-го генерал-квартирмейстера и бескорыстно, не думая о себе, отдавался своей работе на благо общего дела. Своеобразие его сферы деятельности делало невозможным хотя бы временное его применение на фронте».

И это было написано о Николаи не в лучшие для него времена.

Увольнение из армии давно снятого с должности начальника германской разведывательной службы дало повод высказаться и его подчиненным. Преемник Николаи, упоминавшийся на допросах майор Гемп, в годы Первой мировой войны

бывший начальником тайной службы разведки, 8 сентября 1919 года послал в Айзенах из Берлина такое письмо:

«Мы, офицеры отделения III Б в составе мирного времени, обращаемся к Вам, Ваше высокоблагородие, с этим прощальным посланием в знак нашей благодарности. Пусть оно будет постоянно напоминать Вам о непреходящей товарищеской верности и убежденности Ваших подчиненных в Вашей правоте, доказательством радостного следования Вашим приказам и Вашему примеру, а также подтверждением того, что мы отдавали все силы в высоком патриотическом устремлении и совместной работе за немецкое дело.

Наша служба воспитала настоящих мужчин, наделенных чувством ответственности, которые идут несигибаемо, по всей вероятности, к тяжелому, но не безнадежному будущему.

В этом духе мы будем чествовать Вас во время предстоящего расставания с Вами как последним шефом III Б.

Гемп, майор генерального штаба
и руководитель группы разведки».

Ответ Вальтера Николаи из Айзенаха, 20 сентября 1919 года:
«Мой дорогой Гемп!

Можете представить, какую радость доставило мне ваше прекрасное памятное послание. Я благодарю всех подателей этого послания, а вас прошу передать мою благодарность тем господам, которых вы постоянно видите.

Вас лично я благодарю за те слова, которые вы приложили к этому посланию. То, что они истинны и откровенны, я это знаю. Поэтому все это наполняет меня чувством благодарной радости и показывает мне, что вся наша работа и все наши помыслы были не напрасны. А воспоминания, которые во мне рождает ваше письмо, прежде всего связаны со всеми теми товарищами, которые работали вместе со мной и которые близки моему сердцу.

Вы, дорогой Гемп, в первую очередь принадлежите к таковым. Поэтому я охотно передал в ваши руки остатки нашего труда. Надеюсь, что вы сможете выстоять и что это в ваших силах.

Пусть последующие поколения будут достойны тех, кто работал в III Б!

Неизменно ваш

Николаи».

Спустя много лет, в октябре 1934 года, в казино национал-социалистической партии в отеле «Адлон» в Берлине по инициативе старых служаков германской разведки, участвовавших в Первой мировой войне, прошла встреча, на которую прибыло 170 бывших сотрудников отдела III Б. «Все это происходило не по моему побуждению, — отметит позже Николай, — а по желанию моих подчиненных. Они были большей частью представители тех профессий, которые относились к государственной и экономической службам. Тут были представители науки, политических кругов, а также прессы, кто возвратился к своей профессии после войны, и часть из них занимала очень высокие посты даже в то время, когда Гитлер пришел к власти. Тем ценней для меня было их желание встретиться после тех событий, которые произошли, поделиться своими знаниями о работе, которую они вели, находясь в руководстве сухопутными и военно-морскими силами, а также работая в качестве функционеров национал-социалистической партии».

В «Адлон» прибыли поседевшие и погрузневшие подчиненные Николай, бывшие разведчики, с обращением к которым выступил теперь уже генерал-майор Гемп, продолжавший руководить после революции и Версальского мира тем подразделением в рейхсвере, которое стало преемником разведывательной службы германского генерального штаба действующей армии.

В архиве Вальтера Николай это обращение генерала Гемпа к бывшим сослуживцам и к нему лично сохранилось полностью. Впервые, пожалуй, так громогласно были оценены заслуги начальника германской разведки. В истории мирового шпионажа вряд ли найдется еще пример подобного откровенного выражения чувств тому, кто за время войны смог буквально «пустое место», состоящее из 20 активных и неактивных офицеров, превратить в мощную и самую эффективную из всех разведывательных служб, насчитывавшую к концу войны более 1000 офицеров разведки. Редкий начальник чувствовал вокруг себя спустя 15 лет такое сплоченное братство. Все сожалели, что после войны карьера полковника Николай прервалась. От имени офицеров Гемп высказал бывшему руководителю признательность.

Приведем выдержки из этой речи:

«Мы все, кто здесь собрались, принадлежали к этой службе. Мы все чувствовали дыхание духа и благо четкого, твердого руководства, что позволило нам в течение всей войны находить правильные решения.

То, что наша работа сопровождалась успехом, одно из многих неоспоримых и важных доказательств этого! Обо всех наиболее крупных вражеских наступлениях наша служба разведки докладывала своевременно, и, напротив, все крупные выступления немецкой стороны до июля 1918 года благодаря блестящей работе службы контршпионажа, а также умелому введению в заблуждение оказывали на противника ошеломляющее действие. Было доказано, что наши неприятели как до, так и после войны совершенно не были в курсе многих дел, в то время как мы справлялись со своей задачей и Германия благодаря этому успешно шла к победе!

Изучение военной истории дает множество примеров, которые показывают, что III Б лучше обслуживало немецкое Верховное командование, чем служба разведки наших врагов свое высшее руководство. Мы не боимся сравнений. Офицеры III Б из тайной службы разведки, фронтовой разведки, внутренней службы разведки и контрразведки, из прессы, пропаганды и из отечественной службы информации могут с полным правом сказать, что в тяжелейшие времена для Германии они выполнили свой долг и до печального конца вносили честный вклад и свою долю в успех операций. Это сознание тем более ценно, что оно обосновано. В основе нашей службы лежало то, о чем в интересах настоящего и будущего следует, по возможности, мало говорить и как можно меньше поднимать шума перед общественностью!

То, что мы чувствуем себя причастными к этим успехам, происходило благодаря нашему начальнику, который был для нас настоящим руководителем, четко представляющим цель».

Гемп обратился прямо к Николаи:

— Многоуважаемый господин полковник! Большое несчастье немецкого народа состоит в том, что он не узнал правды о вас и на вашу долю не выпала признательность за то, что вы сделали в годы мировой войны. Но вы можете гордиться, вспоминая о той чудовищной по масштабам работе, тем, что вы сделали ради рейха.

И, обращаясь к собравшимся, генерал воскликнул:

— Господа! Я прошу выразить самую искреннюю благодарность и глубочайшее почтение нашему шефу и руководителю во время мировой войны и прошу это сделать, провозгласив в честь господина полковника Николаи «ура!».

В записях об этом собрании в «Адлоне» в октябре 1934 года Николаи не без удовлетворения отметил: «Я переживаю счастливейшие часы в своей жизни, выслушивая уверения в признательности и верности. Я тоже выступаю и говорю о духе и товариществе, о том, как, будучи шефом III Б, старался руководить нашей службой. Мой преемник, являющийся начальником разведки рейхсвера, генерал Гемп благодарит меня: «Ваши слова напоминают мне глоток доброго вина из старой бутылки».

Если Николаи так и оставался до своего последнего часа «полковником» и в этом звании вошел в историю шпионажа, хотя в отдельных публикациях его называют «генералом», коим он никогда не был, то многие сотрудники отдела III Б стали не только генералами, но и фельдмаршалами. Однако и они сохранили к своему бывшему начальнику уважение и почтение, признавая его исключительные заслуги в той сфере деятельности, которой он занимался в годы войны.

В конце 1942 года одного из руководителей Государственного института истории новой Германии профессора Ганцера призвали в армию рядовым солдатом. Обычные ходатайства о возвращении профессора на прежнее место результатов не дали. И тогда об этом попросили Николаи, зная о его старых связях в вермахте, и тот обратился к своему бывшему подчиненному, в то время командующему Внутренним фронтом генерал-полковнику Фромму.

«Беседа с генерал-полковником Фроммом как солдата с солдатом доставила мне радость. Уже сам характер приема оказывал честь нам обоим. Он не заставил меня прийти в его рабочий кабинет, пользуясь тем, что он теперь является большим начальником, а сам пришел ко мне. Характерно для всего этого, что, будучи командующим Внутренним фронтом, он прежде всего спросил меня, а что, собственно, представляет собой Государственный институт, тем самым я понял, что он совершенно не в курсе дела о ценности и значимости этого учреждения и его возможностей в духовной поддержке военного руководства. Когда я ему об этом рассказал и в особенности о задаче, которую выполняет доктор Ганцер, он проявил большой

интерес и понимание. Я почувствовал, что я перед ним представляю как бы соответствующее министерство науки.

Фромм спросил также, а зачем, собственно, Ганцер находится в армии. Когда я мгновенно ответил, что он там в качестве «ефрейтора и обозного», генерал засмеялся, тем самым давая понять, что использование такой личности было бы справедливо именно в его области деятельности, и дал распоряжение своему начальнику штаба генерал-полковнику Келеру еще раз все проверить и, если мои сведения подтвердятся, то представить Ганцера к увольнению из армии».

Еще одна запись, свидетельствующая о многом:

«Я передаю мои пожелания генерал-фельдмаршалу фон Кюхлеру по случаю его высокого назначения. В начале мировой войны он служил у меня в штабе обер-лейтенантом и был отпущен мной из службы разведки для использования на фронте. Для меня представляет настоящую солдатскую радость чувствовать его проявление благодарности, а также доказательство его неизменной скромности и в то же время особой чести для меня. Я все еще являюсь для него «господином полковником», а не просто «дорогой Николай».

В апреле 1922 года скончался генерал Эрих Фалькенгайн. По этому поводу Николай написал воспоминания о нем, которые так никогда и не были опубликованы. Извлечение из этих записок:

«В конце января 1922 года я получил открытку. В ответ на это 22 февраля я посетил замок Линдштедт близ Потсдама, куда был приглашен на чай. Когда слуга в предвечерних сумерках открыл дверь рабочего кабинета Фалькенгайна, я испуганно отпрянул. От сохранившейся у меня в памяти юношеской свежести Фалькенгайна ничего не осталось. Теперь я увидел человека с поседевшей бородой, сидевшего в кресле, накрытого меховым пледом. Он заметил мой испуг и сказал: «Да, Николай, вы испугались, вы пришли к умирающему, но все равно входите». Я попытался объяснить, что это в сумерках не совсем рассмотрел его, но он, подав руку, возразил мне: «Николай, вы всегда мне говорили правду. А почему не сейчас?»

Эта последняя встреча с Фалькенгайном запала в память Вальтера Николай, и в плену, работая над рукописью «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт», он включил в нее и этот эпизод, завершив описание так:

«Признание, что я всегда был способен говорить правду, и доверие, высказанное мне в беседе перед смертью Фалькенгайном, неоценимая награда, которую принес мне пост начальника разведслужбы».

В этой же рукописи есть еще один момент, который характеризует Николаи:

«Без преувеличения скажу, что я всегда старался оправдать оказываемое мне доверие, не требуя за это порой денежной компенсации. Я брал даже иногда на свой счет некоторые мелкие хозяйственные расходы при моих ограниченных средствах. Меня упрекали за это, говоря, что мое поведение неправильно, что любая работа должна оплачиваться. Но на основании опыта я пришел к выводу, что подобное оказывает благотворное влияние на воспитание такой категории людей, которые необходимы начальнику разведки для их использования (в чуждых лагерях) или для подавления их (в собственных рядах). То был один из социал-демократов, фамилию которого не помню, наградивший меня «невидимым орденом» со словами: «Вы не добьетесь политического влияния (это было примерно в 1924 году), так как вас нельзя подкупить».

8 января 1918 года руководитель немецкого шпионажа написал с фронта своей жене:

«Я вновь был у Людендорфа. Он всегда излучает радость, легко соприкасаешься с его ясностью и энергией. И вот сейчас я испытываю эту радость, радость оттого, что он мне доверяет и прислушивается к моим советам. Этот совет не всегда удастся, особенно когда так много подстрекателей, с одной стороны, и фальши — с другой. Искусство состоит в том, чтобы не представляться глупым и в то же время оставаться честным».

В апреле 1933 года, когда пришедшие к власти нацисты стали расправляться с неугодными организациями, был нанесен удар и по Союзу фронтовых солдат «Стальной шлем», с руководством которого полковник Николаи поддерживал контакты до последнего часа.

Запись Николаи:

«В середине дня я вновь в федеральном ведомстве «Стального шлема». У Дюстерберга другой посетитель. Я ожидаю в канцелярии. Неожиданно дверь распаивается, руководи-

тель «Стального шлема» Берлина полковник Стефани при всех орденах врывается с большой толпой в комнату, где я нахожусь, а затем в кабинет федерального канцлера «Стального шлема» Вагнера. Один из его команды устраивается за письменным столом секретарши, другой передо мной. Я беру шляпу и собираюсь уходить. Представитель «Стального шлема» пытается меня задержать, у него приказ никого не выпускать из помещения. Я называю свое имя. Он куда-то кричит на лестничной площадке наверх: «Господин майор, здесь находится полковник Николаи!» Появляется майор, извиняется передо мной и приказывает сопроводить меня вниз по лестнице и позаботиться о том, чтобы я беспрепятственно ушел.

С трудом спускаюсь по лестнице, поскольку колени мои дрожат от пережитого. Я ожидал указания фюрера, по которому лучшие элементы «Стального шлема» должны подчиниться его приказу, но натолкнулся на предательство в руководстве, это приведет к роспуску Союза фронтовых солдат».

Николаи на стороне Гитлера, но он не может оставить тех, с кем работал долгие годы. Стремление помочь, несмотря на то что это может обернуться для него неприятностями, толкают Николаи на неординарный поступок.

Он заканчивает свою запись так:

«У меня остается намерение и дальше продолжать эту опасную борьбу. Вечером этого дня у меня на квартире встречаются господа, которым я доверяю как кредиторам. Я прошу их предоставить мне средства, чтобы я мог в течение года содержать Дюстерберга и ушедших вместе с ним в отставку руководителей союза и тем самым уберечь их от экономической нужды. Мне дают для этой цели требуемую сумму, 25 тысяч рейхсмарок. На следующий день я иду к Дюстербергу на встречу с теми, кого выбросили из этой организации. Я прошу их не предаваться тяжелым раздумьям в связи с возникшей для них экономической нуждой, поскольку средства, как и прежде, у меня имеются, во всяком случае на ближайшее время. Меня спрашивают, кто является кредитором. Я прошу рассматривать таковым меня как достаточную гарантию того, что руки, из которых эти деньги получены, являются достойными».

В архиве Николаи есть письма генерала Людендорфа. Людендорф откровенен с ним. Еще недавний сторонник Гитлера, генерал начинает с неприязнью относиться к установившемуся режиму. Высказывания Людендорфа неосторожны, но полковник Николаи сохраняет их для истории.

Людендорф, 2 ноября 1935 года:

«Ваше письмо, в котором вы уведомляете меня о своем переезде в Берлин, и известие в газете о кончине вашей матери я получил вчера. Кончина матери обусловлена самой природой, примите мои соболезнования.

А теперь вновь действуйте с присущей вам активностью. Большие радости не ждут вас впереди. Условия слишком критические. Выступайте в духе моей книги «Тотальная война», которую я только что опубликовал.

Да здравствует свобода!»

Из письма Людендорфа от 20 декабря 1935 года:

«Речь не идет о том, чтобы реагировать на критику в отношении меня и моей жены. Государство, которое отказывает народным сестрам в естественном праве на свободу личности и духа, не может ожидать того, что я изменю в отношении его свои намерения. Ведь критика меня невозможна с помощью тайной государственной полиции. Впрочем, я напомню вам об имперском конкордате рейха и его последствиях, которые, как никогда, усилили позицию Рима. Если мы уступим национал-социалистическому режиму, то Рим станет господином в Германии. Для того чтобы устранить недоразумение, я добавлю, что подобная уступка для меня не намечается в перспективе».

15 апреля 1937 года Людендорфа чествуют в вермахте по случаю его 55-летнего офицерского юбилея. Вскоре после этого Вальтер Николаи дома у Людендорфа поздравляет его с этой датой. В связи с юбилеем Гитлер присвоил Людендорфу звание фельдмаршала. Но Людендорф от этого звания отказался. При встрече он заметил Николаи: «Гитлер, скорее, стоит ближе к вам, чем ко мне, поскольку вы хотите ему помогать, а не я. Поэтому я должен рассуждать трезво. Полководцем я стал сам, фельдмаршалом меня назначили, стало быть, я этим обязан Гитлеру. Кроме того, я считаю неподходящим, чтобы фельдмаршал ездил в трамвае».

Запись Николаи:

«Именно так и высказался Людендорф, когда ему после войны присвоили звание фельдмаршала и когда он отклонил это звание со словами: «Я полководец от природы, а назначен фельдмаршалом». Он заявил, что не может принять это звание даже от Адольфа Гитлера. Звание «полководец» у него будет единственным, этого звания он достоин, он его заслужил».

В конце июля 1943 года Николаи получил от генерала Гемпа письмо:

«Многоуважаемый господин полковник!

Дорогой Николаи!

По случаю вашего предстоящего в скором времени 70-летия передаю вам от себя, а также от моей жены самые сердечные поздравления!

Вы отмечаете эту дату в тяжелые времена и поэтому трудно вселить в вас надежду на неомраченное, свободное от забот и мирное предстоящее десятилетие вашей жизни. Слишком многими тяжелыми событиями уже встретила вас война и слишком отчетливо видны опасности, к которым могут привести события последних дней. Еще совершенно неясны последствия переворота в Италии. Я не доверяю уверениям в том, что итальянцы продолжат войну, подозрителен сам текст коммюнике после последней встречи фюрера с дуче. Несмотря на это, мои самые искренние пожелания вам благополучия и чтобы это благополучие было и у вашего разросшегося потомства.

Поздравить вас с вашим 50-летним служебным юбилеем мне помешала кратковременная прикованность к постели и то, что я хотел бы вам открыто изложить. Я надеялся, что вместе с этим письмом смогу послать вам поздравление по поводу присвоения вам звания «генерал». Это началось три года назад. Штоттен, проявив инициативу, сделал представление через заместителя командующего генерала Шнивиндта в управление кадрами армии. Я тоже написал об этом главнокомандующему армии генералу Браушвицу. По его поручению мне ответил тогдашний начальник управления кадрами генерал Кейтель, который сообщил, что такое ходатайство, к сожалению, в настоящее время не может быть удовлетворено и он хотел бы, чтобы запрос повторился при каких-либо особых обстоятельствах, например по случаю

вашего 70-летия или 50-летия служебной деятельности. Такой же ответ получили и другие заявители, в том числе и адмирал Канарис как начальник военной разведки и контрразведки.

В конце прошлого года я попросил со ссылкой на ваши предстоящие юбилеи в 1943 году возобновить это ходатайство, на что Канарис с готовностью и теплотой согласился. Однако обмен мнениями с начальником управления кадрами армии по вопросу, касающемуся повышения званий, как и ответ полковника Янке, адъютанта адмирала Канариса, показал, что такое ходатайство не может быть удовлетворено, поскольку по ныне действующим основополагающим принципам очередное повышение звания возможно только тем офицерам, которые вновь участвуют в войне. Более того, каждое повышение в звании до генерал-лейтенанта зависит от предшествующего успешного руководства дивизией в условиях боевых действий. Таким образом, наша акция провалилась, и я пишу об этом потому, чтобы вы видели, что вы не забыты и что адмирал Канарис, в некотором роде ваш преемник, также за то, чтобы вам было присвоено это звание. Штоттен и по настоящее время действует в этом направлении, и я постоянно занимался этим вопросом, так что вы теперь видите, какая работа велась, и я полагаю, что, несмотря на то что Штоттен просил меня не говорить об этом, тем не менее считаю правильным уведомить вас обо всем».

Письмо заканчивалось так:

«Я раньше вас отметил свое 70-летие, а именно 6 июля, и радуюсь, что наконец-то найду время для своих личных дел, для своей семьи и т.д. Высшими органами вермахта в связи с моим служебным юбилеем признана моя успешная деятельность по восстановлению абвера после поражения армии, но я эту похвалу передаю вам в знак того, что вы мне помогали, и я все время старался использовать принципы нашей спецслужбы, заложенные вами в Первой мировой войне, тем самым создавая условия успешной деятельности абвера в грядущей войне».

Из Нордхаузена 3 августа 1943 года генералу Гемпу:

«Мой дорогой Гемп!

Среди приветствий, которые поступили мне в связи с 70-летием от сотрудников, работавших вместе со мной, наи-

более важным оказалось ваше. Ведь никто не может лучше нас понимать, какие обязательства несет руководитель. Действительно это и сейчас.

С вашей стороны было правильным сообщить об усилиях, которые предпринимали Штоттен и вы в отношении меня. Я радуюсь этому, а также тому, что меня положительно оценил адмирал Канарис, присоединившийся к вашей инициативе, поскольку он специалист в этой области. И это для меня самое главное. Но, как бы я благодарно ни воспринимал ваши усилия, мое искреннее ощущение, что из этого ничего не выйдет. Я ценю, конечно, ту честь, которая мне оказывается в том, чтобы я носил звание генерала нашей славной армии. Но я не буду раздосадован из-за непреодолимых формальных препятствий, поскольку я не честолюбив. Сейчас я стараюсь еще раз предоставить весь мой практический опыт и благодарен судьбе, что в моем возрасте обладаю бодростью и подвижностью, и это позволяет мое последнее, зрелое использование. И хотя нынешняя моя работа проходит без внешней признательности, я отношусь с глубокой благодарностью к тем, кто способствует этому и понимает меня.

Я рад, что вы сообщаете о хорошем состоянии вашей супруги и ваших детей. И я прошу простить меня, что я не вспомнил о вас в день вашего служебного юбилея и вашего 70-летия. Я полагал, что вы в этих датах следуете за мной. Но если мы теперь с вами будем идти вместе, то тогда мы пойдем друг друга без слов.

Я иду впереди вас в том плане, что у меня десять внуков и один правнук. Но я далеко отброшен назад по сравнению с вами тем, что я одинок из-за преждевременной смерти моей жены. Поэтому прошу передать мой привет вашей обожаемой супруге, которая постоянно находится рядом с вами и понимает вас.

Больше я, к сожалению, пока ничего не могу написать. Поскольку мне вновь предстоит поездка в Берлин, то я надеюсь поговорить с вами там о моих делах с глазу на глаз. Остаюсь верный вам Николай».

После того как в Германии пришли к власти гитлеровцы и в прессе появились сообщения о том, что Николай возглавил разведслужбу, авторы отдельных публикаций обвинили «короля» шпионажа в разных преступлениях. Это якобы он

«обезглавил» берлинских шпионок, в частности некую фрау Берг. И хотя эти публикации были столь же недостоверны, как и другие, тень «палача» повисла над именем Николаи. Теперь он защищает себя сам:

«В конце апреля 1933 года я имел беседу с одним крупным аграрием из Шлезии в отеле «Тепфер» в Берлине. В заключение беседы он передает мне просьбу. За день до этого он был гостем директора фирмы «Сименс» фон Берга и во время этого посещения познакомился с хозяйкой дома, как выяснилось, моей страстной поклонницей. Когда он сказал ей о нашей предстоящей встрече, она попросила, чтобы он познакомил ее со мной. Она уже ждет в зале, и он просит разрешения представить ее мне. Я с ней знакомлюсь. Она просит извинения в связи с тем, что муж не смог ее сопроводить сюда, и приглашает прибыть к ней на следующий день на чай. Я следую ее приглашению. Она принимает меня одна, ссылаясь на то, что ее муж опаздывает, и в таком туалете, что я покидаю ее еще до его прибытия, поскольку обстановка приема и уверения в моем обожании отталкивают меня.

И вот теперь министерство обороны рейха сообщает, что арестованы три замешанные в предательстве родины благородные дамы и среди них жена Берга. Они состояли на службе у польского военного атташе».

Под своей записью бывший глава германской разведки подклеил вырезанную им из газеты заметку под заголовком «Повешенье шпионки»:

«Страсбург, 21 мая. Страсбургская газета «Ля републик» сегодня утром сообщила о том, что повешена недавно осужденная на смерть фрау фон Берг. Фрау фон Берг была замешана в афере шпиона Сосновского¹, она раскрывала секреты немецкой авиации».

Теперь известно, как все было на самом деле, но и тогда это не представляло особого секрета. Даже Жан Бардан, описав подробно этот случай в упоминавшейся уже книге, не вставил в строку имя полковника Николаи, а он-то не преминул бы сделать это, если бы тот имел хоть какое-то отношение к разоблачению шпионок. Исказил истину поляк Ос-

¹ Сосновский — полковник, руководитель польской разведки в Берлине, в 1939 году во время германо-польской войны попал в руки НКВД.

кар Рэй, который пустил в оборот не одну выдумку о знаменитом «супершпионе» и, как это видно из его публикаций, заметно преуспел в этом.

Во французской «Пари-суар» 21 февраля 1935 года появилась большая статья Рэя, озаглавленная «Человек, который приказал расстрелять мисс Кавель». В ней, в частности, говорилось:

«Во время четырех кровавых лет мировой войны в Германии был один человек, о котором широкие массы ничего не знали, хотя его власть фактически равнялась власти императора. Часто происходило так, что кайзер не мог исполнить свою волю, если эта воля шла вразрез со взглядами и планами этого таинственного человека.

В начале войны этот человек был только обычным капитаном, позднее он получил чин полковника, но читатели немецких газет никогда не встречали его имя в колонках, где сообщалось о военных действиях. Тайна, которой он окружил свою деятельность, позволила ему действовать с большой силой и эффективностью.

Существование тысяч людей зависело от одного слова этого человека. Было достаточно, если он своим холодным тоном произносил: «На виселицу», и несколько часов спустя тот, кому был вынесен такой приговор, безжалостно вычеркивался из списка живущих, даже если он находился за тысячу километров от места расквартирования немецкого генштаба.

Решения полковника Николаи не подлежали обжалованию. Кайзер, который имел право помилования людей, осужденных военным судом, не мог изменить мнения этого всемогущего человека, полковника Николаи, чье имя находится в темноте, как и его личность».

Поляк приводит случай, ставший широко известным в годы Первой мировой войны, о чем пишут и до сих пор:

«Для обозначения деятельности Николаи достаточно описать роль, которую он сыграл в трагедии мисс Кавель.

Когда приговор английской сиделке был вынесен, началось брожение не только в лагере союзников и нейтралов, но и в шовинистических кругах рейха. Многие высшие офицеры генерального штаба обратились тогда к членам царского дома с заявлением о помиловании осужденной, приго-

воренной, по их мнению, без достаточных правовых оснований. Доверенные лица долго умоляли кайзера о снисхождении к мисс Кавель, так что за несколько часов до мученической смерти англичанки в хорошо информированных кругах могли шепнуть, что кайзер поддается воле общественности и помирует мисс Кавель».

Однако, пишет Оскар Рэй, в дело вмешался всемогущий начальник германской разведки и контрразведки:

«И тогда пришел в Брюссель маленький улыбающийся человек — полковник Николаи. Он созвал в свое бюро всех, кто высказывался против казни, выслушал их суждения и не моргнув глазом заключил безразличным голосом: «Я очень сожалею, но казнь мисс Кавель неминуема. В противном случае я не смогу разобраться с «фракциями» и шпионами. Я уже разговаривал по телефону с Берлином, и кайзер разделяет мое мнение».

На рассвете раздался залп группы казни, отозвавшийся глухим эхом, залп, за который должен нести ответственность весь цивилизованный мир».

Еще за несколько лет до этой публикации, в марте 1928 года, Николаи, как это видно из его архива, сделал следующую запись о «случае» английской медицинской сестры Эдит Кавель, работавшей под эгидой Красного Креста на оккупированной немцами территории Бельгии в госпитале, где находились на излечении раненые военнопленные союзников.

«Вражеская пропаганда продолжает усиленно муссировать случай, связанный с судьбой мисс Кавель, осужденной на казнь военным судом при генерал-губернаторе в Берлине за военную измену, но не за шпионаж, а стало быть, это дело к моей сфере интересов не относилось. Я посылаю запрос в министерство обороны с просьбой установить, сколько женщин было осуждено врагом за так называемую деятельность в пользу немецкой службы разведки».

«С целью контрпропаганды я указываю на то, что в документах должен быть обширный материал о том, как много женщин использовали вражеские службы разведки. Насколько я помню, до апреля 1917 года военно-полевыми судами в Бельгии и в оккупированных местностях Северной Франции 160 женщин всех сословий, а среди них и много-

численные медицинские сестры, были осуждены за участие в шпионской деятельности. Но в то время, как свидетельствует пересланный мне список, уличенные в шпионаже женщины вражеским союзом приговаривались к смерти, немецкая сторона изобличенных в шпионаже женщин хотя и приговаривала к казни, но эту казнь не проводила, а впоследствии заменяла ее исключительно мягкими приговорами».

В списке, который получил полковник Николай из министерства обороны, назывались следующие имена:

«За шпионскую деятельность французами осуждены и повешены:

Немка Маргарет Шмидт в Нэнси в марте 1915 года.

Немка Оттили Мосс в Бургезии в мае 1915 года.

Немка Фелиция (Луиза) Пфаадт на площади для расстрелов Фаро в Марселе 20 августа 1916 года.

Голландка фрау Маргарет Целле (Мата Хари) 15 октября 1917 года в Винценсе близ Парижа.

Француженка Антуанетта Дуфо 21 декабря 1916 года.

Француженка Мария Антуанетта Арико под именем Регины Дианы в Марселе 5 января 1918 года.

Национальность и день повешенья не зафиксированы:

Роза Франчилла.

Роза Чиметире.

Эмма Фьюг.

Эмилия Буземетир.

Бельгийцы осудили и повесили за шпионаж:

Бельгийку Юлию ван Ваутергем 18 августа 1914 года в Левен».

Этот список, публикуемый, возможно, впервые, дает более объективную картину происходившего.

Ниже бывший глава германской разведки и контрразведки написал:

«Примечательны английские приговоры, которые разбирают случай Кавель и с пониманием идут навстречу немцам. В этой связи в «Дейли экспресс» от 4 ноября 1916 года фрау доктор Элла Скарлетт-Синг, в «Юстиции» от 30 января 1919 года Роберт Ач и в «Нью эйдж» от 1 мая 1919 года А.М.Камерон прямо говорят о том, что мисс Кавель использовала в своих целях доверие, оказанное ей немецким Красным Крестом».

За что же расстреляли англичанку? За организацию побегов военнопленных из госпиталя, в котором она работала. И хотя в этом ей помогали английские офицеры разведки, сама сестра милосердия шпионажем не занималась. К осуждению и расстрелу ее поэтому начальник германской разведки и контрразведки никакого отношения не имел и не мог иметь, ибо «побеги военнопленных» были вне его «сферы интересов». Наказание мисс Кавель, конечно, получила чересчур суровое, расстрела она, как и Мата Хари, не заслуживала. Деля запись об этом случае в марте 1928 года Николай из-за того, что он и его контрразведчики делом англичанки непосредственно не занимались, даже допустил неточность, упомянув генерал-губернатора Берлина. На самом деле к этому расстрелу были причастны комендант Брюсселя и генерал-губернатор Бельгии, которые 11 октября 1915 года сказали последнее слово.

Джулия Уилрайт в книге о Мата Хари не забыла и мисс Кавель:

«Хотя британские газеты и были убеждены в том, что их нация отличается воистину рыцарским поведением и может прощать шпионок, отсутствие комментариев по поводу казни Мата Хари было особенно заметным на фоне громкой шумихи вокруг дела Эдит Кавель. Обе женщины погибли при одинаково трагических обстоятельствах. Кавель, содержащая школу сестер милосердия в Брюсселе, помогала многим солдатам союзников переправиться в Голландию через бельгийскую границу. 5 августа 1915 года она была арестована и доставлена в городскую тюрьму Сен-Жиль, где ее поместили в камеру одиночного заключения. Никакие посетители к ней не допускались. Германский военный трибунал, собравшийся в депутатском зале 8 октября, признал ее виновной в организации побега заключенных и вместе с четырьмя другими обвиняемыми приговорил к смертной казни.

В 8 часов вечера 11 октября секретарь американской дипломатической миссии в Брюсселе Хью Гибсон получил уведомление, что казнь Кавель состоится на рассвете. Испанский посланник, маркиз де Вилльялобар, обратился к немцам с просьбой предотвратить казнь. Американец, дипломатическая миссия которого представляла также британские ин-

тересы, «особо подчеркнул, что казнь женщины, каким бы ни было совершенное ею преступление, отличается жестокостью». Но барон фон дер Ланкен оказался непреклонен, заметив, что «даже сам император не смог бы вмешаться». Все же фон дер Ланкен внял уговорам и разбудил генерала Зайберцвейга, военного коменданта Брюсселя, чтобы обсудить дело с ним. Однако генерал отменил прочь все доводы фон дер Ланкена и остался глух ко всем просьбам о снисхождении. Даже барон фон Биссинг, генерал-губернатор Бельгии, тот самый человек, обольстить которого намеревалась Мата Хари, отказался ответить на последнее ходатайство американцев о сохранении жизни Кавель.

Из тюрьмы Сен-Жиль ее вывезли вскоре после полуночи и, доставив на Национальное стрельбище на окраине Брюсселя, расстреляли. Это случилось 12 октября в 2 часа ночи».

Оскар Рэй пустил в полковника Николаи фальшивую стрелу.

Еще одна интрига закручивалась вокруг некоторых архивов отдела III Б, которые после увольнения с поста начальника разведслужбы якобы унес с собой полковник Николаи. В описании того же Рэя это звучит так:

«В конце боевых действий полковник Николаи исчез, открыв свое намерение только самым доверенным лицам. Это была трагическая эпоха всеобщего хаоса и время, когда руководствовались принципом «спасайся кто может». Главное управление разведки сворачивалось. Генштаб приказал полковнику Николаи сжечь все архивы, чтобы не скомпрометировать агентов, которые работали против союзников.

В своей непонятной отставке полковник занимался тем, что изучал архивы, которые унес с собой. Эти архивы были бесценной вещью, так как содержали не только шпионские сведения, но и досье на членов императорского двора. Все скандалы и многое другое. Архивы имели цену, несоизмеримую ни с чем.

Полковник решил во что бы то ни стало сохранить архивы в надежде, что когда-нибудь они пригодятся».

Переписывая это на свой лад, французские исследователи «Истории мировой разведки» Роже Фалиго и Реми Коффер спустя почти шестьдесят лет после Оскара Рэя озвучили этот пассаж таким образом:

«Николаи ушел не один, он унес с собой архивные ящики, в которых были досье на интимную жизнь императорской семьи, генералов, промышленников, политиков и их любовниц. Обширная документация, которая могла хорошо послужить».

Отсутствие правдивых сведений породило слухи о служебной «нечистоплотности» начальника германской разведки. Представить полковника Николаи, таскающего какие-то «ящички» с документами из отдела III Б, которые он как начальник контрразведки должен был охранять и доступ к которым ему был отрезан неожиданно даже для него самого сразу после отстранения его от должности, просто невозможно. Но нелепость выдвинутых обвинений состояла и в том, что никаких «досье» на императорскую семью в отделе III Б не было вовсе. Глава кайзеровской разведки почитал своего сюзерена с юных лет, и это чувство окрепло в нем за годы войны, как он сам в этом признается, когда он лично стал общаться с императором. Заводить какое-либо «досье» на Вильгельма II было для начальника германской разведки столь же противоестественно, как если бы верующий человек стал собирать «компромат» на святых угодников.

Только старший сын кайзера, кронпринц Вильгельм, не чуравшийся амурных дел даже в полевых условиях, отмечен в воспоминаниях полковника Николаи, но не более чем в рамках его служебной деятельности как начальника контрразведки германской армии, заботившегося о сохранении военных секретов, которые могли «уходить» через женщин¹.

Вот одна из записей Николаи в военном дневнике 10 августа 1918 года:

«Моя поездка в Шарлевилль вызвана тем, что директор полевой полиции Западного фронта сообщил, почему не удалось удержать в тайне наше наступление 15 июля у Реймса и что в районе 5-й армии распространились слухи о предательстве француженки, которая является любовницей кронпринца и живет у него.

С начала войны мне стали известны сплетни о личной жизни кронпринца, а также и какие-то достоверные факты.

¹ Кронпринц Вильгельм был командующим армией на Западном фронте.

Я знаю, что многое здесь преувеличено, но то, что было на самом деле, я не понимал и осуждал. Однако в мои обязанности не входило вмешательство в эти дела. Мне казалось, кроме того, достаточно, что рядом с кронпринцем находились ответственные лица, а именно два флигель-адъютанта и начальник генерального штаба при кронпринце, сначала Шмидт фон Кнобельсдорф, а затем граф Шуленбург. С последним я на эту тему имел беседу, когда стал вопрос о переезде штаб-квартиры кронпринца в Шарлевилль.

Это обсуждение, к сожалению, ничего не дало, наоборот, мне стало известно и другое. В то время как в малом по размеру местечке Стенау все делалось осторожно, то в более крупном Шарлевилле, где кронпринц жил в отдалении, в предместье Белле Эир, полагали, что это не будет бросаться в глаза. В этой связи достаточными были мои согласования с директором полевой полиции, который предупреждал меня обо всем.

Но нынешний случай был довольно щекотливым, поскольку молодая француженка, родом из Шарлевиля, известная всем в городе, своим происхождением ни в коей мере не притязала на скромность. Эта француженка жила рядом с виллой кронпринца, расположенной в большом парке возле его штаб-квартиры, а в этом парке проводили работы ополченцы из резервистов.

(После войны меня умоляли, чтобы я обо всем этом молчал. И если в моих записях я говорю об этом, то происходит это только потому, что я хотел бы, чтобы историк имел надежную опору в отношении тех фактов, которые имели место, на тот случай, если позднее с какой-нибудь стороны поползут слухи о тех временах. Наивно думать, что враги кайзеровского дома не обладали точными сведениями о происходящем и что об этом не знали сотни и сотни порядочных и верных долгу солдат, которые на все это смотрели, покачивая головой. Было также наивно полагать, что ополченцы избегали что-либо говорить по этому поводу и вряд ли умолчали бы о том, что знали, после войны. Однако и во время войны, и потом я удивлялся тому, что эти сведения не были использованы. Из этого я сделал вывод, что враг занял выжидательную позицию, надеясь, что порох сам собой рассыплется и вспыхнет, если последует реакция на но-

ябрьский мятеж против монархии. Однако как будто сам кронпринц предоставил шанс увенчать систему 1918 года и парализовать оппозицию в рядах старого государства и этими действиями сделал кайзера более уступчивым)».

Продолжение записи:

«К сожалению, тут замешан и мой новый офицер разведки майор Анкер. И вот чтобы выяснить все, я и еду в Шарлевиль. Я не хотел доводить дело до крайности, но намерен был отдалить моего офицера от графа Шуленбурга, у которого тот пользовался уважением, и избавить от дружбы с ним кронпринца. Я заявил ему, что мне известно, что у него тоже живет француженка. И когда он нагло стал вскипать, я спокойно объяснил, что до утра ожидаю от него письменного подтверждения о том, что француженка исчезла, а также его уверения под честное слово, что он никогда больше не попадет в такое положение.

Я должен еще сказать, что упомянутая француженка, которая находилась возле кронпринца, ее имя Габриэла Бюрре, была дочерью родителей, державших публичный дом в Шарлевилле. Вот из-за такого положения дел я считаю, что мои действия совершенно оправданы и я имею повод для служебного вмешательства.

Шуленбург, которого я уведомляю по телефону, тотчас меня принимает. Он потрясен изложенным мной. На его вопрос, что должно произойти дальше, яставляю требование о немедленном исчезновении этой француженки Габриэлы. Для нее я подыщу квартиру в Лилле под надзором и защитой. Подозрение в предательстве, которое пало на нее в связи с реймскими событиями, без сомнения, несостоятельно. Она была под контролем, связей с населением не имела, а кроме того, слишком глупа и бесталанна для того, чтобы быть пригодной для подобных целей. Это подозрение, возможно, было брошено из кругов, вынашивающих революционные замыслы, которые сейчас со злорадством наблюдают за всей этой возней, надеясь извлечь для себя выгоду в грязных политических целях. Шуленбург выражает всяческую поддержку моим намерениям. Я же хочу получить гарантии, так как потребую от кронпринца письменного заявления о том, что после того, как произойдет отдаление француженки от него, эти отношения ни в какой форме не будут

продолжены. В противном случае я не смогу отвергнуть высказываний, что Габриэла Бюрре не была использована с целью предательства интересов родины и что в этом случае я буду вынужден обратиться к авторитету фельдмаршала и Людендорфа».

Вот как завершается приезд начальника германской контрразведки в Шарлевилль:

«После этой беседы я рассчитываюсь с моим офицером службы разведки майором Анкером. В мгновение ока все становятся благодарными мне за то, что я своими мерами воздействовал на него. Я полагаю, что позднее для всех участников было бы желательней, если бы я тогда сделал его абсолютно безвредным, так как, насколько я осведомлен, его молчание стоило много денег. В своей книге «Кронпринц и женщины», которую я не читал, но о которой мне рассказывали, он описал вещи даже в розовом цвете.

Вечером я вновь в Авеснесе. Тишовиц сообщает мне, что два флигель-адъютанта кронпринца, майор фон Мюлднер и фон Мюллер, звонили и просили встречи с ним. Они полагают, что найдут в этом спасение. Тишовиц указал им на меня и спрашивает, захочу ли я их принять в 1 ночи. Раньше они не смогут прибыть, поскольку до их отъезда из Шарлевилля кронпринц, который еще ничего не знал о моих действиях, сначала должен лечь спать. Я соглашаюсь встретиться с ними. Беседа ограничивается выражением радости и благодарности за то, что я освобождаю их от длительных забот, сомнений и бесполезных поисков решения, а также проявлением боязни и страха по поводу того, как все это будет разворачиваться в дальнейшем и как они должны преподнести все это своему молодому господину. Из этого я вижу, что Шуленбургу тоже не все здесь ясно. Я еще раз выдвигаю перед ними мое требование, остальное опускаю, в том числе и сообщение, когда все должно быть ими подготовлено для переезда в Лилль».

Николаи не скрывает, что немецкая контрразведка оберегала военные тайны, а потому предпринимала соответствующие меры для их сохранения:

«Я знаю об этих событиях. Они мне стали известны через контроль писем, введенный при Фалькенгайне и для генерального штаба. Когда я его спросил, должен ли существо-

вать такой контроль и для писем генерального штаба, он ответил характерными словами: «Ну да, наверное!»

Эти меры были приняты для устрашения, чтобы исключить сообщения военного характера в частных письмах, которые могли быть особенно опасны, поскольку они исходили из высших, самых осведомленных кругов. Проведение такого контроля оставалось возможным и в заключительный период войны, как и контроль междугородных разговоров. На последнем этапе войны этот контроль проводился только выборочно, и, само собой разумеется, это было не моим личным делом, а делом только особо доверенного лица».

И как бы подытоживая все, Николаи признается:

«Я упоминаю об этих делах, поскольку они освещают сферу деятельности, реализацию которой я оговорил за собой, так как всегда это затрагивало круги высокого ранга. Директор полевой полиции Бауэр, надежный, рассудительный, открытый и честный человек, подобные факты и жалобы сообщал только мне, исключая любые другие инстанции. Неоднократно я вынужден был подставлять себя, к моему неудовольствию, занимаясь этими вопросами, устраняя опасность в отношении ведения военных действий, исходящую с этой стороны. Некоторые лица проявляли ко мне враждебность, но эта враждебность всегда имела ограниченный и временный характер и заканчивалась осознанием того, что я действовал правильно. Само собой разумеется, что я брал все это под свою ответственность, не докладывая об этих делах начальнику генерального штаба. Тогда, когда было необходимо, я делился подробностями с руководителем центрального отделения в генеральном штабе, и таким путем сообщение доходило как до Фалькенгайна, так и до Людендорфа, которые таким образом знакомились и с этой стороной моей деятельности. Мне было оказано молчаливое доверие. Упоминанием об этом здесь я считаю вопрос исчерпанным».

Дальше такое добавление:

«Образцом являлся тот круг, в котором жил я. При этом я не хочу ни в коей мере, в том числе и в отношении себя, выдвинуть притязания на моральное превосходство, но в то же время, безусловно, имею право высказаться об этом, так как я отдавал всего себя без остатка выполнению своих служебных обязанностей».

Заканчиваются записи так:

«Резюмируя все вместе взятое, хочу напоминанием о таких вещах усилить убеждение тех, кто судит о прошлом с исторической точки зрения, что старший начальник службы контрразведки во время мировой войны испытывал не только враждебность в деловых вопросах, но, что еще тяжелее, личную враждебность со стороны конкретных лиц и что сегодня и в будущем, а также и в мирное время не будет иначе. А вот в деловом плане я хотел бы констатировать, что фактически все это имело значительно меньший размах, чем об этом болтали».

В материалах, изъятых сотрудниками НКВД в доме полковника Николаи, никакого «компромата» на монарха и его семью не оказалось. Но записи о кайзере Вильгельме II были. Однако это совсем не то, о чем писали или намекали публицисты, считавшие, что знают о начальнике германской разведки даже больше, чем он сам о себе.

Извлечения из этих записей Николаи:

«В мои обязанности как начальника контрразведки входила и пропаганда, в которой преуспели наши противники, а Германия, по сути, отказалась от этого средства борьбы. Роковая для Германии цель этой пропаганды была личность главы монархического государства кайзера Вильгельма II. Находясь в непосредственной близости от него, я в полном объеме выяснил, насколько мало соответствовала изображаемая в политической борьбе фигура кайзера реальной личности.

Происходя из семьи, которая служила своему государству в течение столетий, поставляя на государственную службу офицеров и служащих, рано лишившись отца, я, воспитанный матерью и преподавателями кадетского корпуса в простоте, строгости и в духе великого прошлого, пройдя до войны путь офицера от маленького пехотного гарнизона до генерального штаба, по отношению к кайзеру занимал само собой разумеющуюся позицию долга и верности. Но я не знал его лично.

Наступившая война неожиданно поставила меня вблизи кайзера. Прежде всего это выражалось в служебных отношениях, но через полтора года я впервые стал гостем кайзеровского стола. Император указал мне место возле себя. Не

имея придворного воспитания и полностью погруженный в сферу своей обширной деятельности, я чувствовал себя рядом с ним только офицером. Очевидно, это придало мне симпатию в его глазах. С этого момента мне было приказано являться к столу. Кайзер несколько раз отмечал меня подарками и наградами, и я действительно познакомился с ним ближе. Ранее унаследованное мной чувство превратилось в убежденность и глубокое личное почитание. И это убеждение было более сильным, чем те сведения, которые распространяли в отношении кайзера как внутри страны, так и за рубежом. О целях этой пропаганды я узнал, уже работая в службе разведки.

Согласно распространяемой версии кайзер якобы стремился к войне. Но правильным было как раз обратное. Кайзер очень страдал оттого, что ему эту войну не удалось предотвратить. Ужасы войны противоречили его мягкой эстетической натуре. Трудные решения буквально изо дня в день наваливались на него. Долгие часы ожидания исхода тяжелых боев, неблагоприятные сообщения военного и политического характера бесконечно его беспокоили. Страдая от бремени войны, кайзер в то же время считал, что как император и верховный главнокомандующий он должен придавать силы другим. И только те, кто был рядом, видели, как тяжело было суверену страны нести этот груз».

Отношение кайзера к противнику:

«Если разговор шел о противнике, то кайзер с уважением отзывался о французах, их энергии, чувстве национального достоинства, которым он восхищался. Эти свойства он хвалил и в англичанах, не скрывая при этом враждебного отношения к ним, поскольку считал их ответственными за развязывание войны. Его симпатии к итальянцам со временем полностью угасли. Об американцах он был того мнения, что, несмотря на то, что они оказывали поддержку противникам Германии обмундированием и оружием, они все-таки не стремились к ее уничтожению. Из нейтралов кайзер особенно уважал испанцев за их рыцарскую позицию в войне. Военнопленные и раненые из неприятельского лагеря всегда вызывали в нем сочувствие. Его особой заботой в Шарлевилле пользовался живший поблизости от кайзеровской квартиры старый парализованный француз-инвалид из Алжира, за

которым он приказал ухаживать и которого всегда дружески приветствовал во время своих прогулок на лошади».

Отношение кайзера к историческим реликвиям во время войны:

«Его интерес к историческим памятникам проявлялся и на театре военных действий. Руины Мантерма северо-восточнее Шарлевилля часто были целью его пешеходных прогулок. Согласие на разрушение Кучу ле Шато он дал только после того, как была доказана военная необходимость этого. Кайзер очень переживал, что многие выдающиеся сооружения погибли во время войны. В ряде случаев он лично вмешивался, чтобы защитить ценные произведения искусства от разрушения. Он взял под защиту сооружение Шато Белевью при Седане, где император Наполеон в 1871 году передал свою шпагу королю Вильгельму I. Кайзер посетил домик ткача при Седане, который связал двух исторических личностей, Наполеона и Бисмарка, и оставил свою запись в книге посетителей. В дни сражений кайзер отказывался от того, что для него означало отдых. При возвращении из одной поездки, в которой он осматривал монастыри при Гивете, кайзер уже в Шарлевилле получил сообщение о завершившихся тяжелых боях у Соувилля. Свое негодование он выразил самым резким образом, заявив: «Меня заставляют ездить в то время, когда войска участвуют в тяжелом сражении».

Руководитель германской разведки оставил свое впечатление о Вильгельме II и как о военачальнике:

«Исторический образ кайзера носит явно выраженный милитаристский оттенок. Это правильно лишь с определенными поправками. Ни по своему характеру, ни по своему развитию кайзера Вильгельма II нельзя назвать солдатом.

Раннее вступление в правительственные дела прервало его военное образование, хотя уже в молодости он как монарх стал во главе армии. Генеральный штаб вызывал у него доверие, он отмечал его наградами, но интересы молодого кайзера шли в ином направлении, его не занимала неприметная и кропотливая работа генерального штаба. Лишь немногие офицеры, почти только те, кто обладал не только военными, но и другими способностями, входили в мирное время в окружение кайзера. Его участие в маневрах и стратегических играх, проводившихся генштабом, придавало ему вес как

монарху, но этого участия было недостаточно, чтобы получить основательное представление о сути военного руководства. Помимо того, это его присутствие как бы принижало роль полководца. Тем отраднее, что с самых первых часов войны император осознал свое место и подчинил себя ответственным руководителям, стараясь все свои действия согласовывать с их действиями, хотя ему и непонятными. Он полностью доверился генеральному штабу.

Распространяемая легенда о том, что кайзер якобы по своему усмотрению распределял руководящие посты в армии и из ревности или личного честолюбия противодействовал использованию лучших сил на ответственных постах, в принципе неверно. Кайзер обладал намного большей ответственностью и не вмешивался в руководство, движимый такими мелкими мотивами. Намного правильней было то, что первая роль в распределении должностей принадлежала генеральному штабу, а во время войны совместно военному кабинету и генеральному штабу.

Первым назначением на важнейший руководящий пост стало определение Верховного главнокомандующего на Восточном фронте против России. Там, на Восточном фронте, немецкие вооруженные силы отступали под напором намного превосходящего противника. Мольтке предложил кайзеру назначить Верховным главнокомандующим генерала Гинденбурга, а его начальником штаба генерала Людендорфа. Письмо, в котором он об этом сообщал Людендорфу, содержало следующее признание: «Я не знаю никого другого, к кому бы я имел такое безоговорочное доверие, как к вам. И кайзер, как и я, с доверием смотрит на вас». Вот так Гинденбург и Людендорф приступили к выполнению задания, представлявшегося в то время самым неотложным.

Кайзер сам заносил положение на фронтах на свою карту. Если она, эта карта, еще сохранилась, то, без сомнения, является самым надежным источником из всех существующих карт, касающихся военного положения».

Николаи высказался и о сыновьях кайзера:

«Участием своих сыновей в войне кайзер очень гордился. Каждый успех армии кронпринца, исход любой битвы, в которой участвовал один из его сыновей, сразу становились достоянием кайзера, а также великой герцогини Луизы фон

Баден, преклонного возраста сестры его отца, которую как самую старшую в семье император очень почитал. Из сыновей ближе всего ему были Айтель-Фриц и Оскар, скромные люди и простые солдаты. Сыновья кайзера принц Оскар и принц Йоахим были ранены. Принц Айтель-Фриц попал в особенно плотный огонь и во время боя вместе с добровольцами выносил раненых из огня. Тем не менее к средствам борьбы революционной пропаганды относится упрек в том, что ни один из шести сыновей кайзера не погиб на войне».

Особенно подробно глава немецкого шпионажа и контршпионажа описал повседневную жизнь германского монарха в полевых условиях:

«Кайзер Вильгельм — это жаворонок, человек, который встает рано. Он страдал от своего физического недостатка. Во время рождения ему повредили левую руку, она была короче правой, в ней не было той силы, какая была в другой руке. По этой причине кайзер сильно зависел от личного обслуживания. Этим занимались два его старых камердинера, Шульце и Фике. Внешне они ничем не напоминали слуг, просто достойные пожилые господа, находившиеся в тесных доверительных отношениях с кайзером. Первый, седобородый камердинер, все называли его «папочка Шульце», был хорошо известен и уважаем в ставке Верховного главнокомандования.

Регулярно летом около шести утра, а зимой около семи кайзер садился в седло. И только если плохая погода делала невозможной верховую езду, а также в Кройцнахе, где в тесной долине Нойталь, окруженной склонами с виноградниками, отсутствовала возможность верховой езды, он совершал пешую прогулку в течение часа или двух часов в окрестностях своего жилища. Пешая утренняя прогулка совершалась при любой погоде. Обычно кайзер энергично вышагивал, окруженный двумя флигель-адъютантами, несущими службу. Оружие имели только они. Кайзер опирался более сильной правой рукой на прочную палку. Пальто и плащ он не любил и никогда не надевал ни на прогулку, ни когда занимался верховой ездой, предпочитая короткую водонепроницаемую накидку.

Беспомощная левая рука и более слабая левая сторона тела мешали кайзеру поддерживать равновесие во время вер-

ховой езды, и он тяжело сидел в седле. Поэтому предпочтительней было движение шагом или галопом. Обычно прогулка на лошади совершалась галопом на расстояние до 12 километров. Двое сопровождавших кайзера адъютантов, майоры в возрасте примерно 40 лет, вынуждены были иметь очень хороших лошадей, чтобы поспевать за тяжелой, но уверенно идущей английской лошастью кайзера. В кайзеровской полевой конюшне находились его четыре личных лошади. Самым любимым был вороной конь Тилли, обладавший большими возможностями галопирования. Но всегда ставились под седло также Вервольф и Конде.

Кайзеровская пища была простой. Раз в неделю он ел то, что готовили на полевой кухне, а это всего лишь одно наваристое блюдо. Кайзер мало ел мяса, особенно темного, предпочитал рыбу, овощи и фрукты. Слабость левой руки ему приходилось учитывать. Трудных в разделке кушаний, как, например, блюдо из мелкой птицы, он обычно избегал или они подавались ему в разделанном виде. Вилка, которой пользовался кайзер, имела острый конец и одновременно служила ему ножом. Что касается личного обслуживания, то прислуга была далека от придворного этикета. Не было гладко выбритых лакеев, все слуги были крепкими людьми с мужественными открытыми лицами, одетые в скромную зеленую форму охотников.

Кайзер был очень умерен в приеме алкоголя. Когда его товарищам по столу предлагали вина из кайзеровских подвалов, то сам он выпивал всего лишь один стаканчик фруктового шампанского с содовой водой. Точно так же умерен был кайзер и в курении. Небольшое количество сигарет, которые он разрешал подать себе во время обеда, не содержали никотина. В первую рождественскую ночь, когда мы уже находились в полевых условиях, кайзер подарил каждому офицеру ставки Верховного главнокомандования коротенькую трубочку. И когда он узнавал, что его гости испытывают удовольствие от курения, то таких гостей он обычно отводил к курительному столику и предлагал им сигару. Но неумеренного употребления чего-либо кайзер не понимал.

За столом император любил оживленно беседовать, но вопросы политики или предстоящих военных операций большей частью не были предметом этих бесед. Во-первых, кай-

зер рассматривал обеденные часы как отдых, и, во-вторых, он был чрезвычайно сдержан в том, чтобы обсуждать политические и военные дела в присутствии людей, которые не имели к этому никакого отношения. И это правильно, поскольку кайзер был очень гостеприимен. Почти ежедневно у него собирались известные личности, имевшие отношение к военной, политической и экономической жизни Германии, а также представители союзников и нейтралов. Установленный за столом порядок, если не считать представительских поводов, был свободен от придворного этикета. Кайзер не видел различий в рангах и положении присутствующих, ему нравилось беседовать за столом с большим числом постоянно меняющихся собеседников. Будучи сам живой личностью, он тем не менее предоставлял возможность высказаться и другим. Если беседа захватывала его, то случалось и так, что разговор продолжался стоя за чашечкой кофе.

После обеда кайзер отправлялся на час отдохнуть. Вслед за этим он в одиночестве выпивал чай, а затем вновь обращался к работе, которая всегда имелаась. В это же время он почти ежедневно писал письма своей супруге. Та тоже ни одного дня не пропускала, чтобы не послать от себя весточку. Если этому препятствовали поездки кайзера на фронт или какой-либо иной повод, то супруга кайзера получала приветствие от него либо по телефону, либо по телеграфу.

Ну и вторую половину дня император завершал прогулкой, которую он делал перед ужином. При этом, как и в рабочей комнате, его единственным сопровождающим в это время была черная такса по кличке Штрольх¹. За ужином кайзер был особенно умерен. И если во время завтрака он обращался ко многим с предложением основательно поесть, то ему было непонятно, когда кто-либо перед сном ел очень много. Вечерняя трапеза проходила в том же порядке, что и обед. Но кайзеру меньше нравилось вечером принимать у себя гостей. Вечер он более охотно предоставлял самому себе. Если не было какого-либо настоящего повода, то он избегал также и работать после ужина. Как объяснение он приводил высказывание англичанина Солсбери о том, что «работать вечером нездорово». Партия в скат, которую он про-

¹ Бродяга.

водил с тремя руководителями кабинета, чаще всего завершала установленный распорядок дня кайзера. Около 10 часов вечера он отправлялся спать».

Записи главы германской разведки и контрразведки о пребывании императора вне ставки Верховного главного командования:

«Такой распорядок выдерживался и тогда, когда кайзер покидал Главную штаб-квартиру. В дворцовом поезде совместная жизнь с окружающими его людьми протекала дружески. Вагон, где были установлены телеграфные аппараты, был оборудован по последнему слову техники, и по прибытии на место сразу же устанавливалась телеграфная и телефонная связь со ставкой Верховного главнокомандования. Во время своих поездок на Восточный фронт, в Румынию, на Балканы и в Константинополь кайзер всегда ночевал в поезде и уже потом выезжал на автомобиле в войска. Так же все происходило и при многодневных поездках кайзера на Западный фронт.

Кайзеровский автомобиль представлял собой 60-сильный «мерседес». Управлял им водитель, вюртенбержец, получивший образование на заводе «Вернер». Скорость движения в среднем составляла около 50 километров в час, так что езда была неторопливой. Особые меры предосторожности заранее не предпринимались. В сопровождающих машинах находились лишь карабинеры. В начале войны и когда приходилось проезжать по ненадежным областям, впереди следовал штабной караул. Но чаще кайзеровский автомобиль двигался первым, распознаваемый по желтым кайзеровским штандартам и особенно характерным громким предупредительным сигналам. Если движение происходило в незнакомой местности, то впереди ехал знающий дорогу офицер генерального штаба. А в остальных случаях это было делом офицера, находившегося в автомобиле императора.

Каждую солдатскую могилу, мимо которой проезжал кайзер, он приветствовал. Ни одна поездка на фронт не обходилась без посещения госпиталя. Многие раненые, независимо от того, немцы это были или солдаты врага, вспоминали, как дружески обращался к ним кайзер. Почти всегда эти визиты проходили неподготовленными, поскольку заранее не было определено, когда и где представится такая возможность.

Впервые кайзер посетил госпиталь, поехав из Кобленца в Эмс. В беседе с ранеными английскими офицерами, а это было в начале войны, когда немецкая армия быстро продвигалась вперед, одерживая одну победу за другой, он обратился к ним с вопросом, нельзя ли было избежать войны с ее страшными страданиями. Так как обычно кайзер появлялся в госпиталях неожиданно, то врачи и сиделки почти никогда не успевали предупредить раненых о личности посетителя. Именно так произошло в Эльзасе, когда кайзер разговаривал с раненым французом как неизвестное лицо. После того как он уехал, врач сообщил раненым, что это был немецкий император, и спросил их, таким ли они его представляли. «Нет, — последовал ответ, — нас обманывали».

Ничем не скомпрометировала себя в глазах Николаи и жена Вильгельма II, которую он знал, конечно, меньше, но то, что он написал о ней, свидетельствует о его столь же почтительном к ней отношении, что и к монарху. Написано об императрице Августе Виктории совсем немного:

«Жена кайзера всей душой пеклась о судьбе своего отечества. Неоднократно она имела возможность получать особые сообщения о событиях на фронте и состоянии дел на родине. Собственными глазами она видела надвигающуюся на страну опасность. Посещение полевых госпиталей усиливало ее нагрузку и добавляло ей забот. Она непоколебимо верила в успех, несмотря на все понесенные жертвы, и проявляла величайшую силу характера в своих деяниях. С самого начала она была верной приверженицей генерал-фельдмаршала Гинденбурга, содействовала включению его и Людендорфа в Верховное командование. Неоднократно она посещала лазареты даже в занятых областях. Она почти всегда находилась с кайзером. Не проходило дня, чтобы она не посетила Главную штаб-квартиру. Тихо и незаметно она устраивалась рядом с кайзером, не мешая его работе и проводя с ним весь день. Она была, возможно, единственным человеком, кто так остро понимал чувства кайзера. Ее последний визит состоялся в июне 1918 года, когда она приехала из Вильгельмшёе в Спа. После возвращения в Вильгельмшёе она была сильно надломлена военными впечатлениями, и у нее случился первый сердечный удар. Когда порученцы Верховного главнокомандования в конце сентября 1918 года

приехали в Берлин, чтобы добиться перемирия, генерал-адъютанту кайзера было наказано пощадить супругу императора, находившуюся в Вильгельмшэе, и как можно мягче докладывать о тяжелом положении отечества».

Свидетельство об отношении Вильгельма II к Гинденбургу и Людендорфу:

«Как и весь народ, кайзер сохранял веру в успех. У него была также личная вера в Гинденбурга и Людендорфа. Когда в рождественский праздник 1917 года он пребывал на родине, то на поздравительную телеграмму Гинденбурга с рождеством ответил следующими словами: «Сердечное спасибо, мой дорогой фельдмаршал, за вашу дышащую доверием и верой в Бога телеграмму! Господь Бог будет с нами и в грядущем году и доведет дело до доброго конца. Я приветствую вас как Верховного главнокомандующего войсками. Я полностью вам доверяю». Это неверно, когда утверждают, что император якобы завидовал всеобщему почитанию, которое оказывалось генерал-фельдмаршалу. Когда Гинденбург в 1917 году отмечал в Кройцнахе свое 70-летие, кайзер в речи, обращенной к нему, назвал его «героем немецкого народа, имя которого будет жить столетиями». И когда в третий раз повторился день Танненберга, то кайзер вечером появился в квартире фельдмаршала, чтобы присутствовать при докладе Людендорфа перед офицерами ставки о ходе этой битвы. Для кайзера было отведено кресло перед большой картой, развешенной на стене. Но он заставил фельдмаршала занять это место. А когда после крупного сражения при прорыве обороны противника в марте 1918 года он поехал с фельдмаршалом на поле боя, то настойчиво пригласил его сесть по правую руку от него и во время следования в автомобиле перед войсками, которые с ликованием приветствовали своего императора, кайзер рукой показывал на фельдмаршала, демонстрируя тем самым, кому принадлежит заслуга в победе».

Записи о кайзере полковник Николаи закончил последними днями монархии, отразив и в этом сюжете свою приверженность Вильгельму II:

«С уходом Людендорфа началось давление на кайзера, чтобы он отказался от престола. Его власть была уже почти полностью смята. И когда он хотел послать в Киль особен-

но энергичного адмирала, чтобы подавить начинающиеся мятежи на флоте, новое правительство встретило это с радостью, оно всячески этому препятствовало. Возле кайзера уже не было никого, кто бы мог совершать энергичные действия. Инициатива перешла на сторону его внешних и внутренних врагов. В окружении кайзера сформировалось мнение, что его жизни в Берлине угрожает опасность. После доклада о положении на фронте 29 октября ему сообщили, что в настоящее время его присутствие необходимо в войсках, находящихся в тяжелом положении. После длительных колебаний кайзер отправился на театр военных действий. Он покинул дворец возле Потсдама, не предполагая еще того, что больше никогда не вернется на родину. При входе в вагон поезда он сказал одному из своих консультантов, который побудил его к отъезду: «Я полагаю, что вы дали мне сегодня очень плохой совет».

После прибытия в Спа 30 октября кайзер сразу же отправился к генерал-фельдмаршалу и генералу Гренеру, преемнику Людендорфа, чтобы с ними обсудить положение на фронте. Он не поехал на свою виллу «Френейс», а остался на вокзале в поезде. Вечером он встретился с генерал-фельдмаршалом. Оба казались глубоко озабоченными, но фельдмаршал, как всегда, был спокоен, а кайзер заметно сдержан.

Из Киля поступали сообщения о мятеже на флоте. С 11-го известен ультиматум социал-демократии, требовавший отречения кайзера от престола. Связь со страной с каждым днем становилась все более трудной. События полностью переместились в Берлин. 9 ноября до предела возросло давление на Берлина, кайзера настойчиво побуждали к отставке. До этого император держался стойко, и только 9 ноября уступил мнению, что его пребывание в роли монарха препятствует достижению мира для Германии. Ради этого кайзер решил отказаться от престола. Однако еще до того, как было окончательно сформулировано это решение, поступило сообщение о том, что рейхсканцлер уже высказался в Берлине публично о его отречении. Кайзер воспринял это сообщение в крайнем возбуждении, заявив: «Через мою голову мой племянник Макс фон Баден меня сместил».

В этих условиях предложение о переходе в Голландию не покидало кайзера. Об этом ему говорили постоянно, однако

поначалу он решительно отклонял это. Советники, находившиеся на высоких постах, а с ними и Гинденбург, продолжали убеждать императора в необходимости перехода, чтобы избежать захвата мятежными элементами. Кайзер упорствовал. Но все продолжали настаивать на отправке в Голландию. И это в конце концов повлияло на кайзера. Он распорядился ближайшим утром предпринять эту поездку. Под впечатлением последних дней даже его нервы не выдержали».

В Голландии кайзер прожил всю оставшуюся жизнь. Скончался он 4 июня 1941 года, незадолго до нападения Германии на Советский Союз¹.

Последние строки о Вильгельме II звучат так:

«События невозможно остановить. Колесо истории нельзя повернуть вспять. История вынесет свой приговор и о кайзере, и о войне, когда постепенно исчезнут страдания, которые перенесли народы. Тогда это будет справедливый приговор. Личная жизнь кайзера Вильгельма II лежит перед нами раскрытой. Она, эта жизнь, с первой до последней страницы чиста».

Будь жив Оскар Рэй, ему можно было бы только посочувствовать. И французские историки Роже Фалиго и Реми Коффер, написавшие о «ящиках» с «компроматом» на кайзера и его семью, которые «похитил» с собой для компрометации королевской семьи глава германской разведки и контрразведки после своей отставки, внеся коррективы в свое повествование о полковнике Николаи в «Истории мировой разведки», могут спать спокойно.

В одной из записей бывший руководитель немецких спецслужб указал на судьбу документов, связанных с «деликатными» делами:

«Те необходимые записи по этим вопросам, которыми я обладал и которые были в моем распоряжении, уничтожены после поражения».

Не надо больше дергать за хвост дохлую кошку.

Отпадает и утверждение, будто власть знаменитого руководителя шпионажа кайзера Вильгельма II «равнялась

¹ Гитлер предложил Вильгельму II вернуться в Германию, но тот заявил: «У меня нет ничего общего с фашизмом. Я никогда не вернусь в Германию». Кайзер оставил 12 неизданных рукописей о своей жизни.

власти императора». Да, во время войны он обладал огромными полномочиями, каких не было ни у одного начальника разведки мира. III Б была особой организацией среди спецслужб воевавших государств. Ни до, ни после Первой мировой войны такой организации не создавалось нигде. Даже адмирал Канарис намного уступал по влиянию тому, чей портрет висел у него в кабинете. Но император всегда оставался императором, а начальник его разведки был только тем, кем был.

В конце апреля 1947 года бывший начальник разведывательной службы германского генерального штаба доживал последние часы в Бутырской тюрьме. Теперь, когда ему стало совершенно ясно, что это конец, он должен был признать, что, несмотря на все свои заслуги, он совершил и просчеты, которые стали ясны лишь спустя десятилетия.

Его ставка на Гитлера не оправдалась. Поражение Германии во Второй мировой войне было лучшим доказательством этого. То, на что он надеялся, одобряя приход нацистов к власти, оказалось иллюзией. Гитлер не принес немецкому народу счастья и великого будущего, а значит, он, полковник Николаи, был просто наивен. И если в своей рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» он не назвал Гитлера виновником катастрофы, то если бы он стал писать свою последнюю работу сейчас, наверняка бы признал, что фюрер не оправдал его надежд и все усилия, которые потратил немецкий народ, оказались напрасными. Его радиообращение в Кройцнахе в августе 1933 года, где он говорил почти о божественном предназначении Адольфа Гитлера и появившейся у Германии возможности обрести бывшее величие, оказалось ошибкой, которую допустил он, «король» шпионажа, не сумевший разглядеть реалии нового, губительного поворота в немецкой истории. Умирая, он должен был сказать себе, что если бы не нацизм, не Гитлер, для которого он посчитал недостаточной даже «мантию Гинденбурга», то его страна не лежала бы в развалинах и сотрудники НКВД не заявили бы за ним в Нордхаузен, был бы жив обер-лейтенант Вальтер Ган, отец его правнука, и не покоем бы на Бухгольцком кладбище «маленький полковник», его старший внук Клаус, и он, полковник Николаи, никогда бы не оказался на смертном одре в этой холод-

ной и неудобной тюрьме под неусыпным надзором вражеской контрразведки.

И еще одна мысль должна была наверняка мучить его. Казавшаяся в свое время большой удачей ставка на Ленина по выводу России из войны обернулась в конце концов для немецкого народа и для него лично бедой. Что было хорошо тогда, стало плохо потом. Да, Россия вышла из Первой мировой войны, фронт на востоке рухнул, и тем самым удалось сосредоточить все усилия против Франции, Англии и США. В ту пору Ленин, который сотрудничал в Швейцарии с германской разведкой, о чем упоминает в одном из писем своей жене Николаи, но преследовавший свои цели, казался именно той фигурой, которая могла помочь Германии победить. Но именно приход Ленина к власти, что правительство Германии и он, Николаи, никак не предвидели, способствовал таким преобразованиям в России, которые в новой мировой войне привели русские армии в Берлин. Если бы Германия снова сражалась с царской, а не Советской Россией, наверняка результат был бы иной, и он, полковник Николаи, не умирал бы вдали от родины в тюремном лазарете, а продолжал бы жизнь в окружении дочерей, внуков и правнука в теплом и уютном доме на Штольбергерштрассе.

Но такое предвидение было выше возможностей самого прозорливого человека. Ход исторических событий не предсказуем.

Развязка приближалась.

Теперь полковнику Николаи не мог уже помочь никто.

Настал день, когда глаза самого известного руководителя шпионажа нашего века закрылись навсегда.

Строки из Акта о его смерти:

«1947 г., мая, 4 дня, в 13 часов в больнице Бутырской тюрьмы умер заключенный Николаи Вальтер Германович, 73 лет. Поступил в больницу по поводу левостороннего паралича артериокардиосклероза, пролежни в области крестца и тазобедренных суставов. Умер при явлениях упадка сердечной деятельности».

Тело умершего перевезли в патологоанатомическое отделение, как когда-то в анатомическое отделение попало после расстрела в Винценсе безжизненное тело Мата Хари. Но тогда французский патологоанатом знал, чье тело он

вскрывает. Русский судебно-медицинский эксперт Семеновский знал только, что это тело какого-то «военнопленного немца», умершего в Бутырке¹. Его заключение подтверждало: «Больной умер от упадка сердечной деятельности при параличе верхней и нижней конечностей на почве кровоизлияния в мозг».

Кремировали тело бывшего руководителя германской разведывательной службы на московском Донском кладбище.

Свеча полковника Николаи догорела.

Оставалось лишь распорядиться вещами умершего.

В деле Н-21152 имеется документ:

«Москва, 7 мая 1947 г. Я, старший уполномоченный отдела 2-го Главного управления МГБ СССР подполковник Бочаров, рассмотрев материалы на военнопленного немца Николаи Вальтера Германовича, нашел:

4 мая 1947 года военнопленный немец Николаи В.Г. умер в больнице Бутырской тюрьмы. После смерти Николаи остались его личные вещи, которые в связи с отсутствием у него родственников остались бесхозными.

Постановил:

личные вещи умершего военнопленного немца Николаи В.Г. передать по прилагаемой описи в отдел «А» МГБ СССР для реализации и сдачи вырученных денег в фонд государства».

В Бутырской тюрьме у Вальтера Николаи осталось нательное белье, ватные брюки, ватная фуфайка, шерстяные носки, шарф, байковое одеяло, шерстяные перчатки, валенки, белый барашковый тулуп, шапка-ушанка, роговые очки, расческа, деревянная трость. Из ценных вещей в акте указаны карманные часы фирмы «Шафхаузен» из белого металла с черным светящимся циферблатом за номером 1051665, медальон белого металла с выгравированной на нем датой «1900—1934» (время, прожитое Николаи с женой), цепочка для часов из желтого металла, пять запонок к сорочкам из желтого металла, кожаный портмоне, пять купюр немецких бумажных денег на общую сумму 7 марок и металлические монеты в 61 пфенниг.

¹ Незадолго до этого «эксперт Семеновский» принимал участие в повторной идентификации останков Адольфа Гитлера и Евы Браун.

Документы зафиксировали передачу вещей из учреждений государственной безопасности в учреждение государственного фонда. Передавались потертый фибровый чемодан, старое бежевое полупальто, порванный темно-серый костюм на шелковой подкладке, старые краги, черные ботинки на кожаной подошве, калоши, стираная простыня, чиненные рубашки, потертый галстук, опасная и безопасная бритвы, щетка с ручкой, подтяжки, металлическая ложка, ножницы, пилка для ногтей, градусник. Кое-что, как, например, ватный колпак, фетровую шляпу, носки и носовые платки, подстилку для ног, салфетки, помазок для бритья, зубную щетку и остальную мелочь, сожгли из-за ветхого состояния как не представлявшее ценности. Остальное передали в комиссионные магазины.

Так когда-то с аукциона были проданы вещи Мата Хари.

В документах указаны цены: фибровый чемодан — 30 рублей, полупальто — 85 рублей, костюм — 250 рублей, калоши — 30 рублей, шарф — 10 рублей, воротнички — по 2 рубля, ложка — 1 рубль, пилка для ногтей — 5 рублей, бритва опасная — 10 рублей, безопасная — 5 рублей. Самыми дорогими оказались карманные часы фирмы «Шафхаузен», их оценили в 400 рублей. Кто их приобрел, неизвестно. Может, и сейчас они хранятся у кого-то, не ведающего, что это часы знаменитого шефа немецкого шпионажа Первой мировой войны. Золотую цепочку весом в 7,7 грамма продали за 30 рублей, как старые калоши, а 7 немецких марок и 61 пфенниг приравняли к 3 рублям и 81 копейке по курсу валют послевоенного периода. На черном рынке на вырученные от продажи деньги можно было купить несколько буханок хлеба.

Понятно, что подполковник Бочаров преднамеренно сделал запись о том, что вещи, оставшиеся после смерти полковника Николаи, оказались «бесхозными» из-за «отсутствия у него родственников». Иначе что-то следовало послать в Нордхаузен. Причина того, что указанное выше пошло «с молотка», ясна. Бывший начальник германской разведки был одним из «самых секретных узников» Лубянки. Никто, даже ближайшие родственники, не должны были ничего знать о его судьбе. Ведь и письмо оказавшегося в руках советской контрразведки бывшего шефа шпионажа кайзеров-

ской армии в Нордхаузен не ушло. Таковы уж «маленькие хитрости» секретных служб.

Бедный полковник Николаи. В довершение ко всему он оказался еще и действительно беден. Рукопись «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» содержит его признание:

«Руководство секретным фондом генерального штаба, ограниченным в довоенный период и неограниченным во время Первой мировой войны, позволило бы мне без особого труда обогатить себя или использовать для нужд жены и детей, можно было делать дорогие подарки, поскольку я был совершенно самостоятелен в своих действиях. Здесь я хочу лишь констатировать, что я начал жизнь без состояния, так и кончаю ее...»

Даже дом, оставшийся в Нордхаузене, не принадлежал бывшему начальнику германской военной разведки:

«Дом, в котором я живу, принадлежал моей жене, а после ее смерти принадлежит моим детям».

**«САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК,
НЕ ПРЕДСТАВИШИЙ НА НЮРНБЕРГСКОМ ТРИБУНАЛЕ,
ЭТО ИМЕННО НИКОЛАИ, НО ПЕРЕД ТАКИМ ПРОТИВНИКОМ
МОЖНО ТОЛЬКО ПРЕКЛОНИТЬСЯ»**

Вот и все.

Печальная и вместе с тем удивительная, почти неправдоподобная история. Чего только не писали о ставшем известным всему миру после Первой мировой войны начальнике германской разведслужбы полковнике Николаи, а реальность оказалась совсем иной.

Осторожные швейцарцы 5 мая 1943 года в одной из иллюстрированных газет поместили статью «Почему ушел начальник немецкой тайной службы. Адмирал Канарис получает голубое письмо». В этой статье, которую Николаи прислали в Нордхаузен по распоряжению оберштурмбанфюрера СС доктора Ридвега, было сказано и о нем.

«Был ли в первые годы войны Канарис фактическим начальником военной секретной службы, так же мало известно, как и о роли, которую играл его бывший шеф и нынешний генерал Николаи. О человеке, открывшем «мадемуазель доктор», человеке, которого боятся больше всего, знают достоверно лишь то, что, несмотря на свой возраст, он еще до начала войны, в январе 1938 года, вновь стал активным. Неудивительно, что о становлении и жизни этих двух, без сомнения, самых главных руководителей шпионажа невозможно найти каких-либо подробных сведений. С давних пор они играли свою роль в бесчисленных шпионских репортажах, но кто они, собственно говоря, на самом деле, можно будет узнать точно лишь в последующие годы».

Кончина в Бутырской тюрьме бывшего руководителя германской военной разведки освободила советскую госбезопасность от дальнейших забот о нем. Передав в комиссионные магазины его вещи, сотрудники советской контрразведки собрали воедино все материалы следствия, составившие 559 страниц, включая рукопись «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт» на немецком и русском языках, проши-

ли это все суровыми нитками, пронумеровали каждый листок, поставили в конце сургучную печать и написали весьма примечательную фразу, подводившую итог всей этой невероятной истории: «Следственные материалы на Николаи как не представляющие ценности для оперативных целей сдать на хранение в общесправочный учет». На всякий случай на «Досье Н-21152» поставили гриф «Совершенно секретно», но в чем был тот секрет, сказать трудно.

Так вот все завершилось.

Спустя три года, в 1950 году, сотрудники советской госбезопасности еще раз перетряхнули архив полковника Николаи. Что они там хотели найти, неизвестно. Зато архив привели в порядок. Все распределили по темам, подшили, и получилось 89 томов и папок. На титуле обозначили: «Николаи Вальтер, полковник, бывший начальник германской военной разведки и руководитель реферата в Имперском институте истории новой Германии» — и засекретили. Документы и материалы датированы 1870—1945 годами, они отражали жизнь Вальтера Николаи и его близких за семьдесят с лишним лет. Только личная переписка Николаи за 1898—1918 годы заняла 9 томов, его мемуарные записи с приложением материалов служебной, политической и личной переписки, а также других исторических и личных документов — 25 томов. Материалы его литературной, военно-научной и агитационной деятельности составили 10 томов и папок, личные и служебные документы вместе с документами членов его семьи за 1870—1918 годы — 23 тома. Личная, политическая, деловая и служебная переписка Николаи с его родными и близкими за 1919—1945 годы — еще 18 томов и папок. Военно-исторические и политические материалы, собранные главой кайзеровской разведки, — 6 томов.

Был ли еще в истории случай, чтобы кто-то из руководителей разведслужб собрал в своем доме такую гору самых разных бумаг?

Только за два с лишним года, с 20 мая 1898 по 18 сентября 1900 года, своей возлюбленной девице Марии Кольгоф будущий знаменитый руководитель немецкого шпионажа, а тогда лейтенант Вальтер Николаи, положивший глаз на дочь своего командира полка, послал столько писем, что они составили полных 4 тома. Еще 5 томов занимают письма, посланные ей, но уже как жене, которые любящий муж, на-

ходясь временами в разлуке с ней, направлял с 1 июля 1901 года до 7 ноября 1918 года. Причем в каждом из этих томов от четырехсот до шестисот листов, включая поздравительные открытки, исписанных аккуратным, как под линейку, почерком, отчего эти письма выглядят еще и красиво.

Готовя справку полковнику Шварцману, капитан Зеemann лишь коротко описал часть материалов архива, доставленного на Лубянку из дома полковника Николаи, выбрав, на его взгляд, наиболее интересное для контрразведчиков. На самом деле это «море» различных материалов и документов, где еще есть что поискать исследователям. Правда, о разведке там почти ничего нет, что не было бы использовано в этом повествовании. Сенсации искать бесполезно, тайны, которые могли бы возбудить публику, начальник разведывательной службы унес с собой.

Без сомнения, окидывая взглядом прожитую жизнь, особенно когда он был уже в Бутырской тюрьме, Вальтер Николаи наверняка сожалел, что вместе с ним уходит в небытие и его архив, что никто, кроме офицеров контрразведки не заглянет в него, и то, что он собирал десятилетиями, теперь стало никому не нужным. Это были, пожалуй, очень горькие для него минуты. Ведь архив был частью его жизни.

Собственно, ничто не мешало отправить после смерти бывшего главы германского шпионажа в топку и эти бумаги, однако их сохранили.

Видимо, опять вмешалось Провидение.

Заглянем в этот архив в последний раз. Приведем еще несколько фрагментов того, что писал и годами накапливал в своем доме полковник Николаи. Не все тут равноценно, но все же некоторые извлечения прольют дополнительный свет на то, чем жил, о чем думал и что заносил в свои дневники попавший в беду из-за американцев шеф Мата Хари.

Запись о фельдмаршале Гинденбурге и генерале Людендорфе, имена которых бывший глава германских секретных служб часто писал через дефис, подчеркивая тем самым, что это было единое целое:

«На стороне кайзера в лице Гинденбурга-Людендорфа были величайшие люди, олицетворявшие генеральный штаб. По своей натуре они были различны. Генерал-фельдмаршал был человеком редкого благородства, полководец, кто с

большой готовностью брал на себя любую ответственность, герой народа, обладавший прямодушием, скромностью и искренней преданностью своему покровителю, каковым был кайзер. Людендорф — солдат с головы до пят, яркий патриот, неустанный мыслитель и творец стратегических решений. Никому из этих двух, пользовавшихся совместной славой полководцев, нельзя отдать предпочтение, это люди одинаковой значимости, различие состояло лишь в возрасте и характере. Один — пожилой, с большим практическим опытом, другой — более молодой, с неукротимой энергией».

О генерале Фалькенгайне:

«9 апреля 1922 года, в то время как многие в Германии чествуют Людендорфа по случаю его 57-летия, в Потсдаме ушел из жизни другой руководитель величайшего для Германии времени — Фалькенгайн.

То, что Фалькенгайн был настоящим руководителем, он доказал, когда 14 сентября 1914 года при тяжелой ситуации на обоих фронтах принял руководство Верховным командованием из рук тяжелобольного генерал-полковника Мольтке. Клевета, очернение, которые шли по следам Фалькенгайна, продолжают до наших дней, особенно утверждение, что он якобы рвался к власти. Наряду с этим его характеризуют как «придворного генерала». И то, и другое неверно. Выбор его как Верховного главнокомандующего был полностью одобрен генеральным штабом. Генерал Фалькенгайн взялся за дело с присущей ему юношеской энергией, и ему постоянно высказывалась благодарность за то, как он в самые кратчайшие сроки сумел создать компетентное руководство армии...

При его погребении в Борнстедте, на которое приехали представители многочисленных национальных союзов со своими знаменами, я не присутствовал. Позже я один оказался у его могильного камня. Для меня Фалькенгайн был символом брэнности человеческого величия. Гинденбург, поскольку он был совершенно иной человек, находился к нему в отмеченной историей оппозиции, но как председатель «Объединения Шлиффена», объединения офицеров генерального штаба прежней армии, он разослал нам циркулярное письмо, предложив написать текст для могильного камня Фалькенгайну, а также собрать на это дело деньги, которые не в состоянии была выделить его семья».

Из военного дневника от 13 октября 1915 года:

«Аргентинский журналист Кинкелин, признанный многими, просит принять его для беседы в отношении размещения нейтральных журналистов. Во время обсуждения я высказываю точку зрения, что Германия должна все же выиграть войну, используя преимущества, которые заложены в нашем государстве, войске, науке и искусстве. Кинкелин смотрит на меня, покачивая головой, и говорит: «Господин майор, что же это вы за идеалист. К черту ваш государственный порядок, ваше солдафонство, вашу организацию, ваше чистоплюйство, ваше искусство и вашу науку, ваши изобретения, а также ваших рабочих. Вот так думают ваши враги. Поэтому вы войну не выиграете, поскольку другие до вас еще не доросли, вы войну проиграете».

После войны Вальтеру Николаи был высказан упрек в том, что немецкая разведка якобы не передала своему командованию сведения о танках, появившихся на вооружении противника. Как обстояло дело в реальности?

Запись в дневнике от 5 мая 1917 года:

«На фронте наступает массовое применение танков с вражеской стороны».

Пояснение, сделанное во время обработки дневников:

«Позднее утверждалось, что вследствие несостоятельности службы разведки Верховное командование сухопутными войсками было ошеломлено этим. Но это верно лишь в известной степени, поскольку еще задолго до появления первых танков уже поступали сообщения от агентов о том, что у врага, прежде всего Англии, строятся крупные бронированные машины. Приложенные чертежи были фантастическими, они изображали перемещающиеся крепости с большим количеством колес. Попытки узнать надежные технические сведения наталкивались на чрезвычайные трудности. Было невозможно даже через компетентного агента добыть технически полезные отчеты, так как промышленность, которая выпускала танки, находилась под особой защитой. Неожиданность прежде всего состояла не в факте наличия бронированных машин, а в технологии конструирования, в их вооружении и способах ведения борьбы».

8 октября 1917 года начальник германской разведки выступал в парламенте с докладом «Уроки отечества» в присут-

ствии военного министра Штейна. Ему сказали, что говорил он с солдатской прямотой, без должного почтения к присутствовавшим. А полковник Гофман, директор департамента в военном министерстве, заметил: «Черт возьми, Николай, вы, наверное, хотите стать военным министром».

В субботу, 3 марта 1917 года, в Кройцнахе с одним из своих офицеров руководитель германской разведки обсуждал совсем необычную тему, они говорили о... любви.

«Вечером вместе с Вальтером Блемом мы обосновывали понятие любви между мужчиной и женщиной. В то время как он исходил больше из духовного и страстного, я резюмировал мое восприятие таким образом, что любовь — это почитание или же сильно выраженное «поклонение» в том смысле, что мужчина в своей жене должен видеть чистоту и искренность, а вот женскую сторону он должен чувствовать и почитать у других женщин. Это делает его счастливым, потому что он обладает такой женщиной, и он любит свою жену тем больше, чем дольше он с ней находится и знает ее. И вот только так любовь переходит от страсти к счастью».

Еще запись от 1 мая 1917 года, связанная с назначением одного из офицеров разведки в военную цензуру:

«Я одного мнения с шефом центрального отделения в отношении майора Вюртца, надежного фронтового офицера, совершенно неопытного в делах политики и прессы, но зато проникнутого потребностями фронта, который без лишних слов в случае необходимости готов исполнить свой долг самым наилучшим образом и без каких-либо колебаний, в этом отношении он является представительной фигурой. Когда Вюртц вступил в должность, в качестве суждения о нем в кругах прессы сообщалось: «И вот теперь Николай посылает нам палача».

Из нескольких десятков публикаций, которые Вальтер Николай собрал в своем архиве о себе, правдивой оказалась лишь одна, напечатанная в газете, название которой не указано, под заголовком «Автокатастрофа полковника в отставке В.Николай»:

«При столкновении трамвая 74-й линии и автомобиля в Шонеберге вчера во второй половине дня около 4 часов попал в катастрофу 53-летний полковник в отставке Вальтер Николай, бывший начальник отделения разведки Ставки Верховного главнокомандования. Его дочь Мария-Луиза также

находилась с ним в автомобиле, пострадал и водитель автомобиля Отто Зауэрланд, и произошло это все на Ихтерштрассе, 8. Все трое доставлены в шонебергскую больницу и после наложения срочных повязок отвезены на свои квартиры».

Достоверность заметки подтверждена Николаи:

«В начале декабря 1926 года я по пути в клинику к находящейся там жене вместе с моей младшей дочерью Марией-Луизой попадаю в тяжелую автомобильную аварию, в которой полностью оказывается разбитым автомобиль, я же и мой ребенок отделяемся временным нервным шоком».

Каждому суждено пройти свой путь в жизни, свой путь прошел и полковник Николаи. Однако все могло быть и по-другому. Отстраненный от должности в ноябре 1918 года, начальник германской разведки оказался никому не нужен. Но в августе 1943 года он пишет следующее:

«В своем новом мировоззрении о тотальной войне он (Людендорф), без сомнения хотел использовать мой опыт. В связи с этим планировалось продолжение работы и после войны. В качестве следующего назначения в мирное время я ожидал расширения области моей деятельности и должности обер-квартирмейстера в Большом генеральном штабе, а также задания, которое было возложено на главного обер-квартирмейстера графа Вальдерзее, исполнявшегося в недостаточном масштабе».

Тут же упоминается о другом возможном назначении. Еще в годы войны Людендорф вынашивал мысль о введении поста министра пропаганды: «И в качестве министра пропаганды он хотел видеть меня».

Но не сбылось.

Участь, постигшая Николаи после Первой мировой войны, миновала других начальников разведок. Руководитель французской разведслужбы полковник Дюпон стал генералом, занимал ряд крупных постов и отошел в мир иной как национальный герой. Полковник Ронге, глава австрийской разведки, получил высокое назначение в министерстве внутренних дел, что свидетельствовало о том, что и его заслуги в тайной войне были признаны. Не обделила судьба и остальных. И только Вальтер Николаи проглотил горькую пилюлю.

И все же именно полковник Николаи остался в истории шпионажа наиболее заметной фигурой. Теперь, когда его

жизнь лежит как на ладони, можно утверждать, что германский генеральный штаб и германская армия имели в лице полковника Николаи истинного Рыцаря разведслужбы, которым он остался до конца своих дней. Последнее испытание, что выпало на его долю, подтвердило, что как немецкий патриот и глава секретной службы Германии Вальтер Николаи, испив горькую чашу плена, достойно завершил свой земной путь.

В одном из писем, которое он послал из Кройцнаха, где побывал в августе 1933 года на открытии музея Ставки Верховного главного командования, есть примечательные строки: «Люди и их заслуги становятся предметами музейной ценности только в том случае, если эти личности обладали духом, подвигавшим их на великие деяния, и благодаря этим деяниям они продолжают оставаться живыми».

Жан Бардан, хотя и сильно преувеличил роль бывшего главы немецкого шпионажа в истории Германии, черты его натуры уловил исключительно точно, завершив свое повествование «Полковник Николаи — гениальный шпион» поразительными словами:

«Такова карьера Николаи, гениального шпиона, фанатичного пруссака, отчаянного солдата, вся жизнь которого была посвящена возвеличиванию Германии и который, не заботясь ни о славе, ни о выгоде, вел против всего человечества самую непримиримую, самую жестокую и кровопролитную борьбу. Пусть погибнет весь мир, но прусская армия превыше всего. Таков был идеал этого человека.

Если Карл Маркс изобрел коммунизм, то Николаи воспользовался им как инструментом, чтобы покорить целый народ. И после того, как он экспортировал большевизм в Россию, он привел к власти гитлеризм.

Самый главный военный преступник, который тем не менее не предстал на Нюрнбергском трибунале, это именно Николаи. Но перед таким противником можно только низко поклониться. Если другие искали золото и славу, то он оставался скромным тружеником, единственной амбицией которого было служение своей стране и торжеству своего дела.

Николаи останется в истории одним из величайших людей «битвы в тени».

**«ФАЛЬШИВЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ КУРТА РИССА
БЫЛИ РАСПРОСТРАНЕНЫ И ПРОДАНЫ С ВЫГОДОЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ПУТНАМ»... ВИНА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ЭТОЙ
ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕЙ И БЕСКОНЕЧНО ПАГУБНОЙ КНИГИ
НЕ УСТАРЕВАЕТ СО ВРЕМЕНЕМ»**

Прошло более пятидесяти лет после смерти Вальтера Николаи. Весной 1998 года в Нордхаузен и деревню Бухгольц ушли письма с просьбой откликнуться на них. Из Бухгольца письмо вернулось с пометкой на конверте: «Адресат не разыскан». А вот другое, отправленное в Нордхаузен, переслали в Кельн, где проживала младшая дочь полковника Николаи, Мари-Луиза Корелль, та самая Лу, что находилась в доме своего отца с детьми в войну и о которой он упоминал в своих записях в марте 1944 года, а еще раньше в письме жене из Люксембурга в сентябре 1914 года.

Из Кельна поступил факс. Внучка полковника Николаи, Герда Зоргель, а ныне Герда Панофски, прилетевшая из США в Кельн навестить свою старую и уже почти ослепшую тетушку, сообщала, что вскоре будет в России, в Санкт-Петербурге, где уже не первый год слушает лекции по русской литературе. Зная немецкий, английский, французский и итальянский языки, Герда Панофски, вдова известного искусствоведа Эдварда Панофски¹, эмигрировавшего в США после прихода Гитлера к власти, изучила и русский. Был указан номер телефона, по которому можно связаться с ней в Петербурге.

В Принстон, где Герда Панофски, профессор университета и доктор искусствоведения, проживает постоянно, она улетела с рукописью о своем знаменитом дедушке и различными материалами из его архива, изъятого полвека назад сотрудниками НКВД. Наконец-то письмо, которое Николаи передал советским контрразведчикам 26 апреля 1946 года для отправки в Нордхаузен, оказалось в руках его внучки, она разослала его другим родственникам.

Из письма Герды Панофски:

¹ Недавно на русский язык переведены книги Э.Панофски «Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада» и «Идея».

«Как послание, брошенное в бушующее море с тонущего судна, так и это письмо через Америку достигло спустя более полувека своего дома».

Все эти годы родные Николаи ничего не знали о нем. Они искали его, но безуспешно.

Никто не понимал и причины ареста. Мать Герды Панофски, Маргарет, считала, что ее отца, полковника Николаи, забрали потому, что русские хотели, чтобы он работал на них, и надеялась, что он не попал в лагерь военнопленных. Она так и умерла, не узнав истины. «Если бы вы могли представить себе, как моя мать страдала сорок лет от неизвестности о судьбе отца» — это строка из письма профессора Герды Панофски.

Только в январе 1980 года завеса чуть-чуть приподнялась. Служба розыска Красного Креста Федеративной Республики Германии со ссылкой на данные из России сообщала, что «Николаи Вальтер, сын Германа, родившийся в 1873 году в Брауншвейге, умер 4 мая 1947 года».

И все.

Последнее известие, которое получили в Нордхаузене от Вальтера Николаи, была его записка Еве Вагнер от 30 сентября 1945 года:

«Дорогая Ева!

Надеюсь, ты получила мое письмо, что я послал 14 сентября, где я сообщал, чтобы Вы не беспокоились обо мне. Вещи, о которых я просил тебя, еще не прибыли, но я надеюсь вскоре их получить. Подготовь теплое зимнее пальто, которое находится в нафталиновом шкафу. Если что-то будет нужно еще, я дам знать. Продолжай заботиться о доме. За все благодарю тебя.

Не беспокойтесь обо мне. У меня хорошая квартира и стол, я также могу гулять в саду. Много думаю о вас. Будьте веселы, мужественны и оптимистичны. Мой сердечный привет всем.

Можешь передать короткую записку подателю этого письма».

Когда Николаи 26 апреля 1946 года написал из Подмосковья: «С октября я не мог сообщить вам ничего», он имел, скорее всего, в виду это свое последнее послание, написанное уже, как теперь известно, в Берлине.

Но родные не знали, где он. А Николаи не ведал, какие события происходили в Нордхаузене и Бухгольце. И хорошо, что не знал.

Спустя три дня после его ареста было объявлено о реформировании в советской зоне оккупации земельных владений. Всех, кто имел более 100 гектаров земли, объявляли «юнкерами», то есть помещиками, со всеми вытекающими из этого последствиями. Земельные угодья «семьи Ненневиц» составляли 208 гектаров, а потому Ненневицы были изгнаны из имения, а их дом разграблен работавшими в поместье наемными рабочими. На самом деле имение принадлежало государству, а муж старшей дочери бывшего главы германской разведки, Вернер Ненневиц, лишь управлял им. Дело, однако, этим не кончилось. Лишившись дома, Эльза и Вернер переселились к соседям. Но в одну из ночей их арестовали и отправили в лагерь в Эрфурте, откуда им предстояло убыть на Украину. Их сын, Рольф, тринадцати лет, отыскал родителей, но, оказавшись в лагере, получил тяжелое нервное потрясение. Это и то, что Вернер Ненневиц был инвалидом из-за отсутствия глаза, и помогло Ненневицам освободиться из лагеря. Весной 1946 года, когда Николаи попал на спецобъект советской контрразведки в пригороде Москвы, Ненневицы нашли приют у двоюродного брата Вернера в Виглебене, тоже в советской оккупационной зоне. Вернер работал поденщиком, а «мамочка Эльза» готовила родственникам еду. Она чувствовала себя очень плохо, а после того, как у нее случился инсульт, и вовсе занемогла и скончалась в 1958 году.

Драматические события происходили и в доме Николаи. Вот что пишет об этом Герда Панофски:

«С октября 1945 года много народу поселилось в доме бабушки по распоряжению городских властей. Одним из новых хозяев был господин Грабош, член коммунистической партии, ставший «опекуном» дома. Сначала он взял для своей конторы комнату Мари-Луизы, потом привел секретаршу и своих детей, наконец, вместе с ним поселилась и его жена. Ева тоже жила в доме, пытаясь контролировать положение. Сначала она готовила еду для семьи Грабоша, а потом поступила к нему на службу. Но она вела безнадежную борьбу. Через полгода Грабош завладел уже всем первым этажом, а затем уволил Еву. Грабош присвоил себе и все

имущество — мебель, ковры, картины и все остальное. И без и автомобиль дедушки. Так что от родителей нам ничего не осталось. Ирония в том, что сохранились только бумаги и фотографии, но и они в московских архивах. Если бы дедушка в 1947 году вернулся в Нордхаузен, он бы нашел свой дом битком набитым незнакомцами, которые выставили бы его за дверь...»

Судьба пощадила Николаи. Он ничего не узнал о том, что произошло в Нордхаузене. Американское издательство, пустившее в знаменитого «короля» шпионажа роковую стрелу, лишило его не только свободы, но и имущества, сделав бывшего главу разведывательной службы германской армии нищим. Так что даже хорошо, что письмо Николаи не попало на Штольбергерштрассе.

Какой бы ответ он тогда получил?

В июле 1945 года, когда в Нордхаузене еще были американцы, дочь Маргарет посетила отца. Она уже откуда-то знала, что сюда придут русские, и предложила отцу переехать в Дюссельдорф. Но Вальтер Николаи отказался: «Я офицер, а офицер никогда не убегает». Они с дочерью прогуливались по дороге, и он указал на одно дерево: «Там, в дупле, спрятан мой пистолет. Если будет нужно, я воспользуюсь им, но не убегу».

Незадолго до ареста Маргарет получила от отца письмо, где тот сообщал, что познакомился с русским комендантом Нордхаузена, они говорили по-русски, и тот с ним был весьма любезен. Однако спустя три недели появились сотрудники НКВД и объявили, что пришли за ним. Он попытался пояснить:

— Я был начальником германской разведки в Первую мировую войну, а не во Вторую. Я не воевал против Советской России. Тут какое-то недоразумение.

Но офицеры контрразведки только улыбнулись:

— Мы хорошо знаем, кто вы есть.

После ареста Николай и потом, когда из его дома вывезли архив, его хозяйка, Ева Вагнер, и Ганнелора Герман, ставшая снова аптекарем, послали письма в Дюссельдорф, где сообщили обо всем случившемся, а также о том, что дом перешел другим владельцам. По номерам машин они определили, что за Николай и его архивом приезжали из Веймара.

А потом — полстолетия неизвестности.

Рольф Ненневиц после смерти матери перебрался с отцом на Запад. Учился Гессене, работал на предприятиях в Западной Германии и Швейцарии. Женился в 1962 году. Дочь Катарина, правнучка полковника Николаи, работает в сельском хозяйстве, у нее трое детей. Другая дочь и правнучка, Доротея, инженер-аграрий, у нее сын Клаус, названный в честь умершего брата Рольфа, «маленького полковника». Она живет в Италии.

Внучка Николаи, Карола, подарившая ему первого правнука Фрица-Юргена, после гибели мужа на русском фронте снова вышла замуж. У нее еще четверо детей, тоже правнуки Вальтера Николаи, и она уже бабушка.

Фриц-Юрген инженер, у него двое детей.

Ева Вагнер живет в Кельне.

У Ганнелоры Герман четверо детей и восемь внуков.

Архив бывшего главы германской разведки завершает письмо Ганнелоры. Она поздравляет своего шефа 2 августа 1945 года с днем рождения. Там есть такая строка: «Я так рада за тебя, такое красивое начало нового года жизни...»

Что имело в виду юное создание, ставшее сейчас бабушкой, не известно.

«Красивое начало нового года жизни» не принесло полковнику Николаи счастья. Несправедливый арест, заключение в мрачную каталажку вражеской контрразведкой и горькая чаша плена стали для него суровой реальностью. В Первую мировую войну начальник германской разведслужбы однажды при поездке на фронт едва не угодил в плен к французам. Не угодил тогда, так угодил тридцать лет спустя.

В невероятный плен.

Это поразительно: такой взлет в начале жизни и такой финал!

Очень жаль, что немецкая разведывательная служба не защитила до сих пор полковника Вальтера Николаи и не отвела от его имени все нелепые обвинения и в связях с советскими спецслужбами, и в причастности к нацистскому абверу. Сделать это нетрудно, но Пуллах набрал в рот воды.

Равнодушно к истине и французское издательство «Сток». Оно сделало вид, будто сообщение из России о том, что пол-

ковник Николай никогда не был «советским шпионом», его не волнует, и даже не ответило на посланное в издательство письмо об этом. Пущенная из Парижа «утка» о «тесных контактах» главы шпионажа германского императора Вильгельма II с Главным разведывательным управлением РККА во времена Веймарской республики и при Гитлере гуляет по белу свету как ни в чем не бывало.

Нет возможности воззвать к покаянию и Курта Рисса. Он отправился в мир иной шесть лет назад. Посвятившая его кончине отдельную колонку в номере за 21 мая 1993 года, газета «Нью-Йорк таймс» дала сочинителю «Тотального шпионажа» высочайшую оценку как «знатоку нацистской эры». Какой это был знаток, теперь ясно. Вот вехи его биографии. Родился в начале века в Германии, в старинном городке Вюрцбурге. Образование получил у себя на родине, а также во Франции и Швейцарии. Стал «первым спортивным журналистом», посылавшим репортажи для берлинской прессы со всех концов Европы. С приходом к власти нацистов перебрался во Францию и начал сотрудничать в газете «Пари-суар», а в дальнейшем становится корреспондентом этой газеты в США. Именно той газеты, которая более других распространяла измышления о бывшем начальнике германской разведывательной службы.

«Нью-Йорк таймс» сообщает:

«Прекрасно чувствовавший себя и в Англии, и в Германии, он стал плодовитым трансатлантическим писателем на обоих языках, создателем целого потока газетных и журнальных статей, романов, биографий, сценариев и пьес. В 30-е годы и во время Второй мировой войны бывший берлинский репортер обратил на себя внимание в США книгами и многочисленными сообщениями о гитлеровской Германии. Например, в книге «Нацисты уходят в подполье» он описал германскую шпионскую сеть и планы, вынашиваемые гитлеровскими сообщниками за границей... «Подполье Европы» отражала драматизм антинацистского движения Сопротивления».

Помянула газета и «Тотальный шпионаж». Эта книга появилась как ложка к обеду, именно в тот момент, когда была нужна. Распродажа книги «взлетела» после нападения японцев на Пёрл-Харбор и вступления США в войну

Уготованную Куртом Риссом роль Мавра полковник Николаи выполнил успешно. Читатели увидели, от кого исходит едва ли не самая большая угроза Америке. Это был «человек с худым, невыразительным лицом» и «острым, пронизывающим взглядом», который еще в Первую мировую войну помогал германскому кайзеру сражаться против стран Антанты.

Дебют Курта Рисса как писателя, а «Тотальный шпионаж» был его первой книгой, походил на триумф. К концу Второй мировой войны бывший репортер «Пари-суар», перу которого принадлежало уже несколько книг, стал очень знаменит.

Он вернулся в Германию американским военным корреспондентом, чтобы описать агонию нацистского рейха, а после окончания боевых действий заглянул в Берхтесгаден в Баварских Альпах, где любил отдыхать Гитлер. Вскоре Курт Рисс улетел в Нью-Йорк и какое-то время продолжал работать в Америке, но потом переехал в Германию, а в 1952 году навсегда поселился в Швейцарии.

Каталоги свидетельствуют: Рисс выпустил множество книг на самые разные темы, писал даже об эротике.

Умер известный писатель в возрасте 90 лет в своем доме в предместье Цюриха.

Писатель умер, но дело его живет.

В начале 1999 года на московских книжных прилавках появился новый шпионской «детектив» под названием «Секретная война», созданный русским автором на основе книг по истории шпионажа. Специальная глава посвящена «полковнику нацистского абвера» Вальтеру Николаи. Нет, это не наваждение. Из текста выглядывают знакомые уши Курта Рисса. Даже внешность «нацистского полковника», нос которого «слегка вздернут», а «чувствительные ноздри как будто что-то постоянно вынюхивают», списана со страниц «Тотального шпионажа» под копируку со ссылкой на «знатока» нацистской эры американца Рисса.

Изданный «Г.П.Путнамс Санс» в 1941 году опус продолжают принимать за чистую монету.

Так что легендарный шеф разведслужбы германского генерального штаба времен Первой мировой войны полковник Вальтер Николаи девятое десятилетие предстает перед

читательской публикой в доспехах вымышленного, а не реального персонажа.

И никто за прошедшие десятилетия не вступился за него. Нет, вступился.

Став первой в мире читательницей рукописи «Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ», внучка полковника Вальтера Николаи профессор Герда Панофски бросилась на его защиту, послав 2 ноября 1998 года из Принстона в Нью-Йорк, в издательство «Г.П.Путнамс Санс», ныне «Пингвин Путнам Инк.», письмо на имя президента издательства Феллис Гран:

«Уважаемая госпожа Гран,

в 1941 году издательство «Г.П.Путнамс Санс» опубликовало книгу покойного Курта Рисса «Тотальный шпионаж», которая согласно некрологу об авторе в «Нью-Йорк таймс» от 21 мая 1993 года стала бестселлером после того, как Соединенные Штаты вступили в войну вслед за нападением Японии на Пёрл-Харбор.

Самая первая строка книги начинается с фамилии моего дедушки полковника Вальтера Николаи (1873—1947). На последующих страницах его имя упоминается более ста раз, так что, можно сказать, он главный герой повествования Рисса. Без каких бы то ни было доказательств (в тексте нет сносок и цитирований источников) Ваша публикация изображает его как «главу военной разведки» (с. 19, 95) при Гитлере, что является абсолютной ложью и полным вымыслом.

Возможно, никто в Европе и не заметил бы этой журналистской, исторически неверной и, таким образом, бесполезной книги, если бы она не была переведена на русский весной 1945 года. Перевод попал в руки генерала Серова, высшего советского офицера, надзиравшего в Восточной Германии во время сталинской эры. В сентябре 1945 года мой дедушка, которому к тому времени исполнилось 72 года, был арестован НКВД (предшественником КГБ) в своем доме в Нордхаузене, в небольшом городке в Тюрингии, и навсегда исчез.

Мы, семья, ничего не знали о его дальнейшей судьбе. И только в августе (1998) в России, где я учусь каждое лето в Санкт-Петербургском университете, я встретила с Жаном Таратутой, который пишет биографию Вальтера Николаи. Как я поняла, он два или три раза пытался связаться с изда-

тельским домом «Путнам», но так и не получил ответа¹. Во всяком случае именно он получил доступ к еще секретным архивам КГБ, чьи досье спустя более пятидесяти лет пролили свет на последние двадцать месяцев жизни моего дедушки и обстоятельства его смерти.

Вальтер Николаи содержался в одиночном заключении в пользующейся дурной славой Лубянке в Москве (если Вы не знакомы с условиями этой тюрьмы, то я рекомендую почитать Солженицына) и умер в полной изоляции от остального мира в не менее ужасной тюрьме Бутырке, еще в царские времена считавшейся очень скверным местом. И никто не знает, где развеян его пепел.

Как доказывают записи бесконечных допросов Вальтера Николаи, единственной причиной его содержания под арестом и его страданий были фальшивые утверждения Курта Рисса, распространенные и проданные с выгодой издательством «Путнам».

Помимо печального удела, который выпал на долю моего старого дедушки, Вы едва ли можете представить, какие страдания пережила моя мать, не зная в течение сорока лет о местонахождении своего пожилого отца, а также какие мучения испытали две ее сестры относительно его участи. Должно было пройти полстолетия, чтобы выявилась истина и был установлен виновник этих страданий.

Я хочу встретиться с Вами и спросить Вас, каким образом издательство «Пингвин Путнам Инк.» намерено восстановить честь нашего дедушки Вальтера Николаи и как издательство захочет компенсировать то разрушающее воздействие, которое причинила нашей семье публикация и продажа этой клеветнической книги».

И «Пингвин Путнам Инк.» наконец откликнулся. Вице-президент издательства Карен Майер попыталась сразу отбить атаку:

«Уважаемая доктор Панофски,

Ваше письмо Феллис Гран от 2 ноября 1998 года — одно из наиболее интригующих, которые я видела за годы моей

¹ Факсы в нью-йоркское издательство «Г.П.Путнамс Санс» с предложением познакомиться с рукописью о полковнике Николаи, в судьбу которого издательство вмешалось роковым образом, были направлены 10 сентября и 10 октября 1997 года, ответы на них не поступили.

работы в этой компании. Однако, как бы ни была очаровательна и печальна история Вашего дедушки, простым фактом является то, что мы не имеем записей (а только давнее досье с контрактом), которые могли бы пролить свет на обстоятельства, связанные с публикацией в 1941 году «Тотального шпионажа» Курта Рисса.

Все, что я могла установить, это то, что книга впервые опубликована издательством «Путнам» в ноябре 1941 года и наши права были ограничены английским языком и правами Северной Америки, которые перешли обратно к автору в 1980 году. У меня нет информации об исследовании, которое провел автор, когда писал книгу, или доказательств того, что автор предоставлял издателю что-либо в поддержку обвинений, содержащихся в книге. Я не нашла ничего, касающегося русского перевода, на который, я полагаю, была дана лицензия автором или его агентом. Я не обнаружила ничего, что бы указывало на то, что мы когда-либо получали претензии, связанные с этой книгой.

Одно я знаю, нет оснований для какого-либо правового подсудного иска в отношении нас в настоящее время, спустя 57 лет после публикации. Как Вы, наверное, знаете, в Соединенных Штатах существует закон об ограничениях на такие претензии, и они согласно закону действуют самое большее несколько лет после публикации. Кроме того, эти претензии перестают приниматься после смерти лица, чья репутация была безосновательно оклеветана. При таких обстоятельствах, даже если утверждения о Вашем дедушке действительно были ложными, сегодня не существует никакой базы для проведения правовой акции.

Если, как Вы говорите, «Тотальный шпионаж» содержал неверные утверждения о Вашем дедушке, то эти утверждения, без сомнения, будут скорректированы, когда Жан Таратута опубликует биографию полковника Николаи».

Такой был ответ.

Новое письмо профессора Герды Панофски, датированное 22 ноября, напоминало издателям не только о праве, но и о других аспектах, возникших после публикации «Тотального шпионажа»:

«Уважаемая госпожа Майер,

я нахожу интересным, что Вы сразу попытались защитить

свою компанию от правовых притязаний, которые, правда, еще никто и не предъявлял. Естественно, было бы абсурдным предъявлять обвинение в карикатурном изображении Риссом моего дедушки после пятидесяти лет после его смерти: «небольшое, худое, невыразительное лицо, острый, пронизывающий взгляд, слегка вздернутый нос, чувствительные ноздри которого как будто вечно что-то вынюхивали» («Тотальный шпионаж», с. 3). Этот портрет человека, которого автор никогда не встречал и который он сформировал подобно всему остальному в книге, просто нелеп, смехотворен и является признаком дурного вкуса, где-то на грани китча.

Эту своего рода клевету можно было бы свести к нулю за счет смерти оклеветанного лица, но как быть с тем, что обвинения «Тотального шпионажа» относительно роли Вальтера Николаи и его деятельности при Гитлере явились причиной его смерти в советской тюрьме. Вина за публикацию этой дискредитирующей и бесконечно пагубной книги Курта Рисса не устаревает со временем! Независимо от правовых норм, издательство «Путнам» заслуживает морального порицания, и оно должно признать свою ответственность.

Ежедневно газеты сообщают о выплате репараций и судебных делах по преступлениям, совершенным в годы Второй мировой войны, например: Швейцария должна вернуть золото, награбленное во время холокоста и тайно хранившееся пятьдесят лет; нацисты, организовавшие концентрационные лагеря, в конце концов выслеживаются и выдаются из тех мест, где они скрывались, как, например, в Южной Америке (или в США); после пяти десятилетий музеи вынуждены возвращать картины, находящиеся в их коллекции, бывшим владельцам еврейской национальности; тайники с произведениями искусства, награбленные у Германии, впервые экспонируются в Москве и Санкт-Петербурге; русские начинают печатать списки политических заключенных, тайно казненных в сталинскую эру; ГУЛАГи, дневники Анны Франк и список Шиндлера также раскрываются и т.д. и т.д. И только теперь, по истечении более пятидесяти лет, появляется на свет правда о несправедливостях и страданиях, причиненных людям в результате ненависти и ложных идеологий. Уместны ли слова «очаровательные и печальные» применительно к этим «историям»?

Тогда на «Тотальный шпионаж» Рисса возлагались большие надежды в том, что книга будет хорошо продаваться, поскольку в это время проводилась сильная антигерманская агитация, и продажи книги действительно «росли». Но никто в издательстве «Путнам», очевидно, не почувствовал необходимость проверки предъявляемого счета, так как одно перечисление фамилий реальных людей создавало правдивость картины, что способствовало еще большей распродаже книги. Мой дедушка определенно не мог протестовать против этого, поскольку он, единственный оклеветанный, был заключен в герметически закупоренную тюрьму КГБ и только там во время допросов мог выступать против книги Рисса. Мы, его семья, тоже не могли знать о причине его исчезновения в 1945 году и смерти в кагэбэшной тюрьме в Москве прежде, чем были открыты архивы КГБ, — лишь недавно и только несколькими исследователями. Даже Жан Таратута не получил бы доступа к документам, если бы его соавтором биографии Вальтера Николаи не был генерал Александр Зданович из Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Мы ожидаем, что издательство «Путнам» предоставит доказательства возмутительных утверждений, сделанных Риссом, и если таковых не будет, то загладит последствия лживой книги».

Ответ Карен Майер:

«Как я уже упоминала в своем письме от 6 ноября, мы были не в состоянии найти какие-либо записи, кроме досье с контрактом, касающиеся фактической базы «Тотального шпионажа». Вслед за получением Вашего второго письма мы произвели повторную проверку, однако и на этот раз не удалось обнаружить что-либо еще. И это неудивительно, учитывая, что книга впервые опубликована пятьдесят семь лет назад. Поэтому мы не можем привести доказательства утверждений в книге Курта Рисса, которые Вы запрашиваете.

В настоящее время при отсутствии у нас записей, которые подтверждали бы или опровергали факты, приводимые в Вашем письме, и при том, что невозможен доступ к автору книги, которая, как Вы заявляете, привела к гибели Вашего дедушки, мы не в состоянии подтвердить точность «Тотального шпионажа», но у нас нет и желания принять Ваше заключение о том, что мы нарушили долг при публикации книги.

Мы продолжаем полагать, что выход биографии полковника Николаи или других исторических работ исправят положение, если книга Курта Рисса содержала фактические ошибки. Как Вы, без сомнения, осведомлены, мы выпускаем много печатных изданий на документальной основе. Возможно, Жан Таратута и генерал Зданович пожелают представить нам рукопись на рассмотрение. Конечно, мы не можем взять на себя обязательство заключить издательский контракт или опубликовать рукопись, не увидев ее. Но мы могли бы по крайней мере дать свое заключение на рукопись».

Наконец-то «оборона» издательства слегка дрогнула. Профессор Герда Панофски попыталась закрепить успех. В «Пингвин Путнам Инк.» ушло письмо, после прочтения которого не оставалось сомнений в том, насколько несостоятельны утверждения Курта Рисса относительно полковника Николаи;

«1) В автобиографических записях в период содержания под арестом (собственноручный материал с просьбой освободить его из одиночного заключения в московской Лубянской тюрьме и 84 отпечатанных страницы, озаглавленных «Пережитое»¹) В. Николаи сообщает, что он был арестован из-за книги журналистского характера под названием «Тотальный шпионаж».

2) Во время допросов в Берлине, а затем в Москве в 1945—1947 годах (записи которых сохранились) он отрицал обвинения в том, что являлся главой военной разведки при Гитлере и т.д. и т.д., а Советы обвиняли его во лжи. Они утверждали, что имеют доказательство обратного и ссылались на книгу Рисса (о которой мой дедушка вообще никогда не слышал).

3) Месяцами позже мой дедушка был поддержан в Москве несколькими высокопоставленными офицерами немецкой контрразведки, находившимися под следствием, которые один за другим засвидетельствовали, что полковник Николаи никогда не работал в военной разведке между 1918 и 1945 годами и не играл никакой роли в Третьем рейхе. (Стенограммы этих допросов также находятся в московских архивах.) И только тогда Советы начали сомневаться в истинности «Тотального шпионажа», но продолжали удерживать

¹ «Разведка 1900 — 1945 гг. Обобщенный опыт».

своего политического узника в полной изоляции. Так как никогда не было судебного разбирательства или приговора по делу Николаи (только устный приказ об аресте, отданный генералом Серовым, подчиненным Берии, случайно прочитавшим русский перевод «Тотального шпионажа»), то система была неспособна его реабилитировать.

4) Наконец известно, что Вальтер Николаи делал (это слово в письме подчеркнуто) в 1930-х и 1940-х годах, а именно жил как одинокий вдовец в своем доме в Нордхаузене на Гарце (Тюрингия), периодически наезжая в Берлин, занимаясь написанием воспоминаний о Первой мировой войне. Эти рукописи вместе со всеми другими бумагами, семейными письмами и фотографиями, включая все вплоть до 1890 года, были конфискованы в Нордхаузене спустя месяц после ареста и доставлены в Москву, где после пятидесяти лет всплыли в архивах КГБ. И вот из этого «драгоценного клада» мы теперь получаем по кусочкам в виде ксерокопий то, что интересно для нашего семейного досье, так как сам дом со всем имуществом был также экспроприирован в 1945 году.

В письме были и такие строки:

«Я уже послала факс Таратуте и Здановичу относительно Вашего предложения по оценке их рукописи. Ксерокопия последней, 600 страниц на русском языке, есть и у меня, и я уже прочла большую часть ее. Авторы опираются на богатый оригинальный материал и представили его в исключительно читаемой форме».

Теперь, когда в «Пингвин Путнам Инк.» согласились познакомиться с рукописью, оставалось самое простое — отослать ее в Нью-Йорк, приложив документы и материалы, опровергавшие измышления Рисса. Однако направленная в издательство рукопись с документами канула как в воду. Пять увесистых конвертов, оклеенных более чем двумястами марками (заказная почта с уведомлением) провалились словно сквозь землю. Международная почта России, проводя расследование, установила, что рукопись и документы прибыли в Нью-Йорк, а дальше все покрыто тайной. Американская почтовая служба вот уже более полутора лет хранит молчание, не отвечая на запросы, поэтому нет никакой возможности выяснить, почему рукопись и документы не доставлены по назначению.

Или доставлены?

Но вице-президент издательства «Пингвин Путнам Инк.» утверждает: «Мы никогда не получали рукопись «Таинственный шеф Мата Хари» о полковнике Николаи и другие материалы».

Ничего не вышло и с повторной отправкой рукописи и документов в Нью-Йорк с почтовым курьером. Рукопись и документы легли на стол руководителей «Пингвин Путнам Инк.», как они этого хотели, но уже на другой день госпожа Карен Майер упаковала посланное в большую картонную коробку и отправила ее с ближайшим самолетом в Москву. В письме говорилось:

«Мы были бы очень рады прочитать Вашу рукопись, однако у нас нет ни одного редактора, который бы говорил или читал по-русски. По этой причине возвращаем рукопись и документы. Если Вы переведете рукопись на английский за свой счет, тогда мы будем счастливы высказать Вам о ней свое мнение».

Полковнику Николаи снова не повезло. Это подтвердило и письмо из Принстона:

«Мне было очень жаль узнать, что до сих пор не найдены пять Ваших пакетов. Я также возмущена, как «Путнам» реагировал! Честно говоря, я не думала, что они серьезно хотели опубликовать книгу, это был пустой жест. Но чтобы они отказали с такой примитивной отговоркой, этого я не ожидала».

Похоже, что правда о начальнике разведывательной службы германской армии еще долго не будет оглашена в Северной Америке, а может быть, и никогда.

В воспоминаниях Вальтера Николаи о Первой мировой войне есть эпизод его встречи с американским корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» Цирином Брауном, прибывшим на германский фронт. Шел январь 1915 года, Америка была еще нейтральной страной. Николаи находился в Шарлевилле, в своем кабинете, когда ему положили на стол визитку американца. Браун ввалился к начальнику разведслужбы германской армии с окурком сигары во рту и со словами: «Я хочу положить к вашим ногам два миллиона читателей в США». Он хотел получить интервью фельдмаршала Гинденбурга. Николаи собирался в Позен, к Людендорфу, и захватил корреспондента «Нью-Йорк таймс» с собой.

Запись в дневнике от 16 января 1915 года:

«Непосредственно перед Позеном он вошел в мое купе. Я попросил извинить меня на тот случай, если Гинденбурга не будет в Позене. Он ответил, что это ничего не значит, интервью, уже полностью подготовленное, он держит в голове. Главное — это крупный, захватывающий заголовок, все остальное в Америке совершенно безразлично. Этот заголовок он и должен получить. Его он увязывал с последними немецкими победами на востоке. Поздравляя фельдмаршала по этому поводу, восхищаясь его крупной, импонирующей фигурой, твердым рукопожатием, глубокой голубизной его глаз, американец намеревался при этом спросить, использовал ли Гинденбург в операциях и железные дороги. На что фельдмаршалу предстояло ответить: «Так точно, и в этом образцом для нас были американцы». Тут-то он и намеревался получить разрешение на нужный ему заголовок: «Гинденбург восхваляет американские железные дороги».

Я рассказал Людендорфу суть дела, и мы договорились послать интервью фельдмаршалу и попросить его дать разрешение на это. Мы получили разрешение. Я передал все Цирину Брауну, и интервью появилось в «Нью-Йорк таймс», а он так и не увидел фельдмаршала и, таким образом, не докучал ему».

Завершалась запись так:

«Эти небольшие события предоставили мне возможность понять, как происходит американское воздействие на общественное мнение. Использование и применение их методов было совершенно невозможно при немецкой основательности и добросовестности, чему был привержен и я».

Это «американское воздействие на общественное мнение» Вальтер Николаи позже испытал сполна. Но вряд ли он мог представить, находясь в «герметически закупоренной» российской тюрьме, что когда правда о его судьбе вырвется наружу, то нью-йоркское издательство, ославившее его на весь мир, не захочет снять с него фальшивое клеймо и не потратит ни цента, чтобы хотя бы из простого любопытства узнать, каким же был на самом деле глава разведывательной службы германской армии периода Первой мировой войны, имя которого помянуто более ста раз в «блефе» мистера Рисса, и отправит расследование, поступившее из России, обратно, не прочитав в нем ни строки.

В прошлом году внук Николаи, Рольф Ненневиц, обратился к правительству России с просьбой о реабилитации его дедушки. Главная военная прокуратура, изучив «Секретное досье № 21152», официально подтвердила, что бывший глава секретной службы германских вооруженных сил периода Первой мировой войны ни в чем не виновен и пострадал напрасно. Как указано в Справке о реабилитации № 5 уд-427-99 от 17 июня 1999 года, немец Николаи Вальтер Германович, родившийся в 1873 году в Брауншвейге, проживавший в Нордхаузене по Штольбергерштрассе, 58, арестованный органами НКВД 7 сентября 1945 года и умерший 4 мая 1947 года, был «помещен в тюрьму без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления».

Этот вердикт окончательно снимает с Вальтера Николаи фальшивые доспехи.

В настоящее время в различных странах проживают 10 внуков и внучек Николаи, 26 правнуков и правнучек, 25 праправнуков и праправнучек, но среди них нет никого, кто носил бы его фамилию. Единственный сын, родившийся в 1906 году, нареченный Гансом-Хуго, не прожил и месяца. Старший брат Николаи не был женат и не имел детей. Он умер раньше младшего брата.

Николаи очень сожалел, что его фамилия кончается на нем.

Наверное, глава разведслужбы кайзера Вильгельма II полковник Вальтер Николаи, верный и искренний слуга ушедшей в небытие германской империи, великий и вместе с тем скромный труженик «битвы в тени» начала XX века, не искавший для себя ни золота, ни славы, сполна испивший горькую чашу несправедливого оговора и умерший в неизвестности вдали от родины, заслужил, чтобы о нем снова услышал мир.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

СПРАВКА
(о реабилитации)

17 июня 1999 г.

№ Суд-427-99

103160 Москва, 3-100, Холмова пер. 211

Гражданин (ка) Николай Вальтер Германович
Год и место рождения 1953 г.р. г. Брауншвейг
Гражданин (ка) какого государства Германия
Национальность немец Место жительства до ареста
г. Нордхаузен, Гаттсбергштрассе, 52
Место работы и должность (род занятий) до ареста _____

Дата ареста 2 сентября 1945 г.
Когда и каким органом осужден (а) (репрессирован/а)
7 сентября 1945 г. органами НКВД СССР

Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) похищен в тылу без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления.

Дата освобождения уже 4 мая 1947 г.
На основании ст. 3, п.п. д, "с" Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года
гражданин(ка) Николай Вальтер Гитман, сын реабилитирован (а).

ПРИМЕЧАНИЕ: Решение о реабилитации не может служить основой для имущественных требований граждан Германии, идущих вразрез с действующим законодательством и международными обязательствами.

Начальник отдела реабилитации
Главной военной прокуратуры И. П. Копылов

Этот вердикт от 17 июня 1999 года окончательно снимает с Вальтера Николаи «фальшивые доспехи»

TOTAL ESPIONAGE

By CURT RIESS

G. P. PUTNAM'S SONS

NEW YORK

1941

Титульный лист роковой книги Курта Рисса
«Тотальный шпионаж» на английском языке.

Рядом — русский перевод этой книги, которым пользовались
сотрудники контрразведки, допрашивавшие Вальтера Николаи

КУРТРИСС

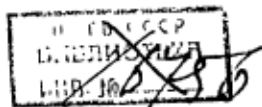
327.8(X)
p-54

ТОТАЛЬНЫЙ ШПИОНАЖ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Г. ВЛАДИМИРСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ
Д. ЗАСЛАВСКОГО

Секр-т НГБ при СБ СССР
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2056

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
Москва — 1946

Part I: The Revolution of Espionage

COLONEL NICOLAI TAKES A TRIP

EARLY IN JUNE 1932, Colonel Walther Nicolai, retired, left Berlin for Munich, where he was to speak in the Brown House.

This would be his second speech in the Brown House. Three weeks before he had appeared before a small group of SA and SS leaders as a representative of the High Command of the German Army. His subject had been "Germany in a Future War." It made a particularly deep impression upon his audience when he stated that Germany must make no declaration of war but must immediately smash the opponent by a tremendous air attack.

Now he was again coming as a representative of the High Command, although officially he was no longer a member of the German Army. But this time his speech was only a pretext. In reality Nicolai was going to Munich to discuss with Nazi leaders there a matter which would be of the utmost importance should the Nazis come to power. And he had no doubt that they would.

And so Colonel Nicolai, retired, took the night express at the Anhalter Station. It is hardly likely that anyone recognized this man with the small, thin, unimpressive face, sharp, piercing eyes, and a slightly upturned nose with sensitive nostrils that quivered as though always on the alert for some scent. The man-in-the-street would not even have recognized his name. It had not appeared in the German Who's Who or in military literature for several years. Only people with excellent memories recalled that Walther Nicolai had been the head of the notorious Bureau IIB, the head of the High Command's Intelligence Service; that be-

Часть первая
ПЕРЕВОРОТ В ШПИОНАЖЕ

ПОЕЗДКА ПОЛКОВНИКА НИКОЛАИ

В НАЧАЛЕ ИЮНЯ 1932 года полковник в отставке Вальтер Николаи выехал из Берлина в Мюнхен, где он должен был выступить в Коричневом доме.

Это было вторым его выступлением в центре гитлеровской партии и пропаганды. Три недели назад он уже выступал здесь в качестве представителя верховного командования германской армии перед небольшой группой руководителей СА (Sturmabteilungen) и СС (Schutzstaffeln). Темой его выступления было: «Германия в будущей войне». Его заявление о том, что Германия должна без объявления войны, одним лишь колоссальным по масштабам воздушным наступлением раздавить своего противника, произвело исключительное впечатление на аудиторию.

Сейчас он снова направился в Мюнхен в качестве представителя верховного командования, хотя официально больше не принадлежал к офицерскому корпусу германской армии. Однако на этот раз его выступление являлось только предлогом. Николаи поехал в Мюнхен для того, чтобы обсудить там с вожаками германского фашизма вопрос, который в случае захвата ими власти приобретал огромное значение. Что касается возможностей гитлеровской шайки в этом направлении, то Николаи в них не сомневался.

Итак, полковник в отставке Николаи сел на ночной экспресс, уходящий с Ангальтского вокзала в Берлин. Мало вероятно, чтобы кто-нибудь узнал этого человека с небольшим, худым, невыразительным лицом, острым, пронизывающим взглядом, слегка вздернутым носом, чувственные ноздри которого как будто вечно вынюхивали что-то. Обывателю не была знакома даже его фамилия. В течение ряда лет она

бывшего начальника германской военной контрразведки
(Абвер-3) генерал-лейтенанта фон БЕНТИВЕНИ Франца

от 25 января 1946 года.

БЕНТИВЕНИ Франц, 1896 года рождения, урож.
г. Потсдам (Германия), немец, из семьи офи-
цера, подданный Германии, беспартийный, об-
разование высшее, женат, в германской ар-
мии с 1915 года, участник первой мировой
войны. С 1939 по 1943 год начальник гер-
манской военной контрразведки (Абвер-3,
последняя должность — командир 81 герм.
пехотной дивизии, генерал-лейтенант.

ВОПРОС:— Вы знаете полковника германской разведывательной
службы НИКОЛАИ?

ОТВЕТ:— Лично я полковника НИКОЛАИ не знаю и никогда его
не видел. НИКОЛАИ мне известен как бывший руководитель немецкой
военной разведки периода первой мировой войны.

В 1918 году, в связи с запрещением по Версальскому договору
германским вооруженным силам иметь свою разведку НИКОЛАИ вышел
в отставку и занялся литературной работой — составлением мемуа-
ров о своей разведывательной деятельности в войну 1914—1918 г.г.
Первая книга его мемуаров вышла в свет в начале двадцатых годов.
Книга эта, хотя и сказать, позднее у работников абвера успехом
не пользовалась, так как раскрывала лишь старье, изжившие себя
формы и методы работы разведки.

ВОПРОС:— Что вам известно о позднейшей деятельности НИКОЛАИ
в германской разведке и в частности в период подготовки и раз-
вёртывания второй мировой войны?

ОТВЕТ:— Никакого участия в деятельности германских разве-
дывательных органов в период с 1918 по 1945 год НИКОЛАИ не при-
нимал.

Бывший начальник германской контрразведки
генерал-лейтенант Франц Бентивеньи тоже помог очистить
имя Вальтера Николаи от напраслины

ВОПРОС:— На основании чего вы утверждаете, что НИКОЛАИ на этот период не занимался разведывательной деятельностью?

ОТВЕТ:— Возмалывая на протяжении ряда лет германскую военную контрразведку я не слышал ни разу, чтобы НИКОЛАИ после 1918 года снова принимал участие где-либо в германских разведывательных органах. В противном случае я бы обязательно об этом знал.

Мне известно, что в июне 1939 года НИКОЛАИ попытался предложить свои услуги адмиралу КАНАРИСУ, но попытка эта не увенчалась успехом. КАНАРИС отклонил предложение НИКОЛАИ в связи с тем, что НИКОЛАИ был уже стар, а также и потому, что не хотел иметь своего предшественника в качестве подчиненного.

ВОПРОС:— Откуда вам известно, что НИКОЛАИ обращался к КАНАРИСУ с предложением принять его снова на работу в военную разведку?

ОТВЕТ:— О посещении НИКОЛАИ КАНАРИСА мне рассказывал или сам КАНАРИС, или бывший начальник Абвер-1 ШИККЕНБРОК — точно я сейчас не помню. Подробности этого посещения мне неизвестны.

Протроек с моих слов записан правильно и переведен мне с русского на немецкий язык.

ВОПРОСИЛ: СОТРУДНИК 2 ОТДЕЛА ГЛ УПРАВЛЕНИЯ "СМЕРИ"
Гвардии капитан

(МЕСЯЦЕВ)

Переводчик: Гв мл. лейтенант

(СМЯГИНСКИЙ)

Взнос: Нач. 1 отд-ия 2-го. 24КР. "Смерь"

по указанию

15/1-46.

/Свертук/

ПОГАСЕНО 210

Secret Missions

THE STORY
OF AN INTELLIGENCE OFFICER

By Captain ELLIS M. ZACHARIAS, USN

685

не трогай

G. P. PUTNAM'S SONS

NEW YORK

Титул книги сотрудника американской разведки
Эллиса Захариаса «Секретные миссии»,
в которой распространялись новые измышления
о Вальтере Николаи и которая тоже вышла в издательстве
«Г.П. Путнамс Санс» (1946), когда глава немецкой разведслужбы
уже находился в тюремной камере из-за «Тотального шпионажа»

work was more or less dormant as the Reich tried to fit herself into the family of civilized nations.

Hitler's seizure of power in 1933 brought a fundamental change. Like Bismarck before him, Hitler was a firm believer in secret service work. His whole character and psychological make-up guided him in this direction; and he practiced espionage and fifth-column methods on an unprecedented scale even during his Nazi party's struggle for power between 1926 and 1933. When later he was in control of the Reich, he tried to force his ideas on a reluctant German General Staff. But Colonel Bredow resisted the pressure and incurred the wrath of Hitler and Nicolai, who was himself back in the saddle acting as Hitler's chief adviser on all espionage and secret service matters.

Colonel Bredow was in their way. He refused to carry out Hitler's instructions and was even more reluctant to work with Nicolai. It was evident to both Hitler and Nicolai that they could not carry out their secret service plans as long as Bredow was in charge of German Intelligence. But Bredow had the backing of the German General Staff and especially that of General Kurt von Schleicher, a powerful force within the German armed forces, himself a chancellor just prior to Hitler's own seizure of power. The blood purge of 1934 provided the long-sought opportunity to get rid of both Schleicher and Bredow. On June 30, 1934, a special squad of SS men went to Schleicher's home in a suburb of Berlin and killed him with five shots fired point-blank. They then rushed to Bredow's office in the Bendlerstrasse, dragged him from his desk in the War Ministry, and "liquidated" him in the courtyard. The day after Schleicher's and Bredow's elimination Nicolai moved in and, acting upon Hitler's authority, started the establishment of an aggressive German intelligence service to operate in France, Britain, and the United States.

Одна из страниц «Секретных миссий», где речь идет о том, к чему Вальтер Николаи был непричастен

97 Battle Road, Princeton, N.J. 08540
phone (609) 924 1679

November 22, 1998

Ms Karen R. Mayer, Vice President
Penguin Putnam Inc.
375 Hudson Street
New York, New York 10014

Dear Ms. Mayer,

please forgive my belated thanks for your letter of November 6, as my energy was all consumed by a lecture I had to give this past week. I appreciated your prompt reply to my letter to Ms. Phyllis Grann of November 2, although a couple of days were hardly sufficient to investigate the matter.

I found it interesting that you immediately tried to protect your company against legal claims which nobody had brought up yet. Naturally, over fifty years after my grandfather's death it would be absurd to file suit for Riess' caricature of him: "small, thin, unimpressive face, sharp, piercing eyes, and a slightly upturned nose with sensitive nostrils that quivered as though always on the alert for some scent" (TOTAL ESPIONAGE, p. 3). This portrait of a man whom the author never met and which he made up like the rest of the book, is simply ludicrous and besides of a poor taste that borders on kitsch.

At issue is not the kind of libel that may be nullified by the labeled person's death, but that the lies in TOTAL ESPIONAGE about Walther Nicolai's supposed role and activities under Hitler were the very cause for his death in a Soviet prison. The guilt for having published this defamatory and ultimately fatal book by Curt Riess does not become obsolete by time! Regardless of law statutes, Putnam remains culpable in a moral sense and should recognize its responsibility.

From the jacket text of HIGH STAKES, another book by Riess edited by Putnam right after TOTAL ESPIONAGE. It is evident that the publisher was aware of the author's so-called "facts" to be fiction, alleging that "for obvious reasons" he could not "reveal the sources of much of the material he has used in his books" (read: none existed, and note the plural of books). I am enclosing a xerox-copy of your advertisement of 1942 as well as of Riess' obituary in The New York Times, May 21, 1993

Первая страница письма профессора Герды Панофски
в издательство «Пингвин Путнам Инк.»
в защиту своего дедушки Вальтера Николаи.

Именно в нем она написала, что «вина за публикацию
дискредитирующей и бесконечно пагубной книги Курта Рисса
не устаревает со временем»

PENGUIN PUTNAM INC.
375 Hudson Street
New York, New York 10014

KAREN R. MAYER
VICE PRESIDENT
GENERAL COUNSEL

TELEPHONE (212) 366-2699
FAX (212) 366-2867
E-MAIL kmayer@penguin.com

December 11, 1998

Dr. Gerda S. Panofsky
97 Bartle Road
Princeton, New Jersey 08540

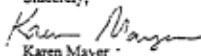
Dear Dr. Panofsky:

As I indicated in my November 6 letter, we have been unable to locate any records other than the bare-bones contract file, concerning the factual basis for TOTAL ESPIONAGE. Following receipt of your second letter, we double-checked. However, we were unable to find anything else. This is not surprising considering that the book was first published fifty-seven years ago. It is therefore impossible for us to provide proof, as you have requested, of the assertions in Curt Riess's book.

At this point in time, with no records of our own to confirm or deny the facts stated in your letter and with no access to the author of the book you say led to your grandfather's fate, we are unable to verify the accuracy of TOTAL ESPIONAGE and are unwilling to accept your conclusion that we were derelict in its publication.

We continue to believe that the publication of Jean Taranata's biography of Col. Nicolai or other historical works will set the record straight, if Curt Riess's book was in fact in error. As you are no doubt aware, we have many imprints that publish non-fiction. Perhaps Jean Taranata and General Zdanovich will wish to submit their manuscript to us for consideration. Of course, we cannot make a commitment to enter into a publishing agreement or to publish a manuscript, sight unseen. But, we could at least give the manuscript consideration.

Sincerely,

Karen Mayer

cc: Phyllis Grann

Ответ вице-президента издательства Карен Р. Майер,
где выражена готовность познакомиться с рукописью
о Вальтере Николаи. Однако рукопись была возвращена
из-за того, что в «Пингвин Путнам Инк.» не читают
и не говорят по-русски

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

3

1

«Я НЕ СТАЛ ПОСЛЕ ТОЙ ВОЙНЫ, КАК МЕНЯ ОКРЕСТИЛА АНГЛИЙСКАЯ
ПРЕССА, ПРЕУСПЕВАЮЩИМ ШЕФОМ ШПИОНАЖА»

5

2

«У МЕНЯ НЕ БЫЛО ОСНОВАНИЯ СКРЫВАТЬ СВОЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
К ГЕРМАНСКОМУ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ В ЧИНЕ ПОЛКОВНИКА»

33

3

«Я ВЫСКАЗАЛ ГИТЛЕРУ МНЕНИЕ О ТОМ, ЧТО, ЗАХВАТИВ ВЛАСТЬ
В СВОИ РУКИ, ОН МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ БЕЗ ОПЫТНЫХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ»

56

4

«КАК НЕМЕЦКИЙ ПАТРИОТ Я ВСЕГДА СОЖАЛЕЛ, ЧТО НЕМЕЦКИЙ
И РУССКИЙ НАРОДЫ БОРОЛИСЬ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА...»

85

5

«ВО ВРЕМЯ МОИХ ДОПРОСОВ ДАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ НОВОЙ ГЕРМАНИИ, ГДЕ Я РАБОТАЛ С 1935 ПО 1945 ГОД,
СОТРУДНИКИ НКВД СЧИТАЛИ ЗАМАСКИРОВАННОЙ ШПИОНСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИЕЙ»

104

6

«ПОДТВЕРЖДАЮ И СЕЙЧАС, ЧТО МНЕ ЛИЧНО НЕ ДОВОДИЛОСЬ
ВСТРЕЧАТЬСЯ С АГЕНТАМИ, ДЕЙСТВОВАВШИМИ ПРОТИВ РОССИИ,
ДА ЭТОГО И НЕ ТРЕБОВАЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА...»

143

7

«МАТА ХАРИ БЫЛА РАЗОЧАРОВАНА, ЧТО ЕЙ НЕ УДАЛОСЬ
СОБЛАЗНИТЬ МЕНЯ, И НАША ВСТРЕЧА ЗАВЕРШИЛАСЬ ТЕМ, ЧТО ОНА
БУКВАЛЬНО ВЫМАНИЛА У МЕНЯ 100 МАРОК, КОТОРЫЕ Я ОТДАЛ ЕЙ
ПРОСТО ИЗ СОЖАЛЕНИЯ»

161

8

«ЕЩЕ И ТЕПЕРЬ В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕДНЕГО СРЕДСТВА ИСКУШЕНИЯ
МНЕ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ЛЮБОЙ КУРОРТ ПО МОЕМУ ЖЕЛАНИЮ»

193

9

«Я НАЧИНАЮ СВОЮ РУКОПИСЬ 16 мая 1946 года
ПОСЛЕ ДЕСЯТИДНЕВНОГО ПРЕБЫВАНИЯ В ГОСПИТАЛЕ
В РЕЗУЛЬТАТЕ МОЕГО ПОЛНОГО УПАДКА СИЛ,
ЗАВЕРШИВШЕГО ВОСЬМИМЕСЯЧНЫЙ АРЕСТ»

221

10

«ПРОВЕРКА СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОТИВ МЕНЯ УТВЕРЖДЕНИЙ
СОЗДАЛА ДЛЯ МЕНЯ ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ, НО МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАЧИНАЕТ ПРОЯСНЯТЬСЯ К ЛУЧШЕМУ, И Я НАДЕЮСЬ
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ...»

245

11

«ЗДЕСЬ Я ХОЧУ ЛИШЬ КОНСТАТИРОВАТЬ,
ЧТО Я НАЧАЛ ЖИЗНЬ БЕЗ СОСТОЯНИЯ, ТАК И КОНЧАЮ ЕЕ»

267

12

«САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК,
НЕ ПРЕДСТАВИШИЙ НА НЮРНБЕРГСКОМ ТРИБУНАЛЕ,
ЭТО ИМЕННО НИКОЛАИ, НО ПЕРЕД ТАКИМ ПРОТИВНИКОМ
МОЖНО ТОЛЬКО ПРЕКЛОНИТЬСЯ»

312

13

«ФАЛЬШИВЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ КУРТА РИССА БЫЛИ РАСПРОСТРАНЕНЫ
И ПРОДАНЫ С ВЫГОДОЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ПУТНАМ»...
ВИНА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ЭТОЙ ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕЙ И БЕСКОНЕЧНО
ПАГУБНОЙ КНИГИ НЕ УСТАРЕВАЕТ СО ВРЕМЕНЕМ»

320

**Жан Васильевич Таратута
Александр Александрович Зданович**

**ТАИНСТВЕННЫЙ ШЕФ МАТА ХАРИ
Секретное досье КГБ № 21152**

Редактор О. Рябова

Технический редактор Л. Фирсова

Корректор А. Максимова

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

ЛР № 0071584 от 22.01.98.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.10.00. Формат 84х108/32.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,2 (в т.ч. вкл. 0,72). Уч.-изд. л. 18,36.
Тираж 5 000 экз. Заказ 5849.

Издательство «Детектив – Пресс»
119121, Москва, 1-й Неопалимовский пер., 16/13

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, Тверь, проспект Ленина, 5

**В 1999 — 2000 годах в издательстве «ДЕТЕКТИВ – ПРЕСС»
вышли следующие книги:**

**Валерий Стрелецкий
«МРАКОБЕСИЕ»**

**Юрий Власов
«ВРЕМЕНЩИКИ»**

**Николай Моисеенков
«ЗАПИСКИ ПОМОЩНИКА ДЕПУТАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ»**

**Владимир Пимонов
«ГОВОРЯТ «ОСОБО ОПАСНЫЕ»**

**Валерий Поволяев
«БЕСПРЕДЕЛ»**

**Максим Токарев
«ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ – СЫЩИКОВ ГРОЗА»**

**Юрий Скуратов
«ВАРИАНТ ДРАКОНА»**

**Андрей Евдокимов
«АВСТРИЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ, или Петербургские игры»**

**Владимир Марковчин
«ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАУЛЮС: ОТ ГИТЛЕРА К СТАЛИНУ»**

**Михаил Кубеев
«НАЛЕТЧИКИ»**

**Михаил Максимов
«ЗАПИСКИ СЫЩИКА»**

**Гелий Рябов
«КОНЬ БЛЕДНЫЙ ЕВРЕЯ БЕЙЛИСА»**

**Эдуард Хруцкий
«КРИМИНАЛЬНАЯ МОСКВА»**

*По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (095) 930-56-34, 930-56-54*

0000997703

ПОДПИСАНИ ИЗ КАРТЫ КУРТА РИССА
"ТОТАЛЬНЫЙ ШПИОНАЖ"ИЗВЕСТИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫВШ. ПОЛКОВНИКА
ПОСТАВКИ ВАЛЬТЕРА НИКОЛАИ.

(Воениздат, 1994)

шпионажа принадле
не упряднил ишпион Никол
кой Германии
де герман
талась
туройГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

17

ИДЕН

1999 г.

№ 547-427-99

163160, Москва, К-160, Колосов пер. 2/1

Гражданин (ка)

Год и место рождения

Национальность

Место работы и долж

Дата ареста

Когда

КУРТ РИСС

327, 8(8)
p-54ТОТАЛЬНЫЙ
ШПИОНАЖ

ФАЛЬШИВКА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Г. ВЛАДИМИРСКОГОПРЕДИСЛОВИЕ
Д. ЗАСЛАВСКОГОБИБЛИОТЕКА
Инв. № 2056РФ «О реабилитации
октября 1991 года
реабилитирован (а).может служить основой
и, идущих вразрез с
и обязательствами.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

бывшего начальника военной контрразведки
(Абвер-3) генерал-лейтенанта фон БЕНТИВЕНИ Франца

от 25 января 1946 года.

БЕНТИВЕНИ Франц, 1896 года рождения,
г. Потсдам (Германия), немец, из семьи
дети, подданный Германии, беспартийный
разование в школе, женат, в германской
ми с 1915 года, участник первой миро
войны. С 1939 по 1943 год начальник
манской военной контрразведки (Абвер-
последняя должность - командир 81 гер
пехотной дивизии, генерал-лейтенант.ВОПРОС:- Вы знаете полковника германской разведывательной
он НИКОЛАИ?
ОТВЕТ:- Лично я полковника НИКОЛАИ не знал
дел. НИКОЛАИ мне известен как бывший
разведки периода первой
1918 году.ПОДПИСАНИ ИЗ КАРТЫ КУРТА РИССА
"ТОТАЛЬНЫЙ ШПИОНАЖ"БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2056

И. П. Коп

«... Мама Карл приняла меня в туалете, который явно демонстрировал ее желание "завоевать" меня. Она была разочарована, и наша встреча завершилась тем, что она буквально вытаскила у меня сто тарок, которые я отдал ей просто из соображения...»

Из дневника Вальтера Николаи
Западный фронт, март 1916 года

«7 сентября 1945 года я был арестован и допрошен по какой-то книге журналистского характера под названием "Шпионаж" о моих связях с немецкими шпионами...»

Из рукописи Вальтера Николаи
"Разведка 1900-1945 гг.
Обобщенный опыт."

Спецобъект Министерства
государственной безопасности
СССР. Серебряный бор, июль
1946 года.

Неизвестная война